

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАРТИИ
в системе
ДИКТАТУРЫ
МОНОПОЛИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Эта книга о партийных системах современного империалистического государства. В ней идет речь о роли буржуазных и реформистских партий, союзов предпринимателей, о так называемых группах давления. Идеология, программы, организационная структура буржуазных и реформистских партий, их связи с государственным механизмом, формы и методы их приспособления к интересам монополий — все это подробно исследуется в книге. Привлечен обширный материал, относящийся к государству, праву, истории, философии, политике, экономике. Наряду с рассмотрением проблемы в целом в книге имеются специальные разделы, посвященные крупным империалистическим государствам: США, Англии, Франции и ФРГ. Комплексное исследование такого рода впервые выходит в свет.

Книга рассчитана на юристов, государствоведов, историков, философов, научных работников и студентов, а также на пропагандистов и широкий круг читателей.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

**П А Р Т И И
В С И С Т Е М Е
Д И К Т А Т У Р Ы
М О Н О П О Л И Й**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

Настоящая книга представляет собой второй из трех томов, посвященных общей теме: «Современное империалистическое государство», разрабатываемой сектором современного буржуазного государства и права Института государства и права Академии наук СССР. В 1963 г. вышел первый том: «Империалистическое государство и капиталистическое хозяйство». Готовится к печати третья книга: «Конституционный механизм современного империалистического государства».

Книга «Партии в системе диктатуры монополий» подготовлена коллективом авторов:

доктор юридических наук *И. Д. ЛЕВИН* — Общая характеристика роли партий и предпринимательских организаций в системе диктатуры монополий;

кандидат юридических наук *В. А. МАМАЕВ* — Партии и предпринимательские организации в Соединенных Штатах Америки;

кандидат юридических наук *С. Г. ФЕДОРОВ* и кандидат экономических наук *В. П. ГЛУШКОВ* — Партии и предпринимательские организации в Великобритании;

кандидат исторических наук *Ю. И. РУБИНСКИЙ* — Партии и предпринимательские организации во Франции;

кандидат юридических наук *Ю. П. УРЬЯС* — Партии и предпринимательские организации в Федеративной Республике Германии.

Ответственный редактор
доктор юридических наук *И. Д. ЛЕВИН*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение современного буржуазного государства включает исследование роли буржуазных партий, предпринимательских союзов и объединений, а также других групп давления как орудий подчинения государственного механизма контролю монополий и сращения этого аппарата с монополиями. Этим определяется содержание настоящего тома.

Монополистический капитал использует буржуазные партии не только в целях подчинения себе государственного аппарата, но и как орудие идейного подчинения и порабощения масс. В этой идеологической обработке масс наряду с партиями, предпринимательскими союзами (и самим государством) активную роль играют многочисленные буржуазные общественные организации (церковные, религиозные, «благотворительные» и другие бесчисленные ассоциации, клубы, ложы и т. д. и т. п.— имя им легион). На этом же поприще подвизаются частные компании, монополизировавшие печать, радиовещание, телевидение, издательское дело, кино. Все эти организации входят в систему буржуазной диктатуры в широком смысле. Однако исследовать все их в рамках данной работы невозможно. Авторы вынуждены ограничиться рассмотрением тех организаций, которые непосредственно связаны с государством и государственным механизмом, воздействуют на данный механизм и приводят его в движение. Сюда относятся политические партии (буржуазные и реформистские), предпринимательские союзы и монополистические объединения. Нельзя также пройти мимо тенденции правых профсоюзных руководителей включать профсоюзы в систему диктатуры буржуазного государства («интеграция» профсоюзов). В центре внимания все же остается вопрос о роли буржуазных партий в системе диктатуры монополистического капитала.

Всестороннее комплексное изучение партий буржуазного государства, их социальных связей, их возникновения и истории, их роли в общественной жизни, форм их деятельности, методов воздействия на массы и т. д.— это общая, назревшая задача государствоведов, историков, публицистов, социологов, философов, даже психологов. В настоящем томе, подготовленном Институтом государства и права Академии наук СССР, основное

внимание, естественно, уделено той стороне этого сложного общественно-политического феномена, которая обращена к государству. Сюда относятся такие вопросы, как использование партий монополистическим капиталом в качестве орудия своей диктатуры, организационная структура партий, связи партий с отдельными звеньями государственного механизма. Выход за эти рамки допускался лишь в той мере, в какой это было необходимо в интересах цельности и полноты изложения вопроса. Авторы надеются, что проведенная ими работа послужит толчком к развертыванию советскими учеными различных специальностей комплексной разработки вопросов, связанных с темой настоящего тома.

Раздел I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОЛИ ПАРТИЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ДИКТАТУРЫ МОНОПОЛИЙ

Глава I

Буржуазные и реформистские партии в системе диктатуры монополий

Борьба классов, составляющая основное содержание политической жизни буржуазного общества и государства, находит яркое выражение в борьбе партий. В. И. Ленин писал: «Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий»¹. С борьбой партий связано разрешение главного вопроса политики — вопроса о власти. Власть — основной объект борьбы классов и партий.

В современном империалистическом государстве власть господствующего класса, монополистической буржуазии, осуществляется, как правило, через правящую партию.

Партийная система стала органической частью всего государственного механизма, механизма власти, причем характер партий и характер политического режима взаимно определены и взаимно обусловлены. Даже буржуазные государствоведы (Дюверже, Бурдо, Рамни, Лабадэр и многие другие) признают, что изучение государственноправовых институтов без учета роли партий дает совершенно искаженную картину действительности, что партийная система в большей степени обрисовывает характер политического режима и его физиономию, чем классическое конституционное право².

Характер партийной системы в значительной мере определяется методами установления диктатуры. В условиях открытой террористической диктатуры фашистского типа власть сосредоточена в руках одной партии монополистического капитала, не терпящей существования рядом с собой других, даже буржуазных партий. Происходит полное сращивание правящей партии с государством, превращение этой партии в составную часть государственного аппарата военной агрессии и жестокого подавле-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 112, стр. 137.

² См. например: F. P. Hall, P. S. Sikes, J. E. Stoner, F. D. Wort h. American National Government. Law and Practice. New York, 1949, p. 194.

ния трудящихся масс. Фашистская партия — слепое орудие в руках «вождя», ставленника самых реакционных кругов буржуазии, это банда наемников, готовая совершать любые преступления ради осуществления человеконенавистнических замыслов и планов. Ее функция — кровавые расправы с инакомыслящими и особенно с левыми или «расово неполноценными» элементами, диверсии, провокации, слежка за населением; эта партия составляет организующую силу всего режима диктатуры, ее военно-полицейского и административного аппарата. Фашистские партии построены по «вождистскому» принципу, на началах строгой иерархии и военной дисциплины. Такой характер имела нацистская партия гитлеровской Германии, фашистская партия в Италии времен Муссолини, такой характер сохраняют фалангистская партия в франкистской Испании, Национальный союз в салазаровской Португалии.

Другой метод буржуазной диктатуры — метод частичных уступок и реформ. Для него характерна многопартийность в широком смысле.

Тут диктатура монополистического капитала не отождествляет себя с одной партией, а осуществляется через несколько партий одновременно (коалиция) либо по очереди (смена партий у власти). Главная (хотя и не единственная) арена деятельности партий — парламент, а периоды их наибольшей активности — избирательные кампании.

Наличие нескольких легальных партий означает, что правящий монополистический капитал допускает существование и деятельность партий, представляющих различные классы буржуазного общества, а также различные фракции самой буржуазии, не имея возможности применять методы открытой диктатуры из-за сопротивления масс или других фракций буржуазии или не считая, что это целесообразно и необходимо. Опираясь на свою экономическую мощь, связи с государственным аппаратом и используя все идеологические средства воздействия на массы, монополистический капитал безраздельно господствует и при многопартийности, которая к тому же дает возможность прикрывать это господство демократическими формами. Но когда в силу обострения внутренних противоречий капитализма монополистический капитал оказывается уже неспособным удерживать власть парламентскими методами, он отбрасывает эти методы, а вместе с ними и многопартийность, переходя к методам открытой тоталитарной диктатуры.

Поскольку многопартийность служит не только прямым орудием, но также и *прикрытием* диктатуры монополий, постольку «режим партий» как некая, пусть урезанная и ограниченная форма демократии, отличается от открытой террористической диктатуры и предполагает существование известных буржуазно-демократических прав и свобод. Недаром «режим партий» из-

давна служил жупелом и мишенью для яростных нападок со стороны наиболее реакционных кругов буржуазии и особенно монополистического капитала. Партии-де являются фактором распада и раскола «нации» и «национальной общности» на враждующие группировки, преследующие свои «эгоистические» интересы, они парализуют своими склоками деятельность государственного механизма; нередко ссылки на коррупцию партийных лидеров и т. д. Разумеется, практика буржуазных партий дает достаточно обильный материал для любой критики, но буржуазная критика использует этот материал не для того, чтобы раскрыть подлинную политическую действительность, а для того, чтобы исказить ее, смешивая и отождествляя явления совершенно различного порядка (так, беспринципные интриги и склоки карьеристов-политиканов, с одной стороны, и борьба народных масс и рабочего класса, с другой, рассматриваются как проявления «группового эгоизма» и т. п.). А цель этой критики и политики под видом ликвидации «раскола» и «эгоизма» обосновать установление режима, который воплощает произвол эгоистической, преследующей узкокорыстные цели горстки магнатов капитала.

Многopартийность, как уже было сказано, отражает как противоречия между классами, так и расхождения между отдельными фракциями, прослойками одного и того же класса. Поэтому и к борьбе партий за власть необходимо подходить конкретно, различая основные, первичные факторы, с одной стороны, и вторичные, производные — с другой. Основной фактор — борьба за власть между партиями, представляющими различные классы, и в первую очередь антагонистические классы — буржуазию и рабочий класс. Вторичный и производный факт — конкурентная борьба партий, представляющих различные социальные или политические группы в пределах одного и того же класса.

Смешение этих факторов характерно для буржуазной политической науки «либерального» направления, которая в любой драке между партиями усматривает проявление подлинной демократии, якобы обеспечивающей народным массам полную возможность отстаивать свои интересы и приводить к власти своих «настоящих» представителей.

Между тем в действительности нередко имеет место лишь показная борьба, рассчитанная на обман масс, или беспринципная склока. С другой стороны, как мы видели, это отождествление используется для критики многopартийности с правых, фашистских позиций.

Как будет видно из дальнейшего, даже те партии, которые представляют интересы немонополистической буржуазии или мелкой буржуазии, или даже отдельных слоев рабочего класса, сохраняя известную социальную и классовую специфич-

ность³, в значительной мере приноравливаются к интересам монополистической буржуазии, проводят в жизнь ее основные требования, и самое главное, полностью стоят на позициях защиты общественного строя, обеспечивающего экономическое и политическое господство монополий. Что же говорить о партиях, представляющих интересы различных групп монополистов или различные точки зрения по вопросу о методе и тактике защиты устоев монополистического капитализма, или, наконец, о различных кликах политиканов, оспаривающих друг у друга в интересах личной карьеры право на представительство одного и того же господствующего класса?

Борьба в лагере буржуазных партий (мы можем присоединить к ним, с несущественными оговорками, также и мелкобуржуазные и правосоциалистические партии), так же как и смена этих партий в правительстве, не затрагивает экономической власти монополий — подлинной реальной основы их политической власти. Она не ставит под вопрос политическую власть буржуазии и политическую гегемонию монополистического капитала и лишь в отдельных случаях может означать временный переход от прямой формы господства монополий к непрямым, косвенным формам и методам, рост политического удельного веса (или силы давления на правящие круги) того или иного класса или социальной группы.

Более того, в ряде случаев эта борьба уже сама по себе служит методом *укрепления* власти господствующего класса путем обновления политического руководства и дезориентации масс. Маркс еще в середине прошлого века отмечал, что олигархия увековечивает свое господство, выпуская власть из одной руки, для того, чтобы подхватить ее другой⁴.

Эта борьба не задевает (или затрагивает лишь в самой слабой степени) *основные орудия* диктатуры монополистической буржуазии — военно-полицейский, бюрократический и судебный аппарат. Аппарат подавления масс, агрессии и обслуживания экономических интересов монополий поставлен вне сферы игры партийной политики, составляя постоянный и прочный костяк буржуазной диктатуры. Буржуазная верхушка все теснее и непосредственнее — минуя партии — срачивается с этим аппаратом. Смена партий у руля правления в лучшем случае приводит к некоторым персональным передвижкам, цель которых уделить сторонникам данной партии заслуженную ими долю в казенном пироге; эта смена не отражается на классовом характере и антинародной сущности этого аппарата.

³ Эту специфичность нельзя игнорировать, так как именно она обуславливает то, что при известных обстоятельствах, под давлением рядовых членов и избирателей, данная партия бывает вынуждена выступать против тех или иных аспектов политики монополистического капитала.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11, стр. 372.

Таким образом, в процессе борьбы в лагере буржуазных, мелкобуржуазных и правосоциалистических партий ставится и решается не вопрос о власти в коренном и принципиальном смысле (хотя втянутые в эту борьбу массы нередко придают ей такое значение), а вопрос о том, какая именно группа политических деятелей должна и наиболее пригодна при данном соотношении сил в классовой борьбе и на политической арене в целом осуществлять через правительство и парламент функции руководства внешней и внутренней политикой в рамках государственной организации власти господствующего класса.

Этот вывод не должен вести к недооценке роли партий и значения борьбы партий в современном империалистическом государстве. Политическая власть всегда осуществляется и может осуществляться лишь конкретными носителями воли, конкретными представителями господствующих классов. Партии до сих пор являются важным и незаменимым в условиях парламентаризма инструментом подбора и выдвижения этих представителей для осуществления власти в соответствии с общей политической обстановкой. В то же время наличие партий дает возможность правящим классам придавать этой операции демократическую видимость, изображать ее как «свободный» выбор и волеизъявление народа. Как уже отмечалось, партии служат не только орудием власти, но и прикрытием власти буржуазии.

Некоторые исследователи считают, что в современных условиях, т. е. с середины пятидесятых годов текущего столетия, роль партий резко уменьшается в связи со свертыванием демократии и падением роли парламента. Такое явление действительно имеет место там, где функции парламента не только фактически, но и юридически урезаны или где существует личная власть, возникающая не на базе парламентского большинства, например во Франции. Здесь господствующие монополии, прибегнув к прямому военному давлению и использовав смятение и замешательство в широких кругах населения, сумели добиться фактической ликвидации парламентаризма и установления режима личной власти. В этих условиях старые буржуазные партии (включая и социалистическую) оказались ненужными, а в некотором смысле даже помехой. Состав правительства и его политика определяются волей верховного правителя, тесно связанного с монополиями, непосредственно опирающегося на военно-полицейский аппарат. Впрочем, и во Франции новый режим, бросив открытый вызов старым партиям, в порядке приспособления к формальным остаткам парламентарного строя и выборов вынужден был создать новую партию и приложил все старания, чтобы обеспечить ей искусственное большинство в парламенте. В тех же государствах, где господствующий класс не может провести серьезного юридического ограничения прав парламента или установить режим личной власти, или не видит в

этом необходимости и где речь идет о *фактическом*, но юридически не оформленном свертывании парламентских институтов, там партийный механизм как раз и используется для этого фактического урезывания прав парламента, для установления фактического контроля правительства над парламентом. В этом случае роль партийной системы даже возрастает за счет снижения роли самого парламента.

Нельзя также говорить об общем снижении роли партий в связи с ростом значения и расширением активности непосредственных монополистических объединений. Буржуазное государство все «теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов...»⁵. Этот процесс особенно усиливается в условиях государственно-монополистического капитализма (см. ниже). В ряде стран (особенно в США) мощные союзы предпринимателей и другие организации монополистического капитала устанавливают непосредственную связь с правительственными и административными органами и оказывают серьезное влияние на их деятелей, минуя партии. Однако для контроля над деятельностью парламента и воздействия на депутатов все же приходится использовать авторитет руководящих органов парламентских фракций и действовать через партийный механизм. Лоббисты теснейшим образом связаны именно с лидерами фракций, с партийными комитетами в парламенте (конгрессе) и т. п.⁶ Правильно отмечает польский исследователь «групп давления» С. Эрлих: «Партии служат группы интересов в качестве своего рода предмостного укрепления, с которого разворачивается собственно политическое наступление. Без овладения таким плацдармом, достижение целей наступления в политической системе опирающейся на деятельность партий, было бы весьма затруднено»⁷. Таким образом, рост роли «групп давления» и их непосредственных связей с правительственными кругами в тех странах, где парламент сохранил свои формальные права решающего законодательного органа, сопровождается также ростом их связей с парламентским аппаратом партий.

Необходимо иметь также в виду, что организации и объединения предпринимателей могут выставлять своих кандидатов, как правило, лишь как кандидатов той или иной партии, используя партийные ярлыки в качестве прикрытия. Даже в США, где власть монополистических объединений в государственной жизни

⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 355.

⁶ «Происходят частные консультации между лидерами интересов и действительными партийными лидерами — официальными или неофициальными — по вопросам законодательной и административной политики» (W. Anderson and E. Weidner. American Government. New York, 1955, p. 428). Уильямс отмечает, что «крупные интересы оказывают давление не на индивидуальных депутатов, а на партии и их фракции» (Ph. Williams. Politics in Post-War France. 1958, p. 328).

⁷ St. Ehrlich. Grupy nacisku. Warszawa. 1962, str. 74.

выступает с наибольшей обнаженностью и наиболее значительна, на выборах эти организации не могут действовать иначе, чем через партии.

Партии не являются основными и непосредственными носителями политической власти. Таковы прежде всего правительство, представляющее собой фактически орган исполнительной и законодательной власти, а при нем в качестве содействующего органа и парламент. Но в условиях парламентарных стран партии и их механизм — это средство обеспечения образования парламента и правительства, соответствующих видам монополий и удобных им. Парламент, за исключением весьма небольшого числа «независимых» депутатов, состоит из членов партий, организованных в партийные фракции. Правительство состоит из членов партий, имеющих большинство в парламенте, или, как в США, из членов партии, победившей на президентских выборах. Состав правительства непосредственно определяется руководящими органами этой партии или партий, т. е. партийной олигархией, тесно связанной с монополистическим капиталом. Монополистический капитал пускает в ход партийный механизм и тогда, когда это нужно, чтобы обеспечить контроль над деятельностью парламента после парламентских выборов и образования правительства. Поскольку монополистический капитал непосредственно представлен в правительстве и парламентской фракции или непосредственно связан с ними, он отнюдь не заинтересован в слишком сильной зависимости правительства и депутатов от внепарламентских коллегияльных органов самой партии или, тем более, от партийной массы. Преобладающей можно считать как раз обратную тенденцию. Поэтому даже тогда, когда данная партия находится у власти, это отнюдь не означает, что рядовые члены партии или даже ее выборные органы становятся решающей политической силой. И во Франции Пятой республики, и в ФРГ, и в США, и в Англии как правительство, так и парламентская фракция в своей деятельности мало считаются или даже почти не считаются с пожеланиями партийных съездов или других выборных органов партий. Они склонны рассматривать себя как наиболее авторитетных представителей своих партий. Дело обстоит так, что не правительство или фракция являются орудиями партии, а напротив, партия служит орудием правительства и парламентской фракции, представляющими собой власть монополий в наиболее концентрированном виде. И партийная дисциплина используется не как орудие партии против нарушивших партийную линию правительства или фракции, а как орудие правительства и руководства партийной фракции против рядовых членов партий или отдельных непослушных функционеров, депутатов, министров и т. п.

Иногда, чтобы оградить независимость министров — членов партии от давления рядовых членов партии, а саму партию от

ответственности за непопулярные действия этих министров, выдвигается фикция, будто данные члены партии входят в правительство, хотя и с разрешения партийного руководства, но не как представители партии и поэтому партия не несет ответственности за их действия. Это дает возможность буржуазным партиям и «капитал приобрести и невинность соблудности».

Необходимо учесть, что сплошь и рядом буржуазные партии образуются в самом парламенте, рождаются из парламентских фракций, образуемых депутатами или группами депутатов или из избирательных комитетов. В этих случаях независимость фракций от внепарламентских органов максимальная.

В вопросе о взаимоотношениях между правительством и фракцией, с одной стороны, и выборными партийными органами — с другой, имеется некоторое различие в оттенках между открыто буржуазными и правосоциалистическими партиями. В то время как в первых правительство и руководство фракции фактически поглощают партийное руководство и являются полными хозяевами в партии (разумеется, в тех случаях, когда речь идет о правящей партии), в последних, ввиду глубоко укоренившегося и все более усиливающегося недоверия рабочих, рядовых членов этих партий к лидерам, занимающим министерские и другие высокие посты в государстве, а также учитывая приверженность масс к лучшим традициям рабочего движения, руководство вынуждено внешне обставать дело таким образом, будто министры и руководители парламентской фракции так же, как и сама фракция, находятся под неусыпным контролем выборных органов партии и им подчинены. В действительности, однако, этот контроль довольно слабый и неэффективный⁸. К тому же, как правило, министры и руководители фракций занимают руководящее положение в самих органах партии и без труда добиваются санкционирования ими правительственной политики. В исполкоме лейбористской партии Великобритании члены парламентской фракции составляют большинство. По мере расширения и все большего распространения практики министерализма среди правосоциалистических партий контроль выборных партийных органов становится все слабее.

Таким образом, при рассмотрении роли партий в современном государстве монополистического капитала необходимо в полной мере учитывать и *границы* их влияния на политику государства. Используя партийную систему в определенных целях,

⁸ Так, утверждает Дюверже, во Франции подчинение депутатов-социалистов контролю партии чисто иллюзорное (M. Duverger. Les Partis politiques. Paris, 1955, p. 22). Официальные справочники лейбористской партии прямо подчеркивают «автономность» парламентской фракции, отмечая, что между последней и исполкомом имеют место юридические консультации. Однако, исполком «не обладает властью над министрами и членами парламента» (R. T. MacKenzie. British Political Parties. London, 1955, p. 452).

монополистический капитал, учитывая специфический характер партий как организаций, охватывающих представителей различных слоев населения и испытывающих на себе давление масс избирателей, стремится ввести их деятельность и влияние в строго очерченные рамки. Необходимо предостеречь от преувеличения роли партий в современном империалистическом государстве, столь характерного для буржуазной политической науки.

В современных условиях буржуазные партии выполняют на службе монополий разнообразные, но вполне конкретные задачи.

Многие современные буржуазные ученые, отмечая разнообразие функций партии в современном государстве, уже не могут ограничиваться старыми стандартными характеристиками партий как организаций, создаваемых для выдвижения и проведения своих кандидатов в органы власти. Отмечается такая функция партий, как «организация хаотической общественной воли», «интеграция индивида в государство», «воспитание политической ответственности в индивиде»⁹.

Здесь, в кривом зеркале буржуазной науки, отражены действительные функции современных буржуазных партий — фальсификация народного волеизъявления на выборах и в самих представительных органах, введение политической активности индивида в русло буржуазной государственности, идеологическая обработка масс в угодном для правящих классов духе.

Действительные задачи партий могут быть сведены к следующим.

1. Обеспечение избрания в парламент под видом общенародных представителей представителей монополий путем подбора и выдвижения кандидатов, соответствующей обработки избирателей, проведения избирательных кампаний, т. е. манипулирования избирательной машиной, контроля над волеизъявлением избирательного корпуса.

В условиях парламентарного строя это одно из главных средств, обеспечивающих образование парламента и правительства, соответствующих видам монополий.

2. Обеспечение согласованных действий депутатов в соответствии с требованиями монополий, т. е. контроль над деятельностью парламента со стороны монополий через руководящие органы партий, направляющие деятельность парламентских фракций и тесно связанные с правительством, а иногда и составляющие самое правительство.

3. Поддержание постоянных контактов монополий с самим правительством, в частности путем обеспечения личной унии руководителей монополий, руководителей партий и членов правительства, гарантирующей интересы монополий как при выра-

⁹ «Modern Political Parties». Chicago, 1957, p. 397.

ботке принципов государственной политики, так и в повседневной деятельности правительства, например, в экономической области, т. е. при регулировании экономики в интересах монополий, раздачи субсидий, заказов и т. п.

4. Укрепление основ диктатуры монополий путем идеологической пропаганды через печать, радио, организации публичных выступлений, митингов, съездов, демонстраций, издания «разъяснительной» литературы, агитации в массах, осуществляемой «активом» партий и т. д. Систематический обман и дезориентация масс особенно важны в современных условиях, характеризующихся все более широким распространением в массах идей марксизма-ленинизма и антикапиталистических настроений.

В этих условиях в идеологическую борьбу активно включается и само государство через специально создаваемые органы, школы, армию, в ней участвует церковь, различные религиозные организации и многочисленные частные организации — «независимая» печать, издательства и т. д. Далеко не последнюю роль в идеологической борьбе играют партии.

Все отмеченные задачи приобретают особое значение в условиях государственно-монополистического капитализма и развития экономической функции государства. Монополистический капитал заинтересован в максимальном использовании любых каналов и средств для подчинения интересам монополий деятельности всех звеньев государственного аппарата, и в частности его деятельности в области экономики. В то же время превращение буржуазного государства в комитет по управлению делами монополистической буржуазии, усиление угнетательского и олигархического характера этого государства, сужение его социальной базы при росте активности и сознательности масс вызывают необходимость в использовании самых разнообразных средств маскировки подлинной классовой сущности этого государства. Одно из средств такой маскировки — изображение современного буржуазного государства как «государства партий», государства с «партийным правлением». Недаром некоторые новейшие конституции, отнюдь не наиболее демократические, вроде боннского Основного закона, вводят партии как необходимый политический институт «современной демократии», а некоторые теоретики (например, Файнер) рассматривают партии, наряду с избирательным корпусом, парламентом, кабинетом и главой государства, как часть государственного механизма, выполняющего функцию «принятия решений»¹⁰.

Буржуазные ученые и политики, апологеты буржуазной демократии и капитализма, ставят знак равенства между «представительным правлением», «правлением большинства»,

¹⁰ Н. F i n e r. Theory and Practice of Modern Government. New York, 1949, p. 107, 115.

«правлением партий» и массовой демократией¹¹. Они отождествляют многопартийность с политической свободой и суверенитетом народа, поскольку — как они утверждают — современные массовые партии воплощают в полной мере волю народа во всем многообразии его социальной структуры и превращают государственные органы в орудие власти народа.

Современная буржуазная наука уже не может отрицать социальный базис партий, она признает, что партии — это промежуточная среда, связывающая социальные силы и их идеологию с государственными институтами¹². Правление партий, утверждает она, даже приближает современное государство к непосредственной демократии, так как оно представляет собой нечто вроде «постоянного плебисцита»¹³.

Признавая на словах социально-классовые связи отдельных партий, буржуазная наука в то же время восхваляет многопартийность как таковую, т. е. возможность выбора между партиями и самый факт наличия в резерве альтернативного правительства. Она отвлекается при этом как от фактических условий избирательных кампаний, от монополизации буржуазией средств пропаганды и идеологической обработки избирателей, так и от юридических «деталей», таких, как запрещение или отстранение от выборов партий, представляющих самый многочисленный класс населения — рабочий класс, и, наконец, от того факта, что «различные буржуазные партии обычно представляют собой лишь различные фракции господствующей буржуазии»¹⁴. Между тем совершенно ясно, что запрещение или ограничение представительства рабочей партии не только несовместимо с элементарными принципами демократии, но и вообще лишает буржуазную демократию реального значения для трудящихся масс.

Буржуазные ученые «выходят из положения», объявляя партии монополистического капитала надклассовыми или всенародными партиями, якобы представляющими интересы всех классов, так как эти партии собирают на выборах миллионы голосов, среди их членов или избирателей имеются рабочие, крестьяне, ремесленники и т. д. Подобные примитивные приемы, однако, никого не могут ввести в заблуждение.

В. И. Ленин писал: «Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентариз-

¹¹ G. B u r d e a u. *Droit Constitutionnel et Institutions Politiques*. Paris, 1947, p. 140; R. A. D a h l. *A Preface to Democratic Theory*. Chicago, 1956, p. 73; H. F i n e r. *Theory and Practice of Modern Government*. New York, 1943, p. 360. Подробнее см. И. Д. Л е в и н. Современная буржуазная наука государственного права. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 218 и сл.

¹² «Modern Political Parties», p. 396.

¹³ Ibid., p. 397.

¹⁴ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, Госполитиздат, 1962, стр. 252.

ма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглирования модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»¹⁵.

Для решения вопроса о том, кого представляет данная партия, необходимо прежде всего посмотреть *за кого* голосуют и *кого* выбирают избиратели, отдающие ей свои голоса. И тогда обнаруживается, что среди депутатов, членов таких «всенародных» партий, как республиканская или демократическая партия США, нет ни одного рабочего, хотя рабочие составляют большинство населения страны, что эти депутаты в своем подавляющем большинстве прямо или косвенно связаны с различными капиталистическими группировками. Мы не говорим уже о таком безошибочном критерии для распознавания классовой сущности партий, как их практика, их дела, то, чьи интересы они защищают на деле, а не на словах, все то, что показывает, насколько «эти партии действительно отвечают настроению, желаниям, интересам, воле тех групп населения, которые их выбирают...»¹⁶. А дела эти говорят сами за себя.

К этому надо добавить еще, что, как признают и буржуазные ученые, «правление партий» в действительности означает правление партийных олигархий и что — об этом буржуазные ученые предпочитают умалчивать — эта партийная олигархия совпадает с финансовой олигархией или тесно связана с ней по всем линиям: по линии образования правительства, осуществления правительственных и законодательных функций, определения политики государства и т. д.

Буржуазная наука, заявляя, что многопартийность обеспечивает представительство и интересы всех классов, в то же время постоянно возвращается к одному излюбленному мотиву, находящемуся в явном противоречии с первым положением: партийная система функционирует хорошо и нормально при условии хотя бы относительной однородности партий, их согласия в основных вопросах общественного и государственного строя. Они ссылаются при этом на пример бесперебойного и безотказного функционирования демократического конституционного механизма в США и Англии¹⁷. Но как согласовать такое утверждение с маккартизмом, законом Маккарэна, дискриминацией негров в США, преследованием сторонников мира в Англии? А главное: не служат ли подобные утверждения теоретическим обоснованием для ликвидации многопартийности в том случае, когда партии *разойдутся* в этих основных вопросах?

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 176.

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 293.

¹⁷ См., в частности: «Modern Political Parties», p. 396.

Противоречивые, плохо согласованные между собой утверждения буржуазной политической науки по существу ведут к вполне определенному выводу, который как раз и нужен правящим классам: последние, используя «правление партий» в своих интересах, заблаговременно подготавливают отказ от него, если оно станет недостаточно гибкой и надежной формой их диктатуры.

Что касается институционализации партий в современном буржуазном государственном праве, юридического оформления их роли в государственном механизме, то ее основная задача — создать видимость юридических гарантий мнимой «массовой демократии», якобы осуществляемой через буржуазные и реформистские партии. В этих целях, например, боннская конституция узаконяет партии как организации, «содействующие оформлению политической воли нации», требует, чтобы внутренняя их организация соответствовала демократическим принципам, а также требует опубликования ими отчетов об источниках их средств. В ряде штатов США регламентируется структура партий, порядок проведения ими первичных выборов и т. п.

Чисто формальный и фиктивный характер этих положений очевиден. Данные, приводимые в этой книге, покажут, что буржуазные партии содействуют не формированию, а деформации политической воли народа, что заправляет ими олигархическая верхушка и что публикуемые ими финансовые отчеты представляют собой грубую фальсификацию. Зато отнюдь не фиктивно, хотя и прикрито благовидными фразами об охране основ свободного демократического порядка, право объявлять противоконституционными неугодные партии. Это право было использовано в ФРГ как раз против партии, выражающей подлинные интересы народа, построенной на подлинно демократических началах и не имеющей никаких средств, кроме взносов из трудовых доходов рабочих, — Коммунистической партии Германии. Это «право» используется сейчас и в США для преследования и запрещения коммунистической партии.

В других случаях цель законодательного признания партий — установить известные «правила игры» парламентских партий, причем в отношении боевых пролетарских партий эти правила либо прямо нарушаются, либо уже заранее устанавливаются с расчетом на ущемление прав этих партий. Таковы, например, правила об организации парламентских комиссий, об участии партий в выборах (особенно при пропорциональной системе), законы о двухпартийном составе отдельных федеральных ведомств в США и т. д.

Институционализация партий зашла, однако, гораздо дальше, чем можно судить по законодательным текстам. Ведь не только в Англии, но и в США конституционные соглашения, составляющие основную часть неписаной конституции, имеют впол-

не нормативный характер. А в этих соглашениях партии — главные действующие лица. В Англии конституционные соглашения устанавливают деление членов парламента в основном на две партии, образование правительства партией большинства, особое положение лидера оппозиции и т. д.; в США — выдвижение кандидатов в президенты конвентами двух основных партий, обязательное голосование выборщиков в соответствии с партийной принадлежностью и т. п. Все это свидетельствует о том, что в данных странах партийная система (и, в частности, двухпартийная система) стала органической частью системы диктатуры капитала. Гибкая регламентация этой системы конституционными соглашениями преследует цель обеспечить ее «нормальное» функционирование как необходимой части механизма формирования и согласования деятельности органов этой диктатуры, как необходимого средства дезориентации масс и торможения их боевой политической активности¹⁸.

Буржуазные партии играли, как известно, немаловажную роль в буржуазном государстве, особенно при парламентарных и буржуазно-демократических формах, и в домонополистическую эпоху. Правительство формировалось той или иной буржуазной партией, кандидат в президенты выдвигался той или иной партией, и победивший кандидат делил «добычу» между членами своей партии. В шестидесятых годах прошлого столетия в Англии Чемберлен создал партийную машину либеральной партии. И все же различие между ролью партии тогда и теперь весьма значительное.

В домонополистическую эпоху партии активно действовали преимущественно в период выборов — после выборов они не проявляли заметной активности¹⁹. Во время самой избирательной кампании наряду с кандидатами партий подвизались и «независимые» кандидаты. Да и депутаты, принадлежавшие к той или иной партии, были слабо связаны партийной дисциплиной и нередко голосовали в парламенте против своего же правительства. С другой стороны, пришедшее к власти правительство также не было связано какой-либо партийной программой.

В настоящее время дело обстоит иначе. Буржуазная партия, как правило, является постоянно действующей и в достаточной мере дисциплинированной организацией, через ее механизм правительство постоянно контролирует деятельность парламента, ее руководящие органы и органы печати разрабатывают и

¹⁸ Институционализация осуществляется до конца в фашистском государстве, где она доходит до полного огосударствления правящей партии монополистического капитала и открытого включения ее в систему органов его террористической диктатуры.

¹⁹ Мы имеем в виду государства, в которых уже установилось полное господство буржуазии. Иначе обстояло дело там, где буржуазия еще боролась за власть. Точно так же мы не имеем в виду партий угнетенных национальностей, боровшихся за равноправие или политическое самоопределение.

формулируют политические установки партии и пропагандируют их среди избирателей.

Новое в характере и структуре буржуазных партий и партийной системы в целом, новые функции и задачи партий и должны привлечь наше особое внимание. В этом отношении наиболее характерны партии Англии, Италии, ФРГ и многих небольших государств. Особенностью партийной системы Англии является то, что здесь партийное руководство и правительство полностью совпадают, когда речь идет о консервативном правительстве и почти совпадают, когда речь идет о лейбористском правительстве. Иначе обстоит дело в США. В этой стране господство монополий выступает в наиболее откровенных, неприкрытых формах. Между обеими главными партиями не существует каких-либо серьезных политических расхождений. Связи между правительственными кругами и монополиями здесь наиболее тесные и прямые. Основные линии политики вырабатываются в тесном содружестве монополистической кликой и правительственной верхушкой, не подчиненной партийным органам (например, национальным комитетам партий). Роль партий в основном исчерпывается проведением избирательных кампаний и участием в «разделе добычи». Их роль в выработке и определении политики остается до сих пор сравнительно незначительной.

Впрочем, за последнее время эта роль все же до некоторой степени возросла. В частности, большое значение приобрели совещания президента с лидерами партийных фракций в сенате и палате представителей в целях проведения через конгресс выдвигаемых администрацией мероприятий. Поскольку правительственная партия или ее часть, поддерживающая данные мероприятия в палатах конгресса (в обеих или в какой-либо одной), иногда составляет меньшинство, эти совещания носят нередко межпартийный характер, чем опять-таки подчеркивается отсутствие принципиальных расхождений между партиями. При национальных комитетах партий образованы консультативные комитеты с участием наиболее авторитетных деятелей партии, формулирующие рекомендации по вопросам внутренней и внешней политики и т. п. Это свидетельствует о том, что и в США внутренняя обстановка в достаточной мере осложнилась.

Глава II

Приспособление партий к задачам диктатуры монополий

Осуществление отмеченных выше задач предполагает далеко идущее *приспособление* партий к запросам диктатуры монополий. Оно затрагивает как характер и содержание деятельности партий, так и их организационные формы и, наконец, всю систему партий в целом.

Для того чтобы в полной мере понять роль буржуазных партий в современном империалистическом государстве, необходимо остановиться на характере взаимоотношений между монополистическим капиталом и буржуазными партиями.

Было бы упрощением рассматривать современные буржуазные партии как непосредственные и прямые детища монополистического капитала. Многие из них, в частности английские и американские партии, возникли еще в домонополистический период. Те соображения, которые заставляют монополистический капитал держать в тени свои отношения с правительством, мешают также открытому выступлению монополистов на политической арене в роли основателей партии. Партия, открыто выступающая как рупор капиталистической олигархии, не может рассчитывать на серьезную поддержку не только трудящихся масс, но даже значительных кругов средних и мелких предпринимателей. Открытая связь с большим бизнесом непопулярна среди избирателей, ее часто избегают даже многие консерваторы — пишет Уильямс¹. Монополистический капитал действует иными средствами: он приспособливает к своим задачам и интересам существующие партии. Как правило, он не создает новых партий, а предпочитает опираться на существующие издавна партии, уже завоевавшие прочные позиции в политической жизни страны. Представители монополистического капитала, в отличие от феодальной аристократии и от промышленной буржуазии XIX в., не могут *афишировать* свое господство.

В тех же случаях, когда создаются новые партии — как это было, например, в Западной Германии, Италии и Японии после

¹ Ph. Williams. Politics in Post-War France. 1958, p. 381.

крушения существовавших там до конца второй мировой войны тоталитарных режимов,— монополии принимают закулисное участие в образовании таких партий, пользуясь услугами профессиональных политиков, играющих роль подставных лиц и обеспечивающих известную преемственность с ранее существовавшими партиями. При этом монополии щедро финансируют эти партии. Во всех случаях монополистический капитал исходит из вполне обоснованной уверенности в том, что все эти партии и их заправилы нуждаются в его финансовой поддержке не в меньшей степени, чем он — в их политической поддержке, и что потребность в деньгах рано или поздно приведет их в приемную правлений крупнейших концернов. Принципы «рука руку моет» и «do ut des» являются руководящими в политической жизни капиталистических стран, и в частности во взаимоотношениях между монополиями и партийными политиками.

Все буржуазные партии — представители своего класса и проникнуты его мировоззрением, но они могут представлять различные слои и фракции буржуазии и различные оттенки ее мировоззрения. Интересы этих слоев, так же как оттенки в мировоззрении, нередко расходятся. Эти расхождения могут отражать различные интересы отдельных слоев (например сторонники свободной торговли и сторонники протекционизма, сторонники «дирижизма» и сторонники невмешательства, приверженцы «общего рынка» и т. п.). Расхождения партий проявляются и в вопросе о том, какие методы более надежны в той или иной ситуации для сохранения капиталистического строя и господства буржуазии. Одни партии выступают как сторонники более гибких и либеральных, другие — более жестких и авторитарных методов. Некоторые буржуазные партии отстаивают более реалистический курс внешней политики, другие более склонны к авантюризму. Иногда, наконец, они выражают различия в традициях и идеологии, исторически сложившихся в тех или иных кругах (например, сторонники религиозной или светской школы и т. п.).

Если обратиться к истории образования партий в современном буржуазном обществе (с учетом того, что многое тут тщательно скрывается от глаз наблюдателя), то мы можем констатировать, что в ряде случаев партия возникает как прямое представительство конкретных экономических интересов и требований той или иной прослойки, в дальнейшем обрастая более общими политическими и идеологическими программами. Так, пужадисты во Франции организовались для защиты фискальных интересов мелких торговцев; «независимые» во Франции открыто выступают как представители предпринимателей (средних и отчасти крупных). К этой же категории можно отнести и различные «крестьянские» или аграрные партии, непосредственно представляющие интересы зажиточного крестьянства. Эти партии со-

здаются политически наиболее активными, а обычно также наиболее честолюбивыми представителями данных слоев.

В других случаях непосредственными инициаторами создания партий выступают политические деятели, принадлежащие к различным слоям буржуазии, и связанные с ними лица свободных профессий (адвокаты и журналисты, а в последнее время также инженеры, управляющие предприятиями и т. п.) и профессиональные политики, объединившиеся на базе определенной политической и идеологической платформы, соответствующей интересам представляемых ими слоев буржуазии (а в первую очередь — общей задаче сохранения существующего социального строя), и способной вместе с тем завоевать поддержку более или менее широких масс избирателей. Разумеется, эти инициаторы уже успели до «встречи» заручиться финансовой поддержкой крупнокапиталистической верхушки, иначе их инициатива была бы заранее обречена на неудачу.

В случаях, когда идеологическая платформа партии не имеет открыто выраженного классового характера, среди ее организаторов могут оказаться и лица, принадлежащие к более демократическим слоям, — мелкие служащие, ремесленники, а иногда даже и рабочие, находящиеся под влиянием этой идеологии. Так обстоит дело, например, с христианско-демократическими партиями (в Италии, Франции, Англии, ФРГ, Бельгии и др.) или с буржуазными партиями, отстаивающими светский характер государства и школы (как, например, французские радикалы), или буржуазно-националистическими партиями, апеллирующими к национальному чувству. Они, хотя и достаточно робко, добиваются частичного учета и своих интересов, разумеется, в рамках существующего строя. Такие идеологические построения и выдвигаются буржуазией в первую очередь в расчете на то, чтобы привязать возможно большую часть трудящихся к колеснице буржуазной диктатуры.

Если не всегда можно точно установить, насколько значительна была роль монополистического капитала в *возникновении* той или иной политической партии, то дальнейшие взаимоотношения между ними гораздо более прозрачны, несмотря на все попытки сторон затемнить картину. При рассмотрении этого вопроса отпадает необходимость делать различия между старыми и новыми партиями. Не подлежит никакому сомнению, что эти взаимоотношения весьма тесные, независимо от того, когда и при каких обстоятельствах образовалась та или иная партия — хотя они в отдельных случаях складываются по-разному и проявляются в различных формах, и не исключают известного влияния в партии и других прослойках буржуазии или мелкой буржуазии.

Во всех случаях первооснова этих взаимоотношений — финансы. Деньги — нерв политики. Для того чтобы добиться

успеха на выборах и создать крепко сколоченную партийную организацию, основатели и лидеры любой буржуазной партии нуждаются в огромных средствах, и эти средства в неограниченном количестве могут им предоставить лишь крупные корпорации. Недаром источники финансирования буржуазных партий держатся в глубоком секрете, что отмечают и многие буржуазные авторы. Правда, под давлением демократического общественного мнения и в демагогических целях некоторые конституции (например, боннская) обещают установить контроль над финансовыми средствами партий, а в некоторых странах законом установлена максимальная сумма «допустимых» расходов партий на избирательную кампанию. Однако все эти законодательные акты, по общему признанию буржуазных ученых, остаются на бумаге — на что они, впрочем, и рассчитаны². В ФРГ, несмотря на обещание, зафиксированное в самом Основном законе, вопрос о финансировании партий до сих пор не урегулирован в законодательном порядке. В США закон Хэтча об ограничении финансирования партий заслуженно стал предметом всяческих насмешек. Не применяются на деле и ограничительные законы, существующие в Англии. Возможности обходить эти законы слишком велики, и средства контроля над ними слишком неэффективны (поскольку речь идет о контроле со стороны аппарата буржуазного государства), чтобы их можно было принимать всерьез.

В связи с этим возникает характерное явление: во многих партиях наряду с «официальными», выборными лидерами — иногда лишь номинальными — существуют «реальные», т. е. подлинные хозяева партий, их настоящие боссы. Партии фактически контролируются мощными «группами интересов»³. В США нередко картина еще более сложная, так как сам местный босс нередко прикрывает собой еще более могущественных и еще более «настоящих» хозяев.

Монополисты подчиняют себе буржуазные партии и превращают их в послушное орудие своей политики. Степень и формы этого подчинения различны; они зависят от происхождения и социального состава партий и их руководства, а также от расстановки классовых сил в стране, от взаимоотношений между монополиями и другими слоями буржуазии.

Можно наметить несколько основных форм приспособления буржуазных партий к задачам диктатуры монополий, отражающих, в частности, и степень этого приспособления.

В ряде случаев монополистический капитал устанавливает свое полное и безраздельное господство в партии. Так обстоит

² См. ст. Ньюмена в «The Western Political Quarterly», vol. X, 1957, N 3.

³ D. D. Blaisdell. American Democracy under Pressure. New York, 1957, p. 144.

дело, например, в консервативной партии Англии и в республиканской партии США. Для этих партий характерно, что официальное руководство партий находится в руках непосредственных представителей монополий или ближайших их доверенных лиц из числа крупных землевладельцев, виднейших адвокатов, профессиональных политиков и т. п., нередко связанных с монополистами не только деловыми и общественными, но и тесными родственными узами. Надо отметить, что буржуазная наука, как и буржуазная статистика представляет в искаженном виде социальную сущность руководящих кадров партий, так как они рассматривают профессиональные или аналогичные им признаки абстрактно, вне связи с общей социальной структурой страны и реальными общественными отношениями. Они игнорируют тот факт, что юрист, журналист или профессиональный политик в силу своих социальных связей зачастую выступает как политически доверенное лицо или прямой ставленник крупного капитала, а вовсе не как представитель «нейтральной» профессии. Но связь руководства упомянутых партий с крупными концернами и с магнатами финансов и индустрии настолько очевидна, что она даже уже не скрывается.

Однако в Англии за консервативную партию, партию крупного капитала, ведущую свое происхождение от тори — партии землевладельческой аристократии и придворной знати, — голосует до пятнадцати миллионов избирателей, среди них миллионы мелких служащих, сотни тысяч фермеров и даже большое число рабочих, подлинными интересами которых находятся в непримиримом противоречии с интересами монополистической верхушки; именно благодаря умению обеспечить себе поддержку значительной части избирателей консервативная партия и является главной опорой диктатуры монополистического капитала в Великобритании.

Для того чтобы понять политическое «поведение» средней и мелкой буржуазии, необходимо учесть ее двойственное положение в современном буржуазном обществе. Интересы мелких буржуа, вообще говоря, резко расходятся с интересами монополистов, стремящихся поглотить их. Но страх за судьбу своей капиталистической собственности в случае победы рабочего класса и экономическая зависимость от монополий привязывает их к монополистическому капиталу. В рядах рассматриваемых сейчас партий мы находим ту часть немонополистической буржуазии, которая в силу отмеченных выше причин признала руководство крупного капитала, поддерживает его политику, получая взамен незначительные уступки и подачки в виде законодательства о «покровительстве» мелким и средним предприятиям и в виде некоторой доли в государственных заказах и т. п.

Имущие классы следуют крупнокапиталистическому руководству консервативной партии, так как они видят в крупном

капитале своего «естественного» вождя, а в его партии — главный оплот собственности против социалистической угрозы. Правда, часть средней и мелкой буржуазии Англии пытается сохранить относительную политическую самостоятельность, оставаясь верной либеральной партии, которая за последнее время даже несколько увеличила число своих избирателей. Однако особенности английской избирательной системы, при которой огромное большинство голосов, не поданных за одну из крупных партий, пропадает втуне, вынуждает и многих из тех, кто недоволен консервативной партией, голосовать за нее, если они не желают голосовать за «социалистов». К тому же эти слои все еще рассчитывают быть услышанными и внутри консервативной партии. Они представлены (правда, больше среди «заднескамеечников», чем в руководстве) и в парламентской фракции консервативной партии и на ее конференциях и т. п. Но удельный вес отдельных прослоек буржуазии в партии отнюдь не пропорционален числу ее представителей в парламентской фракции или даже в руководящих органах этой партии.

Состав фракции определяется многими обстоятельствами. Для того чтобы сплотить под своей эгидой различные слои имущих классов как главных союзников монополий в борьбе против рабочего класса, приходится предоставлять их представителям места в парламенте. Нередко желательны кандидатуры из числа «нейтральных» профессий, например врачи, учителя, с помощью которых завоевываются для партии голоса в том или ином избирательном округе. Немаловажную роль играют и финансовые соображения: весьма желателен такой кандидат, который не пожалел бы потратиться на избирательную кампанию, взяв на себя расходы по своему избранию, — и это не обязательно наиболее богатый, а скорее наиболее честолюбивый и щедрый. Необходимо и наличие определенных субъективных данных: общественно-политическая активность, умение «подойти» к избирателям и т. п. Но в самой фракции решающее значение имеет не численность, а экономическая мощь, которой обладает та или иная группа, ее личные и деловые связи с представителями более широких кругов буржуазии. Эта мощь и эти связи обеспечивают решительное преобладание в партии и парламентской фракции численно небольшой группы непосредственных представителей монополий — их ближайших доверенных лиц. Даже в тех отдельных случаях, когда рядовые буржуазные депутаты голосуют против тех или иных мероприятий, ущемляющих интересы немонополистической буржуазии, они все же не покушаются на позиции партийного крупнокапиталистического руководства. Разумеется, чтобы упрочить эту гегемонию, необходимы и временные компромиссы с представителями более широких кругов буржуазии — компромиссы, в искусстве которых английская буржуазия давно набила себе руку.

Вместе с тем консервативная партия, как и всякая буржуазная партия, в настоящее время пытается утвердить свое влияние и в части рабочего класса, с наиболее отсталым классовым самосознанием и наиболее обуржуазившейся, а также среди рабочей бюрократии. Она идет в этом отношении гораздо дальше, чем «народный торизм» эры Дизраэли. Да это и понятно: тогда консервативной партии противостояла другая такая же буржуазная партия — либеральная партия. Теперь ей противостоит лейбористская партия, опирающаяся на профсоюзы, выступающая как партия рабочего класса. Консерваторы стремятся парализовать рост влияния в рабочем классе коммунистической партии, идей марксизма. В этих условиях претензии консервативной партии на представительство всего народа, в том числе и неимущих слоев, нуждаются в более солидном подкреплении. Поэтому в парламентскую фракцию (но отнюдь не в правительство) вводится и небольшое число — совершенно ничтожное, впрочем, — рабочих или консервативных профсоюзных бюрократов. Несколько увеличилось число рабочих среди кандидатов в парламент, выдвигаемых от консервативной партии. Но, как показывает практика, кандидатуры рабочих выдвигаются в таких избирательных округах, где консерваторы заранее обречены на провал, т. е. в округах, где преобладание лейбористов или либералов неоспоримо. Таким образом, консервативная партия одновременно имеет возможность и спекулировать (не только в отдельных избирательных округах, но и в стране в целом) на том, что она является партией всего народа, включая и рабочих, и в то же время фактически обходиться в парламенте — не говоря уже о руководящих органах партии — без рабочих, пусть даже консервативно настроенных.

Само собой разумеется, что для завоевания значительной части рабочих избирателей подобных приемов недостаточно. Недостаточно и громких фраз о великих традициях Англии и т. п. Необходимы и некоторые демагогические жесты в социальной области, рассчитанные, в частности, на поддержание фикции о «государстве благосостояния». Как например, сохранение в силе значительной части социального законодательства лейбористского периода (однако, после возвращения консерваторов к власти была проведена частичная денационализация), жилищное строительство и т. п. В результате этих маневров половина сельскохозяйственных рабочих и одна пятая членов профсоюзов до сих пор голосуют за консервативную партию⁴.

То что мы говорили о консервативной партии Англии, справедливо в значительной своей части и в отношении республиканской партии в США.

⁴ «Modern Political Parties», 1957, p. 49.

Республиканская партия в США — непосредственное орудие монополистического капитала, в ней всецело заправляют магнаты «большого бизнеса». И эта партия, как и английская консервативная партия, включает представителей других групп имеющих классов, видящих в ней наиболее надежный оплот собственности и противника всяких социальных экспериментов, групп, признающих господство «большого бизнеса», которые получают за это некоторые гарантии своих интересов, впрочем, в достаточной мере проблематичные. Так, например, республиканская партия признает права штатов, т. е. местных капиталистических кланов. Тут выявляются, однако, и особенности, отличающие одну партию от другой и отражающие различие в социально-экономической структуре и политической обстановке в обеих странах. В США существенную роль играют те конституционные институты, которые поощряют консервирование местнических тенденций в политике: федерализм, требование постоянного проживания кандидата в конгресс в своем избирательном округе (или для кандидата в сенат — в данном штате) и т. п. Последнее, в частности способствует сохранению политического удельного веса в конгрессе местных монополистических групп — средней буржуазии, а в аграрных штатах — зажиточных фермеров.

При огромной концентрации капиталов на обширных пространствах США сохранились более обширные, чем в Англии, прослойки фермеров и городской средней буржуазии, хотя и те и другие находятся в полной экономической зависимости от крупных монополий. Формой организационной связи между местными группами буржуазии и крупными монополиями служит боссизм.

Партийные боссы новейшей формации отличаются от прежних беззащитных мелких аферистов от политики. Теперь и самая захудалая провинция не может замыкаться лишь в рамках местной политики и решать общеполитические вопросы с точки зрения своей колокольни. Боссы вынуждены «расширять» свой кругозор. Они устанавливают связи с теми или иными группировками крупного капитала и превращаются в их местную агентуру, но в то же время сохраняют свой характер непосредственных представителей местной буржуазии, и прежде всего представителей интересов собственного кармана.

Другим отличием республиканской партии США от консервативной партии Великобритании является то, что республиканская партия не единственная партия крупного капитала. Ряд монополистических группировок связан с демократической партией, некоторые — одновременно с обеими партиями. Массовая рабочая партия, даже реформистская, отсутствует. В значительной мере это объясняется политическим отставанием рабочего класса США, по сравнению с Англией, где политическая активизация рабочего класса, хотя бы в рамках лейбористской партии, стимули-

ровала сплочение всех сил крупного капитала в одной партии и упадок некогда «великой» либеральной партии. Этим объясняется также и то, что республиканцы обходятся без рабочих марионеток в конгрессе, в органах партии, в законодательных собраниях штатов, и почти без демагогических жестов в области социальной политики.

Консервативная партия Великобритании и республиканская партия США несколько различаются и по своему «социальному происхождению».

Консервативная партия возникла и долгое время развивалась как партия землевладельческой аристократии, чего нельзя сказать о республиканской партии, выросшей в стране, не отягощенной феодальными пережитками. Однако это не играет в настоящее время серьезной роли. Консервативная партия теперь в такой же мере партия крупного монополистического капитала, как и республиканская партия. Тот факт, что эта партия объединяет и значительную часть старой аристократической знати не имеет серьезного значения. С другой стороны, и в США имеется своя родовая знать в восточных штатах, состоящая из богатых потомков ранних переселенцев и играющая известную роль как в политике (особенно в дипломатической сфере), так и в «деловом» мире.

Консервативная и республиканская партии иллюстрируют тот случай, когда монополистическому капиталу удалось полностью завладеть данной партией, возникшей еще в домонополистический период (консерваторы выступали как партия крупных землевладельцев, республиканцы — как партия промышленной буржуазии северных штатов), превратить эти партии в свои партии, в непосредственное орудие своего господства. Но в сложных условиях современной капиталистической действительности, характеризующейся обострением социально-классовых противоречий, возможно и не столь полное приспособление данной партии к интересам монополистического капитала.

В этом случае использование партии, как орудия монополий, требует со стороны последних больших усилий и более гибкого маневрирования. В качестве примера укажем на христианско-демократические или христианско-социальные партии ряда стран Западной Европы.

Основной стимул к возникновению и распространению влияния этих партий — стремление имущих классов использовать идеологию христианства для борьбы против марксизма, против марксистского революционного движения рабочего класса. Из этого стремления вытекает усиление клерикализма в политике и идеологии буржуазии. «Все возрастающее значение в политическом и идеологическом арсенале империализма приобретает клерикализм. Он не ограничивается использованием церкви и ее разветвленного аппарата. Он располагает теперь своими

крупными политическими партиями, стоящими у власти во многих капиталистических странах»⁵.

Церковь — одна из основных идеологических опор экономического и политического господства монополистического капитала. Она освящает капиталистическую частную собственность и деление общества на классы как божественное установление, она призывает трудящихся к смирению и покорности, пропагандирует сотрудничество классов. В современных условиях церковь совершенствует методы своей пропаганды. Выдавая себя за защитницу трудящихся классов, за сторонницу частичных социальных реформ, церковь вместе с тем открыто выступает как один из главных и непримиримых носителей антикоммунизма — как в области теории и идеологии, так и в сфере практической политики. В борьбе с коммунизмом церковь использует свою мощную, широко разветвленную и иерархически построенную организацию, колоссальные материальные ресурсы, свою школьную систему, печать, примыкающие к ней молодежные, женские и другие организации. Но церковь как таковая не может выступать открыто как политическая организация, как носитель или участник государственной власти. Поэтому для полного использования религиозной идеологии в «мирских» политических целях было необходимо создать клерикальные политические партии, использующие влияние церкви в массах, чтобы улавливать голоса избирателей на выборах, и обеспечивающие политическое представительство монополистического капитала в парламенте и правительстве.

Клерикальные партии сильны в тех странах, где влияние церкви (особенно католической) наиболее значительно (в Италии, ФРГ, Австрии, Бельгии). Во Франции партия, связанная с церковью (МРП), пользуется хотя и ограниченным, но достаточно устойчивым влиянием среди значительной части населения. В Англии и США нет клерикальных партий, однако существуют довольно прочные связи между партиями и теми или иными церквями. Так, в США католики голосуют почти исключительно за демократическую партию. В Англии консервативная партия больше связана с англиканской церковью, в то время как лейбористы и либералы — с диссидентами различных толков.

Для того чтобы религиозное оружие было политически действенным, необходимо было разубедить массы в том, что церковь (и, в частности, католическая) — союзник феодальной и крупнобуржуазной реакции, и убедить их в возможности сочетания христианства с демократией и даже с социализмом, правда, по-особому толкуемым.

⁵ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III. Госполитиздат, 1962, стр. 267.

Поэтому крупный капитал и связанное с ним высшее духовенство покровительствовали и поощряли христианско-демократические и даже христианско-социальные движения, непосредственными создателями и организаторами которых обычно является низшее духовенство, религиозно настроенные представители интеллигенции и мелкой буржуазии и профсоюзные деятели, пытающиеся соединить проповедь христианства с некоторыми социальными реформами, которые они обосновывают требованиями христианской этики. Для крупной и средней буржуазии и части мелкой буржуазии христианско-демократическое или христианско-социальное движение было и остается желанным и удобным средством отвлечения рабочего класса от революционной борьбы против капитализма; для значительной части мелкой буржуазии и части рабочих оно, объективно не совпадая с их интересами и даже противореча этим интересам, создавало иллюзорные надежды осуществления демократических и социальных реформ на базе укоренившейся в их сознании религиозной идеологии.

Таким образом, в христианско-демократическом движении объединены довольно разнородные элементы: в нем участвует крупная и средняя буржуазия, для которой религия служит удобным прикрытием и классовые привилегии которой она освящает; мелкобуржуазные элементы, спасающиеся под флагом христианства от пугающей их революционной перспективы; демократические и даже пролетарские элементы, которые искренне желают осуществить демократические и социальные реформы в интересах трудящихся; и наконец, в христианско-демократическом движении участвуют партийные политики и политиканы, которые считают хотя бы частичное проведение таких реформ необходимым для того, чтобы их партии смогли сохранить свое влияние в массах и противостоять коммунистическому движению. Наличие элементов двух последних категорий весьма удобно крупным капиталистам, так как полезность этих партий именно и заключается в том, что они отвлекают трудящихся от революционного движения; с другой стороны, наличие этих элементов создает и неудобства в тех случаях, когда массы пытаются использовать партию для осуществления социальных реформ. Удерживать (в партии) и сдерживать эти элементы — такова задача крупнокапиталистической части партийного руководства.

Классическим примером такой партии может служить итальянская Христианско-демократическая партия (ХДП, или демохристиане). Социальный состав этой партии не однороден. В 1959 г. из 1600 тыс. членов партии 5% составляли капиталисты, 2 — лица свободных профессий, 23 — крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, 16% — городские рабочие. Несомненно, что в составе избирателей, голосующих за эту партию, процент рабочих и бедных крестьян еще более значительный. В обстановке

острых социальных контрастов и конфликтов, характерных для современной Италии, в условиях нищеты, безработицы, земельного голода такой социальный состав не может не порождать в самой партии глубоких противоречий и кризисов.

Правда, данные о социальном составе партии нельзя принимать полностью за чистую монету. Многие рабочие, батраки, мелкие служащие записываются в христианско-демократическую партию лишь для того, чтобы получить работу в тех частных предприятиях, владельцами которых являются христианские демократы, или в государственных учреждениях и предприятиях, контролируемых правящей христианско-демократической партией. Эти «члены» партии, получив работу, теряют к партии всякий интерес и в дальнейшем никакого участия в ее деятельности не принимают, играя роль лишь пассивных статистов и послушных избирателей. Однако даже за вычетом этих лиц все же остается довольно многочисленная категория активных членов партии, представляющих мелкобуржуазные слои, служащих и рабочих — членов католических профсоюзов и т. п. Они не могут быть полностью «унифицированы» крупнокапиталистическим руководством и нередко пытаются толкать партию на мероприятия, неприемлемые для монополистического капитала.

Таким образом, хотя руководство партией находится в основном в руках монополистического капитала, его непосредственных представителей и ближайших доверенных лиц, в то же время имеется и более или менее значительная левая оппозиция, имеются и промежуточные центристские группы, и нередко именно левоцентристские группы проводят на высокие государственные посты своих представителей (бывший президент Гронки, бывший премьер-министр левоцентрист Фанфани). Как видим, между демокристами в Италии и консерваторами в Англии, например, имеются серьезные различия.

Рабочие, входящие в консервативную партию, или голосующие за нее на выборах, солидаризируются с предпринимателями, они лишены всякого классового самосознания, считают, что их личное благополучие может быть наилучшим образом обеспечено консервативной партией, во главе которой стоят капиталисты.

Иначе обстоит дело с многими рабочими, членами католических профсоюзов, входящими в итальянскую ХДП. Они сознают, что у рабочих имеются свои интересы и что эти интересы не совпадают с интересами капиталистов, в то же время они считают, что поскольку ХДП — «внеклассовая», «надклассовая» или «межклассовая» партия, объединяющая людей на почве преданности заветам христианства, в рамках этой партии они смогут добиться обеспечения своих интересов. Такие рабочие не стоят на почве классовой борьбы и полагают, что их интересы могут быть примирены с интересами капиталистов путем определенного компромис-

са, учитывающего в известной мере требования рабочих. В самой ХДП они борются за то, чтобы в этой партии преобладали левые или центристские элементы, а не правые. В партии имеются оформленные направления (крайне правые, так называемые доротеицы и группа «Весна»), которые отражают интересы монополистического капитала, связаны с крупнейшими корпорациями (Монтекатини и др.) и высшим католическим духовенством и, с другой стороны — имеются левые («низы»), представляющие католические профсоюзы и т. п.

В центральных органах партии всегда имеется определенное представительство как правого крыла, так и левого. Ведется борьба за определенные посты, например за пост редактора партийной газеты. О внутренних противоречиях в партии свидетельствуют бурное прохождение съездов, упорная борьба за распределение мест в органах партии между различными течениями, борьба за коалицию влево или вправо⁶. Правые пускают в ход и финансовые рычаги, подчиненные им мощные экономические организации и т. п.⁷ Но их главный шанс — половинчатость, готовность к компромиссам, к антикоммунизму лидеров самих левых.

Правым приходится соглашаться на включение левоцентристов (группы Фанфани) и даже отдельных «крайних» левых в руководящие органы партии, а иногда — в зависимости от общей политической обстановки и соотношения классовых сил в стране — соглашаться на образование правительства с преобладающим левоцентристским большинством, с участием более левых партий (социал-демократов и республиканцев) и — как это имело место в 1962 г. — с привлечением в качестве парламентского партнера социалистической партии. Впрочем, как показывает практика, деятельность таких левоцентристских правительств сводится к социальной демагогии и мелким реформам и отнюдь не соответствует требованиям и ожиданиям трудящихся масс. Характерно также и то, что, будучи вынужденными в 1962 г. уступить в вопросе о премьер-министре и разрыве с неофашистами, правые тогда же взяли реванш, проведя своего кандидата на пост президента республики.

Тут опять напрашивается сравнение с такой партией, как консервативная в Великобритании. И в этой партии имеются различные оттенки мнений — от твердолобых до «молодых тори». Однако они не отражают устойчивых интересов каких-либо определенных социальных слоев, а скорее индивидуальные или групповые

⁶ Разногласия доходили до того, что отдельные правые демохристиане голосовали против правительства Фанфани в парламенте.

⁷ Так действуют правые не только в Италии. Характерен следующий эпизод из практики австрийской христианской демократии. Объединение австрийских промышленников в августе 1959 г., прекращение субсидирование генерального секретаря Австрийской народной партии Малета, представителя христианского рабочего движения, добилось его отставки.

различия во взглядах в пределах правящей верхушки. Поэтому и не существует каких-либо оформленных или определившихся течений в партии. Появляющиеся время от времени группировки для защиты определенных интересов, например, интересов, связанных с капиталовложениями в Африке, не получают организационного оформления и действуют в рамках существующих комитетов и других органов парламентской фракции, не образуя какой-либо особой группы. При этом необходимо учесть, что христианско-демократическая партия — *главная* партия монополистического капитала Италии. В либеральной, монархической или неонацистской партиях господство монополий выражено более полно, но эти партии не смогли создать для себя массовой базы и потому не могут в настоящее время служить пригодными орудиями буржуазной диктатуры.

Известную аналогию с Христианско-демократической партией Италии представляет Республиканско-народное движение (МРП) во Франции, с тем однако отличием, что это не главная, а лишь одна из приблизительно равномошных в условиях Четвертой республики партий монополистического капитала Франции. Она опирается в основном на католические элементы, представляя то течение французского католицизма, которое отказалось от роялистских и крайне реакционных позиций, характерных для значительной части клерикально-католических сил Франции. Благодаря этому партия и связанные с ней круги сумели добиться объединения некоторого числа трудящихся в католические профсоюзы и завоевать довольно сильные позиции в мелкобуржуазной массе. Крупнокапиталистическое руководство партии вынуждено в известной мере учитывать требования и настроения этих масс⁸.

Но не во всех христианско-демократических партиях положение одинаково. В некоторых партиях господство монополий почти такое же полное и безраздельное, как в английской консервативной или американской республиканской партиях. Таков, например, в настоящее время Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз в ФРГ. По своему социальному составу они, правда, немногим отличаются от Христианско-демократической партии Италии и МРП во Франции. То же крупнокапиталистическое руководство, те же группы рабочих, мелкие служащие, профсоюзные деятели, то же или еще большее, чем в Италии, представительство среднебуржуазных элементов и лиц свободных профессий. Но в Германии еще со времен веймарского «Центра» христианско-демократическое, или «социальное», движение занимало гораздо более консервативные позиции, чем в

⁸ В 1950 г. из 100 000 членов МРП 20% составляли рабочие, однако среди кандидатов этой партии рабочих было (в 1951 г.) 17%, а среди избранных депутатов — 10%, в то время как 54% депутатов составляли лица свободных профессий и 14% — предприниматели.

Италии или Франции; господство крупных помещиков и крупных капиталистов было в нем всегда более сильным, христианско-демократическое движение здесь организационно вообще не отпочковалось от реакционно-клерикального традиционного католицизма. Недаром столь многие деятели и члены партии центра сразу после прихода Гитлера к власти «приняли» новый режим и даже стали его энтузиастами, пытаясь приноровить идеологию католицизма к откровенно «языческой» расистско-националистической идеологии гитлеризма. И если в дальнейшем некоторые католические элементы оказались в оппозиции к гитлеровскому режиму, то не на общеполитической или социально-экономической почве, а прежде всего в связи с открытыми антикатолическими выступлениями гитлеровцев. Мелкобуржуазные и рабочие элементы, связанные с католическим движением (и, в частности, с христианскими профсоюзами), были воспитаны в духе реакционной идеологии лидеров этого движения. То же самое относится к протестантским профсоюзам и их членам. Современный ХДС — ХСС, созданный после крушения III империи, объединил консервативные элементы как католические (они преобладают в этой партии), так и протестантские.

Правда, в период образования этой партии (1946—1947 гг.) отдельные группы, связанные с христианскими профсоюзами, выдвигали социальные и даже антикапиталистические лозунги. В обстановке послевоенного антифашистского подъема и растерянности в рядах монополистов, не успевших еще с помощью американских монополий и оккупационных властей восстановить свои позиции, органы партии ХДС выступали с широковещательными декларациями о структурных реформах и первостепенной роли «мира труда», об участии рабочих в управлении предприятиями и т. п. В так называемой Аленской программе 1947 г. выдвигались требования передачи предприятий военных преступников и ключевых отраслей промышленности в народную собственность. Аденауэр тогда говорил о необходимости замены обанкротившегося капитализма лучшим порядком и т. п.

Однако в дальнейшем, согласно замечанию французского католического исследователя Рована, «профсоюзные и реформистские элементы непрестанно теряют почву внутри партии между тем как растет прямое и тайное влияние крупных капиталистических интересов»⁹. Вскоре в этой партии стали безраздельно господствовать магнаты рейнско-вестфальской промышленности, крупные банки и крупные землевладельцы. Разногласия, возникающие время от времени в партии, отражают в основном лишь расхождения групповых интересов внутри этой верхушки или внутри класса буржуазии в целом, а иногда столкновения личных

⁹ F. Rovan. Le catholicisme politique en Allemagne. Paris, 1956, p. 279.

интересов. Ни в партийных организациях, ни на съездах партий мы не наблюдаем какой-либо значительной активности левых элементов.

Как отмечает Рован, на съездах ХДС незаметно никаких течений, нет дискуссии — все сводится к официальным докладам и заранее подготовленным речам. Столкновения интересов отдельных групп проходят как бы «подпольно», за кулисами и носят неорганизованный характер либо характер «дворцовых интриг».

То же самое можно сказать и о Социально-христианской партии Бельгии и Народной партии Австрии, хотя в этих партиях имеется и несколько более активное левое крыло, связанное с католическими профсоюзами. До второй мировой войны бельгийский католический союз формально представлял собой федерацию четырех «сословий» (в том числе католических профсоюзов и крестьянского союза) при решительном преобладании крупнобуржуазной верхушки. После войны партия перекрасила свой фасад в модном социально-христианском стиле. Учитывая социальное брожение в стране, социально-христианская партия в своей декларации 1945 г. заявила, что «старый либеральный и капиталистический мир лежит в развалинах» и что необходимо создать новый мир, в котором «индивид не будет больше рабом денежных интересов», и где будет увеличена доля рабочего класса в распределении производимых им благ. Однако эта декларация ни в какой мере не удержала руководство партии от проведения на деле авантюристско-колониалистской политики, вся тяжесть которой легла на плечи рабочего класса. Лишь после всеобщей забастовки в декабре 1960 г. — январе 1961 г. и под ее влиянием несколько активизировалось левое крыло партии.

Что касается Австрийской народной партии, то ее прошлое, олицетворенное такими именами, как Дольфус и Шушниц, и отмеченное такими фактами, как кровавое подавление рабочего движения в 1934 г. и установление австрийской разновидности фашизма, говорит само за себя. Правда, тактика этой партии эволюционировала, в частности, от острого конфликта с социал-демократами до прямой коалиции с ними (последние, впрочем, проделали не менее изрядную эволюцию по направлению к своим прежним противникам, а нынешним партнерам), однако ее классовая природа как главной партии крупного капитала Австрии, выступающего в тесном союзе с кулацкими прослойками деревни, осталась прежней.

Деятельность этой партии характеризуется постоянной активизацией наиболее правых элементов («реформаторов»), выступающих за разрыв коалиции с социалистами, за объединение католиков, либералов и националистов (т. е. фашистов), против марксизма (т. е. коммунистов) и, в частности, за объединение с профашистской партией свободы, за возвращение частному капиталу национализированных отраслей и т. п.

Имеются также некоторые партии, идеологически не связанные с христианской демократией, но обладающие в силу различных исторических причин социальной структурой до некоторой степени аналогичной социальной структуре христианско-демократических партий.

К таким партиям можно отнести радикальную партию во Франции. Она возникла как партия республиканской и антиклерикальной средней и мелкой буржуазии Франции (впрочем, в отличие от христианско-демократических партий, радикалы никогда не имели сколько-нибудь серьезной базы в рабочем классе). Партия приобрела популярность как застрельщик в борьбе за светскую школу, за секуляризацию политической и культурной жизни страны. Такую же линию партия в основном проводила и в период Третьей республики. Хотя эта партия стояла целиком и полностью на позициях капитализма, она все же не пользовалась особым расположением крупного капитала, неоднократно свергавшего при помощи различных способов финансового давления правительства радикалов. Под давлением мелкобуржуазных масс лидеры радикалов, связанные со средней и мелкой буржуазией, пошли в 1936 г. на образование Народного фронта и участвовали в правительстве, возглавлявшемся социалистом Блюмом. Однако после крушения Народного фронта наметилось более тесное сближение части руководства этой партии с крупным капиталом. Некоторые представители крупного капитала вошли в партию и заняли в ней руководящее положение. Это сближение особенно усилилось в период Четвертой республики.

Этот факт объясняется прежде всего тем, что в условиях Четвертой республики при ослаблении традиционного правого крыла и значительном усилении левых сил монополистический капитал стремился расширить свою партийную базу, захватить и те партии, которые раньше не находились или в небольшой степени находились под его прямым влиянием. С другой стороны, радикалы, выражая настроение значительной части средней буржуазии, не были готовы поддержать «чрезмерные», с их точки зрения социальные мероприятия первых послевоенных лет: в условиях Четвертой республики они «сдвинулись» вправо. На этой почве и возникли более тесные связи между крупным капиталом и руководством радикальной партии. Но в то же время это усилило дифференциацию внутри самой радикальной партии. Мелкобуржуазные элементы партии, интересы которых резко расходятся с интересами крупного капитала, тянут партию влево. Ярким представителем этого направления был Мендес-Франс.

В результате обострилась борьба правого и левого крыла радикальной партии. Перевес в этой борьбе оказывается, как правило, на стороне правых сил; Мендес-Франс в конце концов

был вынужден выйти из состава радикальной партии. Он прикнул к автономной социалистической партии.

Большой интерес представляет анализ положения в демократической партии США. Как известно, эта партия в течение длительного времени представляла собой коалицию самых различных социальных элементов, от плантаторов-рабовладельцев юга до мелкобуржуазных и даже пролетарских элементов в восточных и северо-западных штатах. Руководство партии в течение длительного времени находилось в руках южных плантаторов. Их мощь была сломлена гражданской войной 1861—1865 гг., после чего демократическая партия на несколько десятилетий была сведена к роли почти постоянной оппозиции правящей республиканской партии. С развитием монополистического капитализма и проникновением его на Юг командные позиции в демократической партии заняли отдельные группы монополистического капитала. С другой стороны, за время длительного пребывания в оппозиции в партии усилились мелкобуржуазные элементы; антимонаполистической демагогией она завоевала также симпатии и части рабочих. В настоящее время обе партии, и республиканская и демократическая, в равной мере являются партиями монополистического капитала, выразителями интересов его различных группировок. Однако демократическая партия более умело пользуется социальной демагогией, намного опередив в этом отношении республиканцев. Отсюда и некоторое различие в социальном составе избирателей, голосующих за ту или иную партию. Значительное большинство рабочих, участвующих в выборах, голосует за кандидатов демократической партии. В связи с этим в деятельности демократической партии проявляется иногда влияние мелкобуржуазных элементов и профсоюзов¹⁰. В демократической партии, наряду с консервативным большинством, выражающим интересы монополий, и ультрареакционным меньшинством демократов из южных штатов (диксикратов) имеется также связанное с профсоюзами «либеральное» направление. Хотя и в республиканской партии имеются различные течения, однако они отражают по существу расхождение в буржуазном лагере, например между отдельными монополистическими группировками, между крупной и средней буржуазией, между городской и сельской буржуазией; в демократической же партии различия между отдельными течениями, в частности между «консервативными» и «либеральными» демократами, выражены яснее, что, впрочем,

¹⁰ В ряде городов «машина» демократической партии срastaется с профсоюзной бюрократией. На выборах в США в 1948 г. три четверти квалифицированных рабочих, принимавших участие в голосовании, отдали свои голоса демократам в то время как среди административного персонала около 80% голосовало за республиканцев.

не мешает им всем сотрудничать по основным вопросам в рамках одной партии.

Борьба этих разнородных тенденций проявилась в период президентства Рузвельта как в разноречивых мероприятиях «нового курса», в резком конфликте между Рузвельтом и Верховным судом, так и в столкновениях между Рузвельтом и реакционным крылом самой демократической партии. После Рузвельта, при Трумэне, реакционное крыло в демократической партии получило явный перевес (закон Тафта — Хартли, проверка лояльности, закон Маккарэна, доктрина Трумэна и другие мероприятия), хотя сам Трумэн был непрочь разыгрывать народного трибуна, выступающего против плутократии в защиту «простых людей».

Во Франции примером партии, объединяющей в своих рядах разнородные социальные элементы, служит Союз в защиту новой республики — главная партия монополистического капитала в Пятой республике. Партия создана политическими деятелями, тесно связанными с наиболее влиятельными кругами монополистического капитала. Эти деятели во главе с нынешним президентом республики де Голлем и директором банка Ротшильда — он же премьер-министр — Помпиду осуществляют полное руководство партией.

Пятая республика означала установление наиболее полной и безраздельной диктатуры монополий. Однако в событиях, приведших к образованию этой партии и ее приходу к власти, большую роль сыграли и другие группы правящих классов и в частности, крупные алжирские «колоны», преследующие свои цели. Именно они были застрельщиками полной «интеграции» Алжира, не рассчитывая другим способом сохранить свои земли и политические привилегии. Однако основные монополистические круги вынуждены были прибегнуть к более гибкой политике и согласиться, наконец, на самоопределение Алжира. Таким образом, интересы двух групп «столпов» этой партии столкнулись в вопросе об Алжире, что привело в конце концов к отколу алжирской группы и ее единомышленников в метрополию и к их переходу к методам фашистских путчей и террора (ОАС). Кроме этих групп в партии имеются также мелкобуржуазные элементы, соблазненные обещанием мира в Алжире и твердой власти, обязательством сохранить и развить дальше существующее социальное законодательство и престижем вождя партии. Выросшая на дрожжах определенной конъюнктуры партия не может обойтись без поддержки этих элементов. Здесь кроется объяснение того факта, что партия весьма далека от монолитности, что внутри ее происходит непрерывная борьба различных течений, от крайне правых до «левых», и единственной силой, цементирующей ее разношерстные элементы и обеспечивающей их подчинение руководящим монополистическим кругам является

личность генерала де Голля¹¹. Признание непрерываемого авторитета президента делает эту партию слепым орудием личной власти, за которой стоят наиболее мощные монополистические группы.

Общим признаком партий, которые были рассмотрены до сих пор, является то, что монополистический капитал в лице его непосредственных представителей или близких доверенных лиц из числа профессиональных политиков занимает там руководящие позиции. Но многообразие взаимоотношений между монополиями и партиями не исчерпывается лишь рассмотренными выше случаями. Иногда отдельные буржуазные (немонополистические) и мелкобуржуазные группы создают свои самостоятельные партии — партии городской средней или мелкой буржуазии, «средних классов», крестьянские партии и т. п., преследующие цель защиты интересов соответствующих слоев населения.

Некоторые из этих партий прямо прокламируют свой классовый характер, например, крестьянские партии, «независимые» во Франции и т. п. Другие противопоставляют себя в качестве «внеклассовых» партий партиям крупного капитала с одной стороны и рабочим партиям с другой. Таковы либералы в Англии, свободные демократы в ФРГ, республиканцы в Италии и др. Эти партии, естественно, имеют определенную социальную базу. С точки зрения диктатуры монополий вопрос заключается в установлении такой формы их подчинения монополистическому капиталу, при которой эти партии, сохраняя свою социальную базу и свой «профиль», стали бы наравне с другими партиями орудиями господства монополий. Такой результат достигается различными способами, и, прежде всего, путем использования экономической зависимости этих слоев и их хозяйственных организаций от крупного капитала, установления закулисных финансовых отношений с руководителями этих партий, включения их в качестве акционеров в монополистические предприятия, путем подкупа депутатов этих партий, присоединения к этим партиям прямых представителей крупного капитала и т. п.

Примером партии средней буржуазии служат «независимые» во Франции — партия средних предпринимателей — промышленников, торговцев и т. п. К ней тесно примыкают и среднепомещичьи и кулацкие группы. Программа партии построена в основном в духе требований этих групп: она выступает против вмешательства государства в экономику, которое, как правило, используется монополиями как средство подчинения или вытеснения средних и мелких предпринимателей и крестьян. Однако

¹¹ Характерно, что в 1952 г., когда деголлевцы были еще в оппозиции, при голосовании вопроса о скользящей шкале заработной платы одна четвертая часть деголлевцев голосовала за, другая четвертая — против, а половина воздержалась.

вместе с тем она связана с монополиями не только экономически, но и в силу своих классовых интересов. Ее объединяет с монополиями стремление к подавлению рабочего класса и трудящихся масс, подрыву политических и экономических организаций рабочего класса, к наступлению на его жизненный уровень. «Независимые», представляющие собой крайнее правое крыло в парламенте — естественные союзники монополистического капитала; именно поэтому подчинение их монополиям является делом легким и происходит почти без трений и конфликтов. Слишком много общих интересов связывает руководителей «независимых» с монополистическим капиталом.

На таких же началах, но в несколько более завуалированных формах устанавливается связь монополистического капитала и с крестьянскими партиями, представляющими интересы зажиточных крестьян.

Разумеется, самые тесные связи монополистический капитал устанавливает с открыто фашистскими партиями и организациями. Такие партии и организации создаются политическими авантюристами и состоят из деклассированных и уголовных элементов, продающих свою шпагу тому, кто дороже заплатит. В насыщенной коррупцией и антикоммунизмом политической атмосфере современного империалистического государства они находят вполне благоприятные условия для своей деятельности. Ослабление и падение престижа парламентских учреждений открывает перед политическими аферистами, проходимцами, ловко манипулирующими националистическими и расистскими лозунгами, запугиванием коммунистическими «заговорами» и т. п., перспективу выдвинуться и захватить власть на развалинах демократических учреждений. Естественно, что за денежными средствами они обращаются к магнатам капитала, которые в меру надобности и используют эти партии.

По существу такова история происхождения и продвижения к власти фашистских партий в Германии и Италии в период между двумя мировыми войнами. Известно, что накануне прихода гитлеровцев к власти эта партия была спасена от финансового банкротства благодаря щедрой поддержке, оказанной ей Тиссенем. В ряде случаев организации и партии фашистского типа создаются по инициативе и непосредственному заданию заправил монополий и военных кругов. Таково, например, «Общество Джона Бэрча» в США и аналогичные организации в ряде стран. Эти партии объединяют известные круги крупной и средней буржуазии. Как правило, они избегают той социальной демагогии, которая была характерна для довоенного фашизма, и открыто выступают в защиту «свободного» предпринимательства.

Возрождение фашизма, размножение фашистских партий и организаций — характерная черта современной политической

обстановки. Фашистское движение — порождение империализма, присущей ему тенденции к реакции, к отходу от демократии, даже буржуазной, тяги к формам открытой диктатуры. Фашизм свидетельствует не о силе, а о слабости правящих классов, о сужении социальной базы их диктатуры, о кризисе буржуазной политики и идеологии. Фашистское движение — это ответ реакции на активизацию массовой борьбы против монополий, против политики войны. В современных условиях фашистское движение до некоторой степени отражает недовольство наиболее реакционных и оголтело антикоммунистических элементов политикой правительств (вынужденных так или иначе считаться и с реальными фактами и с требованиями масс). Фашистские партии обвиняют буржуазные правительства в недостаточной решительности и реакционности, стремятся покончить с остатками буржуазной демократии, возродить гитлеровский каннибализм, а главное — ускорить развязывание войны против стран социализма. Отсюда и спорадические столкновения между фашистскими элементами, с одной стороны, и официальными властями — с другой (запрещение некоторых фашистских организаций в ФРГ, конфликт голлистов с ОАС во Франции и т. п.).

Однако не эти столкновения являются определяющими для современного состояния фашистского движения. Более важно то, что фашистские организации финансируются влиятельными монополистическими кругами как резервная сила в будущем и ударная сила в особых случаях и в настоящем, что существует тесная связь, доходящая до сращения между фашизмом и военными кругами и крайними колониалистскими и расистскими элементами в США, Франции, ФРГ, что имеет место попустительством, а в ряде случаев и прямое покровительство властей в отношении фашистских сборищ, демонстраций и провокаций. Ибо курс на агрессивную войну против стран социализма неизбежно влечет за собой и ставку на фашизм как средство подготовки тыла и расправы с силами мира и демократии.

В настоящее время фашистские элементы выступают в различных формах. В ряде случаев они создают свои политические партии, подвизающиеся и на парламентской арене. Такова неофашистская партия в Италии, признающая необходимость «приспособления своего идеала к политическим и социальным условиям современности» или Немецкая правая партия и Немецкая имперская партия в ФРГ. Такой же характер приобрела и партия пужадистов во Франции. В других случаях фашисты скрываются под вывеской каких-нибудь других партий, фашистский характер которых слегка завуалирован (вроде Немецкой партии в ФРГ или Партии свободы в Австрии). Иногда фашистские элементами свивают себе прочное гнездо в крупных парламентских партиях (например, в ХДС—ХСС и СвДП в ФРГ, в Сою-

зе в защиту новой республики во Франции) и воздействуют изнутри на политику этих партий.

Однако основные фашистские силы сосредоточены в многочисленных непарламентских организациях — США, ФРГ¹², Японии¹³, Франции (ОАС) и других стран.

В современных условиях монополистический капитал не делает еще главной ставки на партии чисто фашистского типа, не имеющие достаточно широкой массовой базы. Монополистическому капиталу теперь труднее управлять с помощью парламентских методов, однако сопротивление масс достаточно сильно, чтобы помешать установлению открытого фашистского режима. Поэтому фашиствующие элементы используются пока именно для внепарламентских действий, погромных или террористических выступлений (в Японии, Италии, ФРГ, Франции), для оголтелой и низкопробной антикоммунистической пропаганды, шпионажа и провокационных действий в профсоюзах и рабочих партиях, для штрейкбрехерства. Это не исключает в дальнейшем и более широкого использования монополистическим капиталом сил фашизма для ускорения процесса свертывания парламентаризма и демократии и установления фашизма в старых или новых формах.

Изучение различных форм взаимоотношений между монополиями и политическими партиями и, в частности, форм и степени приспособления последних к интересам и задачам диктатуры монополистического капитала имеет большое теоретическое и политическое значение. Сама практика политической борьбы рабочего класса диктует необходимость дифференцированного подхода к различным партиям, учета наличия в той или иной партии разнородных социальных элементов, оппозиционных групп и т. п. Факт привлечения в 1936 г. партии радикалов в состав Народного фронта во Франции в этом отношении весьма показателен.

Важное значение в политической жизни современных империалистических государств имеют взаимоотношения между монополиями и правосоциалистическими (социал-демократическими, лейбористскими) партиями. Эти партии составляют правое крыло рабочего движения в развитых капиталистических странах Западной Европы и старых британских доминионах. Они выражают настроения тех рабочих, которые добились относительного достатка в условиях капитализма (рабочая аристократия) и опасаются революционной ломки существующего строя, но желают (и надеются) путем реформ упрочить и несколько

¹² Согласно явно приуменьшенным данным министерства внутренних дел, в ФРГ существовало 86 «экстремистских правых» организаций с общим числом членов в 35 400 человек (в 1959 г. насчитывалось 54 200 членов).

¹³ Здесь насчитывается свыше 20 ультраправых организаций. Крупнейшая из них — Патриотическая партия Великой Японии.

повысить достигнутый ими жизненный уровень. Еще более непосредственно они выражают интересы рабочей бюрократии.

Изменения в идеологии социал-демократов (о них еще будет идти речь ниже) отражают изменения в положении указанной части рабочего класса, известное стирание граней между ней и мелкой буржуазией — средними служащими, ремесленниками, мелкими собственниками. Социал-демократия — это отражение буржуазного влияния на рабочий класс. При всем буржуазном перерождении этой части рабочих необходимо иметь в виду, что антагонистические противоречия между ее интересами и интересами буржуазии, и прежде всего монополистической буржуазии, отнюдь не сняты и не могут быть сняты. Об этом лучше всего свидетельствует тот факт, что и высокооплачиваемые рабочие участвуют в забастовочном движении наравне с низкооплачиваемыми. Впрочем, с точки зрения марксизма, для которого сущность класса и его интересы определяются местом в производстве, это ясно само собой. Только сторонники антинаучных теорий «стратификации», считающие, что распространение среди рабочих ношения галстуков, а среди работниц — изделий из нейлона или появление в рабочих семьях телевизоров и холодильников стирает различия классовых интересов между рабочими и капиталистами, могут утверждать иное. В действительности солидарность интересов различных категорий рабочих — более реальный факт, чем иллюзорная «общность» интересов рабочей аристократии с эксплуатирующими ее труд монополиями. Именно это и служит реальной базой для сотрудничества между всеми партиями рабочего класса в борьбе за улучшение условий труда, за социальные реформы, направленные на ограничение монополий и их политической мощи, за демократические права и свободы, за разоружение и мир, за построение социалистического общества.

Хотя правосоциалистические партии непосредственно выражают настроения и узко групповые интересы наиболее высокооплачиваемых категорий рабочих и рабочей бюрократии, в ряде стран, можно даже сказать в большинстве развитых капиталистических стран Западной Европы (исключение составляют Франция и Италия), а также в Австралии и Новой Зеландии их социальная база намного шире. Значительные слои рабочего класса еще продолжают видеть в этих партиях антикапиталистическую политическую силу. В ряде стран к этим партиям примыкают и более или менее значительные прослойки служащих, ремесленников, крестьян, интеллигенции и т. п. Во Франции рабочие даже составляют меньшинство как среди членов, так и среди избирателей социалистической партии.

Таким образом, правосоциалистические партии в ряде стран представляют собой довольно внушительную политическую силу, связанную со слоями населения, реальные интересы которых

находятся в резком противоречии с интересами монополий. Максимальное «приручение» этой силы и приспособление ее к задачам диктатуры монополистического капитала — одна из главных политических задач господствующих классов.

При наличии революционной или предреволюционной ситуации, когда над буржуазией нависает угроза социалистической революции, правительство правых социалистов, уже в силу того, что оно против революции, становится для буржуазии якорем спасения, щитом против революции. Призываемые в такие моменты к власти социалистические вожди (вспомним Шейдемана и Носке, а после второй мировой войны — Блюма, Рамадье и Жюля Мока) направляют свои удары против революционного рабочего класса якобы в целях обеспечения «демократического» пути к социализму. После выполнения своего основного задания они, как правило, отстраняются от власти по принципу «мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Они отстраняются до того, как им пришлось бы либо заняться проведением, под давлением голосовавших за них масс, хотя бы части обещанных реформ, либо полностью дискредитировать себя отказом от проведения таких реформ — и то, и другое в равной мере неприемлемо для монополистического капитала. Ведь «буржуазии *нужны* такие прислужники, которым бы доверяла часть рабочего класса», и такие прислужники, которые бы *отвлекали* народ от революции размалевыванием прелестей и возможностей реформистского пути»¹⁴. Своевременный уход социалистов спасает и их самих от весьма трудного выбора между двумя одинаково неприятными перспективами.

Однако бывают и такие случаи, когда — при отсутствии революционной или предреволюционной ситуации — приходится считаться с более длительным пребыванием правых социалистов у власти или когда невозможно парламентское правительство без участия правых социалистов. В Англии третье лейбористское правительство находилось у власти около шести лет. В скандинавских странах социал-демократические (или коалиционные, возглавляемые социал-демократами) правительства стали уже правилом. Во французской Четвертой республике таким правилом (хотя и не без исключений) было участие социалистов в правительстве. Несколько раз социалисты (Блюм, Рамадье, Молле) возглавляли правительство. То же самое относится к Бельгии. В послевоенной Австрии социал-демократия превратилась в необходимую часть двухпартийного правительства. В Италии социал-демократы неоднократно участвовали в правительствах, возглавлявшихся христианскими демократами. Было бы упрощением утверждать, что во всех этих случаях монополистический капитал по собственному желанию ставит у

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание, сочинений, т. 39, стр. 105.

власти правых социалистов. Их допущение к власти или привлечение к власти,— как правило, вынужденный шаг, обусловленный соотношением политических сил, результатами выборов (на которые монополии могут оказывать серьезное воздействие, не будучи, однако, в состоянии их всегда полностью контролировать), в частности поражением или неудачами на выборах главных партий монополистического капитала. В этих условиях задача, стоящая перед монополиями, заключается в приспособлении «социалистических» правительств к своим нуждам путем гибкого маневрирования.

Социал-демократические партии не представляют собой, как мы уже убедились на основе анализа их социального состава, монолитного целого. Наряду с рабочей аристократией и рабочей бюрократией, составляющими ядро этих партий, в них имеются мелкобуржуазные и интеллигентские группы, тянущие еще более вправо, и более широкие слои рабочего класса, ориентирующиеся влево.

Наличие достаточно устойчивых и определившихся левых течений — характерная черта многих социал-демократических партий (особенно отчетливо это проявляется в английской лейбористской партии). На этой почве происходят постоянные конфликты и столкновения внутри партий. Редко когда съезд какой-либо социал-демократической партии не превращается в арену борьбы между представителями разнородных элементов, левых и правых, рядовых членов и лидеров. Часто дело доходит до раскола, за которым иногда следует временное объединение, а затем вновь раскол и т. п.

В Италии правые социалисты (сарагатовцы) откололись от социалистической партии, занимавшей по многим вопросам левые позиции и в течение длительного времени выступавшей в тесном блоке с компартией, и образовали социал-демократическую партию. Во Франции в 1958 г. от социалистической партии откололась занимающая более левые позиции автономная социалистическая партия. В ФРГ левые элементы, выйдя из СДПГ, образовали социалистические группы. В Японии левые и правые социалисты вначале существовали в виде двух отдельных партий, но затем объединившись, перенесли борьбу внутрь образовавшейся единой партии, от которой крайние правые затем отделились, образовав партию демократического социализма. Острые конфликты между правыми и левыми в лейбористской партии стали постоянным явлением.

Существенным фактором внутренней жизни социал-демократических партий является происходящий с регулярностью какого-то естественного явления, процесс обуржуазивания и неуклонного «правения» руководства этих партий. Вожди и руководители этих партий вербуются преимущественно из правого мелкобуржуазного крыла, и это в достаточной степени опреде-

ляет их политические установки. Но и те вожди, которые выдвинулись к руководству как сторонники левых тенденций, с течением времени часто все более смыкаются с правыми кругами. Мелкобуржуазные руководители правосоциалистических партий превращаются в буржуазных руководителей, тесно связанных с монополиями. Социал-демократия из мелкобуржуазной партии превращается в буржуазную партию, рабочую по составу (да и то лишь частично), буржуазную по политике и составу руководящих кадров.

Могут найтись любители психологических или даже физиологических (и партии стареют!) объяснений этого явления, но, конечно, главную роль играет тут социальный фактор. Лидеры социалистических партий, как и значительная часть их последователей, происходят из тех интеллигентских и мелкобуржуазных слоев или слоев рабочей бюрократии, которые в наибольшей степени подвержены идеологическому и морально-политическому воздействию буржуазного окружения. Врастая в политическую структуру буржуазного государства, даже в качестве парламентской оппозиции, эти лидеры по образу жизни, по характеру личных связей, по материальным условиям все более отрываются от рабочих масс, от их повседневных нужд и интересов, от их глубоких чаяний и стремлений. Внутренне неустойчивые, пытающиеся совместить несовместимое — антикоммунизм и антикапитализм — или сидеть между двумя стульями, они в конце концов стараются поудобнее усесться в капиталистическом кресле. Они не в состоянии выдвинуть какой-либо продуманный и последовательный путь действий, программу социалистических преобразований общества и в конце концов вольно или невольно оказываются увлеченными капиталистической стихией. Этот процесс особенно усиливается в условиях пребывания социалистов у власти, когда лидеры партии становятся министрами, парламентскими секретарями министров и т. д. Состоя на высших государственных постах, они все чаще встречаются с носителями экономической власти, с представителями крупнейших капиталистических фирм; на этой почве завязываются личные связи, «обмен услугами» и т. п. — и процесс обуржуазивания лидеров социалистических партий (в том числе и бывших «левых» лидеров) заметно ускоряется.

Эти связи скрываются от членов партий, и когда они все же обнаруживаются, то их объясняют необходимостью обеспечить нормальное функционирование экономической жизни, «сотрудничество деловых кругов» и т. п.

Правосоциалистические лидеры проявляют все большее «понимание» интересов и «пожеланий» монополистического капитала и к ним приспосабливаются. Таким путем и происходит «приручение» правосоциалистических партий монополиями. Последние, не полагаясь лишь на «естественный» ход вещей,

принимают все меры, чтобы шире распространить свое влияние в правительственных сферах правящей социал-демократии. Правосоциалистические руководители становятся членами наблюдательных советов, директорами крупных корпораций и т. п. Таким образом, если правление правых социалистов вначале иногда представляет собой косвенную, опосредствованную форму господства монополий, то с течением времени оно все более принимает черты прямого, лишь слабо замаскированного их господства.

Отсюда явление, характерное для правосоциалистических партий в большей мере, чем для буржуазных, и приобретающее характер самостоятельного политического фактора, — противоречие между руководителями (партийными «бонзами»), с одной стороны, и рядовыми членами партии — с другой.

В то время как рядовые члены в своем большинстве выдвигают требование проведения более решительной политики, направленной против монополий, на улучшение условий жизни трудящихся, против гонки вооружений, за разрядку международного напряжения, вожди продолжают бряцать обветшалым оружием антикоммунизма, рассчитывая на благосклонный прием в монополистических кругах. В то время, как массы стремятся к сплочению рядов рабочего класса, к его единству, к сотрудничеству между социалистами и коммунистами, лидеры прилагают все усилия к тому, чтобы сорвать это сотрудничество, так как такая связь не могла бы не отразиться на их взаимоотношениях с монополиями. В то же время они стремятся рассеять недовольство масс при помощи демагогических жестов, переплетаемых с попытками вытравить из сознания рабочих идеи классовой борьбы и конечную цель рабочего класса. Расхождения между рядовыми членами и руководителями находят свое отражение в характерных для многих социал-демократических партий конфликтах между активистами и низовыми функционерами, с одной стороны, и парламентариями и партийными «бонзами» — с другой.

Программа КПСС подчеркивает, что «современная правая социал-демократия остается важнейшей идейной и политической опорой буржуазии внутри рабочего движения»¹⁵.

Таким образом, значение правосоциалистических партий в системе диктатуры монополий может быть сведено к следующему:

1. Правосоциалистические партии удерживают рабочих от революционных методов борьбы, используя поддержку дезориентированных рабочих для образования неопасной парламентской оппозиции или в достаточной мере безвредного «социалистического» правительства, охраняющего основы капитализма, обеспечи-

¹⁵ «XXXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, Госполитиздат, 1962, стр. 268.

вающего осуществление основных задач монополистического капитала как в национальном, так и в международном масштабе (военные и экономические монополистические блоки и т. п.), и представляющего собой на первых порах опосредствованную форму диктатуры монополий, а в дальнейшей своей эволюции — лишь легкую маскировку этой диктатуры.

2. В обстановке крайнего обострения классовой борьбы «социалистическая» оппозиция или «социалистическое» правительство являются защитным валом монополий, сдерживающим напор революционной волны.

3. Допущение или привлечение к власти правых социалистов — вынужденная мера для монополистов, так как с ним сопряжены и известные неудобства при проведении монополистической политики. Такому правительству для сохранения доверия масс трудно обойтись без каких-либо мероприятий, идущих вразрез с интересами монополий. Оно находится под давлением рядовых членов и связанных с ними функционеров, требующих более решительных действий. С приходом этих партий к власти политическая активность таких элементов возрастает и обуржуазившимся партийным лидерам нелегко держать их в повиновении. Поэтому, монополистический капитал в «нормальных» условиях старается не допустить образования «социалистического» правительства, хотя особенно не возражает против такой коалиции с правыми социалистами, при которой они играют вторую роль в правительстве; в случае же образования правительства из правых социалистов монополистический капитал стремится по возможности сократить срок их пребывания у власти. Для этого пускают в ход средства, рассчитанные на то, чтобы расшатать позиции правительства, подорвать его финансовое положение, внести расстройство в экономическую жизнь, лишить его поддержки части депутатов, дискредитировать его и т. п. Правительство, поставленное перед дилеммой предпринять решительные меры для обуздания монополий, опираясь на помощь народа или уйти, отдает предпочтение именно последнему выходу, очищая место открыто буржуазному правительству.

Правосоциалистические партии помогают укреплять диктатуру монополистического капитала не только в национальном, но и в международном масштабе. Они активно участвуют в различных военных, политических и экономических меж- и надгосударственных образованиях, с помощью которых монополистический капитал отдельных государств стремится компенсировать свою растущую слабость внутри страны и в рамках которых монополии собирают и объединяют свои силы для борьбы против стран социализма, против революционного движения в своих странах и против национально-освободительного движения в колониях. В этих целях широко используются международные связи правосоциалистических партий. Международное объединение социали-

стических партий, Социалистический Интернационал, в современных условиях превращается по существу в орган НАТО для осуществления этих задач. Недаром один из виднейших его деятелей, Спаак, в течение длительного времени возглавлял организацию НАТО. При этом особые усилия прилагаются для того, чтобы удержать или вовлечь в орбиту империалистического влияния социалистические партии внеевропейских стран и, в частности, стран Азии, что, впрочем, наталкивается на немалые трудности. К тому же во взаимоотношениях между социалистическими партиями самих империалистических государств отражаются и противоречия, существующие между правящими классами этих стран, что порождает постоянную грызню и в самом Социалистическом Интернационале ¹⁶.

¹⁶ Стремление расширять свои внешние связи и координировать свою деятельность наблюдается также среди христианско-демократических партий отдельных стран. Эта тенденция всячески поддерживается Ватиканом. А в 1962 г., после слета фашистских главарей в Англии, было ширококвещательно объявлено о создании фашистского интернационала. Международная реакция концентрирует свои ударные отряды и резервы.

Глава III

Идеология, принципы, программы партий

Партии имеют свою идеологию, принципы, программу. Под идеологией мы понимаем теорию или учение, на почве которого стоит данная партия. Идеология включает вопросы общего мировоззрения; необходимая составная часть ее — политическая теория, определенные взгляды на желательное политическое и социально-экономическое устройство общества, соответствующие интересам данного класса или социальной группы.

Принципы — это руководящие начала политики партии, внешней и внутренней. Предполагается, что они либо прямо вытекают из идеологии партии, либо по крайней мере совместимы с ней, ей не противоречат.

Программа — это дальнейшее развитие и конкретизация принципов. Она включает перечень тех мероприятий, проведение которых партия считает желательным и которые обязуется провести в случае прихода к власти. Часто идеология и принципы партий излагаются в программном документе в качестве вводной или общей части.

Обеспечение и осуществление интересов, представляемых партией, предполагает формулировку соответствующих мероприятий, их сведение к некоторым основным принципам и обоснование при помощи определенной идеологии. Это необходимо, чтобы сплотить известное количество людей в данной партии в качестве ее членов и актива и для того, чтобы завоевать поддержку масс в борьбе данной партии за власть.

Но закономерная особенность буржуазной политической жизни заключается в том, что эти два момента — сплочение актива и завоевание поддержки масс — не совпадают полностью, а часто исключают друг друга. Можно ли завоевать поддержку масс в проведении системы мероприятий, выгодных монополистическому капиталу и направленных на ограбление этих масс? Отсюда сложность вопроса о программах буржуазных партий: многое из того, что составляет их подлинную программу, не входит в их официальную программу и напротив, много из того, что входит в официальную программу, отнюдь не составляет подлинной программы деятельности этих партий.

«Чтобы разобраться в партийной борьбе,— учил Ленин,— не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее»¹.

Вообще говоря, в программе современной буржуазной партии имеются три компонента.

Во-первых, пункты, отражающие особые интересы монополистического капитала. Эти пункты либо вовсе не фигурируют в официальных программных документах, либо фигурируют в завуалированном виде. (Например, интересы монополий изображаются, как интересы «хозяйства», или как условие финансовой стабильности, борьбы с инфляцией и т. п.)

Во-вторых, пункты, выражающие интересы тех групп имущих классов, которые составляют значительную часть членов и приверженцев данной партии — средних предпринимателей, зажиточного крестьянства, верхушки городской мелкой буржуазии и т. п. Эти пункты программы в той или иной степени могут иметь реальное значение, а именно в той части, в которой они не противоречат интересам монополистического капитала.

В-третьих, пункты, рассчитанные на уловление голосов широких народных масс; реальное значение их ничтожно, если не равняется нулю. Выполнение даже некоторой части этих пунктов зависит от борьбы масс, силы их нажима на свои правящие классы.

То же самое можно сказать о принципах политики партий. Между подлинными и декларируемыми принципами дистанция огромного размера. Если же некоторые подлинные принципы и декларируются, то в мистифицированном виде, при полном искажении их сущности и мотивов. Так, политика гонки вооружений или «с позиции силы», выгодная монополиям, мотивируется мнимой необходимостью обороны мнимо свободного мира от мнимой коммунистической агрессии; экономическая экспансия фигурирует под видом экономической «помощи», экономическая политика в интересах монополий изображается как «социальное рыночное хозяйство»; наконец, капиталистический строй выдается за строй, охраняющий свободу и достоинство личности, и т. п.

Большую сложность представляет и вопрос об идеологии буржуазных партий. Эта идеология составляет важную часть всего идеологического «багажа» буржуазии. Идеология партий, даже если речь идет не об общеполитических учениях, а о тех учениях и теориях, которые непосредственно отражаются в политических принципах и программах, т. е. прежде всего о политических и

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 276.

социально-экономических доктринах², в отличие от политических программ и даже принципов, не вырабатывается в комитетах партий или на их съездах. Она продукт длительного развития; и частично сложилась при господстве предшествующих общественных формаций (например, религия, которая, как мы видели, сейчас широко используется и в политике), частично — в эпоху буржуазных революций (например, либерализм, принципы буржуазной демократии, национализм), некоторые разрабатываются в тиши кабинетов современными учеными — прислужниками монополий (например, экономические и социологические теории «народного капитализма», «управленческой революции», «стратификации»). Но мы не можем здесь вдаваться в вопрос о происхождении и развитии идеологии, прямо не относящийся к теме нашего исследования. Нас интересует другой вопрос — вопрос об использовании идеологии в политической борьбе, о ее политической значимости.

Надо прежде всего отметить один кардинальный факт: каково бы ни было происхождение той или иной идеологии — точнее той или иной разновидности буржуазной идеологии, — представляет ли она самонавшийся стандартный продукт американских университетов или восходит к глубокой древности — в настоящее время она используется прежде всего в плане антикоммунизма, для борьбы против идей марксизма-ленинизма, против революционной идеологии рабочего класса, и в этом ее основное назначение. Многообразие и многослойность буржуазной идеологии — от учения отцов церкви до последних «открытий» буржуазной социологии — свидетельствует о том, что для этих целей буржуазии приходится мобилизовать все свои унаследованные и «благоприобретенные» духовные ресурсы.

Буржуазные партии используют прежде всего ту часть идеологического «наследства» буржуазии, которая может способствовать как сплочению различных буржуазных слоев в данных

² Надо иметь в виду, что современные буржуазные и правосоциалистические партии, вообще говоря, не обладают цельным философским мировоззрением. Партийная идеология, как правило, затрагивает лишь вопросы социальные, экономические и политические — иногда подводя под них и «этическую» базу. Общефилософские вопросы не затрагиваются — допускается принадлежность членов партии к любому направлению буржуазной философии или непринадлежность ни к какому философскому направлению. Известное исключение составляют христианско-демократические партии как «мировоззренческие» партии (*Weltanschauungsparteien*), однако философию, даже буржуазную, они заменяют религией; по существу же у них речь идет не о религии в целом, а преимущественно о тех высказываниях религиозных авторитетов (папские буллы и энциклики, писания отцов церкви, учение Фомы Аквинского и т. п.), которые непосредственно затрагивают социальные отношения. Еще чаще они ограничиваются туманной ссылкой на «духовные ценности христианства» или на «общечеловеческие ценности западной христианской цивилизации» и пр. Об идеологии современных буржуазных партий см. Ю. Францев. Политические партии буржуазии перед судом истории. «Коммунист», 1961, № 17, стр. 93.

партиях, так и объединению вокруг буржуазии широких масс, в первую очередь мелкой буржуазии. Последнюю привлекают прежде всего религиозная идеология, буржуазный национализм и в ряде стран также расизм, демагогические разглагольствования о свободе и достоинстве человеческой личности, о сохранении «культурных ценностей», о «государстве благосостояния». Специальные интересы монополий обслуживают частично отмеченные выше модные социологические и экономические теории «народного капитализма», дирижизма и т. п. Их основная цель — «спрятать» монополистическую олигархию — вполне способную линии этой олигархии на «анонимность».

Но правящие классы должны проявлять особую осторожность, прежде чем включать откровения того или иного переусердствовавшего профессора в свою официальную идеологию. Так, например, многочисленные теории власти, основанные на психоанализе или на «групповой психологии», или на «философии жизни», или на других предпосылках Ницше, Ортега-и-Гассета, де Жувенеля и других, с их резкой антидемократической направленностью, хотя и в достаточной мере выражают умонастроения социальной и финансовой «элиты» и пользуются известной популярностью среди отдельных групп реакционно настроенной интеллигенции, пока еще не могут быть взяты на «вооружение» крупными политическими партиями современного империалистического государства, так как они слишком откровенно и прямо выражают эти настроения. И напротив, идеи и принципы, которые на практике цинично попираются (демократия, свобода, господство закона, достоинство человека и т. п.), стали необходимой частью официальной идеологии и программы любой буржуазной партии, желающей в настоящее время приобрести мало-мальски широкую популярность³. Нельзя ничего понять в современной буржуазной политике, не учитывая этот дуализм между официальной идеологией, принципами и программой буржуазных партий и их подлинной идеологией, программой и принципами, которые на деле проводят эти партии.

Разумеется, в некоторой своей части официальная и подлинная идеологии и программы могут и совпадать. Речь идет о тех глубоко вкоренившихся в сознании отсталых масс предрассудках, которые составляют органическую часть идеологии правящих классов и используются, чтобы привлекать массы без всякого ущерба, а то и с прямой выгодой для правящих классов, например о церкви (но уже ссылки, допустим, на христианскую этику относятся к чисто фиктивной части программы), национализме, расизме, шовинизме, великодержавном экспансионизме

³ Недаром цитированный выше Рован отмечает различие «инструментального» и «идеологического» подхода к демократии у ХДС (F. Rovan. *Le catholicisme politique en Allemagne*. Paris, 1956, p. 282—283).

и т. п. Это как раз те положения буржуазной идеологии, которые эксплуататорские классы сумели привить части масс и которые монополистический капитал эффективно использует не только в целях демагогии и отвлечения внимания масс от классовой борьбы, но и в интересах экспансии и политики расовой и национальной дискриминации как формы экономической эксплуатации.

Социальные программы партий, рассчитанные на обман масс и уловление голосов и выдвигаемые в целях борьбы с распространением марксистско-ленинских идей, обычно сводятся к обещаниям «полной занятости», некоторых улучшений в области трудового и пенсионного законодательства, расширения жилищного строительства, удешевления медицинского обслуживания и образования и т. п. Но и эти обещания в значительной своей части так и остаются на бумаге. Эта часть программы обосновывается идеологическими принципами «государства благосостояния», социального, правового, христианского, культурного государства, принципом равных возможностей для всех и т. п., экономическими теориями Кейнса, «народного капитализма», регулируемой экономики и т. п. Здесь мы целиком находимся в области мистификации, фикций или имеем дело с рекламированием некоторых результатов временной высокой конъюнктуры в отдельных странах, выдаваемых за «экономическое чудо», за «новую эру» и т. п.

Эта часть программы наиболее важная с точки зрения уловления голосов избирателей и обеспечения победы на выборах над партиями, выражающими подлинные интересы народа. Представляя собой демагогический обман масс, она вместе с тем ложится грузом на партию, которой приходится потом всячески изворачиваться, чтобы объяснить массам причины невыполнения этих обещаний настолько убедительно, чтобы сохранить их голоса и на следующих выборах. Не только программа, но и идеология становится для многих буржуазных партий балластом, к чему-то обязывающим и в какой-то мере стесняющим свободу действий.

В вопросах идеологии и программы поэтому наблюдаются две тенденции. С одной стороны, возросшая политическая активность и сознательность масс и распространение марксистско-ленинских идей вынуждают буржуазные партии к усилению идейно-программного элемента пропаганды. Характерно, что в 1947 г. впервые в своей истории английские консерваторы выступили с программным «трудом» под громким названием «Индустриальная хартия». И издание таких документов с тех пор вошло в практику консервативной партии. С другой стороны, однако, наблюдается стремление многих партий обойтись без программно-идеологического груза или свести его к минимуму для того, чтобы иметь возможность каждый раз «свободно», т. е.

не оглядываясь на какие-либо идеологические принципы или программу, решать возникающие вопросы в соответствии с актуальными требованиями монополистического капитала. Разумеется, речь тут вовсе не идет о действительном отказе от идеологических принципов и программы. Партии продолжают руководствоваться буржуазной идеологией, принципами и программой увековечения капиталистического строя. Речь идет о том, чтобы путем отказа от ясно и определенно сформулированных идей, принципов и программ прикрыть свою верность буржуазной идеологии, ее принципам и программе и обеспечить себе полную свободу в выборе средств и методов их реализации. Программы вытесняются предвыборными платформами с неопределенными общими фразами и мизерным конкретным содержанием, демагогическими злободневными лозунгами и т. п. Это освобождает партии от необходимости провозглашать какую-либо целеустремленную политику преобразований, рассчитанную на более или менее длительное время.

Отсутствие программ и более или менее четко сформулированной идеологии было и остается характерным для республиканской и демократической партий США. Хотя лидеры этих партий иногда и не прочь поговорить о верности «партийным принципам», при этом речь идет о чем-то весьма туманном, неясном, неопределенном. Предвыборные платформы этих партий содержат также очень мало конкретных пунктов. В гораздо большей степени они подчеркивают свой «эмпиризм», отсутствие «догм», свободу придерживаться любой (разумеется, буржуазной) идеологии. Эти разговоры призваны затушевать наличие одной непоколебимой догмы — веры в необходимость сохранения и поддержания любыми способами существующей экономической системы классовых привилегий буржуазии и господства монополистического капитала, несмотря на то, что жизнь приносит каждый день новые весьма веские доказательства ее негодности и нецелесообразности и преимуществ социалистического строя. Эта догма, составляющая основу любой идеологии и программы любой буржуазной партии, на деле определяет всю внутреннюю и внешнюю политику буржуазных партий. Она принимается ими как незыблемый постулат. Некоторые партии, выдвигая определенные предвыборные платформы и формулируя определенные принципы, после выборов стремятся, прилагая максимум усилий, убедить избирателей в том, что предвыборные обещания оказались де на практике невыполнимыми, что программа и даже платформа — это одно, а жизнь — другое и что проводимая ими политика наиболее целесообразна с точки зрения задач сегодняшнего дня. «Свобода» от идеологии и программы выставляется как добродетель, как гарантия того, что партия будет учитывать без всякой предвзятости насущные потребности «народа».

Философская основа такого прагматизма — модные субъективно-идеалистические теории, отрицающие наличие какой-либо закономерности общественного развития, возможность научного предвидения, экономического планирования и т. п.

Официальная программа и идеология партии должна в значительной мере считаться с настроением широких масс, что в какой-то степени ограничивает выбор средств и методов удовлетворения интересов монополистического капитала. Поэтому даже те партии, для которых определенная идеология — как бы организующая часть их существа (например, христианские партии), на деле все больше отрывают свою практику от идеологии, превращая последнюю лишь в бутафорию, рассчитанную на то, чтобы создать у зрителей иллюзию реальности. Это особенно относится к партиям ДС—ХСС в ФРГ, МРП во Франции и некоторым другим.

Характерно, как протекает процесс «прагматизации» в правосоциалистических партиях. Социал-демократические партии в большинстве стран Западной Европы при своем возникновении стояли на почве марксизма. Некоторые социалистические партии восприняли мелкобуржуазную идеологию прудонизма, анархизма, бланкизма и т. п. Во всяком случае, определенная идеология, определенная программа преобразования общества, подлинно научная в одном случае, утопичная, ненаучная во всех других, была характерной чертой социалистических партий.

В Англии лейбористская партия вначале обходилась без определенной идеологии и программы, но уже в 1918 г. она стала социалистической партией, хотя социализм ее оставался довольно расплывчатым и не марксистским, а фабианским, причем многие из деятелей партии сохраняли узкие взгляды тред-юнизма.

После появления марксистско-ленинских, коммунистических партий социал-демократы продолжали клясться в верности марксизму, обвиняя коммунистов в отходе от «подлинного» учения Маркса; они сохранили и социалистическую программу-максимум, заявляя, что расходятся с коммунистами лишь в вопросе о средствах достижения конечной цели рабочего движения, отвергая диктатуру пролетариата и противопоставив революционной стратегии и тактике коммунистов стратегию и тактику «демократического социализма».

Но расхождение между действительной политикой социалистов, особенно в период их пребывания у власти, с социалистической идеологией и программой выявилось настолько резко, что совмещение их становилось все более затруднительным. Все труднее стало обманывать массы разговорами о социализме, в то время как проводилась политика спасения капитализма и «налаживания» классового сотрудничества. Было невозможно без конца оттягивать осуществление основных пунктов програм-

мы. В этих условиях социалистическая идеология и программа постепенно превращались из средства удержания масс в средство разоблачения политики социалистов перед массами. Правосоциалистические лидеры начали постепенно приучать рабочие массы, еще идущие за ними, к тому, что социализм стал ненужен, неосуществим и даже вреден, что марксизм «устарел» и т. д.

Вначале правосоциалистические лидеры и «теоретики» открыли поход против марксистской идеологии. Они объявили, что социализм может быть совмещен с любой другой идеологией, например с идеалистической философией и христианским мировоззрением, что он может быть осуществлен путем демократии и реформ и т. п. На этой стадии лозунг социализма еще был сохранен. Но, сказав «а», нельзя было не сказать «б».

На следующем этапе, во второй половине 50-х годов, социалистические лидеры выбрасывают за борт и этот лозунг, заменяя его мало к чему обязывающими формулами «общественного контроля» над монополиями, национализации лишь в случае экономической целесообразности и т. п. при сохранении частной собственности на орудия и средства производства. Повсюду старые программы заменяются новыми, в которых от социализма не остается и следа (новые программы германских, австрийских, скандинавских и других социал-демократов, новые программные документы лейбористов и т. п.). Таким образом, правые лидеры социал-демократии «открыто перешли на сторону буржуазии, отреклись от традиционных социалистических требований рабочего класса» (Программа КПСС).

Социал-демократы пытаются новыми программами заполнить пустоту, образовавшуюся в результате отказа от марксизма и социализма. Но эти программы представляют собой набор громких фраз о достоинстве человека, свободе и т. п. и крохоборческих требований экономических реформ. Это попытка замаскировать переход к буржуазному прагматизму, к политике, определяемой интересами дня, лишенной каких бы то ни было широких перспектив и конечных целей и направленной по существу на сохранение капиталистического строя. Все это служит наглядным доказательством того, что правые лидеры завели социалистические партии в тупик.

Политика правых лидеров наталкивается, однако, на растущее сопротивление многих рядовых членов партий, что отражает рост политической активности и сознательности рабочих-социалистов. Усилившаяся борьба в рядах социал-демократии говорит о глубоком кризисе реформизма в обстановке нового этапа общего кризиса капитализма и огромных успехов социалистического лагеря.

Глава IV

Приспособление структуры партий к задачам монополий

Монополистический капитал приспосабливает к интересам своей диктатуры как буржуазные, так и реформистские партии, проявляя при этом большую гибкость, приспособляясь в свою очередь к особым условиям работы каждой партии, ее социальным связям, ее традиционной идеологии и т. п. Отсюда и те различные формы взаимоотношений между партиями, с одной стороны, и монополиями — с другой, которые мы попытались выше проследить.

Приспособление партий к интересам диктатуры монополистического капитала потребовало соответствующих изменений и в структуре партий. Поскольку монополистическая олигархия связана в различных формах прежде всего именно с руководящей верхушкой партий, с их лидерами, и поскольку, с другой стороны, в самих партиях, особенно правосоциалистических, обостряются расхождения между лидерами и значительной частью рядовых членов партий, поскольку основная задача правящих кругов в данном вопросе — усилить власть лидеров партии и укрепить партийную дисциплину. Власть лидера в партии обеспечивается с помощью крепко сплоченного и постоянно работающего бюрократического аппарата, находящегося в распоряжении лидера или партийной олигархии. Аппарат партии осуществляет контроль за политическим «поведением» членов партии и, в частности, членов партийной фракции в парламенте, дает указания членам парламентских фракций партии, как им надлежит голосовать, подбирает наиболее подходящих кандидатов от партии на парламентских выборах и т. п., осуществляет связи партии с финансирующими ее корпорациями¹. Последнее служит дополнительным и весьма эффективным средством усиления контроля центрального аппарата партии над местными организациями, нуждающимися для проведения своей работы

¹ Некоторые буржуазные авторы отмечают, что ослабление партийной дисциплины усиливает зависимость депутата от местных средних и мелких предпринимателей.

в финансовых средствах, которыми располагает именно центральный аппарат.

Централизация и бюрократизация — таковы основные тенденции развития организационной структуры буржуазных (включая и правосоциалистические) партий. Некоторые буржуазные авторы (Дюверже) пытаются объяснить рост авторитарных тенденций в организации партий превращением их в массовые партии. Виноваты мол массы, которые хотят, чтобы ими управляли авторитарно. На самом же деле не массы, а руководители насаждают авторитаризм, чтобы держать в узде партийные массы. Впрочем, по признанию самого же Дюверже, авторитаризм растет и в таких партиях, которые отнюдь нельзя рассматривать как массовые, например в консервативной партии Великобритании. Авторитаризм в партийном руководстве — естественное следствие подчинения партий финансовой олигархии.

Формально в партиях применяется принцип выборности. Высшие органы партии — это съезд партии, избираемый им совет, собирающийся периодически для рассмотрения основных вопросов политики партий, и рабочий орган партии во главе с лидером (такая «трехэтажная» структура характерна для большинства партий континентальной Европы)². Однако помимо того, что выборы в партийные органы проходят под контролем и при сильном давлении со стороны руководства, помимо таких приемов снижения роли партийных масс, как установление непропорционального представительства местных организаций в выборных органах партии, при применении принципа выборности допускаются и другие существенные изъятия. Так, значительную часть членов «выборных» органов составляют члены *ex officio*, например члены парламентских фракций, члены правительства (настоящие и бывшие) и т. п.³ Так, половину членов национального совета ЮНР (Франция) составляют парламентарии, в центральный комитет входят министры, председатель палаты и т. д.; в политическом комитете ЦК удельный вес высших должностных лиц государства еще более высок.

Напомним также сказанное выше о независимости правительства и парламентских фракций от выборных органов партий. В Англии парламентская фракция и избираемый ею лидер фактически не подчинены выборным партийным органам. В США партийные фракции в конгрессе по существу полностью обособлены от внеконгрессовых центральных партийных орга-

² В некоторых партиях существует еще четвертый этаж: узкий круг наиболее приближенных к лидеру руководителей внутри рабочего органа.

³ Правда, некоторые партии (например, французские радикалы в 1955 г.) вынуждены иногда формально ограничивать удельный вес парламентариев в центральных органах партий, однако, по признанию самих буржуазных авторов, эти ограничения не имеют серьезного реального значения.

нов. Выборные национальные комитеты республиканской и демократической партий не имеют серьезного политического веса; функции партийного руководства осуществляются партийными лидерами в конгрессе и президентом. Сам председатель национального комитета партии не выбирается, а назначается кандидатом в президенты. Совершенно ясно, что он может играть лишь подчиненную роль в отношении президента и даже фракции конгресса. И если можно говорить об известном росте удельного веса национальных комитетов партий в США, то лишь в отношении местных партийных комитетов, а не в отношении фракций конгресса.

Лидеры партий, как правило, обладают правом налагать санкции за неповиновение на отдельных членов и целые организации. В современных условиях, когда избиратель привык голосовать не за лицо, а за партию, такое партийное взыскание за непокорность лидеру, как исключение из партии, или невыставление кандидатуры «провинившегося» на парламентских выборах приобрело особую эффективность, так как оно способно поставить под вопрос всю дальнейшую политическую карьеру данного лица, т. е. то, что большинство буржуазных политиков ценит гораздо больше, чем верность принципам. Именно это и является реальной основой той жесткой партийной дисциплины, которая характерна для многих современных буржуазных партий.

Постоянно действующий аппарат партии осуществляет также другую функцию, приобретающую в современных условиях большое значение, а именно: поддержание постоянных — а не только приуроченных к выборам — контактов с избирателями, пропагандирование политики партии и контрпропаганда, направленная против марксистско-ленинских идей; издание партийной литературы, формулировка «принципов политики» и т. п. В этих целях при органах партии создаются специализированные комитеты, бюро и т. п.

Наличие постоянно действующего бюрократического аппарата становится характерной чертой почти всех буржуазных партий. Даже в США, где, как указывалось, деятельность партий в период между выборами менее заметна, в настоящее время как республиканская, так и демократическая партия обзавелись своими штаб-квартирами, центральными учреждениями и бюро для «исследований» и пропаганды, подчиненными председателям национальных комитетов этих партий. Причем постоянное связующее звено между этим центральным аппаратом и партийными организациями в штатах составляют члены национального комитета от соответствующих штатов.

В ряде стран существуют также отраслевые комитеты парламентских фракций; с их помощью подготавливаются решения фракции по вопросам законодательства и политики.

В связи с тенденцией к организационному укреплению партий приобретает серьезное значение и вопрос об оформленном членстве.

Для большинства буржуазных партий домонополистического периода было характерно отсутствие организованного членства. Это объясняется прежде всего тем, что такое членство не было необходимым с финансовой точки зрения, так как финансы партий составлялись из крупных пожертвований отдельных богатых деятелей или сторонников партий. Членами партий считались те лица, которые открыто выражали свое сочувствие ей, посещали партийные собрания и, главное, голосовали за кандидатов данной партии и агитировали за них во время выборов. Такие «члены» в ряде партий (особенно в США) приобретали в конце концов и известные права в партии, участвуя в выборах партийных комитетов, в первичных выборах и т. п.

Что касается рабочих партий, то они с самого начала применяли принцип организованного и оформленного членства. В этом отражалось стремление рабочего класса к организации и сплочению своих рядов, к работе в коллективе, необходимость организованных коллективных действий, а также тот факт, что членские взносы составляли главный источник партийных финансов.

Система неоформленного членства сохранилась в странах с двухпартийной системой в *буржуазных* (но не реформистских) партиях, а также в некоторых крупных партиях и в странах с многопартийной системой (например, партия радикалов во Франции). Деятельность таких партий сосредоточена в комитетах, местных и центральном. Эти партии остаются «партиями нотаблей», т. е. местных политиканских клик и руководящей центральной клики.

Некоторые партии до сих пор обходятся вообще без членства, даже неоформленного. Эти партии представляют собой генералов без армий. Такой характер носят некоторые партии во Франции, и в частности правая партия независимых, представляющая интересы средних предпринимателей, помещиков и кулаков, но по существу подчиненная крупным монополиям. Сами независимые объявляют, что они не намерены подражать другим партиям в деле создания массовых организаций.

В данном случае речь идет о партии, которая ориентируется на определенный устойчивый, но ограниченный классовыми рамками контингент избирателей, не рассчитывая на массового избирателя. Избиратели таких партий организованы в объединения предпринимателей и другие союзы подобного рода, с которыми партия связана многообразными способами. Самый принцип организации такой партии представляет собой форму скрытого протеста против системы массовых партий, привлекающих в той или иной мере массы к участию в делах государства. Этому

противопоставляется принцип руководства политической жизнью со стороны квалифицированной «элиты».

Наряду с этим появились и в ряде стран даже стали преобладать буржуазные политические партии с оформленным членством. Такая структура характерна, с одной стороны, для крупных партий, пытающихся конкурировать в рабочей среде с рабочими партиями (например, для христианско-демократических партий), и с другой стороны, для мелких партий, добивающихся признания и финансовой поддержки со стороны монополистов, но пока еще вынужденных существовать на постоянные членские взносы. Тенденция во многих буржуазных партиях к массовому оформленному членству⁴ отражает прежде всего стремление этих партий закрепить и расширить свое влияние в массах избирателей. Вместе с тем известное значение имеет и стремление завуалировать источники финансирования партий и представить дело так, что партия якобы существует за счет небольших взносов рядовых членов.

Недаром Уултон (главный «кнут» английской консервативной партии) подчеркивал, что обильные пожертвования богатых создают подозрение и подрывают доверие к партии среди менее обеспеченных людей⁵.

Однако, даже по признанию буржуазных авторов, взносы индивидуальных членов не играют сколько-нибудь значительной роли как источник финансирования деятельности буржуазных партий⁶.

Другая характерная черта структуры некоторых партий вытекает из стремления этих партий создать в самих органах партии видимость представительства различных классов и слоев населения, причем особое внимание уделяется «представительству» рабочего класса.

Необходимо при этом различать два случая: во-первых, отражение социально-классовых моментов в структуре постоянного аппарата партии, как, например, создание отделов по вопросам труда и профсоюзов, представительство отдельных социальных групп в руководящих органах партии, и, во-вторых, отражение этого момента в организационной структуре самих партий, путем создания внутри партий крупных организаций, объединяющих членов партии по социально-классовому признаку. Вот несколько примеров, иллюстрирующих как тот, так и другой случай.

В ХДС — ХСС имеются специальные «социальные комитеты», которые должны выражать настроения рабочих — членов партии.

⁴ В настоящее время этот вопрос, как и ряд других организационных вопросов, поставлен ХДС — ХСС в порядке «оживления» партийной работы. Оформленным членством располагает деголлевская партия ЮНР и т. д.

⁵ «Western Political Review», vol. X, N 3, 1957, p. 598.

⁶ «Neue Juristische Wochenschrift», 1959, N 10, S. 409. См. также: «Die Welt», 1963, N 24.

В этих организациях, отнюдь не определяющих политику партии, находит известный выход недовольство рабочих, требования ограничения власти монополий, осуществления программы партии и т. п. В составе Австрийской народной партии существует Союз австрийских рабочих и служащих, Крестьянский союз, Хозяйственный союз, т. е. объединение промышленников. Партия в некотором смысле построена как конфедерация этих союзов.

В составе итальянской христианско-демократической партии имеется «Национальная конфедерация мелких и средних землевладельцев», в которой состоят около 200 тыс. членов партии. Эта конфедерация фактически подчинена федерации аграрных консорциумов — организации крупного аграрного капитала. Недаром эта конфедерация — оплот правой группировки Сеньи — Андреотти.

С другой стороны, с партией связаны католические профсоюзы и находящиеся под их влиянием министерство государственных участков и некоторые государственные предприятия, иногда оказывающиеся в оппозиции к крупным монополиям.

Голлистское Объединение французского народа в свое время создавало на предприятиях группы, действовавшие наряду с территориальной организацией. В консервативной партии Англии в каждом партийном органе имеется специальный отдел по делам тред-юнионов, в который входят некоторые консервативные члены профсоюзов и консервативные профсоюзные бюрократы. В МРП (во Франции) в руководящих органах обеспечивается представительство различных социальных групп и прослоек.

Характерная черта, получившая особое развитие именно за последние десятилетия, — создание многими буржуазными партиями большого количества примыкающих к ним организаций — молодежных, женских, студенческих, спортивных, «благотворительных» и т. п.

Все это непосредственно связано со стремлением буржуазных партий расширить и укрепить свои связи с массами, расширить социальную базу диктатуры монополий, с одной стороны, и узаконить, оформить постоянные контакты с последними — с другой.

Появляются внутрипартийные и околопартийные «группы давления», с помощью которых монополистический капитал контролирует политические партии и, в частности, их руководство.

Мы видели это в Италии на примере Федерации аграрных консорциумов, которая непосредственно и через Национальную конфедерацию мелких и средних землевладельцев обеспечивает проведение партией через парламент и правительство различных выгодных ей хозяйственных проектов и ассигнований. Английский исследователь Файнер характеризует отношение предпринимательских союзов и консервативной партии как сопряженность.

В странах, где сильна клерикальная партия, внутри- и околопартийной группой давления является церковь, и в частности

католическая, высшее духовенство, связанное с крупным капиталом и аграриями и поддерживающее наиболее правые круги в партии. В Италии церковь располагает огромной сетью различных организаций,— «Католическое действие», гражданские комитеты, папская комиссия помощи беженцам (одна эта комиссия насчитывает 200 тыс. активистов). Вся эта густая сеть организаций — резервная сила правых христианских демократов для оказания давления на центр и левых, и даже для создания — в случае поражения в самой партии — новой, не менее сильной клерикальной партии.

В консервативной партии в Англии роль внутрипартийных правых групп давления играют в частности группы консерваторов, имеющих крупные капиталовложения в колониях и доминионах.

Глава V

Приспособление партийной системы к задачам диктатуры монополистического капитала

Монополистический капитал приспособливает к задачам своей диктатуры не только политические партии в отдельности и не только внутреннюю организационную структуру партий, но всю партийную систему данной страны в целом, независимо от того, многопартийная она или двухпартийная. Необходимо тут же оговорить, что термин «двухпартийная система» характеризует не число партий в стране вообще (обычно это число превышает два), а число партий, каждая из которых способна в условиях господства монополий образовать правительство или возглавить его как ведущая партия. Но такая способность не является чем-то случайным. Она отражает общую расстановку политических сил в стране, степень организованности рабочего класса, взаимоотношения в лагере буржуазии, исторические условия развития и т. д.

Многопартийность (т. е. наличие более чем двух партий, способных образовать правительство или участвовать в нем — именно в этом смысле этот термин будет применяться во всем дальнейшем изложении) — в буржуазном государстве представляет естественный продукт многоклассовости этого государства и наличия многих групп с различными интересами внутри одного и того же класса, борющихся за власть. «...Взаимоотношения классов в капиталистическом обществе и взаимоотношения партий тесно связаны между собой»¹. Действие этих объективных причин усиливается действием субъективных причин — неизбежных различий в понимании классовых или групповых задач различными лицами, принадлежащими к одному и тому же классу или группе, карьеристских побуждений тех или иных политиков и их конкурентной борьбы и т. п.

Существование в некоторых странах, преимущественно в странах английского языка, двухпартийной системы в означенном выше смысле объясняется особыми условиями исторического развития этих стран. Представительные учреждения Англии и

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 257.

США сложились там в такой период, когда классовая дифференциация общества была еще не очень резкой, а рабочий класс еще не сформировался в класс для себя. Эта социальная «расплывчатость» нашла свое выражение в образовании двух партий с относительно однородной социальной базой, выражавших неантагонистические интересы различных групп правящих классов, ведших за собой различные слои избирателей — фермеров, ремесленников и т. п.

Руководимые крупнобуржуазной, крупнопомещичьей (Англия) или крупноплантаторской (США) верхушкой, эти партии, ведя конкурентную борьбу за власть, стремились наперебой привлечь к себе более широкие слои избирателей, учитывая до некоторой степени в своей политике их особые требования, задерживая тем самым образование новых партий.

В США в ряде штатов фермеры в определенные периоды выступали как серьезная политическая сила, с которой приходилось считаться. Однако они предполагали, что смогут добиться выполнения своих требований органами федерации, лишь примкнув к одной из «национальных», т. е. действующих в масштабе всей федерации партий.

В этих странах ввиду относительной слабости политического рабочего движения и прочности буржуазной диктатуры вопрос о методах диктатуры не вызывал серьезных расхождений и различие между буржуазной правой и буржуазной левой было сравнительно слабо выражено.

Разумеется, вопросы личной карьеры и личного обогащения играли в этих странах ничуть не меньшую, а в США даже большую роль, чем в других буржуазных странах. Энгельс дал классическое описание нравов американских политиканов во второй половине прошлого столетия. Но в силу действия всех указанных выше факторов более верную карьеру и большие выгоды сулило здесь не основание собственной партийной фирмы, а присоединение в качестве пайщика к одной из уже существовавших могущественных партий. Организационная структура партий в США обеспечивала широкую автономию местным «боссам» в деле выдвижения своих «людей» на выборные должности на местах распределения «добычи», грабежа государственной казны и т. п. Таковы те причины, которые способствовали возникновению и сохранению в ряде стран двухпартийной системы.

В дальнейшем, когда классовые противоречия стали обостряться, когда рабочий класс начал активизироваться, буржуазия использовала (и использует до сих пор) эту двухпартийную систему в качестве тормоза для образования партий рабочего класса².

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 192—193.

Однако в Англии характер этой системы подвергся существенным изменениям — здесь хотя и с большим опозданием все же появилась рабочая партия. Это вначале привело к трехпартийной системе, состоявшей из лейбористской, консервативной и либеральной партий. Однако уже в начале 30-х годов либеральная партия сходит со сцены как одна из крупных партий и таким образом восстанавливается система двух крупных партий — консервативной и лейбористской. Либеральная крупная и средняя буржуазия перешла к консервативной партии, видя в ней главный оплот против лейбористского «социализма». Что касается мелкой буржуазии и средних слоев, то среди них произошло размежевание: часть перешла к консерваторам, часть к лейбористам, некоторая часть «упорных» либералов продолжает голосовать за либеральную партию, которая, собирая больше миллиона голосов, представлена в парламенте несколькими депутатами, не принимаемыми в расчет при образовании правительства.

Традиции двухпартийной системы с некоторыми вариантами были перенесены и в доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия).

Двухпартийная система по-разному реализуется в различных странах. В США с их системой «разделения властей» власть иногда оказывается разделенной между обеими партиями. В таких случаях одна партия господствует в исполнительной сфере, другая — в законодательной. Смена власти в одной сфере не связана с необходимостью менять власть в другой.

В Англии полнота власти всегда (во всяком случае в мирное время) находится в руках партии, победившей на парламентских выборах.

В Австрии у власти всегда стоит блок обеих партий, народной и социалистической, делящих между собой правительственный и административный посты и осуществляющих власть совместно, в порядке постоянных компромиссов. Все решения правительства и парламента принимаются предварительно коалиционным комитетом, состоящим из представителей обеих партий, и затем штампуются органами государства.

Различия между партиями не имеют существенного значения. Фактически во всех этих странах власть осуществляется на базе сотрудничества лидеров обеих главных партий, а борьба этих лидеров носит в значительной мере показной и во всяком случае непринципиальный характер.

Различия относятся лишь к степени прямой ответственности той или другой из обеих партий за проводимую государственную политику. Недаром новая, Годесбергская программа германских социал-демократов прямо отмечает, что правительство и оппозиция имеют различные задачи, но несут совместно ответственность за государство.

Однако в современных условиях приходится различать несколько видов двухпартийной системы, в зависимости от состава партий, причем различие в составе в некоторой мере отражается на функционировании этой системы.

1. Обе партии буржуазные (в США, Канаде, Южно-Африканской Республике и др.).

2. Одна партия буржуазная, другая — правосоциалистическая (в Англии, ФРГ, Австрии, Бельгии).

3. Одна партия буржуазная, другая — левоцентристская социалистическая (в Японии). Здесь отношения между партиями носят более конфликтный характер, чем в остальных двух случаях.

Особое положение сложилось в Италии, где главной и единственной крупной партией буржуазии противостоит — как крупнейшая после нее не только в стране, но и в парламенте — коммунистическая партия (третья крупная партия — левоцентристская социалистическая партия, сама по себе неспособна, как партии большинства, образовать правительство). Такое положение явно не укладывается в рамки традиционной двухпартийной системы. Коммунистическая партия не намерена играть роль партнера буржуазной партии в парламентской игре, да и буржуазные партии не желают этого. Они идут на любые парламентские комбинации (союз христианских демократов с правыми, союз их же с левыми, «нейтрализация» или привлечение социалистов и т. п.), лишь бы исключить возможность образования коммунистического правительства обычным конституционным путем.

Появление сильной коммунистической партии «осложняет» функционирование и многопартийной системы. Во Франции при Четвертой республике компартия была самой сильной парламентской партией. Однако вместо того, чтобы с соблюдением нормальной конституционной процедуры допустить ее к власти, фактические хозяева страны искусственно сколачивали блоки партий меньшинства, хотя это лишь усиливало неустойчивость правительства. Пятая республика пошла иным путем: при помощи нового избирательного закона она искусственно снизила во многом раз представительство левых демократических сил в парламенте и вместе с тем предприняла реорганизацию буржуазной партийной системы, создав крупную партию монополистического капитала в лице ЮНР. Выборы 1962 года показали, что и здесь основная сила, противостоящая главной партии монополий, — коммунистическая партия, стремящаяся объединить все силы, выступающие против режима личной власти.

Франция — классическая страна многопартийной системы. Здесь, как указывал Ф. Энгельс, историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца и в наибольшей степени находила свое выражение в политических институтах.

Такая же система установилась и в других странах континентальной Европы, где парламентские учреждения сложились уже в обстановке дифференциации общества на два основных класса, буржуазию и рабочий класс, и острой классовой борьбы между ними.

С точки зрения рабочего класса, многопартийная система имеет два важных преимущества перед двухпартийной: 1) она облегчает образование самостоятельной партии рабочего класса и освобождение рабочих масс из-под влияния буржуазных партий; 2) она ослабляет классового врага — буржуазию. Силы буржуазии разбиты на несколько партий, между которыми происходит драка за места в государственном аппарате, за власть. При многопартийной системе, как правило, одна партия не в состоянии образовать правительство. Возникает необходимость в коалициях и блоках, что обуславливает неустойчивость и неавторитетность правительств. Быть может, не случаен (хотя, разумеется, отнюдь не это решает дело) тот факт, что переход буржуазии к однопартийной фашистской диктатуре происходил более ускоренно именно в многопартийных государствах: Германии, Италии, Испании. Наиболее реакционные круги в этих странах в целях укрепления своей диктатуры остервенело выступали против «правления партий» как источника слабости власти, отбросили многопартийную систему как препятствие на пути к установлению тоталитарного режима, загнав в подполье партии рабочего класса и запретив даже буржуазные партии, кроме одной фашистской партии. В странах же с исторически сложившейся двухпартийной системой монополистический капитал легче приспособляет к своим интересам эту систему, сохраняя в резерве возможность перехода к однопартийной системе фашистского типа.

В настоящее время происходит известная трансформация как многопартийной, так и двухпартийной системы как выражение процесса приспособления партийной системы буржуазного государства к задачам диктатуры монополистического капитала.

В современных условиях, когда методы старого фашизма оказались скомпрометированными, в развитых капиталистических странах пока еще не может идти речь об однопартийной системе фашистского типа (если не считать страны, сохранившие фашистский режим с довоенных времен, как Испания и Португалия). Бурные массовые выступления в Англии и других странах против малейших попыток фашистов вылезти из своих нор говорят сами за себя. В то же время обострение классовых противоречий и рост активности масс стимулируют тенденцию крупного капитала к сосредоточению своих главных сил в *одной* партии как основной партии монополистического капитала, с тем чтобы добиться для нее положения перманентно правящей пар-

тии — постоянной монополии власти или положения постоянного ядра любого правительства.

Таким путем монополии стремятся избежать тех встрясок ослабевшего политического организма, с которым сопряжены смены правительств. Эта тенденция наблюдается не только в таких странах с многопартийной системой, как Италия, ФРГ, Бельгия, Франция (при Пятой республике), но и в странах с двухпартийной системой, а именно там, где второй партией является реформистская партия, хотя и прирученная, но находящаяся под давлением рабочих избирателей, как, например, в Англии, Австрии, Австралии. Здесь с появлением сильной реформистской партии все буржуазные партии, кроме одной, фактически сошли с политической сцены, во всяком случае с авансцены. В результате грани между многопартийной и двухпартийной системами стираются. Такие страны, как Бельгия или ФРГ, фактически превратились в страны с *одной главной* партией монополистического капитала и резервной партией монополистического капитала в виде правосоциалистической партии. При этом вопрос о том, сколько буржуазных партий остается помимо данной главной партии монополистического капитала, не имеет принципиального значения. Эти партии в лучшем для них случае могут играть лишь подсобную роль при различных парламентских комбинациях. Так, в Англии, ФРГ, Бельгии либералы превратились лишь в привесок к главной партии монополий.

В Италии реформистская партия (сарагатовцы), как и мелкобуржуазные республиканцы, сведена к роли придатка к главной партии буржуазии — христианско-демократической. Более правые партии (монархическая, либеральная, неофашистская) также неспособны играть самостоятельную роль в деле образования или свержения правительства.

Во всех этих странах возникает и другая тенденция — сглаживание различий между главной буржуазной партией и реформистской партией, а в области внешней политики — даже исчезновение всяких различий. Сочетание этих двух тенденций направлено на обеспечение прочной партийной базы диктатуры монополий.

Сравнение современной системы партий с довоенным временем весьма показательно. В Веймарской Германии вначале существовали четыре буржуазные партии, которые в известных пределах были равномошными: демократическая партия, «центр», народная партия и национальная. К концу двадцатых годов демократическая партия почти сошла со сцены, но появилась национал-социалистическая партия. В настоящее время в ФРГ только одна крупная буржуазная партия, которая способна образовать правительство, — Христианско-демократический союз.

В Италии до фашизма католическая партия «Пополари» и либеральная партия делили между собой представительство

буржуазии наряду с другими менее крупными партиями. В Японии существовала двухпартийная система: партии Сейюкай и Минсейто были связаны соответственно с концернами Мицубиси и Фuyoхиси. Сейчас там лишь одна партия буржуазии — либерально-демократическая.

В Австрии, где до аншлюса 1938 г. существовали две главные буржуазные партии (кроме социалистической), а именно, христианско-социальная и национал-социалистская, после второй мировой войны христианско-социальная (народная) партия осталась, естественно, в качестве единственной главной партии монополистического капитала, и таким образом установилась описанная выше двухпартийная система.

Надо отметить, что даже в Англии, классической стране двухпартийной системы, еще в начале 30-х годов либеральная партия представляла собой внушительную силу наряду с консервативной и лейбористской партиями. Теперь же по существу остались лишь консервативная и лейбористская партии. В Бельгии либеральная партия также почти утратила свое значение по сравнению с социально-христианской и социалистической партиями.

В условиях обострения классовой борьбы, активизации рабочего класса, появления мощных партий рабочего класса — коммунистических партий и даже в условиях появления сильных реформистских партий монополистический капитал стремится противопоставить им одну сильную, крупную партию. Как видно из приведенных примеров, это одна из наиболее характерных тенденций в развитии партийной системы современного империалистического государства.

Во Франции, где функционирование многопартийной системы сопровождалось крайней неустойчивостью кабинетов и частыми правительственными кризисами, монополистический капитал был особенно заинтересован в «реорганизации» этой системы. Однако **преодоление партийной раздробленности в лагере буржуазии** в этой классической стране многопартийности, многочисленных **партий с прочно установившимися традиционными позициями** в различных частях страны, представляло особые трудности. К тому же при наличии сильной коммунистической партии возможность создания прочного крупнокапиталистического большинства оставалась весьма проблематичной. Монополистический капитал Франции пошел иным путем — путем государственного переворота, превратившего парламент в бессильную говорильню и установившего режим личной власти. Организаторы переворота не скрывали, что он направлен именно против партий и «правления партий». Вместе с тем монополистические круги Франции отнюдь не отказались и от использования партийного механизма. Стремление к консолидации сил буржуазии под эгидой монополий и по «партийной линии» проявилось в образовании деголевского Союза в защиту новой республики, которому де Голль

предназначил роль главной партии монополий. В целях обеспечения этой партии главенствующего положения в парламенте была произведена избирательная «реформа», совершенно искажившая волеизъявление избирателей. ЮНР, особенно после выборов 1962 г., добилась благодаря этому, а также моральному нажиму и шантажу такого большинства, какого не имела ни одна буржуазная партия со времен первой мировой войны.

Несколько по-иному проявляется эта тенденция в США, где при наличии двухпартийной системы отсутствует массовая реформистская партия. Мы уже видели, что в США, если и можно говорить о каком-либо различии между обеими партиями монополистического капитала, то оно сводится к тому, что в одной партии, республиканской, монополии господствуют, в то время как в другой партии, демократической, они доминируют³. Такая система, разумеется, вполне устраивает монополистический капитал.

В США политические выгоды, связанные со сменой партий у власти и с уводом в резерв «надоевшей» партии пока еще перевешивают связанные с такой сменой «потери». Поэтому система избирательных качелей в общем сохраняется. Если же при наличии демократического большинства в конгрессе имеет место известная активизация немонополистических элементов этой партии, монополистический капитал организует коалицию республиканской партии с наиболее реакционной частью демократической партии, и эту коалицию можно рассматривать как подлинную главную и постоянно контролирующую законодательство партию монополистического капитала, хотя и не полностью ущемляющуюся в формальные партийные деления⁴.

Эти факты — отметим мимоходом — дают также материал для оценки теории Дюверже, согласно которой партийная система в значительной степени определяется избирательной системой⁵. Тот факт, что в странах с различными избирательными системами, как Англия, ФРГ, Италия и т. д., проявляется одна и та же отмеченная выше тенденция, основная и определяющая для всей партийной системы, говорит о весьма относительном и ограниченном значении отмеченных Дюверже факторов.

Необходимо оговорить, что тенденция к унификации партийной жизни проявилась не сразу. В первые послевоенные годы наблюдается, особенно в странах, освободившихся от фашист-

³ В английском языке это различие полностью пропадает, так как *domination* и означает господство.

⁴ Надо иметь в виду, что и в кабинете Кеннеди две ключевые позиции, министров финансов и обороны, занимают республиканцы.

⁵ Согласно Дюверже пропорциональная система способствует складыванию мощных централизованных и дисциплинированных партий, мажоритарная система с одним туром голосования — двухпартийной системе, а мажоритарная система с двумя турами — системе многих слабо централизованных партий.

ских режимов, возникновение большого числа партий, которые впоследствии сливались и делились в самых различных и причудливых комбинациях. Лишь постепенно, по мере того, как монополистический капитал восстанавливал и укреплял свои позиции, обозначалась тенденция к «упрощению» партийной системы.

Как уже говорилось выше, стремление к концентрации всех сил, поддерживающих диктатуру монополистического капитала в одной партии, сопровождается политикой, рассчитанной на то, чтобы превратить эту партию в постоянного и бессменного носителя государственной власти. Другие буржуазные или реформистские партии тем самым обрекаются на роль постоянной оппозиции, демонстрирующей своей бессильной «критикой» правительства «силу» и «жизненность» демократии.

Это означает переход (точнее тенденцию к переходу) от системы смены партий у власти, системы «качелей», к закреплению власти за основной и главной партией монополистического капитала. Вместо постоянной перемены ролей между партиями — роли оппозиции и правящей партии — проводится закрепление этих ролей за определенными партиями: за одной партией — роли правящей партии, за другой партией — роли оппозиции, ибо в большинстве стран неудобные стороны старой партийной игры уже перевешивают те выгоды, которые она представляла.

Действие этих тесно связанных между собой тенденций можно с особой отчетливостью проследить на примере ФРГ. Буржуазный исследователь О. Флехтгейм констатирует растущую в ФРГ тенденцию к переходу от многопартийной к двухпартийной или даже «к полуторпартийной» системе. Она заключается в том, что одна партия составляет постоянное большинство, а другая — постоянную оппозицию. Флехтгейм отмечает, что поддержка партии ХДС такими мощными группами давления, как федеральный союз немецкой индустрии и католическая церковь, делает крайне маловероятным изменение данного соотношения сил партий. Это еще не однопартийная система, ибо легальное существование «оппозиционной» партии допускается. Но это уже и не классическая двухпартийная система, ибо у власти постоянно находится лишь одна и та же партия; упразднена характерная для двухпартийной системы смена партий у власти.

Такая тенденция к «полуторпартийной» системе в различных вариациях заметна и в ряде других буржуазных государств, в частности в Англии, где в 1950 г. у власти находится консервативная партия⁶, в Италии, где у власти стоит христианско-демократическая партия, в худшем для нее случае в коалиции

⁶ Исследователь английской партийной системы Бэр считает, что отсутствие единства в лейбористской партии предопределяет дальнейшее снижение

с другими небольшими партиями — правыми или левыми. Во Франции постоянное господство одной партии утвердилось после 1958 г. и особенно усилилось после выборов 1962 г. Оно гарантируется режимом личной власти, «узаконенным» конституцией 1958 г., антиконституционным «плебисцитом» 1962 г. даже независимо от результатов выборов. В Японии у власти постоянно находится либерально-демократическая партия.

Тенденция к созданию и консолидации крупной партии монополистического капитала и установлению ее тесной связи с государственным аппаратом — это несомненное проявление тенденции фашизации буржуазного государства. Однако фашизация происходит ныне в новых, завуалированных формах. Если довоенный фашизм осуществлял «унификацию» партий путем административного запрещения и разгона всех остальных партий, даже буржуазных, и ликвидации парламентских институтов, то в настоящее время речь идет об унификации в рамках парламентского режима и при сохранении формальной свободы образования партий. Впрочем, такие факты, как запрещение (открытое или завуалированное) компартии в ряде стран (в ФРГ, США) и фактическая ликвидация парламентаризма (во Франции), говорят о том, насколько относительно грани и различия между «старым» и «новым» фашизмом.

Необходимо, при этом, иметь в виду, что речь идет о тенденции, о политике монополий, направленной на достижение определенной цели, а не об уже установившейся системе. Эти попытки имеют значительные шансы на успех там, где в роли оппозиции выступают партии, неспособные противопоставить линии монополий последовательную антимонаполистическую и антикапиталистическую линию, которая отвечает интересам масс и может сплотить широчайшие народные массы. Но попытка конституционным путем увековечить господство основной партии монополистического капитала может быть сорвана путем организации массового отпора реакции. Наличие активного антимонаполистического движения может оказаться фактором, активизирующим и стимулирующим сопротивление также реформистских партий попыткам отодвинуть их в ранг «половинной» партии, поставить в положение постоянной оппозиции.

Надо отметить также, что создание крупных партий, создание монопольного господства одной партии оборачивается своими невыгодными сторонами также и против самих монополий. Противоречия между монополистической и немонополистической буржуазией проникают внутрь партий. Крупные партии становятся ареной внутренней борьбы. И если столкновения в верхах вызываются нередко лишь дракой за места, за

удельного веса этой партии и переход Англии к однопартийной системе, при которой будет отсутствовать альтернативное правительство («Political Quarterly», 1961, N 2).

власть, то выступления рядовых членов и функционеров нередко отражают реальные противоречия интересов, и в частности противоречия между интересами средней буржуазии и средних слоев, с одной стороны, и крупного капитала с другой.

Иногда как реакция на создание крупных партий происходит гальванизация мелких партий. В той же ФРГ на последних выборах свободная демократическая партия сумела несколько активизироваться и увеличила число голосов за счет избирателей, которые были недовольны христианско-демократическим союзом, но не желали голосовать за социал-демократов. Аналогичные явления наблюдаются отчасти и в Англии.

Кризис буржуазной политики и буржуазной идеологии в полной мере наблюдается и в буржуазных партиях, в их программах, в системе буржуазных партий. Попытки преодолеть этот кризис путем консолидации сил монополистической буржуазии в крупных партиях не могут изменить факта постоянного сужения социальной базы диктатуры монополий, не могут не приводить к дальнейшему обострению противоречий буржуазного общества. Эти факторы с одной стороны, и, с другой стороны, успехи и рост политической мощи лагеря социализма и идейной силы марксизма-ленинизма неуклонно ведут к освобождению широких народных масс из-под влияния как буржуазных, так и правосоциалистических партий.

Глава VI

Предпринимательские союзы и их роль в системе диктатуры монополий

Растущая роль в системе диктатуры монополий принадлежит монополистическим объединениям и предпринимательским организациям. В буржуазной политической науке они фигурируют среди так называемых групп давления. Этим термином обозначаются организации, связанные с законодательными и правительственными органами, оказывающие на них постоянное давление, чтобы добиться желательных для себя мероприятий или отказаться от нежелательных. Некоторые буржуазные авторы (например, Бурдо) даже доходят до утверждения, что группы давления в настоящее время уже не ограничиваются давлением извне, а стали конститутивным элементом самой власти¹. Термин группы давления (*pressure groups*) появился в США, где давление различных заинтересованных группировок (групп интересов) на государственные органы выступает в особенно обнаженных и грубых формах. Однако американская буржуазная политическая наука, введшая в обиход этот термин, немало потрудились над тем, чтобы исказить его сущность. Буржуазные исследователи объединяют под этим термином любые группы, добивающиеся проведения определенных законодательных или административных мер, будь то мощные объединения предпринимателей или общества покровительства животным или охраны природы, общества трезвости и т. п. Они рассматривают все эти группы «скопом» как проявления «плюралистической» или «массовой» демократии², утверждая, что группы давления в США «отражают разнообразие... демократического об-

¹ В этом утверждении выражается плюралистическая теория власти, теория «диффузии» или «рассеяния», власти в современном (буржуазном) государстве.

² Иногда буржуазные ученые (Поттер, Стюарт) технически выделяют группы, не преследующие экономических выгод, в особый разряд «ходатайствующих групп», «групп, преследующих определенные задачи» (*promotional groups*, или *cause groups*), в отличие от «групп интересов» в собственном смысле слова (к которым они относят наряду с предпринимательскими союзами также профсоюзы, профессиональные организации лиц свободных профессий и т. п.).

щества»³. Нельзя, разумеется, отрицать, что в весьма сложном и дифференцированном буржуазном обществе неизбежно наличие групп, добивающихся осуществления определенных мероприятий от государственных органов, соответствующих экономическим интересам, идеологическим воззрениям (например, религиозные, расовые, национальные и т. п.) организации. Поскольку эти организации пользуются влиянием среди отдельных кругов избирателей, правительство, парламент и партии в погоне за голосами не могут не считаться с их запросами. Буржуазные ученые, однако, игнорируют тот факт, что и в организациях, не преследующих прямых классовых интересов, в подавляющем большинстве случаев руководящие позиции занимают буржуазные элементы, использующие в своих классовых интересах или приспособляющие цели этих организаций к условиям буржуазного общества, к задачам сохранения капиталистического строя, вводящие их в русло буржуазной политики и изолирующие эти организации от рабочего движения и т. п.

Другая черта буржуазной трактовки групп давления состоит в тенденции сводить их деятельность к борьбе за весьма специальные, ограниченные цели, не выходящие за рамки непосредственных интересов или целей данных групп. Это, конечно, справедливо в отношении различных вегетарианских обществ, но ни в коем случае не может быть отнесено к таким организациям, как объединения предпринимателей, в деятельности и целях которых политические и экономические моменты неразрывно переплетены⁴, как, впрочем, они переплетаются и в самой действительности. Достаточно указать на то, что именно американская ассоциация промышленников продиктовала антипрофсоюзный и антикоммунистический закон Тафта — Хартли — один из наиболее реакционных буржуазных законов послевоенного времени.

Буржуазная наука пытается различными способами затушевать роль организаций крупного капитала в системе диктатуры монополистического капитала. Но поскольку выявление этой роли составляет нашу основную задачу, мы должны сосредоточить все свое внимание на вполне определенных группах давления, а именно на таких, которые являются группами монополистических интересов, представляют крупный капитал. Мы с полным правом можем рассматривать их как группы давления в собственном смысле слова, так как именно они и в состоянии оказывать эффективное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государства⁵. Что касается демократических элементов, то

³ R. K. Carr, M. H. Bernstein, D. H. Morrison, R. C. Shyder, I. E. McLean. *American Democracy in Theory and Practice*. New York, 1955, p. 32, 365.

⁴ Мейно справедливо отмечает, что группы интересов лишь формально могут рассматриваться как неполитические организации.

⁵ Впрочем, тут можно лишь условно говорить о «давлении», так как государственный аппарат в достаточной мере податлив к требованиям этих групп

они в состоянии оказывать эффективное давление на правящие круги не как группы давления, а как «массы давления», т. е. лишь опираясь на активность и организованность широких масс трудящихся⁶.

Организации крупных предпринимателей, прямые и непосредственные классовые организации крупной буржуазии, в различных формах существуют во всех буржуазных государствах и играют огромную роль в экономической и политической жизни. Достаточно сослаться на Национальную ассоциацию промышленников и Торговую палату США, на Британскую федерацию промышленленности и аналогичные организации в других государствах. Некоторые из этих организаций охватывают также и средних предпринимателей. Иногда доступ средним предпринимателям преграждается высоким членским взносом; средние и мелкие предприниматели нередко создают свои собственные организации, противопоставляя свои интересы интересам крупного капитала. В других случаях, напротив, монополии добиваются присоединения также средних и мелких предприятий к их союзам, чтобы подчинить их.

Взаимоотношения между отдельными монополистическими и вообще предпринимательскими союзами и отдельными партиями складываются по-разному. Иногда предпринимательская организация создает или принимает активное участие в создании партии. Союз может быть связан с одной какой-либо партией или сразу с несколькими партиями и иметь в каждой из них своих агентов или представителей и т. п.

Буржуазные ученые пытаются провести четкое разграничение между партиями и группами давления (или группами интересов). Различие между ними они видят в том, что партия имеет в виду «общий интерес», в то время как группа — определенный интерес той или иной группы, либо в том, что партия ставит своей целью образовать правительство или войти в него, в то время как цель группы интересов — лишь оказать давление на существующее правительство. Группы давления однородны и добиваются влияния. Партии разнородны и добиваются власти⁷.

и в значительной мере состоит из их же представителей. Здесь имеет место не столько давление, сколько информирование, формулировка конкретных политических задач и т. д. Необходимо также отметить, что деятельность всех этих организаций — как это будет показано дальше — отнюдь не ограничивается лишь давлением или вообще связями с государственными органами.

⁶ Группы, представляющие крупный капитал, иногда также пытаются создать видимость массового давления. Организуется посылка многочисленных телеграмм, писем, петиций, заправилы крупных корпораций нередко ссылаются на волю и интересы сотен тысяч мелких акционеров и т. п. Обычно эта инсценировка создается лишь для того, чтобы законодатели и администраторы, принимающие те или иные меры под диктовку монополий, имели возможность сослаться на «требования масс».

⁷ «Modern Political Parties», p. 423.

Однако отмеченные различия имеют относительный и нередко лишь показной характер. Существуют партии, открыто выдвигающие узкие классовые или групповые цели (например, аграрные партии, пужадисты и т. п.). С другой стороны, монополистические союзы нередко выступают как «защитники» интересов общества, промышленности или широкой массы налогоплательщиков, мелких вкладчиков и т. п. Что касается отношения к правительству, то не составляет секрета вмешательство мощных монополистических союзов и в процесс формирования правительства (не говоря уже о том, что эти союзы широко представлены в парламентских фракциях буржуазных партий и принимают таким путем прямое участие в законодательном процессе). Верно то, что группы интересов не могут выступать открыто с притязаниями на власть, ибо это полностью разоблачило бы характер современного буржуазного государства как комитета по управлению делами монополистической буржуазии. Недаром буржуазные ученые отмечают, что для сохранения демократии весьма важно, чтобы группы давления не подменяли собой партии⁸.

Рассматриваемые образования более или менее четко различаются по организационному принципу. Группы интересов построены по профессиональному признаку, а буржуазные партии, даже если они открыто признают связь с определенной социальной группой, всегда принимают в свои ряды сочувствующих также из других слоев населения. С этим связано и другое различие: предпринимательские союзы и монополистические объединения — это непосредственные классовые организации буржуазии; буржуазные партии — образования более сложные, в некоторых отношениях это опосредствованные классовые организации буржуазии, что связано с наличием в них также представителей других социальных слоев и профессиональных политиков, заинтересованных в избирательных победах и, следовательно, в расширении социальной базы партии. Отсюда и *видимость* того, что буржуазные партии преследуют «общий интерес». А для поддержания этой *видимости* иногда нужны и *реальные* уступки требованиям масс, даже против воли монополистических союзов.

Различия в функциях и непосредственных целях отражают по существу известное и притом достаточно гибкое и нестрогое разделение труда между различными организациями буржуазии, и в частности монополистической буржуазии. Предпринимательские союзы преследуют преимущественно задачи защиты экономических интересов монополий путем прямой борьбы с рабочими организациями, согласования деятельности отдельных предпринимательских групп, проталкивания через парламент и административные органы соответствующих законодательных и других

⁸ «Modern Political Parties», p. 423.

мероприятий, относящихся к области экономических и трудовых отношений. В дальнейшем деятельность этих организаций становится еще более многообразной, нередко весьма далеко уходя от чисто экономической сферы; однако такие политические акции — производная и часто закулисная сторона деятельности этих организаций. Партии же являются прежде всего орудиями *политического* господства монополистической буржуазии и приспособлены именно для этих целей. Они действуют в полном контакте с монополистическими союзами и с отдельными крупнейшими монополиями, однако их специфические задачи требуют применения особых средств и методов; о чем в достаточной мере уже говорилось выше.

Подобное разделение труда вытекает из самого характера капиталистического строя, основанного на эксплуатации «свободного» труда и отделившего публичную власть от частного права собственника орудий и средств производства. В условиях монополистического капитализма и особенно на ступени государственно-монополистического капитализма это отделение становится все более формальным, что, в частности, выражается во все более тесном сближении буржуазных партий и монополистических объединений, во все большем смешении и переплетении их функций и форм деятельности.

Было бы неправильно предполагать, что предпринимательские организации — единственное или даже главное средство связи между монополиями и органами государства. Крупнейшие монополии уже давно установили прямые связи с правительственными и парламентскими кругами и, как мы уже знаем, нередко состоят в личной унии с ними. Вообще говоря, различные формы связи монополий с государственным аппаратом в значительной мере определяются и особенностями государственного строя. Так, в условиях личной власти (например, во Франции и в меньшей мере в ФРГ) на первый план выдвигаются отдельные монополистические группы и приближенные носители личной власти. В условиях президентской республики и сменяющихся президентов и администраций требуется более устойчивая и постоянная организация для связи с ними; тут вырастает роль монополистических объединений; наконец, в условиях парламентарного строя, в котором правительство и руководство правящей партии совпадают или во всяком случае тесно связаны, монополии в большей мере используют партии и их аппарат. В любом случае, впрочем, используются все формы связи и организации, речь идет лишь о преимущественной или относительно более значительной роли той или иной формы. В США при наличии мощных монополистических и предпринимательских объединений крупнейшие корпорации в ряде случаев обязываются собственным политическим аппаратом для проведения избирательных кампаний и т. п., не говоря уже о лоббизме.

В США некоторые крупнейшие корпорации специально готовят политические кадры из состава своего административного персонала, связанные с обеими партиями; организуют для них курсы «практической политики», поощряя затем выдвижение их кандидатур соответствующей партией. Здесь твердо усвоено правило, что «политика входит в состав обязанностей администрации предприятия»⁹.

Создание предпринимательских организаций и монополистических объединений и использование их представляет монополиям серьезные удобства. Во-первых, создание более широкой организации дает возможность согласовать линию корпораций в вопросах экономической политики и тем самым облегчить проведение этой политики органами государства. Во-вторых, это необходимо для организованной и систематической борьбы против экономического и политического рабочего движения. В-третьих, наличие таких организаций создает более «удобные» и благовидные формы включения представителей монополий в различные административные и консультативные органы. В-четвертых, через такие организации монополиям удобнее выступать со своими требованиями в качестве защитников интересов «хозяйства», «промышленности» и т. п. в целом.

Развитие государственно-монополистического капитализма в огромной степени стимулирует рост значения и силы, и расширение сферы деятельности предпринимательских организаций. Систематическое вмешательство государства в экономическую жизнь заставило монополистов создать или укрепить и расширить свой аппарат для систематического контакта, надзора, контроля и воздействия на органы государства, осуществляющего это вмешательство, их инструктирования и консультирования. Само государство поощряло такие организации, постоянно привлекая «представителей хозяйства» в свои консультативные и другие органы. Эти организации стали необходимы также и в процессе конкретного осуществления определенных мероприятий, например размещения правительственных заказов. Они играют значительную роль в регулировании взаимоотношений между национализированными отраслями и частными предприятиями и др. Огромный государственный механизм, осуществляющий экономическую функцию государства, и аппарат монополистических союзов и объединений — это по существу двуединый механизм, выполняющий задания монополистического капитала по укреплению его экономического господства и проведению экономической экспансии. Характерно, что даже по своей структуре аппарат монополистических союзов и государственный аппарат хорошо прилажены друг к другу.

⁹ «Times», 19.IV 1960.

Значение предпринимательских союзов также возрастает вследствие того, что чиновникам, подготовляющим в бюрократическом аппарате различные законодательные и административные мероприятия, легче установить связь с этими организациями и их аппаратом по любому конкретному вопросу, чем с менее специализированным и менее компетентным в экономических вопросах аппаратом партий.

Указанными выше моментами определяется и деятельность предпринимательских союзов. Одна из главных задач этих союзов заключается в «гармонизации» конфликтующих интересов отдельных монополистических и крупнокапиталистических групп и сговоре по поводу совместных действий в области хозяйства в сплочении всех фракций класса буржуазии под эгидой монополистического капитала.

Весьма значительное место в деятельности предпринимательских союзов занимают борьба с рабочим движением, профсоюзами, стачечным движением. В аппарате этих организаций составляются черные списки рабочих-коммунистов, профсоюзных активистов и т. д. Союзы принимают решения о локаутах в целых отраслях промышленности; здесь создаются «страховочные» фонды на случай забастовок и локаутов; здесь принимаются решения о других формах борьбы с рабочим движением; через их аппарат засылаются шпионы и провокаторы в рабочие организации, принимаются меры к ослаблению профсоюзов, расколу профсоюзного движения, к подкупу профсоюзных боссов и т. п. Сюда примыкает и такая форма деятельности предпринимательских союзов, как создание или финансирование антикоммунистических, погромных, террористических, пропагандистских и т. п. организаций и групп.

Это подводит нас к вопросу о политической роли предпринимательских союзов. Выражаясь фигурально, можно сказать, что в этих союзах (но не только в них) концентрированная экономическая энергия монополий превращается в политическую энергию, оказывающую огромное воздействие на весь государственный механизм. Тут надо отметить такие формы воздействия, как широкое финансирование партий и их избирательных кампаний — несмотря и вопреки всем ограничительным или запретительным законам, имеющимся в различных странах, причем в ряде случаев монополистические союзы создают специальные организации для финансирования партий и их избирательных кампаний; давление на парламент, парламентские комитеты¹⁰ и правительство в форме лобби, подкупа и различных закулисных сделок, снабжения депутатов соответствующими материалами, готовыми законопроектами для внесения в парламент,

¹⁰ О связях «групп давления» с парламентскими комитетами во Франции, см. в частности: Ph. Williams. *Politics in Post-War France*, p. 240.

а нередко и готовыми текстами речей для выступления в парламенте. Финансовый рычаг используется для усиления в партиях наиболее правых, наиболее реакционных элементов и для установления контактов с правосоциалистическими лидерами.

Нет никакого сомнения в том, что роль этих организаций весьма велика как при образовании и определении состава правительства, так и при текущих изменениях и перемещениях в его составе. Формально вопрос о составе правительства решается руководством парламентской фракции правящей партии, на деле же голоса крупнейших монополистов и организованного в союзах класса капиталистов играют решающую роль. Они выдвигают своих кандидатов, они накладывают вето на неугодных им кандидатов; их согласие на сотрудничество или отказ в нем решают судьбы кабинетов.

Для осуществления этих многообразных задач предпринимательские объединения создают сильный и разветвленный аппарат, представляющий собой в некотором смысле оперативный штаб монополистической буржуазии, в который входят как лидеры и «активисты» этих организаций, из числа представителей монополистического капитала, так и большой наемный персонал — платные шпики и провокаторы, лоббисты, сотрудники создаваемых при этих организациях исследовательских институтов, издаваемых ими печатных изданий и т. п. Особенно велика роль групп давления в США — и как орудия связи монополий с государственным аппаратом и даже как орудия пропаганды. Это определяется в значительной мере тем, что партии здесь не создали значительного постоянного аппарата для осуществления таких задач, в то время как монополистические союзы уже располагают таким аппаратом. Возможно, последнее обстоятельство будет и в дальнейшем задерживать создание такого аппарата партиями или сделает его вообще излишним.

Роль и значение предпринимательских организаций в современном империалистическом государстве служит ярким проявлением олигархического характера этого государства как комитета по управлению делами монополистической буржуазии.

Буржуазные исследователи и политики рассматривают и профсоюзы как группу давления, равную по значению, роли и силе союзам предпринимателей. Они ссылаются на внешние аналогии: организация по профессионально-классовому признаку, наличие разветвленного аппарата, наличие своего лобби, в ряде случаев — прямое финансирование политических партий; профсоюзы, как правило, привлекаются наравне с союзами предпринимателей к участию в различных консультативных органах и т. д. и т. п.

Такая концепция уже сама по себе должна служить средством «включения» профсоюзов в систему буржуазного государ-

ства, превращения их в часть механизма этого государства, а тем самым устранения классовой борьбы, подчинения рабочего класса диктатуре монополий. Недаром такой махровый представитель этой диктатуры, как бывший канцлер ФРГ Аденауэр, заявлял, что он не может себе представить нормальное функционирование хозяйства без профсоюзов, являющихся «необходимой составной частью хозяйственного организма».

В действительности взаимоотношения профсоюзов и государства (а нас тут интересует лишь данный аспект деятельности профсоюзов в современном империалистическом государстве) представляют гораздо более сложную картину.

Современное профсоюзное движение как в международном масштабе, так и в масштабе некоторых стран (Франции, Италии) расколото по вине правых профсоюзных лидеров на два (а в отдельных странах на три) течения.

Боевые, классовые профсоюзы, такие, например, как Всеобщая конфедерация труда во Франции, *противостоят* буржуазному государству и диктатуре монополий как мощная сила, опирающаяся на массы рабочего класса и последовательно отстаивающая его интересы. Буржуазное государство и предприниматели вынуждены с ними считаться, однако они отнюдь не склонны к «интеграции» этих профсоюзов, напротив, принимаются любые законные и незаконные меры к их элиминированию из политической жизни.

Иначе обстоит дело с реформистскими и католическими профсоюзами или с общими профсоюзными объединениями, в которых руководство принадлежит правым профсоюзным лидерам. Эти лидеры под нажимом масс выступают в ряде случаев с требованиями, идущими вразрез с интересами монополий, им приходится организовывать забастовки и т. п., однако и в этих случаях они принимают все меры, чтобы смягчить остроту классовых конфликтов и удерживать движение масс в определенных рамках. Чем дальше идет процесс «размывания» рабочей аристократии, тем изощреннее становятся методы правых руководителей по сохранению и укреплению своей власти в профсоюзах. Основная их линия — классовое сотрудничество и «конструктивная» работа в рамках буржуазного государства.

Правые руководители профсоюзов поддерживают идеи «социального партнерства», означающего «интеграцию» рабочих в капиталистических предприятиях и участие самих лидеров в административных органах предприятий, что должно подвести «экономическую базу» и под «интеграцию» профсоюзов и их правых лидеров в государство монополистического капитала. Но осуществление этих планов возможно лишь при условии удушения всякой боевой классовой самостоятельности рабочих. Сотрудничество с капиталистами, с одной стороны, и бешеная травля и гонение на коммунистов, с другой, — таков пароль.

С точки зрения монополий и буржуазного государства, именно в этом и заключается главная задача профсоюзов. Под видом привлечения рабочего класса к участию в решении экономических вопросов в аппарат буржуазного государства, а равно и в руководящие органы частных монополий все шире вовлекаются правые профсоюзные лидеры; их участие в оформлении различных мероприятий, продиктованных интересами монополий, служит доказательством «согласия» рабочего класса с этими мероприятиями. Подкуп верхушки профсоюзных, кооперативных и других организаций, увеличение рабочей бюрократии, предоставление ей доходных местечек в промышленности, муниципальных органах, государственном аппарате практикуются во все более широких масштабах. По существу речь идет об использовании правых профсоюзных лидеров как группы давления государства на рабочий класс для того, чтобы добиться его полной покорности диктату монополий. Буржуазия использует своих ставленников в профсоюзах, как и в других массовых организациях, и в чисто политических целях, чтобы включить рабочий класс в буржуазную партийную систему, навязывать рабочим угодных буржуазии кандидатов на парламентских и других выборах¹¹. Такова роль правого профсоюзного руководства в системе диктатуры монополий. Именно в этих целях принимаются любые меры, чтобы не допустить избрания коммунистов и вообще левых элементов на руководящие посты в профсоюзах. В ряде стран (например, в США) эти меры закреплены в законодательном порядке. В других странах для отстранения коммунистов используются любые методы давления, в частности через центральный аппарат профсоюзных объединений, который старается не отстать по части антикоммунизма от своих хозяев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объединение демократических сил в борьбе против всевластия монополий

Создание или приспособление политических партий и других организаций и их всестороннее использование является одним из важнейших путей и средств осуществления диктатуры монополистического капитала в современном империалистическом государстве. Главный антагонист монополистического капитала — рабочий класс, действующий через *свои*, марксистско-ленинские коммунистические и рабочие партии, через массовые организации, профсоюзные, молодежные, женские и др.

Коммунистические партии образовались в капиталистических странах вскоре после победы Великой Октябрьской социалисти-

¹¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, Госполитиздат, 1962, стр. 252.

ческой революции: в Германии — в 1918 г., в США — в 1919 г., в Англии и Франции — в 1920 г., в Италии — в 1921 г., в Японии — в 1922 г., и т. д.

С первых же дней на коммунистические партии обрушились бесчисленные репрессии и гонения. Исторический путь компартий отмечен кровавым террором в фашистских странах — Германии, Италии, Испании, — террористическими запретительными законами в кичащихся своей «демократией» США и ФРГ. В ФРГ компартия загнана в подполье. В США она поставлена вне закона; ее легальное существование и свобода ее членов поставлены в зависимость от произвола судей и административных органов. Повсюду в капиталистическом мире бушует антикоммунистическая стихия. Коммунисты подвергаются бешеной травле и подлинному социальному ostracismu. Вокруг компартий создается атмосфера запугивания и изоляции. Коммунистов заносят в «черные списки», лишают работы, объявляют «иностранными агентами». Несмотря на все это, коммунистические партии растут и развиваются, твердо противостоят всем преследованиям. Легально или нелегально коммунистические партии существуют во всех капиталистических странах как боевой авангард рабочего класса, объединяя в своих рядах политически наиболее активную и сознательную часть трудящихся.

В некоторых крупных капиталистических странах, таких, как Италия и Франция, коммунистические партии уже превратились в массовые партии и стали серьезнейшим фактором в политической жизни. Здесь компартии по числу своих членов и по количеству собираемых голосов на выборах стоят на первом или на одном из первых мест среди всех партий. В таких странах, как США, Англия, Канада, коммунистические партии еще не массовые, однако их влияние на рабочих и лучшую часть интеллигенции, их роль и авторитет в рабочей среде нельзя измерить числом их членов или собираемых голосов на выборах. Уже то место, которое пока еще малочисленная Коммунистическая партия США занимает в законодательстве страны, в пропаганде партий и прессе, в деятельности административного и судебно-политического аппарата, тот страх, который она внушает правящим классам этой самой мощной страны капитализма, свидетельствует о моральной силе коммунистов, ибо «народы на опыте убеждаются, что коммунисты — самые верные и надежные защитники их интересов. Идеи коммунизма не знают преград, их нельзя расстрелять или посадить за толстую тюремную решетку. Они завоевывают умы и сердца людей, становясь непобедимой силой»¹².

Идеология коммунистических партий — это идеология марксизма-ленинизма, научного коммунизма. «Коммунистов

¹² «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. I, Госполитиздат, 1962, стр. 34.

всего мира объединяют великое учение марксизма-ленинизма и совместная борьба за его претворение в жизнь»¹³. Правота этой идеологии подтверждается всем ходом истории и особенно всем мировым развитием последних десятилетий. Огромные успехи социалистического строительства в СССР и других странах, отколовшихся от системы империализма, продемонстрировавшие превосходство социалистической системы над капиталистической, переход к развернутому коммунистическому строительству в СССР — все это революционизирует умы в капиталистических странах и вдохновляет рабочий класс на борьбу за социализм.

Программы коммунистических партий — это программы социалистического преобразования общества, строительства социализма и коммунизма. Они опираются на опыт строительства социализма в СССР и других социалистических стран, учитывая в то же время особые условия, существующие в данной стране. Коммунисты исходят из разнообразия путей к социализму при единстве основных принципов, лежащих в их основе. Коммунистические партии капиталистических стран решительно преодолели как ревизионизм, раздувающий национальные особенности, так и догматизм, полностью их игнорирующий. Успешная борьба на оба фронта, против ревизионизма и догматизма, способствовала сплочению рядов коммунистов и укреплению коммунистических партий.

Коммунистические партии представляют собой партии нового типа. Они построены на принципах демократического централизма. Высший орган партии — съезд, избираемый на демократических началах. Съезд выражает мнения и взгляды всех членов партии, органически связанных с широчайшими массами рабочего класса и всех трудящихся.

«Коммунистические партии — авангард мирового революционного движения. Они доказали жизненность марксизма-ленинизма, свою способность не только пропагандировать, но и осуществлять на практике великие идеалы научного коммунизма. Международное коммунистическое движение стало ныне столь могучим, что его не удастся сокрушить объединенным силам реакции»¹⁴. Оно превратилось в великую политическую силу современного мира. Коммунистические партии последовательно и активно борются за национальную независимость и суверенитет своей страны, за обеспечение насущных интересов масс, за глубокие преобразования в экономике страны, за демократию, увязывая эту борьбу с борьбой за конечные цели рабочего движения. Они вырабатывают свою политическую линию, исходя из

¹³ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», Госполитиздат, 1961, стр. 82.

¹⁴ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, стр. 258—259.

конкретных условий своей страны на основе принципов марксизма-ленинизма. Коммунистические партии различных стран обмениваются опытом борьбы, добровольно и сознательно координируют свои действия как составные части единой международной армии труда, сплачивают свои ряды в борьбе против межгосударственных объединений монополистического капитала. Их взаимоотношения построены на основе равноправия. Но каждая коммунистическая партия несет ответственность не только перед рабочим классом и народом своей страны, но перед международным коммунистическим и рабочим движением. Все коммунистические партии связаны узами интернациональной пролетарской солидарности.

По мере необходимости они проводят совещания для обсуждения актуальных проблем, для выработки единой основной линии в сложной международной обстановке современности, обсуждения общих задач и общих принципов стратегии и тактики рабочего класса в борьбе за мир, демократию и социализм.

Коммунистические партии не отгораживаются от тех рабочих, которые идут еще за социалистами, в том числе и за правыми социалистами. Коммунисты считают, что преодоление раскола в рядах рабочего класса — важное условие выполнения им своей всемирно-исторической миссии. Коммунистические партии, критикуя идеологические позиции и оппортунистическую практику социал-демократизма, разоблачая правых лидеров, открыто перешедших на сторону буржуазии, выступают за сотрудничество и единство действий с социал-демократическими партиями не только в борьбе за мир, за улучшение жизненных условий трудящихся, за их демократические права и свободы, но и в борьбе за завоевание власти и построение социалистического общества.

Обострение антагонистических противоречий между буржуазией, и в особенности монополистической буржуазией, и рабочим классом обуславливает активизацию левых элементов в социал-демократических, реформистских партиях и примыкающих к ним профсоюзах. Эти элементы выступают с критикой правого руководства и стремятся изменить линию этих партий и организаций, превратить их в боевые организации рабочего класса. В ряде стран существуют или образуются левые или левоцентристские социалистические партии, в которых имеется сильное крыло, требующее проведения классовой политической линии и активно выступающее против монополистического капитала.

Естественные союзники рабочего класса — трудящиеся крестьяне капиталистических стран, эксплуатируемые и разоряемые монополистическим капиталом, помещиками и кулаками. Его союзники — народы колоний и слаборазвитых стран, ведущие борьбу за свое полное освобождение от империалистического ярма.

Расстановка классовых сил в современном империалистическом государстве и общая международная обстановка

способствуют сплочению вокруг рабочего класса и его авангарда широких народных масс, испытывающих на себе гнет монополий и бремя их милитаристской, агрессивной и реакционной политики. Обострение противоречий между горсткой монополий, с одной стороны, и всем обществом, с другой стороны, приводит, как мы видели, к тому, что даже в партиях и организациях, находящихся под доминирующим влиянием монополий, как например, в христианско-демократических партиях, образуются оппозиционные группы и течения; наряду с этим появляются партии и организации, выражающие интересы и взгляды различных слоев населения и сохраняющие относительную независимость от влияния монополий, а по ряду вопросов, жизненно важных для народа — по вопросу о мире, разоружении, атомном вооружении, национальном суверенитете, — резко ему противостоящие. Появление и существование таких партий и организаций — закономерное и неустрашимое следствие указанного выше противоречия.

Такое же закономерное явление нашей эпохи, сделавшее вопрос о мире вопросом жизни для сотен миллионов людей, движение борьбы за мир, ставшее подлинно массовым, объединяющим людей различных классов и различной партийной принадлежности и политических убеждений, движение, в котором рабочий класс — это ведущая сила.

Таким образом, объективное положение вещей как в международном масштабе, так и в масштабе отдельных государств, определяет наличие перспективы объединения под руководством рабочего класса и его авангарда всех сил народа, всех демократических сил для борьбы против засилия монополий, против угрозы ядерной войны, за разоружение, за укрепление и установление подлинной демократии — борьбы, которая неотделима от борьбы за конечные цели рабочего движения — за социализм.

Раздел II

ПАРТИИ

И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Глава I

Положение буржуазных партий и групп давления в политической системе США в современный период

Господство монополий в экономике США — это результат высокого уровня концентрации и централизации капитала и промышленного производства, развития государственно-монополистического капитала, мощной организации буржуазии в экономической сфере в лице гигантских корпораций — трестов, банков, страховых компаний и т. д. Все эти факторы, а также сравнительно слабая организованность огромной массы рабочего класса определили неограниченное господство монополий и в политической сфере.

Монополистические группировки ведут между собой ожесточенную борьбу за руководящее положение в государственном аппарате США. Государство США — важное орудие усиления их господства в экономической сфере. Оно обеспечивает перераспределение национального дохода в пользу крупных монополий при помощи налогового и бюджетного регулирования, передачу монополиям государственной собственности на условиях льготной аренды или продажу ее за бесценок, содействует концентрации капиталов, в особенности финансового капитала, развитию организационных форм монополий, внешней экспансии монополистического капитала и др.

Господство монополий в политической сфере характеризуется, прежде всего, захватом важнейших постов в исполнительных органах прямыми представителями монополий, безраздельным господством буржуазии в законодательных органах (конгрессе и законодательных собраниях штатов) при ведущей роли крупных монополий, подчинением им судебной машины.

Достаточно взглянуть на составы правительств США послевоенных лет, чтобы убедиться в том, что здесь властвуют представители крупнейших монополистических корпораций. За спинами этих правительств все отчетливее выступают такие могущественные финансовые группы США, как группы Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов и др. Монополистический капитал захватывает в свои руки и пост президента США.

Крупные монополисты начинают занимать и посты губернаторов, возглавляющих исполнительную власть в штате. Так, миллионер Джон Рокфеллер — губернатор наиболее крупного и важного в политическом отношении штата Нью-Йорк.

Состав конгресса США неизменно комплектуется из бизнесменов и тесно связанных с крупными монополиями юристов, крупных землевладельцев и прожженных политических дельцов. Аналогичную картину мы наблюдаем и в законодательных собраниях штатов, разве лишь с той разницей, что здесь несколько значительнее прослойка представителей средних предпринимателей.

Деятельность органов государственной системы США в экономической области открыто направлена на обеспечение интересов крупного монополистического капитала. Конгресс и правительство США проводят антинародную внутреннюю и внешнюю политику, политику подавления растущего демократического движения в стране. Наглядное свидетельство этого — принятие законов: в 1947 г. — Тафта-Хартли, в 1950 г. — пресловутого закона Маккарена — Вуда и практика применения этих законов. Первый из них направлен на подавление забастовочного и профсоюзного движения при помощи административных и судебных органов, на навязывание трудящимся «классового мира». Цель второго — обезглавить демократическое движение в стране в целом. Эти и многие другие антидемократические законы были приняты конгрессом США в атмосфере единодушия, без обычных проволочек, характерных для американской законодательной процедуры. Последовавший за ними поток антидемократических законов в штатах в основном детализировал законы центра.

Господство монополистического капитала в политической сфере обеспечивается его руководящей ролью в комплектовании состава всех без исключения государственных органов, в разработке общих политических программ и платформ и осуществлении их через посредство государственных органов.

Усилия монополий и фактически подчиненного им государственного аппарата направлены на то, чтобы не допустить создания массовой партии трудящихся, способной противостоять наступлению монополистического капитала и бороться за интересы трудящихся. Эта задача решается при помощи разнообразных средств и методов. С одной стороны применяются репрессивные меры с целью лишить демократическое движение его руководителей. Эти меры осуществляют исполнительный аппарат власти, законодательные органы и суд. Не менее важное значение имеет и организация раскола рабочего движения посредством подкупа верхушки рабочего класса, захвата руководства массовыми организациями трудящихся агентурой монополий и направления их деятельности по линии сотрудничества с предпринимателями. Наряду с этим проводится идеологическая обработка масс,

буржуазная идеология внедряется в их сознание через школу и посредством находящихся в руках монополий радио, кино, прессы, телевидения, путем вовлечения трудящихся в буржуазные общественные и религиозные организации и др.

«Американский народ,— пишет У. Фостер,— зажат в тиски государственно-монополистического капитализма, и существенно важной чертой этой ситуации является тот факт, что профсоюзные лидеры совместно с политиками господствующего класса на протяжении многих лет мешали рабочему классу США создать свою массовую политическую партию»¹.

Буржуазные государственеды пытаются представить политическую систему США как мало связанный конгломерат учреждений и организаций и таким образом затушевать истинную роль последних в системе диктатуры монополистического капитала. Они умышленно запутывают вопрос о связи их с современным экономическим базисом и государственно-правовой надстройкой, затушевывают роль одних организаций и непомерно выпячивают роль других. Всячески замазывается вопрос о классовом характере системы республиканской и демократической партий. Профессор политических наук Р. С. Сильва, например, утверждает, что отсутствие многопартийности в США во многом объясняется якобы отсутствием принципиальных расхождений между различными группами населения в основных вопросах экономики, религии и конституционных принципов. Она заявляет, что каждая из основных партий не только представляет интересы различных экономических, религиозных, этнических и других групп населения, но что большинство членов этих групп якобы вполне удовлетворено подобным представительством². Этому способствует, говорит Сильва, и конфедеративный характер партийной системы, допускающий возможность различных компромиссов.

Совершенно очевидно, насколько эти рассуждения далеки от подлинной действительности. Говоря о монополии республиканской и демократической партий в избирательной сфере, буржуазные авторы игнорируют связь этих партий с монополистическим капиталом, ограничиваясь лишь рассмотрением вопроса о финансировании их «частными лицами», да и то якобы под возрастающим контролем государства (закон Хэтча и др.). Намеренно подчеркивается роль американского избирателя — сторонника той или другой партии, с тем, чтобы умалить роль партийных боссов, затушевать их давление на избирателей, с одной стороны, и подчинение крупной буржуазии — с другой. Пытаясь замаскировать возрастающую роль монополистических союзов и предпринимательских организаций в политической системе, буржуазные ав-

¹ «Международная жизнь», 1961, № 1, стр. 19.

² R. C. Silva. Party and Constituency in the United States. «Present Trends in American National Government». New York, 1961, p. 12, 13.

торы, говоря о группах давления, включают в это понятие организации, различные по своему классовому характеру и общественно-политическим задачам. Здесь мы находим и профсоюзные организации — АФТ — КПП, характеризующиеся буржуазными учеными как наиболее влиятельные группы давления, и организации профессионального характера, как, например, Американская медицинская ассоциация, а также религиозные организации.

Разумеется, это делается для того, чтобы замаскировать откровенно монополистический характер групп давления.

Приведем характерное для многих трудов американских буржуазных государствоведов деление групп давления.

Группы, представляющие промышленность и торговлю (читай монополистический капитал), труд (АФТ — КПП), отдельные профессии (Американская медицинская ассоциация, Американская национальная гильдия юристов, ряд фермерских организаций, таких, как Национальный союз фермеров и др.). Организации и союзы, в том числе такие реакционные, как Союзы сынов и дочерей американской революции и даже Ку-клукс-клан и другие, зачастую включаются в группы давления под общим названием «патриотических обществ». Милитаристские организации — Американский легион, Американские ветераны второй мировой войны и др. — объединяются под названием групп ветеранов. В группы давления включены и различные религиозные организации, организации потребителей (Национальная лига потребителей, в задачи которой входит установление контактов между потребителем и торговыми фирмами и др.). Сюда же относят и так называемые ассоциации граждан (Национальная лига по вопросам реформы гражданской службы, местные торговые палаты и др.), а также правительство (президент США с исполнительным аппаратом и губернаторы штатов со своими министрами), рассматриваемые как сила, оказывающая давление на законодательную власть. По оценке буржуазных ученых, все эти группы якобы в равной мере влияют на американскую государственную систему в целях обеспечения интересов представляемых ими групп населения и тем самым являются необходимым дополнением к политическим партиям в условиях американской демократии³.

Развитие сильных региональных групп буржуазии, их стремление к политическому господству в штатах и в центре обусловили появление мощных политических организаций и группировок в штатах, а также дальнейшее развитие специфического института политических дельцов (боссизма), особенно в крупных промышленных центрах. Эта же причина вызвала и развитие института так называемого лобби — одного из орудий, при помощи

³ Н. А. Bone. American Politics and the Party System. New York, 1949, p. 111—112.

которого отдельные группы монополистического капитала влияют на законодательную политику в центре и штатах.

Выше (см. раздел I) уже говорилось о причинах, обусловивших относительно слабую политическую организованность рабочего класса в США. Руководство профсоюзным движением было в значительной степени захвачено соглашательскими элементами и прямыми агентами монополий. Эти профсоюзные боссы, проводя политику «классового мира», во многом способствовали (и способствуют) усилению господства монополий в политической и экономической сферах. «Процветание» в периоды между экономическими кризисами создавало благоприятную почву для идеологической обработки народных масс через различные буржуазные общественные и религиозные организации.

Значительное влияние на систему буржуазных партий и организаций США оказали и государственноправовые институты, особенно на систему республиканской и демократической партий.

Республиканская и демократическая партии — своеобразный продукт американской политической жизни и вряд ли могут быть названы политическими партиями в европейском смысле слова. Они не имеют членства, не проводят обычной партийной работы (партийных собраний и т. п.), не имеют устава и программы. Единственный документ, фиксирующий «политическое кредо» партий, — их предвыборные платформы. Это в основном механизм для выдвижения и проталкивания кандидатов на государственные посты. Каждая партия объединяет избирателей, голосующих на выборах за кандидатов этой партии.

История республиканской и демократической партий начинается еще с Филадельфийского конвента 1787 г., на котором, как известно, боролись два течения: федералистов, представлявших интересы промышленных и торговых кругов Севера, и демократических республиканцев, выражавших интересы, с одной стороны, плантаторских кругов Юга, а с другой стороны, — мелких фермеров и определенной части городской мелкой буржуазии.

В период 1820—1856 гг. партийная система США уже обладала сложившимся механизмом, приспособленным к избирательной борьбе. К этому времени уже был установлен принцип: на общественные должности следует назначать только сторонников президента и только на срок, на который он избирается сам (принцип «добычи»).

Образование в США разветвленной системы государственных органов с большим числом выборных чиновников в центре, штатах и на местах потребовало создания сложного избирательного механизма, а обеспечение политического господства правящих кругов — создания не менее сложной партийной системы в лице республиканской и демократической партий.

Характер выборов в США, требующих огромного партийного аппарата и больших финансовых затрат, а также борьба моно-

полий против создания третьей партии (прежде всего массовой партии трудящихся), недостаточная политическая организованность трудящихся масс определили монополию этих двух партий в избирательной сфере.

«Во время выборов, — говорит У. Фостер, — рабочие отдают свои голоса одной из двух больших капиталистических партий, либо демократической, либо республиканской. В стране нет никакой рабочей партии. Социалистическая партия — это ничтожная секта; она насчитывает не более одной-двух тысяч человек. Коммунистическая партия — также лишь небольшая организация, особенно сейчас, после недавних ожесточенных атак со стороны правительства (равно как и профсоюзной бюрократии и ревизионистов), когда значительное число коммунистов было надолго упрятано за тюремную решетку. Таким образом, двухпартийная система — бесценный вклад для крупного капитала, который контролирует ее»⁴.

Руководство избирательной кампанией усложняется еще в большей степени благодаря тому, что в различных штатах используются различные методы выдвижения кандидатов. Делегаты на национальные конвенты избираются на партийных первичных собраниях, праймаризах (primaries), конвентами штатов или партийными комитетами штатов⁵.

Монополия республиканской и демократической партий в избирательной области была закреплена государственными мерами (особенно законодательством штатов).

Архаичность, громоздкость, груз пережитков и обычаев партийной системы США затрудняет ее полное приспособление к задачам монополистического капитала. Принцип «разделения властей», система «сдержек и противовесов», определившая формальное разграничение между законодательной (двухпалатным конгрессом), исполнительной (во главе с президентом США) и судебной (во главе с верховным судом США) властями потребовали создания «вспомогательной» системы связей между законодательными и исполнительными органами. Сопутствовавший развитию капитализма рост государственной бюрократической машины обусловил создание системы средств подчинения штатов центру. Однако на структуре партийной системы, в значительной степени приспособленной к особенностям государственной системы, связанным с принципами разделения властей и федерализма, слабо отразилось происходившее упрочение связей между отдельными звеньями государственной системы. Это в значительной степени объясняется тем, что исторической основной задачей партийной системы было лишь выдвижение кандидатов и «проведение» их в государственные органы.

⁴ «Международная жизнь», 1961, № 1, стр. 19.

⁵ D. C. Blaisdell. American Democracy under Pressure. New York, 1957, p. 133.

Многие буржуазные государствоведы характеризуют структуру республиканской и демократической партий как конгломерат мало связанных между собой звеньев («сосуществование различных фракций под единой политической крышей», «система партийных наслоений»⁶ и т. д.). Несмотря на известную односторонность этих характеристик, затушевывающих унифицирующую роль монополистического капитала в партийной системе, в них все же подмечена существенная особенность американских буржуазных партий. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с определенной частью американских государствоведов, утверждающих, что партийная система США полностью децентрализована. Профессор Чарльз Мерриам, например, вообще отрицает наличие федеральной партийной системы. Он подчеркивает, что в США имеется лишь партийная система в штатах⁷.

В том же духе определяет систему республиканской и демократической партий Р. С. Сильва. Она считает, что в США отсутствует национальный партийный орган, который обладал бы полномочиями давать обязательные предписания партийным органам штата и местным партийным органам, осуществлять руководство в формулировании ими партийных платформ или непосредственно руководить деятельностью партийных чиновников на местах. По мнению Сильвы, каждая из двух основных партий США представляет федерацию 50 партий штатов, создаваемую раз в четыре года»⁸. В подобных утверждениях сквозит явное стремление замаскировать роль партийной системы как основного орудия крупных монополий, при помощи которого они комплектуют государственную машину своими ставленниками. Ибо, как будет показано ниже, концентрация политической и экономической власти в руках финансовой олигархии не может не вызвать тенденции к усилению централизации партийного руководства. Однако развитие этой тенденции все же затруднено особенностями государственной системы, с которой неразрывно связана партийная система.

Монополия республиканской и демократической партий в избирательной сфере, наряду с другими факторами, стала тормозом развития массового демократического движения. Последнее проявляется поэтому не в прямой форме создания национальных массовых политических партий (рабочей и рабоче-фермерской партий), а в основном в косвенных формах: в борьбе за расширение функций профсоюзов, в образовании политических группировок и течений, в росте числа так называемых независимых из-

⁶ V. O. Key. *Politics, Parties and Pressure Groups*. New York, 1958, p. 374.

⁷ C. E. Merriam. *The American Party System*. New York, 1951, vol. II, N 1, p. 1197.

⁸ R. C. Silva. *Op. cit.* «Present Trends in American National Government», p. 12.

бирателей, не принадлежащих к одной из двух «законных» партий, в абсентеизме на выборах и т. д.

«Эта так называемая „система 2-х партий“, царившая в Америке и в Англии,— писал В. И. Ленин,— была одним из самых могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т. е. действительно социалистической партии»⁹.

И республиканская и демократическая партии включают все классы и классовые прослойки страны: рабочих, фермеров, мелкую, среднюю, крупную и монополистическую буржуазию, трудовую буржуазию и интеллигенцию. «При американской двухпартийной системе, как она сложилась в результате многолетнего развития,— подчеркивает член национального комитета Коммунистической партии США Гильберт Грин,— каждая партия представляет комбинацию внутренних союзов. По существу, каждая партия — это огромная машина для собирания голосов, которая объединяет для совместного выступления на выборах различные группы с противоречивыми экономическими и социальными интересами»¹⁰. Однако распределение партийных функций между этими социальными слоями и прослойками основывается на классовом принципе. Основная масса сторонников партий, подавляющая часть которой состоит из рабочих, служащих и мелкой буржуазии, призвана лишь подтверждать своими голосами решения руководящих органов. Аппарат обеих партий состоит из профессиональных партийных чиновников, политиканов и отчасти из прямых представителей крупной монополистической буржуазии. Крупные дельцы, юристы, издатели составляют самую большую группу в национальных комитетах. Партийный аппарат призван проводить в жизнь линию финансовой олигархии в основном в избирательной сфере.

Многоступенчатая структура партийного аппарата и фактическое назначение его работников сверху определяют оторванность и независимость его от основной массы членов партии. Однако это не исключает полностью известного влияния массовой базы партии на ее руководство. Тем более, что в ряде случаев замещение партийных постов и выборы в государственные органы осуществляются тайным голосованием избирателей.

Последние годы характеризуются ростом числа независимых избирателей и некоторыми изменениями массовой социальной базы республиканской и демократической партий. Демократическая партия растет за счет отхода большого числа избирателей от республиканской партии. Это объясняется прежде всего банкротством внутреннего и особенно внешнего политического курса республиканской партии в 1952 — 1960 гг. Значительную роль сыграла и традиционная принадлежность к демократической партии

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 193.

¹⁰ Г. Грин. Забытый враг. ИЛ, 1958, стр. 253.

широких слоев городского населения, которое за последнее время стало расти за счет фермеров. Более гибкая и демагогическая тактика руководства демократической партии привлекла в ее ряды и значительные слои негритянского населения. Важную роль в данном процессе сыграли профсоюзы, которые, как правило, поддерживают кандидатов демократической партии. В результате республиканская партия превратилась в партию меньшинства.

Созданием более широкой массовой базы демократическая партия обязана прежде всего профсоюзам. В некоторых районах с высокоразвитой промышленностью профсоюзы даже участвуют в контроле над деятельностью аппарата демократической партии. Интересно, что в 1955 г. съезд демократической партии в штате Висконсин под давлением профсоюзных организаций фактически поддержал длительную стачку рабочих заводов Колера¹¹. Однако, как было отмечено на XVII съезде Коммунистической партии США, демократическая партия — такая же партия крупного капитала, как и республиканская, хотя вокруг нее и группируются демократические силы и ее поддерживает значительная часть профсоюзов, негритянского народа и независимых сил¹².

Таким образом, при наличии единого монополистического руководства массовые базы обеих партий в социальном отношении неодинаковы. Знаменательны в этой связи данные, полученные Институтом по вопросам общественного мнения Гэллопа на основе опроса населения перед выборами 1960 г. На вопрос анкеты, предложенной рабочим, какая из партий может успешно справиться с внутренними проблемами, 43 % ответили, что демократы, 17 — что республиканцы и 40 % опрошенных дали ответ в том смысле, что выбирать не из чего¹³.

Указанные выше особенности определяют и специфику политических (избирательных) платформ этих партий. Назначение платформ двоякое. С одной стороны, это вексель тем кругам монополистической буржуазии, которые выдвигают и поддерживают данного кандидата (будь то президент США, губернатор штата, конгрессмен или член законодательного собрания штата). С другой стороны, платформа предназначена для улавливания избирателей. Таким образом, это скорее платформа кандидата от той или иной партии, чем платформа партии в целом. Подтверждением этого прежде всего служит отсутствие какой-либо определенной политической линии, проводимой в платформах одной и той же партии за ряд последовательных избирательных кампаний. Платформа в первую очередь приноровлена к данной поли-

¹¹ Г. Грин. Забытый враг, стр. 274—275.

¹² «XVII Национальный съезд Коммунистической партии США». Госполитиздат, 1961, стр. 63.

¹³ «US News and World Report», 6.III 1960, p. 44.

тической ситуации. Она содержит лишь предвыборные обещания кандидата. Индивидуальный характер партийной платформы особенно отчетливо выявляется на выборах в законодательные органы (конгресс и законодательные органы штатов). Здесь что ни кандидат, то своя избирательная платформа. Это вынуждена признать и американский буржуазный государствовед Р. Сильва, заявившая, что республиканская и демократическая партии «кроют своих кандидатов и программы, приспособливая их к контингенту избирателей»¹⁴. Именно здесь выявляется прежде всего демагогическая сущность этих платформ, которые открыто подгоняются под «вкусы» избирателей. Например, кандидат от сельского избирательного округа северного штата заявляет о том, что он будет бороться за повышение государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и за расширение закупочных операций государства. Он будет призывать к борьбе за предоставление неграм гражданских свобод. Он заверяет избирателей в том, что будет способствовать законодательству в области социального страхования сельскохозяйственных рабочих и т. д. Кандидат от сельскохозяйственного района Юга обходит вопрос о борьбе за права негров и обязуется учитывать интересы плантаторов. Кандидат от промышленного района заверяет население в своем стремлении улучшить социально-экономические условия жизни трудящихся и в то же время не скупится на обещания (и это будет реальным пунктом его платформы) своей поддержки в увеличении государственных субсидий финансовым и промышленным кругам.

Более лоскутный характер принимает платформа при избрании кандидата в конгресс от всего штата в целом (в сенат или в некоторых случаях в палату представителей¹⁵). В этих обстоятельствах кандидат вынужден лавировать между действующими в штате социальными силами.

Наиболее противоречивы предвыборные платформы кандидатов в президенты. Кандидаты пытаются «оседлать» наиболее широкий контингент избирателей, включающий конфликтующие между собой социальные прослойки и антагонистические классы. Эти платформы являются образцом лицемерия, что вынуждены признать и сами американские политики. «В течение десятилетий, — заявляет, например, сенатор Додд, — платформы представляли собой туманные и дружеские документы, которые пытались угодить всем...»¹⁶

¹⁴ «R. C. Silva. Op. cit. «Present Trends in American National Government», p. 28.

¹⁵ При изменении числа членов палаты представителей, избираемых каким-либо штатом, в связи с изменением численности населения избирательные округа этого штата в ряде случаев не перекраиваются, а дополнительное число представителей при увеличении квоты (или оставшееся число представителей при уменьшении квоты) избирается от штата как от единого округа.

¹⁶ «Congressional Record», (сброшюрованное издание), 5.1 1961, p. 196.

Платформы республиканской и демократической партий во время последних кампаний по выборам президента характеризуются многими новыми моментами. Один из них — усиление социальной демагогии, особенно в платформах демократической партии. Если в 1840 г. платформа демократической партии содержала всего 520 слов, то в 1956 г. количество слов в платформе этой же партии увеличилось в 30 раз (15 тыс. слов)¹⁷, а в 1960 г. — в 34 раза (17 тыс. слов). Подавляющую часть этого текста занимают всякого рода декларации и предвыборные обещания. Рост рабочего и общедемократического движения в стране, усиление политической активности народных масс требуют более изощренного надувательства избирателя. В платформах обыгрываются наиболее важные социально-политические проблемы, в которых заинтересован массовый избиратель, и прежде всего борьба за мир, а также обеспечение полной занятости (учитывая рост безработицы в стране). С другой стороны, рост социальных противоречий в стране определяет и рост противоречий в тексте платформы, пытающейся под маской защиты интересов всех социальных слоев и классов обеспечить интересы крупных монополий.

Апелляция обеих партий к одному и тому же контингенту избирателей и отсутствие у партий каких-либо политических принципов определяет в основном аналогичный характер этой части избирательных платформ как республиканской, так и демократической партий. Современные платформы предпочитают умалчивать о прямых интересах монополистического капитала. Это объясняется прежде всего полным подчинением руководства партий крупным монополиям и вследствие этого отсутствием необходимости в официальной гарантии интересов монополистического капитала. Кроме того, здесь играет значительную роль и необходимость маскировки классовой сущности партийной системы. Неприкрытая защита интересов монополистического капитала вряд ли будет способствовать успеху в избирательной кампании. Об этом свидетельствует поражение республиканской партии в 1960 г., более откровенно, чем демократическая партия, провозгласившей кредо американской финансовой олигархии. Но с другой стороны, среди партийных лидеров все чаще раздаются голоса в пользу того, чтобы платформы являлись деловым документом, положения которого должны претворяться в закон¹⁸.

Решающая роль крупнейших промышленных центров страны на выборах президента¹⁹ вынуждает обе партии расширять дема-

¹⁷ «Present Trends in American National Government», p. 34.

¹⁸ «Congressional Record» (сброшюрованное издание), 5.1 1961, p. 196.

¹⁹ Как показывают данные о голосовании 14 промышленных городов в 11 штатах решающее влияние на исход президентских выборов оказывают штаты: Калифорния с городами Лос-Анжелосом и Сан-Франциско, Иллинойс с Чикаго, Мэриленд с городом Балтимором, Массачусетс с Бостоном, Мичиган

гогические предвыборные обещания, обращенные к населяющему их контингенту избирателей. Платформа демократической партии на выборах 1960 г. обещала повышение заработной платы рабочих, сокращение налогов, проведение в жизнь программы расчистки трущоб, медицинскую помощь престарелым и т. д.

Рост политической сознательности и сплоченности негритянского населения, превращение негритянского избирателя в фигуру, способную повлиять на решение в пользу кандидата той или другой партии, также нашли свое отражение в соответствующих положениях платформ обеих партий. Обе партии изображают себя защитниками негритянского населения. «Пора обеспечить всем американцам равный доступ во все области общественной жизни, будь то кабина для голосования, школы, наем на работу, жилые дома или государственные должности» — провозглашает платформа демократической партии 1960 г. В то же время коалиция южных демократов и республиканцев в конгрессе дружно проваливает ежегодно законопроекты о так называемых гражданских свободах, предусматривающие обеспечение элементарных свобод негритянскому населению в южных штатах. О правах негров говорит и платформа республиканской партии. Вместе с тем кандидаты в президенты от обеих партий не хотят портить отношений и с господствующими кругами южных штатов, в значительной степени представленных диксикратами и другими расистами. «Забывая» о гражданских правах, обещанных республиканской партией негритянскому народу, Никсон в 1960 г. ясно давал понять плантаторам штатов Юга, что его избрание на пост президента гарантирует их от каких-либо реформ в негритянском вопросе²⁰.

Каждая из партий, стремясь перетянуть на свою сторону больше избирателей, отводит в платформах солидное место декларациям о проведении миролюбивой политики. Обещания «обеспечить прочный мир», разработать «ответственные предложения, которые помогут выйти из тупика в вопросе о контроле над вооружением», вести переговоры с СССР и т. д. занимали значительную часть платформы демократической партии 1960 г. Одновременно с этим, выражая интересы наиболее реакционной части монополистических кругов и военщины, платформа повторяла доктрину политики с «позиций силы».

Как видим, отмеченное различие социальной базы республиканской и демократической партий определяет и некоторое различие их предвыборных платформ и подходов к различным проблемам. Однако разница эта по существу формальная, она не

с Детройтом, Миннесота с Миннеаполисом, Миссури с Сан-Луисом, Нью-Йорк с городом Нью-Йорком, Огайо с Милуоки (см. «Present Trends in American National Government», p. 17).

²⁰ «Afro-American», 8.X 1960.

затрагивает основного — незыблемости господства монополистического капитала. Вместе с тем это различие программ широко используют господствующие круги, чтобы создать видимость политической борьбы между партиями.

Насколько «принципиальны» позиции республиканской и демократической партий, видно из такого факта: когда на выборах 1960 года появилась опасность, что критика провалившейся внешней политики республиканского правительства Эйзенхауэра со стороны демократической партии может вызвать нежелательный политический резонанс в народных массах, обе партии решили придерживаться политики двухпартийного согласия по этому вопросу. Корреспондент «Юнайтед Пресс Интернейшнл» Гарри Франц по этому поводу писал: «Политические деятели обеих партий сознают важное значение национального единства и в какой-то степени двухпартийного согласия при непредвиденных международных событиях, которые могут произойти. Это может умерить острую партийную борьбу во время избирательной кампании»²¹.

Американский буржуазный государствовед Г. Боун считает: «Лучшим способом судить о партийных расхождениях является изучение результатов голосования в конгрессе по острым политическим вопросам»²². На основе изучения этого вопроса в период между двумя мировыми войнами автор пришел к выводу, что разногласия между республиканской и демократической партиями зачастую были гораздо меньше, чем расхождения внутри каждой партии. Это наиболее ярко проявляется и в послевоенный период при рассмотрении конгрессом двух основных групп законопроектов, тех, которые отвечают интересам всего класса американской буржуазии, и тех, которые выгодны лишь определенной прослойке этого класса. Когда в конгрессе рассматриваются антирабочие и милитаристские законы, это, как правило, не вызывает каких-либо серьезных разногласий ни в палате представителей, ни в сенате. Без серьезных дебатов конгресс обсуждает и принимает законопроекты о военных ассигнованиях, которые возрастают из года в год. В условиях растущей милитаризации экономики раздутый военный бюджет гарантирует выгодные военные заказы крупнейшим монополистическим корпорациям. Он сулит определенные выгоды и менее крупным монополистам. Поживиться здесь рассчитывают также средние и мелкие слои буржуазии. Во всех этих случаях нет почвы для расхождения между республиканской и демократической партиями в конгрессе.

Совершенно меняется картина, когда через конгресс проходит законопроект, затрагивающий в той или иной мере экономи-

²¹ «The New York Times», 7.VII 1960.

²² Н. А. Бонн. *Op. cit.*, p. 363.

ческие интересы отдельных прослоек буржуазии. Здесь слои не-монополистической буржуазии, независимо от их принадлежности к партии большинства или к партии меньшинства, зачастую становятся в оппозицию к представителям интересов крупного монополистического капитала, а представители монополий в обеих партиях легко находят общий язык. Аналогичным образом диксикраты Юга становятся непримиримыми к своим же коллегам-демократам при рассмотрении билля о предоставлении гражданских свобод негритянскому населению Юга.

В условиях концентрации экономического и политического могущества в руках кучки финансовых воротил «специализация» республиканской и демократической партий в основном в области избирательной борьбы и приспособление к этому их структуры явились одной из важных причин развития специальных органов монополистической диктатуры — монополистических союзов и предпринимательских организаций (групп давления, групп интересов). Эти органы призваны играть важную роль в деятельности государственной системы США.

Возникновение предпринимательских организаций относится еще к прошлому веку. Одним из первых объединений промышленников был Союз пивоваров США, созданный в 1862 г. Двумя годами позже была создана Национальная ассоциация шерстяных мануфактуристов (1864 г.). В 1875 г. насчитывалось уже 50 национальных ассоциаций промышленников. К 1900 г. их число удвоилось, а в 1920 г. достигло одной тысячи. С конца прошлого века начинается объединение этих союзов. В 1895 г. была создана Национальная ассоциация промышленников, а в 1912 г. — Торговая палата США. В настоящее время эти организации в основном объединяют все остальные предпринимательские союзы и торговые палаты США. Делами этих организаций распоряжается незначительное число представителей крупнейших финансово-промышленных групп страны: Моргана, Рокфеллера, Куна и Леба, Дюпона, Меллона, Форда, бостонской, чикагской, кливлендской и калифорнийской групп и др.

С развитием монополистического капитала и подчинением ему государственной машины деятельность этих организаций, вначале ограниченная экономическими вопросами, приобретает политический характер. Роль Национальной ассоциации промышленников и Торговой палаты в руководстве государственной машиной значительно возрастает. «Что хорошо для бизнеса — хорошо для страны»²³, — провозглашает Торговая палата США.

Торговая палата США объединяет 3100 членов-организаций (местные торговые палаты и палаты штатов, торговые ассоциа-

²³ Н. А. В о н е. *Op. cit.*, p. 105.

ции и др.). Кроме того, в нее входит 21 тыс. индивидуальных членов — фирм, корпораций и т. д. Общее число входящих в палату отдельных бизнесменов превышает 1,6 млн.²⁴

Состав Национальной ассоциации промышленников более ограничен. В нее входят лишь наиболее могущественные промышленные корпорации и их объединения. Число членов этой организации никогда не превышало 7% всех промышленных предприятий страны²⁵. Такой состав Национальной ассоциации промышленников подчеркивает ее значение как орудия крупного монополистического капитала. Об этом свидетельствует также активная роль организации в создании целой системы подчиненных ей предпринимательских союзов и организаций и в установлении контроля над многими торговыми и деловыми ассоциациями страны. В 1903 г. Национальная ассоциация промышленников в целях объединения местных промышленных кругов под своей эгидой содействовала созданию Гражданской промышленной ассоциации, а в 1907 г. — Совета национальной промышленности. В 1912 г. Национальная ассоциация промышленников способствовала организации Торговой палаты США, с которой она установила теснейшие контакты. В 1916 г., чтобы улучшить руководство деятельностью всех этих союзов и организаций, Национальная ассоциация промышленников создает Совет национальной промышленной конференции, в котором обеспечивает себе руководящую роль.

Мощная финансовая база предпринимательских организаций, создаваемая из регулярных членских взносов²⁶, а также из крупных прибылей от издаваемой информационной литературы экономического, правового и политического характера, обеспечивает осуществление ими общих задач монополистического капитала в целом и особенно его крупнейших группировок.

В отличие от избирательных платформ республиканской и демократической партий программы предпринимательских организаций являются конкретным, откровенно и четко сформулированным комплексом требований крупного монополистического капитала, предназначенным для проведения в жизнь через государственные органы.

Программа Торговой палаты США служит характерным при-

²⁴ «The Encyclopedia Americana». New York, 1961, p. 259 i.

²⁵ «Politics in the United States». Ed. by H. A. Turner. New York, 1955, p. 175.

²⁶ Национальная ассоциация промышленников, например, установила членские взносы от 5 до 10 тыс. долл. в год в зависимости от размера той или иной корпорации или предприятия. В 1945 г. членские взносы ассоциации составили более 3,5 млн. долл. Большие суммы организация получает от своих публикаций, распространяемых по подписке среди членов ассоциации. Практикуется сбор средств на осуществление каких-либо конкретных мероприятий. Таким путем была собрана огромная сумма на проталкивание антирабочего закона Тафта — Хартли. Наряду с официальными доходами в организации имеются и скрытые фонды, которые держатся в строгой тайне и не поддаются учету.

мером формулирования общих задач монополистического капитала²⁷. Здесь мы видим требование обеспечить стабильность национальной экономики и «упорядочение» налоговой системы, в частности снижение высоких налоговых ставок, найти пути к расширению производства, проводить внешнюю политику, отвечающую интересам крупного капитала, в частности стимулировать внешнюю торговлю и изыскивать новые рынки сбыта и т. д. Другой важный момент этой программы — требование усилить пропаганду среди трудящихся масс в пользу американской экономической системы и провести ряд экономических и политических мероприятий в целях противодействия распространению коммунистических идей в стране. Еще более откровенно формулирует требования крупного монополистического капитала к правительству Национальная ассоциация промышленников. Эти требования, опубликованные в 1951 г. президентом Ассоциации Руффином, предусматривали максимальное расширение военной промышленности за счет увеличения налогообложения (конечно, не крупных монополий.—*Авт.*), сокращения сферы гражданского производства (кредитов, материального снабжения) и последовательного сокращения жизненного уровня населения. Особым пунктом было требование увеличить продолжительность рабочего дня²⁸.

Единый лейтмотив обеих платформ — подчинение государственной политики задаче обеспечения максимальных прибылей и охрана монополистического господства — ясен и не нуждается в комментариях.

Монополия республиканской и демократической партий в избирательной области задержала развитие партий, отражавших интересы отдельных прослоек средней и мелкой буржуазии и относительно лучше оплачиваемых слоев рабочего класса. Эти политические течения вынуждены были укладываться в официальную систему двух партий. Так, реформистское течение в США, в отличие от буржуазных стран Европы, где оно выступает в форме влиятельных политических партий, в основном действует как политическое направление в рамках демократической партии и отчасти в профсоюзах. Как отметил XVI съезд Коммунистической партии США, в американских условиях роль социал-демократии в европейском смысле слова выполняется профсоюзными реформистами (профсоюзными лидерами, выступающими за капитализм и не имеющими социалистического прошлого и традиций), социал-реформистами (профсоюзными лидерами с социалистическим прошлым) и буржуазными реформистами (либеральное крыло демократической партии), объединенными в такой

²⁷ «Politics in the United States», p. 173.

²⁸ Приведено по кн.: В. З о р и н. Монополии и политика США. М., Изд-во ИМО, 1960, стр. 120.

организации, как «Американцы — сторонники демократических действий»²⁹.

Социалистическая партия после откола от нее левого крыла, образовавшего в 1919 г. коммунистическую партию, влечит жалкое существование. Социалистическая и либеральная партии Нью-Йорка поддерживают демократическую партию в избирательной политике. С руководством демократической и в значительно меньшей степени республиканской партии связано правое руководство АФТ—КПП³⁰. Таким образом, интересы отмеченных социальных прослоек выражают либо течения (как правило, не оформленные организационно) внутри демократической и республиканской партий, либо различные беспартийные организации или партии, не имеющие самостоятельного политического значения.

Фактическое отсутствие партийного аппарата, который мог бы проводить систематическую идеологическую обработку народных масс в угодном правящим кругам направлении, компенсируется в значительной степени деятельностью различного рода религиозных организаций, роль которых весьма значительна.

Церковь в США формально отделена от государства. Однако это не мешает американской буржуазии использовать католические, протестантские и религиозные еврейские организации для идеологической обработки народных масс в угодном господствующим кругам духе, в частности для внедрения в массы идеи классового мира и сотрудничества. Центральное место здесь занимает католическая церковь с ее многочисленными организациями. С юридической точки зрения, церковь в США — деловая организация. Она признана как корпорация (юридическое лицо). Согласно законам США и законам ряда штатов церковь обладает всеми правами деловых предприятий в приобретении и отчуждении имущества. Во многих штатах, например, епископы католической церкви официально признаны как представители корпоративных предприятий.

Фактически церковь, особенно католическая, которая в отличие от протестантской церкви монолитна, — мощная политическая организация. Многие специальные организации католической церкви («Организация католического действия и др.) специально предназначены для активной политической деятельности. Католическая церковь тесно связана с демократической партией и играет значительную роль в руководстве последней. Кардиналы, архиепископы католической церкви — политические диктаторы в своих епархиях. Почти повсеместно (за исключением лишь «глубокого» Юга) католическая церковь в ее политической деятель-

²⁹ Резолюция о социал-демократии, принятая XVI съездом Коммунистической партии США. «XVI Национальный съезд Коммунистической партии США», Госполитиздат, 1958, стр. 127.

³⁰ «Political Affairs», March 1962, p. 47—49.

ности неотделима от организаций демократической партии. В Новой Англии и главных городах США влияние католических политиканов очень велико. В государственных органах приверженцев католической церкви гораздо больше, чем представителей других вероисповеданий. Это справедливо как в отношении центральных органов, так и в отношении органов штатов и местного управления. Большим влиянием католическая церковь пользуется и в различных рабочих организациях, в частности в профсоюзном объединении АФТ—КПП³¹. По подсчетам буржуазного социолога А. Левита, католицизм контролирует в США около 40 млн. человек³².

Выступая под лозунгом похода против мирового коммунизма, католическая церковь активно борется и против движения сторонников мира, демократического движения в стране, против политики сосуществования со странами социалистического лагеря и т. д. Здесь особенно следует отметить орган иезуитов «Америка», выступавший еще в 1939 г. против союза США с СССР в предстоящей мировой войне. Не менее реакционную политику проводит католическая организация «Рыцари Колумба» и др.

Свое влияние церковь осуществляет через посредство тесно связанных с ней религиозных организаций. Значительное их число зарегистрировано в качестве официальных лоббистских организаций. Крупнейшим религиозным объединением США, охватывающим до 30 религиозных течений и насчитывающим до 30 млн. приверженцев и последователей, является протестантский федеральный Совет христианских церквей. Совет обладает большим и хорошо организованным техническим аппаратом, с помощью которого он оказывает влияние на законодательную деятельность конгресса США в ряде социально-экономических и политических вопросов. Аналогична деятельность и еврейских организаций, таких, как Американский совет сионистов (возглавляет все сионистские организации США), Американский еврейский комитет, Американский еврейский конгресс, крупнейшая еврейская религиозная организация «Б'най Б'рит» и др.

Многочисленность церковных организаций и религиозных течений определяют многообразие форм и методов их деятельности — от открытой клеветы на все прогрессивное до замаскированных демагогических форм использования наиболее популярных в народе лозунгов. Так, Национальная католическая конференция по вопросам благополучия длительное время специализируется на вопросах трудового и социального законодательства. Ее призывы улучшить материальное положение трудящихся обеспечивают ей известную популярность среди трудящихся масс. Особое внимание конференция уделяет вопросу заключе-

³¹ A. Levitt. Vaticanism. The Political Principles of the Roman Catholic Church. New York, 1960, p. 31.

³² Ibid., p. 95.

ния коллективных договоров — одному из важных рубежей столкновения труда и капитала в современный период, призывая трудящиеся массы к мирному сотрудничеству с предпринимателями, т. е. к фактическому отказу от борьбы против наступления монополий на жизненный уровень трудящихся.

Религиозные и многие другие буржуазные организации (союзы Сынов и Дочерей американской революции, Союз ветеранов войны, Американский легион и др.) тщательно контролируют школьные программы и учебники, исключая из них все то, что по мнению этих организаций может оказать на умы учащихся «нежелательное» влияние. По некоторым политическим и социальным вопросам различные религиозные организации действуют совместно, создавая единый центр. Этому не мешает различие религиозных направлений и учений. Протестантский федеральный Совет христианских церквей, например, зачастую кооперируется с Национальной католической конференцией по вопросам благополучия и с еврейскими организациями.

Рост демократического движения, борьба американского народа за мир оказывают все большее влияние на буржуазные общественные и религиозные организации; вынуждая их руководство менять методы идеологической пропаганды, а в ряде случаев и включаться в той или иной форме и степени в общее движение народных масс. Например, протестантский федеральный Совет христианских церквей выступает за христианский мир и разоружение, против религиозных распрей и расовой дискриминации.

Выше отмечалась реакционная и раскольническая роль правых руководителей американских профсоюзов (АФТ — КПП). Полный отрыв от профсоюзной массы, сосредоточение по существу диктаторских полномочий и скопление в профсоюзных кассах огромных средств — все это приводит к разложению профсоюзной верхушки, к ее смыканию с монополиями, правительственным аппаратом, а в ряде случаев и с преступным миром. «Идеология» такого рода профсоюзных дельцов — так называемый деловой тред-юнионизм, согласно которому на профсоюзы смотрят не как на форму организации рабочего класса для борьбы против монополий, а как на бизнес, приносящий немалый доход.

Американский прогрессивный профсоюзный деятель Сидней Ленз в книге «Кризис американских профсоюзов»³³ приводит немало ярких фактов, свидетельствующих о разложении правящей профсоюзной верхушки. Книга рассказывает о профсоюзных боссах-миллионерах, «скопивших» за время своего руководства организацией имущества, яхты, особняки (например, бывший прези-

³³ С. Ленз. Кризис американских профсоюзов. Профиздат, 1961, стр. 79—84.

дент профсоюза операторов-машинистов Малони), о том как профсоюзные средства используются для предоставления займов предпринимателю, в то время как члены этого профсоюза объявили забастовку, для учреждения банков и акционерных компаний с суммарным капиталом около 90 млн. долл. и т. д. Автор подчеркивает связь профсоюзных боссов с одной стороны с монополиями, а с другой стороны — с государственным аппаратом.

Еще с конца прошлого века возникла и развилась сложная система связей между профсоюзной бюрократией и предпринимателями. Здесь мы видим и партнерство по бизнесу, скрытые взятки и тайные сделки. Но в современный период главное связующее звено между этими сторонами — заключение «мягких» (для предпринимателей) и выгодных для профсоюзных руководителей коллективных договоров на длительные сроки. Важным средством против организованной борьбы рабочих является и заключение соглашений об объединении в профсоюз лишь части рабочих.

Говоря о значении профсоюзной бюрократии для капиталистов, В. И. Ленин писал: «...Всякий капиталист видит и знает... что без профессиональных союзов, если капиталисты не держат их в своих руках через вождей, которые называются социалистами, а ведут политику капиталистов, что без профессиональных союзов вся машина капитализма рушится. Они это знают, чувствуют и осязают»³⁴.

Связь правого руководства с правительственным аппаратом характерна для более позднего времени: она начинает особенно ярко проявляться в период активного вмешательства государства в национальную экономику. По мере развития этой функции капиталистического государства мы видим, что профсоюзные боссы все чаще приглашаются на совещания в высшие сферы при рассмотрении важных экономических и политических проблем. В мае 1962 г., например, на совещании, созванном президентом США Кеннеди в целях выработки мер по улучшению экономического состояния страны в связи с падением платежного баланса, ростом безработицы и т. д., среди представителей бизнеса, государственного аппарата, буржуазных экономистов, юристов и других лиц присутствовал и председатель АФТ — КПП Д. Минни. Штрихом, характеризующим тесные контакты правого руководства с правительственным аппаратом, явилось назначение в 1962 г. юрисконсульта АФТ — КПП Гольдберга на пост министра труда. По линии государственного департамента руководство АФТ — КПП давно уже используется для подрыва международного профсоюзного движения.

³⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 96.

Методы, используемые правыми руководителями профсоюзов для подрыва боевого профсоюзного движения³⁵ и обеспечения своего господства в АФТ — КПП, разнообразны. За последнее время они в значительной степени определяются теми изменениями, которые происходят в механике распределения части монополистической прибыли, предназначенной для подкупа рабочей аристократии. Эти изменения заключаются в том, что ей достается все меньшая часть этой прибыли. В то же время большая часть попадает в руки профсоюзного руководства (увеличение окладов, разного рода подачек и т. д.)³⁶. В результате прослойка рабочей аристократии, социальной опоры правого руководства в профсоюзах, начинает уменьшаться. Это в свою очередь ведет к усилению диктаторских методов руководства и дальнейшему смыканию профсоюзов с государственным аппаратом, к активной поддержке антипрофсоюзного законодательства, направленного на усиление государственного контроля над деятельностью профсоюзов.

В целях сохранения за собой руководящих позиций профсоюзные боссы АФТ — КПП прибегают к протаскиванию своих ставленников на руководящие посты в профсоюзных организациях. Они насаждают систему так называемого «провизионализма» (временного руководства) или «опеки». Опека — один из самых действенных способов, с помощью которого профсоюзные боссы властвуют в организациях. На время установления опеки (оно может быть неопределенно долгим) профсоюзные организации фактически лишаются своих прав, а управляются профсоюзным боссом через «временного» ставленника. В 1958 г. более половины из 283 тыс. членов профсоюза операторов-машинистов было «под опекой» или подчинено руководству другими способами. Одно из отделений этого профсоюза в Чикаго находилось «под опекой» в течение 30 лет. В этот период члены профсоюза не могли принимать никаких решений, включая и решение о забастовках. Все вопросы решал президент профсоюза Малони³⁷.

Там, где невозможно применить назначение, прибегают к мошенничеству, посылая на выборы «своих» людей. Этим же целям служит и произвольное изменение уставов профсоюзных организаций. В большей части уставов профсоюзных организа-

³⁵ В 1955 г., перед слиянием Американской Федерации труда (АФТ) и Конгресса производственных профсоюзов (КПП), в обеих организациях насчитывалось свыше 16 млн. членов (в 1962 г. число членов уменьшилось до 13,5 млн.). АФТ объединяла 50 федераций и 292 центральных городских профсоюза. КПП насчитывал 45 профсоюзных центров в штатах и 296 профсоюзных организаций городов и графств.

³⁶ А. Кац. О рабочей аристократии в Соединенных Штатах Америки. «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 7, стр. 96—97.

³⁷ С. Ленз. Кризис американских профсоюзов, стр. 48.

ций закреплено право президента или исполкома организации отстранять от дел руководителей местных профсоюзов, контролировать их деятельность и санкционировать забастовки, подписывать коллективные договоры.

Профсоюзные боссы в целях закрепления своих позиций широко используют свои полномочия выдавать «лицензии» (хартии) на право создания профсоюзных организаций в той или иной отрасли промышленности или торговли. Эти хартии выдаются «нужным» людям с тем, чтобы на выборах они обеспечили необходимое большинство голов. В свою очередь получивший такую хартию зачастую использует ее в корыстных целях, организуя, например, фиктивные, «бумажные» профсоюзы по договоренности с предпринимателем на выгодных для обеих сторон условиях и лишь после этого начиная «записывать» в эту «организацию» рабочих. Предприниматели широко прибегают к созданию такого рода «бумажным» профсоюзам для борьбы против действительной организации рабочих, против стачек и забастовок. Практикуется переманивание высокооплачиваемых членов профсоюзов из одной профсоюзной организации в другую. Нередко устанавливаются две группы членов профсоюзов: полноправных с высоким вступительным взносом и членов с ограниченной правоспособностью с пониженным вступительным взносом. Широко используется антикоммунистическая истерия в качестве предлога для подавления демократических элементов в той или иной организации.

Немало мер применяется для борьбы против объединения демократических элементов. В этих целях закрепляется так называемый цеховой принцип членства, при котором на одном предприятии действуют несколько профсоюзных организаций, объединяющих рабочих по их специальности. В тех профсоюзах, где членство основано на производственном принципе, способствующем росту профсоюзных сил, зачастую прибегают к исключению из объединения «неудобных» профсоюзов.

Руководство пытается разжечь распри между белыми и неграми, создавая в этих целях профсоюзные отделения «для цветных».

Основываясь на положениях реакционного закона Лэндрума — Гриффина, руководство закрепило в Уставе АФТ — КПП многие антидемократические положения, и в частности запрещение членам Коммунистической партии США или лицам, связанным с коммунистами, занимать руководящие посты в профсоюзах. Создаются специальные органы не только для антисоветской и антикоммунистической пропаганды, но и для прямой физической расправы с демократическими элементами, при этом нередко прибегают и к услугам гангстерских банд.

Правое руководство АФТ — КПП осуществляет тесную связь с партийными боссами, особенно демократической партии. Этим

целям служит специальный орган — Комитет политического просвещения. Тесный контакт поддерживается и с католическими организациями (Ассоциацией тред-юнионов католиков), активно участвующими в срыве забастовок.

Резкое ослабление основных устоев империализма в условиях третьего этапа общего кризиса капиталистической системы, антикоммунистическая истерия, под прикрытием которой реакция США ведет наступление на растущее демократическое движение, обусловили усиление фашистских тенденций в стране, невиданный рост всякого рода полуфашистских и фашистских организаций и банд, призванных своими террористическими актами дополнить судебный и полицейский произвол.

По данным американской печати, в 1962 г. насчитывалось около тысячи различных профашистских и фашистских организаций. Наряду со старыми организациями, такими, как Ку-клукс-клан, Дочери американской революции, Сыны американской революции, Союз ветеранов и др., создается и действует большое число новых организаций открыто фашистского характера.

Рост демократического движения и общее полевение масс после второй мировой войны лишают эти организации опоры в трудящихся массах. Их состав в основном ограничен слоями монополистической, крупной, средней и лишь отчасти мелкой буржуазии. Значительную прослойку во многих организациях составляют уголовные и деклассированные элементы.

При финансовой поддержке монополий (вице-президента «Тайм инкорпорейтед» Ч. Д. Джексона, нефтяной компании «Рич-филд ойл компани» и др.) активизирует и расширяет свою деятельность реакционная организация в штате Калифорния — «Антикоммунистический церковный поход христиан» во главе с неким Фредом Шварцем. Из других реакционных союзов и обществ, объединяемых ненавистью к демократическому движению, упомянем «Американский совет христиан», «Голос Запада». При поддержке монополий открыто действует организация американских нацистов во главе с «американским фюрером» Рокуэлом. В тесном контакте с этими организациями усиливает свою деятельность в штате Калифорния вооруженная шайка так называемых минитменов.

Один из важных центров объединения этих реакционных организаций — открыто фашистское по своему характеру «Общество Джона Бэрча». Созданное в 1959 г. крупным бостонским предпринимателем Робертом Уэлчем и названное по имени американского «миссионера» в Китае, расстрелянного в свое время китайскими партизанами за провокаторскую деятельность, «Общество Джона Бэрча» — централизованная организация. Во главе его находится совет из 26 членов. Согласно данным газеты «Лос-Анжелос Таймс», оно имеет отделения во всех штатах

Монополии широко финансируют деятельность общества. Крупные суммы в фонд общества вносят бывший президент «Дженерал Моторс» Альфред Слоун, техасский нефтепромышленник Хант и др.

«Общество Джона Бэрча» имеет свою агентуру в конгрессе США. Конгрессмены-республиканцы Эдгар Хистенд и Джон Рассел, по их собственному признанию,— члены этого общества. Открыто заявили о своем сочувствии «идеям» общества и представители правого крыла в сенате Барри Голдуотер и Джеймс Истленд.

Глава II

Организация и механизм деятельности партий

1. Структура аппарата республиканской и демократической партий США

Аппарат демократической партии почти не отличается по своей структуре от аппарата республиканской партии. Он в основном соответствует административному делению страны и состоит из местных органов, органов штата и федеральных органов. По своим функциям партийные органы могут быть разбиты на следующие группы: 1. Органы по выдвижению кандидатов в местные органы, органы штата и федеральный конгресс и на посты президента и вице-президента США. 2. Специальная группа органов руководит деятельностью законодательных органов штата и федерального конгресса. 3. С официальным партийным аппаратом неразрывно переплетаются так называемые политические машины во главе с боссом, которые, как правило, действуют в промышленных районах. Иногда эти «машины» распространяют сферу своего влияния на весь штат.

Низовая партийная организация — избирательный участок. Он объединяет избирателей, проголосовавших на последних выборах за кандидатов данной партии. Во главе участка находится капитан, который, как правило, формально выбирается избирателями раз в два года (фактически — креатура вышестоящих партийных органов). На больших участках капитан имеет помощников, иногда особый совещательный орган.

Городской районный комитет объединяет всех капитанов и их помощников в данном районе (иногда свыше двадцати). Во главе комитета стоит районный лидер, который назначается вышестоящим органом или выбирается членами комитета из своей среды.

Центральный городской комитет состоит из районных лидеров с их помощниками. Председатель комитета, как правило, фактически назначается руководителями политической машины штата или графства. Для ведения текущей работы комитета избираются (или назначаются) секретарь, казначей и другие должностные лица. Иногда избирается специальный исполнительный орган.

В сельской местности следующим органом после участка является, как правило, комитет графства (состоит из капитанов и их помощников), во главе которого находятся избираемые или назначаемые председатель, его заместители и исполнительный аппарат. Если на территории графства имеются города, то в состав комитета графства наряду с капитанами сельских участков входят и капитаны городских участков или представители центрального комитета города. Бывают случаи, когда в городе действуют лишь комитеты графств. На территории крупнейшего города США Нью-Йорка действует пять комитетов графств. Для решения общих вопросов созываются объединенные заседания всех комитетов.

В крупных штатах несколько комитетов графств объединяются партийным комитетом округа во главе с председателем и исполнительным органом. В комитет округа входят представители от комитетов графств.

Основная задача перечисленных органов — выдвижение кандидатов на выборные должности в местные органы и борьба за их избрание. Не менее важную задачу представляет и патронаж: распределение выгодных местечек в государственном аппарате между нужными «партийной машине» людьми, в первую очередь между самими партийными чиновниками.

Важную роль в проведении на выборные должности назначенных партийным руководством кандидатур играет капитан участка, в задачу которого входит повседневная «работа» с избирателями, принадлежащими к его партии.

Преобладающая форма выдвижения партийных кандидатов на государственные должности в штате и в федеральные органы в настоящее время — это предварительное избрание их на первичных выборах, аналогичных настоящим выборам, но с участием избирателей, принадлежащих лишь к данной партии. В ряде штатов, однако, практикуются беспартийные первичные выборы, когда в списках не указывается партийная принадлежность кандидата. Это конечно, не меняет сути дела, так как прекрасно известно, от какой партии данный кандидат проходит. Насколько условна беспартийность первичных собраний свидетельствует то, что в штате Миннесота, использующем эту форму выборов, законодательное собрание имеет и республиканскую и демократическую фракции¹. В этой связи интересна такая подробность. В штате Небраска (единственный штат, имеющий однопалатный законодательный орган) члены легислатуры выдвигаются и избираются на беспартийной основе, а губернатор — на партийной основе². В результате развития системы первичных выборов роль участковых капитанов значительно повысилась.

¹ J. Kise. *Minnesota's Government*. Chicago, 1958, p. 76.

² S. B. Fordham. *The State Legislative Institution*. Philadelphia, 1959, p. 31.

Основное звено в партийной системе штата — комитет графства и центральный комитет крупного промышленного города, которые по существу и делают политику в штате и во многом влияют на политику центра.

Как правило, комитеты графств в своих действиях мало зависят от комитета штата.

Все эти комитеты играют большую роль в выдвижении кандидатов на выборные должности в местных органах и в значительной степени в государственных органах штата и даже центра. Буржуазные ученые отмечают важную роль партийных организаций графств в избрании президента США³. Именно это партийное звено является центром патронажа на основе так называемой системы добычи, суть которой заключается в том, что государственные должности замещаются ставленниками партии, победившей на очередных выборах. Именно здесь нашло свое яркое выражение слияние монополистического аппарата (особенно аппарата региональных монополистических групп) с партийным и государственным аппаратом. Важнейшая форма этого слияния — «политические машины» во главе с боссом, объединяющие крупных партийных и государственных чиновников (зачастую в одном лице) и крупных монополистов.

Формально высшим звеном партийного аппарата штата считается комитет штата. Он образуется различными способами. Некоторые комитеты состоят из представителей комитетов округов или графств штата. Однако в большинстве случаев комитеты штата выбираются либо на съезде штата, либо непосредственно на первичных собраниях. Это определяет известную независимость членов комитета от нижестоящих органов. Фактически состав комитета (в среднем около 100 членов), особенно его руководящие органы: председатель, его заместители, секретарь, казначей и другие — назначаются политическими заправилami штата или графства. В американской юридической литературе прямо подчеркивается, что председатель комитета штата редко бывает и политическим боссом⁴. Комитет штата имеет свою штабквартиру с техническим аппаратом, которая, как правило, помещается либо в столице штата, либо в одном из его крупных городов.

Функции комитета штата мало чем отличаются от функций комитетов графств и городов. По существу этот орган в значительной степени оформляет требования «политической машины» штата как при распределении патронажных должностей в органах штата, так и при выдвижении кандидатов партии на выборные должности в штате.

³ D. C. Blaisdell. American Democracy under Pressure. New York, 1957, p. 133.

⁴ H. A. Bone. American Politics and the Party System. New York, 1949, p. 429.

Деятельность комитета штата дополняется созывом (раз в два года) партийного съезда (конвента) штата. Делегатами съезда являются представители комитетов округов, графств, центральных комитетов городов и других партийных чиновников. Работой съезда руководит избранный председатель.

Съезд вырабатывает платформу партии, выбирает кандидатов на государственные должности в штате и в федеральные органы (в сенат и палату представителей конгресса и др.). Раз в четыре года съезд штата выбирает делегатов на центральный конвент по выдвижению кандидатов на пост президента и вице-президента США.

В подавляющем большинстве законодательных органов штатов развилась и действует особая система органов республиканской и демократической партий. Их роль будет рассмотрена ниже.

Наряду с официальной партийной системой в штатах (особенно промышленных) орудует большое число так называемых «политических машин» во главе с боссом. Боссизм — типичный продукт экономического и политического строя США. Он неразрывно связан с развитием крупного капитала. Отдельные группировки капиталистов беззащитно прибегали к любым средствам, чтобы усилить свои позиции. Эти группировки широко использовали боссов с их аппаратом в корыстных целях, чтобы осуществлять давление на органы штата и местные органы для получения различных льгот, заказов и других выгод. Известную роль здесь играло (и играет) также стремление провести линию, далеко не всегда совпадающую с позицией центра. Этому в значительной степени способствовала и способствует разобщенность центральных и местных органов республиканской и демократической партий, а главное — их неприспособленность к согласованному оперативному руководству политической деятельностью. С расширением сферы действия босса расширяется и усложняется его аппарат, который приобретает характер постоянно действующей машины.

«Политическая машина» не официальный орган. Это разветвленный и сложный механизм, во главе которого стоит босс. Совместно с боссом в управлении машиной участвует небольшая группа лиц («ринг»). Состав «ринга» неопределенный. В числе его членов может быть и представитель промышленных или финансовых кругов, члены партийного комитета графства (иногда обеих партий). «Политические машины», тесно связанные с комплексом государственных и буржуазных политических и общественных учреждений, широко используются монополистическими группировками в борьбе за политическое влияние в штате и в центре. С помощью «политических машин» эти группировки проводят нужных людей в законодательные органы штатов и в конгресс США. При этом на выборах открыто применяются различные угрозы, нередко даже физическое насилие над

«несговорчивыми» избирателями или руководителями избирательной кампании. Особенно широко такие методы применяли многие боссы штатов Теннесси, Нью-Джерси и др.⁵

С развитием системы праймаризов последние используются боссами для контроля над законодательными органами штата, над губернатором и другими должностными лицами.

Босс принуждает членов законодательных собраний и представителей штата в конгрессе проводить политику, удобную определенным группам монополистов, угрожая в случае неповиновения провалить их на ближайших выборах. Тесный контакт между крупным бизнесом и «политическими машинами» крупных городов США отмечается во многих работах американских авторов⁶.

Босс широко использует патронаж для замещения своими ставленниками наиболее доходных мест в муниципалитетах городов, в административном аппарате графства и штата⁷.

«Политические машины» тесно связаны и с аппаратом республиканской и демократической партий. Зачастую к руководству приходят представители партии, какой-нибудь группы или крыла партии, а то и обеих партий. Иногда группы одной и той же партийной организации штата входят в различные «политические машины».

Связь монополий с руководством «машины» осуществляется в различных формах. Здесь мы видим непосредственное участие представителя бизнеса в руководстве деятельностью «машины» (член «ринга»). Тесно связана с ней и руководящая верхушка предпринимательских организаций в штате. Капиталисты щедро субсидируют руководство «машины». Однако большая часть расходов на ее содержание в целом ложится в конечном счете на население в виде различных дополнительных муниципальных поборов, идущих на выплату жалования «ребятам» или «приверженцам», занявшим теплые местечки.

Боссы активно участвуют в борьбе против растущего демократического движения и в особенности против объединения трудящихся в демократические организации и союзы. Во многих штатах они используют для этой цели подчиненные им полицию, суд и прокуратуру, прибегают к помощи преступного мира, с которым тесно связаны. Боссы организуют расправу с демократическими элементами, громят отделения прогрессивных организаций, препятствуют им в предоставлении помещений для собраний и митингов и т. д.

Террористическую деятельность боссов всемерно поддерживают правящие круги и финансируют монополии. Борьба с «крас-

⁵ Н. А. Bone. Op. cit., p. 427.

⁶ См., например: «Our Fair City». New York, 1947.

⁷ D. D. McKean. The Boss. Boston, 1940, p. 127.

ной опасностью» объединяет вокруг боссов все реакционные силы, включая и религиозные организации.

Наверху партийной лестницы находятся национальные комитеты республиканской и демократической партий с их штабквартирами в Вашингтоне. Национальный комитет в основном призван обеспечить избрание партийных кандидатов на посты президента и вице-президента США. Он избирается национальным съездом (конвентом) партии на четыре года. В комитете демократической партии каждый штат и территория США представлены двумя членами (мужчиной и женщиной). Этот принцип с некоторыми поправками принят и для республиканского комитета. Кандидаты в члены комитета выдвигаются делегацией штата. Обычно это крестура политических заправил штата.

Национальный комитет выбирает из своего состава секретаря, казначея и других должностных лиц, а также исполнительный орган, который и проводит всю повседневную работу. Однако председатель национального комитета, играющий главную роль в этом органе, назначается кандидатом в президенты.

В период предвыборной кампании штабквартира национального комитета каждой партии обрывает огромным аппаратом, призванным обеспечить кампанию агитационно-рекламными средствами.

Выдвижение кандидатов на пост президента и вице-президента США, принятие избирательной платформы партии и, как было отмечено, выборы национального комитета производятся национальным конвентом, созываемым раз в четыре года.

Конвент состоит из делегаций от каждого штата, избранных конвентами штатов. Численность делегаций определяется сложным правилом⁸. Общее число делегатов конвента превышает тысячу.

Наряду с национальными комитетами республиканской и демократической партий функционируют комитеты обеих партий по подготовке и проведению выборов в конгресс (в каждую из палат). Комитеты, состоящие из ограниченного круга членов конгресса, призваны придать выборной кампании в конгресс планомерный характер.

В палате представителей республиканская и демократическая фракции выбирают эти комитеты по принципу: один представитель от каждого штата, представленного в палате членами, принадлежащими к данной партии. Комитеты избирают из своего состава председателя, его заместителей, исполнительный финансовый орган. Аналогичные комитеты (но в меньшем составе) избираются каждой из партийных фракций сената.

⁸ «Ogg and Ray's Introduction to American Government», New York, 1956, p. 195—196. О работе конвентов см.: Е. Б. Черняк. Государственный строй в политических партии США. Изд-во АН СССР, 1954, стр. 189—190.

Комитеты не подчиняются национальным комитетам соответственных партий, однако во время президентских выборов активно сотрудничают с ними. Наибольшую активность комитеты проявляют во время выборов в конгресс в «непрезидентские» годы.

Особое место в партийной системе занимает специальная сеть органов республиканской и демократической партий, действующих в конгрессе США и в законодательных органах штатов. Можно без преувеличения сказать, что эта партийная система как и по своим функциям, так и по своему обособленному положению в системе партийных органов представляет самостоятельный механизм, призванный в настоящее время руководить деятельностью законодательных органов в интересах крупного капитала.

Рассмотрим структуру партийного механизма конгресса США, который во многом схож с партийной системой законодательных органов большинства штатов.

Проведение партийной линии в конгрессе осуществляется при помощи сложного механизма, состоящего из партийных фракций, партийных лидеров палат, помощников лидера — «кнотов», обеспечивающих голосование членов фракции за намеченные партийными органами решения, и партийных комитетов по назначению в комитеты, комитетов палат конгресса по проведению выборов.

В каждой палате имеются две партийные фракции. Одна из них объединяет всех членов палаты, принадлежащих к республиканской партии, другая — принадлежащих к демократической. Общие собрания республиканской фракции (конференция) и демократической фракции (кокус) с их исполнительными органами (председателем, его заместителем, секретарем и др.) рассматривают общие организационные и политические задачи, вопросы, связанные с проведением в жизнь партийной платформы, определяют позиции партии в конкретных случаях и т. д. Партийные фракции избирают всех партийных руководителей палаты: председателя и секретаря фракции, партийного лидера, «кнотов», председателей и членов рулевого комитета, комитета по назначению в комитеты и комитетов по выборам в сенат и в палату представителей и др. Они выдвигают также кандидатуры на должностные посты палаты: спикера, временного председателя сената, председателей и членов комитетов палат и др. Палаты затем лишь формально утверждают эти кандидатуры.

За некоторыми исключениями, решения, принятые большинством в $\frac{2}{3}$ голосов членов фракции, обязательны для всех ее членов. Например, п. 7 Правил демократической фракции в палате представителей содержит оговорку о том, что член палаты не связан принятым фракцией решением в случае, если это про-

тиворечит его предвыборным обязательствам⁹. Вряд ли следует подчеркивать, что практически этот пункт используется лишь в демагогических целях. Так, 26 февраля 1954 г. при голосовании в сенате одного из разделов внесенной сенатором Бриккером конституционной поправки, предусматривавшей ограничение полномочий президента в сфере внешних сношений, партийный лидер большинства сенатор Ноулэнд сложил с себя на время голосования партийное звание, чтобы не быть связанным партийной дисциплиной¹⁰.

Руководство текущей деятельностью фракций, а главное — принуждение отдельных членов партии к выполнению принятых руководством решений осуществляется партийными лидерами, «кнутами» и помощниками «кнутов». Развитие и усложнение структуры и деятельности конгресса в условиях усиливающейся конкурентной борьбы монополистических группировок привело к созданию новых, малочисленных по своему составу партийных органов, к которым и переходят функции партийных фракций. В этих органах распоряжается небольшая кучка постоянных партийных руководителей и должностных лиц палаты. Рулевые комитеты республиканской и демократической партий создаются в обеих палатах — сенате (9—12 членов) и в палате представителей (21—22 члена). В их функцию входят вопросы руководства деятельностью палат, составление и проведение в жизнь законодательной программы и т. д. В состав рулевого комитета республиканской и демократической партий в каждой палате входят (по должности) председатель партийной фракции, партийный лидер и «кнут». В палате представителей демократы, находясь в большинстве, включали в состав своего рулевого комитета наряду с этими лицами также спикера и председателей комитета по изысканию средств исполнения бюджета, комитета по ассигнованиям и комитета по вопросам процедуры. Остальные члены рулевого комитета назначаются председателем партийной фракции с последующим утверждением общим собранием фракции. Члены рулевого комитета демократической партии палаты представителей избираются партийной фракцией с учетом представительства определенных географических зон, включающих от одного до нескольких штатов. Во главе рулевого комитета находится председатель, избираемый членами комитета.

В 1949 г. руководство конгресса сделало шаг к подведению законодательной базы под партийную систему. В результате принятого закона были созданы так называемые политические комитеты партий, которые и по своему составу и по компетенции ничем

⁹ Правила демократической фракции см.: G. B. Galloway. *The Legislation Process in Congress*. New York, 1955, p. 328—329.

¹⁰ B. Schwartz. *American Constitutional Law*. Cambridge, 1955, p. 330.

не отличаются от рулевых комитетов¹¹. Последние, таким образом, фактически были включены в систему официальных органов конгресса.

Право партийных фракций выдвигать кандидатов в члены постоянных комитетов переходит к особым органам — комитетам по назначению в комитеты. Партийные фракции, как правило, лишь утверждают предложенные этими органами кандидатуры.

Комитет по назначению в комитеты республиканской партии формируется в палате представителей из расчета: один представитель от каждого штата, избравшего в палату республиканца. Во главе комитета находится партийный лидер. В сенате членов республиканского комитета по назначению в комитеты назначает председатель партийной фракции с последующим утверждением фракцией. Демократическая партия не образует этих комитетов, а возлагает их функции на рулевой комитет в сенате и на демократическую часть комитета по изысканию средств исполнения бюджета в палате представителей. Как было отмечено, в каждой палате имеются республиканские и демократические комитеты по подготовке и проведению выборов в конгресс.

Американская двухпартийная система в значительной мере отличается от двухпартийных систем европейских буржуазных государств и старых британских доминионов, при которых победившая на выборах и получившая большинство в парламенте партия формирует правительство. В Соединенных Штатах в силу особенностей конституции, основанной на формальном «разделении властей», большинство в обеих палатах конгресса (или одной из них) может принадлежать к одной партии, а президент и составленный им кабинет — к другой. Так, в конгрессе 66 созыва большинство принадлежало республиканцам, а президент США Вильсон был демократом; в конгрессе 72 созыва палата представителей была демократическая, сенат — республиканским, к республиканцам принадлежал и президент США Гувер; конгресс 80 созыва был республиканским, а президент США Трумэн являлся демократом, и, наоборот, большая часть времени пребывания республиканца Эйзенхауэра на президентском посту протекала при конгрессе, где демократы составляли большинство. При этом в «президентские годы» (в годы, когда выбираются президент, палата представителей и одна треть сената) и большинство в обеих палатах конгресса и президент, как правило, принадлежат к одной партии.

Подобное положение объясняется тем, что все федеральные

¹¹ G. B. Galloway. Op. cit., p. 334—337; F. M. Riddick. The United States Congress Organization and Procedure. Washington, 1949, p. 104—105.

органы партии, к которой принадлежит кандидат в президенты (комитеты по выборам в обе палаты конгресса, национальный комитет), действуют согласованно под руководством этого кандидата. В «непрезидентские годы» (выбираются лишь палата представителей и одна треть сената), когда в избирательной кампании большую роль играют комитеты по выборам в палаты, а не президент или «его» национальный комитет, получаются иногда отмеченные выше отклонения. Бывает и так, что партия меньшинства в палате вместе с «недовольной» частью президентской партии образуют в палате или в конгрессе «антипрезидентское» большинство, срывающее отдельные мероприятия президента. При этом президент, даже располагающий партийным большинством в обеих палатах, как например, Кеннеди, иногда вводит в кабинет отдельных членов непрезидентской партии. Эти факты прежде всего подтверждают положение об отсутствии существенных различий в характере обеих партий, особенно их руководства. С другой стороны, эти факты непосредственно связаны с тем, что партийный аппарат, играющий значительную роль в деле выдвижения и проведения кандидатов на государственные посты, менее причастен к текущей законодательной и административной работе: тут на первый план выдвигаются монополистические союзы и организации, не связанные с какой-либо одной партией. Поэтому необходимая степень согласования деятельности различных органов достигается независимо от партийных водоразделов благодаря непосредственному воздействию монополистических организаций.

Таким образом, завоевание республиканской или демократической партий большинства в конгрессе или поста президента фактически не меняет существа политического курса страны вследствие единой монополистической сущности руководства обеих партий. Дело в значительной мере сводится к тому, какие группировки монополистического капитала захватили или контролируют посты в том или ином органе.

Рассмотренные структурные схемы показывают, что механизм республиканской и демократической партий в основном предназначен для комплектования государственных органов: выдвижения кандидатов и обеспечения их избрания или назначения. Однако при решении и этой задачи деятельность партийных звеньев, особенно центра и штатов, не вполне согласованная. Так в штатах замещение постов в государственных органах формально находится в ведении одного какого-либо партийного звена (комитета штата, комитета графства, центрального комитета города). В избрании кандидата на федеральную должность участвуют, как правило, несколько органов. При избрании, например, члена конгресса (сенатора или члена палаты представителей) кандидат выдвигается партийным съездом штата, а избирательная кампания возглавляется федеральным

партийным органом (комитетом по выборам в соответствующую палату конгресса).

Далее: результатом формального отсутствия в конгрессе координации деятельности палат явилась известная разобщенность в деятельности между комитетами по выборам в палату представителей и сенат. Многоступенчатость партийной системы и влияние «политических машин» в графствах и городах ставит перед комитетами значительные трудности в осуществлении непосредственного руководства избирательной кампанией на местах. Более того, зависимость членов конгресса от политической машины в штате, как правило, решающей исход выборов в конгресс, определила и зависимость комитетов по выборам в конгресс от партийной организации штата. Аналогичную картину мы видим и при избрании президента США. Руководство избирательной кампанией формально принадлежит национальному комитету, а фактически той же политической машине.

Сосредоточению партийного руководства в одном центре мешает и разделение функций между национальным комитетом, призванным руководить кампанией по выборам президента, и комитетами по выборам в конгресс, которые в основном возглавляют работу по проведению выборов в палаты конгресса. Национальный комитет партии, контролирующей посредством выборов пост президента, тесно связан с президентом США и практически подчинен ему (особенно, если президент переизбирается на второй срок). Комитеты по выборам в конгресс подчинены партийно-должностной верхушке конгресса. Отмеченное выше формальное отсутствие связей между конгрессом и президентом США затрудняет координацию действий центральных партийных органов на выборах. Эта разобщенность еще в большей степени выражена в сфере партийного руководства законодательной деятельностью. Она стала одной из причин, обусловивших тенденцию к сращению партийного аппарата с официальной системой конгресса, выделению партийно-должностной верхушки и установлению ее тесной связи с президентом, который рассматривается как общепризнанный национальный лидер своей партии, обеспечивающий необходимое единство руководства. Если учесть, что с президентом тесно связаны и партийные лидеры меньшинства в обеих палатах конгресса, то с полным основанием можно назвать современного президента боссом «политической машины» страны.

Гораздо сложнее обстоит вопрос о руководстве партии, не представленной в Белом Доме. Здесь формально отсутствует партийный национальный лидер; кандидат в президенты провалился, выставленный им председатель национального комитета по существу также перестал играть значительную роль. В связи с этим до последнего времени разгораются страсти вокруг того, кто же собственно должен возглавлять руководство партией.

потерпевшей поражение на президентских выборах, до выборов следующего состава национального комитета. Среди претендентов на эту роль мы находим и руководство национального комитета и его исполнительный комитет, провалившегося кандидата в президенты, партийное руководство палат конгресса и др. Довольно часто роль руководителя партии осуществляли партийные лидеры конгресса совместно с председателем национального комитета. Роль партийного руководства палат конгресса особенно возрастает в годы выборов в конгресс между президентскими выборами. В этих случаях руководители конгресса открыто не признавали права национального комитета партии на участие в формулировании предвыборной партийной политики¹².

В этой связи характерны предложения буржуазных государствоведов, направленные на «улучшение» существующего положения в партийном руководстве. Важное место среди них занимают предложения об узаконении установившихся связей между партийными и государственными органами и главным образом между партийно-должностной верхушкой конгресса и президентом, о создании постоянной единой финансовой базы в системе той и другой партий и образовании постоянно действующих партийных органов. Многие предложения направлены на ликвидацию разобщенности между партийными органами штатов и центра и подчинение местных партийных органов штатов центральному партийному органам. Особое внимание уделяется укреплению партийного руководства в конгрессе и уменьшению влияния штатов на политику конгресса. В этих целях, в частности, предлагается усилить финансирование кампании по выборам в конгресс за счет центральных партийных органов и ликвидировать однопартийные округа¹³.

2. Усиление роли федеральных партийных органов в партийной системе

Рост политического господства крупнейших монополистических кругов сопровождается усилением роли центральных партийных органов в партийной системе в целом. Монополии, захватив руководящие позиции в федеральном партийном аппарате, стремятся создать централизованную партийную систему, ликвидировав существующий в партиях секционализм и сепаратизм штатов, превратить партийную систему в последовательный проводник своей воли.

Как отмечалось, назначение конвента, формально высшего органа республиканской и демократической партий, сводится к

¹² «The New York Times», 11.I 1959.

¹³ S. K. Bailey. The Condition of Our National Political Parties. New York, 1959, p. 12—14.

выработке платформы партии к предстоящим выборам президента и вице-президента США, выдвижению кандидатов на посты президента и вице-президента США, выборам состава исполнительного партийного органа — национального комитета и к руководству его деятельностью.

Внешне современная картина деятельности национальных конвентов мало изменилась с момента их возникновения (1840 г.). Парадная шумиха, демонстрации, увеселительные программы продолжают, как и в прежнее время, прикрывать закулисную деятельность вожakov. Как и прежде, конвенты обеих партий представляют многолюдные сборища делегатов, их заместителей, технического персонала, представителей прессы, гостей. В 1956 г. число делегатов с их заместителями и другими участниками конвента демократической партии составляло около 4500 человек. Примерно такое же число человек участвовало в работе конвентов демократической и республиканской партий в 1960 г. Число официальных делегатов составляло у республиканцев 1520, у демократов — 1331.

Однако многие моменты свидетельствуют о существенных изменениях, происшедших как в составе конвентов и в организации их деятельности, так и в характере их работы.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что представители крупного монополистического капитала начинают принимать официальное участие в работе конвента. В 1952 г. 12% (около 200 человек) делегатов конвента республиканской и 7% (около 100 человек) делегатов конвента демократической партии являлись настолько крупными бизнесменами, что, по утверждению американского автора, их имена были достаточно известны и без биографических справочников¹⁴. В закулисной работе партийных конвентов обеих партий все большую роль начинают играть представители Торговой палаты США и других монополистических союзов и предпринимательских организаций¹⁵.

За последние годы все более практикуется привлечение к работе конвента, особенно в органы по выработке партийной платформы, наиболее влиятельных членов палаты представителей и сената. Это свидетельствует не только об укреплении связей между партийно-должностной верхушкой конгресса и партийным лидером в лице кандидата в президенты или в будущем президента, но и о стремлении усилить авторитет конвента и его национального комитета в партийных организациях штатов (как уже отмечалось, представители конгресса более связаны с партийными организациями графств, чем национальный комитет).

¹⁴ «Present Trends in American National Government», p. 32.

¹⁵ Ibidem.

Основные функции современных конвентов, формально оставаясь неизменными, претерпевают значительные изменения по существу. Ранее основной и главной задачей конвента было выдвижение кандидатов на пост президента и вице-президента США. Выработка избирательных платформ играла второстепенную роль, а руководство деятельностью партийной организации в национальном масштабе вообще имело номинальное значение, так как партийная деятельность почти полностью была рассредоточена по партийным организациям штатов. В послевоенный период роль этих функций начинает заметно возрастать.

В условиях роста социальных противоречий, повышения политической сознательности народных масс, усиления дифференциации буржуазии и выдвижения монополистической верхушки, интересы которой в ряде случаев противостоят интересам монополистической буржуазии, выработка «единой» избирательной платформы приобретает значение сложного стратегического плана, предусматривающего возможные компромиссы между отдельными слоями буржуазии, некоторые вынужденные уступки ничтожной части трудящихся и обмана большинства народа.

Выработка партийных платформ в настоящее время, в отличие от прошлого, когда программы составлялись непосредственно на конвентах, производится задолго до созыва конвента. Причем составление платформы партии, контролирующей президентский пост, осуществляется с помощью определенных органов, входящих в так называемое исполнительное бюро президента. Именно на этом подготовительном этапе взвешиваются интересы и роль тех или иных социальных сил. Для этого широко используются различные информационные центры и институты общественного мнения, в частности отмеченный выше Институт Гэллопа. Как отмечалось, к этой работе привлекается и партийно-должностная верхушка конгресса. Предварительной подготовкой пунктов платформы партии, не контролирующей поста президента, занимается, как правило, национальный комитет и его штаб. С 1956 г. в обеих партиях создаются специальные органы по выработке партийных платформ: консультативный совет демократической партии и комитет республиканской партии.

Перед созывом конвента председатель национального комитета назначает временный комитет по выработке платформы. Однако формально подготовкой окончательной редакции платформы ведает постоянный комитет конвента по резолюциям, который и выносит проект платформы на обсуждение и утверждение конвента. Зачастую члены временного комитета по выработке платформы включаются в состав постоянного комитета, в который входят по два представителя от каждого штата.

Выработка проекта платформы производится при максимальном привлечении представителей монополистических кругов.

«Партийные платформы,— признает член комитета по выработке платформы,— составляются лицами, которые никогда не избирались для этой цели»¹⁶.

Принятие избирательных платформ комитетом конвента и самим конвентом носит формальный характер. Вот как описывает эту процедуру сенатор Додд, неоднократно бывший членом комитета по выработке платформы. В течение четырех-пяти дней члены комитета уныло слушают добрую сотню ораторов, монотонно читающих свои реляции. Как правило, большинство членов комитета отсутствует. Одновременно в задней комнате кучка лиц, не являющихся даже делегатами конвента, занятые подготовкой и согласованием текста платформы. Затем, повествует Додд, этот текст принимается официальным комитетом без каких-либо поправок. Через несколько часов платформа формально штампруется конвентом (за последнее время даже без оглашения всего текста). Исключения представляют традиционные возражения делегаций от южных штатов против пункта о так называемых гражданских правах¹⁷.

Усиление роли президента и в известной степени вице-президента США в современный период обусловило активную роль предпринимательских организаций в выдвижении кандидатов на эти посты. Еще Брайс отмечал, что национальные конвенты и республиканской и демократической партий служат фактически ширмой, за которой ведут торг различные группы американской буржуазии, решая, какой кандидат будет лучше представлять их интересы. Это имеет место и в эпоху империализма, той лишь разницей, что теперь в этой борьбе принимают участие наиболее могущественные группы монополистического капитала и сговор о выдвижении на пост того или иного кандидата производится не за кулисами национального конвента, а значительно раньше. Как и во времена Брайса, национальный конвент штампует выдвижение намеченных ранее кандидатов. Однако теперь это проводится гораздо быстрее, чем в «доброе старое время». Уходят в прошлое разделение кандидатов на «любимых сыновей» (кандидат, популярный лишь в одном штате) и «темных лошадей» (малоизвестный кандидат). Остается лишь один тип кандидата — «фаворит», да и то вместо популярности во всех штатах от него требуется лишь единственное — быть приемлемым для наиболее крупных монополистических кругов. При наличии их поддержки нетрудно создать и популярность.

Способ выдвижения кандидатов партийными конвентами начал практиковаться обеими партиями с 30-х годов прошлого столетия.

¹⁶ «Congressional Record» (сброшюрованное издание), 5.I 1961, p. 197.

¹⁷ Ibidem.

Анализ данных о выдвижении кандидатов конвентами¹⁸ показывает, что в эпоху монополистического капитала (1896—1960 гг.) число выдвинутых кандидатов, в порядке подтверждения конвентом их ведущей роли в партийном руководстве, увеличилось примерно в 2 раза. Это случаи: а) переизбрания президента, который был избран на предыдущих выборах (Ф. Рузвельт в 1936, 1940, 1944 г.; Эйзенхауэр в 1956 г. и др.), б) переизбрания президента, занявшего пост в силу служебного положения в результате смерти должным образом избранного президента (Кулидж в 1924 г., Трумэн в 1948 г.), в) выдвижения кандидата, провалившегося на прошлых выборах (Дьюи в 1948 г., Стивенсона в 1956 г.). Такая практика свидетельствует о стабилизации сил внутри каждой партии, что является несомненным результатом подчинения руководящих партийных органов монополистическим группировкам, а также об усилении роли президента США как партийного лидера. Эти положения подтверждаются и многими другими данными, а именно: уменьшением числа выдвижений от группировок, образовавшихся непосредственно на конвентах, а также выдвижений в результате компромисса между ведущими группировками, которые не смогли провести своих кандидатов, и в частности «темных лошадей».

Усиление роли и значения национальных конвентов происходит не в направлении расширения их полномочий как органов, представляющих партийные интересы отдельных штатов, а по линии сосредоточения их полномочий в руках партийной олигархии — кучки лиц, состоящей из председателя конвента, председателей важнейших постоянных комитетов конвента (особенно комитета по вопросам процедуры), представителей партийно-должностной верхушки конгресса и непосредственных представителей крупного монополистического капитала.

Многие организационные мероприятия, проведенные за последнее время, направлены на закрепление широких полномочий в руках этой группы лиц, и в первую очередь официального руководства конвентом. Важна регламентация деятельности конвента, которая в значительной степени повышает решающую роль председателя и некоторых других руководящих лиц конвента. В 1952 г. руководство демократической партии создало специальный комитет по вопросам процедуры. Поводом к созданию этого органа послужили возникшие в конвенте разногласия по вопросу о партийной дисциплине и, в частности, ультиматум ряда делегаций от южных штатов, их угроза покинуть конвент, если из платформы не будет исключен пункт об обеспечении гражданских прав негритянскому населению. После окончания работы

¹⁸ «Brookings Institution Study to be Published in January 1960». «Present Trends in American National Government», p. 40—41.

конвента комитет по вопросам процедуры продолжал действовать в качестве консультативного органа при национальном комитете демократической партии. Большая часть рекомендаций этого органа была принята конвентом. Начиная с 1957 г. национальный комитет демократической партии и его штаб разработали различные правила процедуры, подлежащие утверждению конвента. 1960 г. Аналогичные акции были предприняты и руководством республиканской партии.

Регламентация деятельности конвента, создание и развитие системы постоянных комитетов конвента: мандатного комитета (решает вопрос о правомочиях делегаций), комитета по вопросам процедуры, организационного комитета (выдвигает кандидатуры в руководящие органы конвента), комитета по вопросам платформы и резолюций и др., — все эти факты отражают усиление связи партий с влиятельными монополистическими кругами.

Послевоенные годы характеризуются усилением роли монополистических кругов в избирательной кампании и появлением в связи с этим новых форм ее организации.

Изменение организационных форм избирательной кампании наблюдалось, собственно говоря, еще с начала текущего века и происходило в основном по линии усиления роли кандидата на пост президента в этой кампании. Если раньше кандидат в президенты, назначая председателя национального комитета партии, почти полностью доверял ему ведение предвыборной борьбы через посредство партийного аппарата на местах, то теперь он сам принимает активное участие в агитации за свою собственную кандидатуру.

Поездки по стране с предвыборными декларациями все более дополняются развитием специального аппарата по выборам, руководство которым возлагается на доверенное лицо кандидата в лице председателя национального комитета партии. Эта система органов, вначале лишь дополнявшая деятельность партийной системы в избирательной кампании, в дальнейшем начинает играть в ней все большую роль. Монополистические круги, одобрявшие ту или иную кандидатуру, предпочитают дать ей и карты в руки для проведения собственной персоны на президентский пост. Однако здесь руководство избирательной кампанией происходит через посредство политических агентов, да и сам кандидат — всего лишь политический деятель. Он не принадлежит к монополистическим кругам, а лишь тесно связан с ними. Дело резко изменилось в последние годы, когда наряду с традиционными органами, призванными проводить предвыборную борьбу за выдвинутого кандидата, монополистические круги создают свой собственный сложный аппарат, к которому фактически и переходит руководство в этой сфере. Характерным моментом является и то, что предвыборная кампания фактически начинает

ся еще до созыва национального конвента, что лишний раз подчеркивает его формальное значение.

Специальный национальный комитет, состоящий из представителей крупнейших промышленных, финансовых и деловых кругов, все более подчиняет себе деятельность национального комитета партии по финансированию избирательной кампании. На второй план отодвигается деятельность национального комитета партии и в сфере непосредственного ведения предвыборной борьбы. Кандидат в президенты с помощью поддерживающих его крупных монополий создает свой широко разветвленный «избирательный аппарат». Руководство этим аппаратом возлагается на опытных политических дельцов.

Этот аппарат контролирует весь ход избирательной кампании на местах, устанавливает тесную связь с муниципальными боссами и лидерами партии в графствах.

Для руководства идеологической обработкой избирателей создается «мозговой трест», в который входят буржуазные социологи, экономисты, юристы, историки. В результате и в этой традиционной для партийного аппарата сфере деятельности национальному комитету партии приходится довольствоваться подчиненной ролью.

Чтобы создать благоприятные условия для наиболее эффективного использования партийной системы, финансовая олигархия предпринимает попытки усилить роль национальных комитетов в руководстве всей сетью партийных органов. Особое значение это имеет для партии, которая не контролирует президентский пост и в которой больше всего чувствуется отсутствие единого руководства. Начало этому положила республиканская партия, создавшая консультативный комитет по выработке избирательной политики и избирательной платформы к предстоявшему в 1920 г. конвенту. В 1920 г. комитет, выполнив свою задачу, прекратил существование. Более продолжительна деятельность консультативного совета национального комитета демократической партии. Этот орган был создан решением исполнительного комитета национального комитета демократической партии 27 ноября 1956 г.¹⁹

В его состав вошли члены исполнительного комитета национального комитета демократической партии и видные деятели демократической партии (Стивенсон, Трумэн, сенатор Хэмфри и др.), наиболее влиятельные губернаторы штатов, мэры крупнейших городов. Однако руководители фракции демократической партии в конгрессе отказались войти в состав комитета. Совету оказывают помощь по отдельным вопросам внутренней и внеш-

¹⁹ «Democratic Advisory Council „Plan of operations“ (mimeo) approved by the Executive Committee of the Democratic National Committee on May 3, 1957».

ней политики консультативные комитеты. Комитет проявил значительную политическую активность, опубликовав заявления по важнейшим политическим вопросам. Еще дальше пошел национальный комитет республиканской партии, который 25 февраля 1959 г. создал республиканский комитет по вопросам программы и прогресса (это было в период, когда республиканская партия контролировала пост президента США). Председатель национального комитета республиканцев Алкорн подчеркнул, что этот комитет по своему составу шире аналогичного комитета демократов, так как он включает в свой состав и руководство республиканцев в конгрессе. Комитет состоит примерно из 40 членов и имеет подкомитеты по вопросам национальной безопасности, гражданских прав и нужд, науки и техники, экономической перспективы.

Последние годы показали известное усиление роли национальных комитетов обеих партий в самой партийной системе. В довоенные годы эти органы состояли из небольшой группы партийных чиновников. Численный состав комитетов увеличивался лишь в период выборной кампании. В настоящее время состав национальных комитетов достигает 100 членов. Это увеличение произошло в значительной части за счет представителей «деловых кругов и бизнесменов». На период избирательных кампаний их число увеличивается в 2—3 раза.

Национальные комитеты больше не ограничивают свою деятельность лишь периодом избирательной кампании, а продолжают ее и между выборами²⁰. Это стимулирует активность и партийных органов в штатах и на местах. Особенно усилилась руководящая роль национальных комитетов в партийной системе с 1958 г. С этого времени они укрепляют связи с партийными органами конгресса. Усиливается активность национальных комитетов и в финансировании избирательных кампаний. Согласно данным палаты представителей конгресса, которая в 1956 г. изучала вопрос об источниках финансирования избирательных кампаний, непосредственное участие национальных комитетов в этом финансировании было незначительным. Большая часть средств на избирательные кампании вносилась «мощественными национальными группами»²¹. Национальные комитеты в основном занимались обходом законов о коррупции (закон Хэтча и др.). Отсутствие постоянных финансовых фондов в значительной мере затрудняло планомерную деятель-

²⁰ Ph. S. Wilder. The National Committee of the Party in Power 1953—1958 a paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, September 4—6. 1958 (mimeo), p. 7.

²¹ «Hearings 1956». «Presidential and Senatorial Campaign Contributions and Practices» 84 Congress 2-d sess. 1956, part I, II.

ность национальных комитетов, что было отмечено на совещании партийных лидеров республиканской партии в январе 1959 г.²² В настоящее время постоянные финансовые фонды национальных комитетов каждой из партий доходят до 1 млн. долл. Намечается тенденция пополнять партийную кассу за счет поборов с населения²³. В январе 1962 г. президент США Кеннеди создал специальную комиссию на беспартийной основе для разработки мероприятий по снижению стоимости выборной кампании с тем, чтобы финансировать ее полностью за счет государства. Это мероприятие в основном направлено на то, чтобы лишить отдельных бизнесменов возможности влиять на ход выборов и еще больше усилить роль в этой сфере крупного капитала²⁴.

Как отмечалось, отдельные выборы в законодательные и исполнительные органы в центре и штатах определили децентрализованный характер партийной системы. Многочисленные партийные органы в центре: национальные комитеты республиканской и демократической партий, партийное руководство и специальные комитеты по выборам каждой из этих партий в палатах конгресса, почти не связанные между собой, оспаривали свое право на руководящую роль в центре и в штатах. Однако ни один из них практически не оказывал, да и не мог оказывать непосредственного воздействия на партийные органы в штатах и на местах в силу той же разобщенности и известной финансовой самостоятельности органов штатов, получающих солидные суммы от заинтересованных деловых кругов в обмен на патронажные услуги.

За последнее время, особенно с непосредственным захватом финансовой олигархией поста президента партийное и государственное руководство все больше сосредоточивается в руках президента США как национального партийного лидера и главы исполнительной власти и государства. Знаменательна в этой связи квалификация буржуазными государствоведами партии, захватившей пост президента²⁵, как партии, находящейся у власти (in-party), независимо от того, какая партия располагает большинством в конгрессе.

Действительно, согласно многолетней практике конвентов обеих партий кандидат в президенты назначает председателя национального комитета партии и ряд других партийных чиновников. Он по существу давно уже возглавляет избирательную кампанию за протаскивание своей кандидатуры на президент-

²² «Washington Post and Times-Herald», 22.I 1959.

²³ Ph. S. Wilder. Op. cit., p. 10—12.

²⁴ «Congressional Record» (сброшюрованное издание), vol. 108, 5.I 1962, p. A137.

²⁵ S. K. Bailey. Op. cit., p. 8.

ский пост, руководя деятельностью национального комитета своей партии и его штабквартиры, мобилизуя силы членов соответствующей партийной фракции в каждой палате конгресса для координирования деятельности партийных машин и крупных боссов в штатах и т. д. Победив на выборах, президент широко использует партийные фракции в конгрессе, чтобы проводить определенную линию в законодательстве и оказывать воздействие на партийные органы в штатах. Для укрепления своих позиций президент всегда прибегал к патронажу.

Однако в монополистический период этот институт претерпевает ряд изменений как по существу, так и по форме. Прежде всего в значительной степени сократился масштаб патронажа в связи с тем, что административный аппарат, как правило, не меняется с изменением партийности президента. Если раньше патронаж был формой, в которой президент вознаграждал своих партийных единомышленников за политические услуги, оказанные ему главным образом во время избирательной кампании, то в настоящее время монополистические группировки, протаскивая на пост президента свою кандидатуру, используют полномочия президента, чтобы занимать важнейшие посты независимо от своей партийной принадлежности. Небезызвестный Шерман Адамс, в течение длительного времени подвизавшийся в качестве управляющего делами Белого Дома, отмечает, что при президенте Эйзенхауэре (а он был ставленником нескольких финансовых групп) партийный патронаж был незначителен, и многие влиятельные сенаторы-республиканцы потерпели фиаско в устройстве «нужных» людей на «теплые места». Это, как отмечает Адамс, вызывало недовольство со стороны партийных лидеров конгресса США²⁶. Партийный патронаж все более заменяется патронажем монополий. Об уменьшении роли партийного патронажа свидетельствует и смешанный партийный состав кабинета президента Кеннеди.

Делаются попытки централизовать руководство в партии, не контролирующей пост президента. Так, в январе 1961 г., незадолго до вступления на пост президента Кеннеди, Эйзенхауэр создал объединенное руководство деятельностью фракций республиканской партии в сенате и палате представителей во главе с председателем национального комитета республиканской партии²⁷.

Подчинение политической машины отдельным группировкам монополистического капитала вызывает и другие характерные явления. Ослабевают традиционное монопольное господство рес-

²⁶ Sh. A d a m s. First Hand Report. New York, 1961, p. 61.

²⁷ «Congressional Record» (сброшюрованное издание), 13.X 1961, p. A8158—A8166.

публиканцев в восточных штатах, сельских местностях Севера и Запада США, а демократов — в южных штатах и крупных городах Севера и Запада страны. Об этом свидетельствует, в частности, резкое уменьшение числа однопартийных штатов, в которых оба сенатора или все члены палаты представителей избираются от одной партии. Так, число однопартийных делегаций (сенаторов и конгрессменов) от штатов уменьшилось с 24 в 1942 г. до 11 в 1958 г.²⁸ За сравнительно короткий период с 1952 по 1956 г. число конгрессистских округов на Юге, где места оспариваются обеими партиями, возросло с 48 до 60.²⁹ За тот же период общее число голосов, поданных на Юге за кандидатов республиканской партии в палату представителей, увеличилось с 1 млн. 872 тыс. до 2 млн. 371 тыс.³⁰ Ломку традиционного господства одной партии в том или ином штате продемонстрировали и президентские выборы 1960 г. Так, демократы добились победы в исконных «владениях» республиканцев: в штатах Мичиган (50,90% против 48,8%), Иллинойс (50,9% против 49,8%), а также в Нью-Йорке (52,5% против 47,3%) и почти догнали республиканцев по числу полученных голосов в штате Гэмпшир (46,6% против 53,4%). Республиканцы же добились серьезных успехов на Юге — в традиционной вотчине демократов. При этом многие избиратели голосовали за ту или другую партию, не будучи официально зарегистрированы в избирательных списках в качестве ее приверженцев.

Определенные изменения претерпевает и боссизм. С политической арены уходит старый тип босса — полновластного хозяина крупного города и даже штата. В 1947 г. устранился от дел знаменитый босс штата Нью-Джерси Хейт, кончилась политическая карьера могущественного в свое время Тома Пендергаста из Канзас-Сити и т. д.

На смену им не приходят такие же могущественные политические дельцы. Крупный монополистический капитал больше не устраивает самоуправство на местах: все должно быть полностью подчинено интересам олигархии. На сцену выдвигается официальный лидер демократической или республиканской партии, сосредоточивающий в своих руках и бывшие функции босса, однако с той разницей, что здесь более значительную роль играет политическое руководство центра в лице президента США или его помощника — председателя национального комитета. Так, сенаторы Лонг от штата Луизиана, Тайдинг от штата Мэриленд,

²⁸ «Congressional Quarterly Weekly Report», 7.XI 1958, p. 1419.

²⁹ P. T. David. Intensity of Interparty Competition and the Problem of Party Realignment. A paper presented September 6, 1957 at 53-rd Annual Meeting of the American Political Science Association (mimeo), p. 27.

³⁰ Ibidem.

Джаффей от штата Пенсильвания совмещают сенаторские обязанности с осуществлением политического контроля в штате через «политическую машину»³¹. За последнее время роль руководителя «политической машины» в штате начинает играть представитель крайне правого крыла в сенате Барри Голдуотер. Прогрессивная печать США подчеркивает, что ослабление могущества отдельных (далеко не всех) боссов несколько не затронуло все силы правящей верхушки³².

С развитием монополистического капитализма происходят характерные изменения и в партийной структуре конгресса и законодательных собраний штатов. Здесь как и в официальной структуре законодательных органов, происходит концентрация власти в руках небольшого круга лиц, которые вместе с должностными лицами палат образуют партийно-должностное руководство конгресса.

Из 437 членов палаты представителей и 100 членов сената партийно-должностную группу составляют лишь около 20 человек в каждой палате. Это председатели палат, председатели трех-четырех важнейших комитетов и лидеры партийного меньшинства в них, партийные лидеры большинства и меньшинства в палатах, председатели партийных фракций и некоторые другие лица.

Эта группа лиц захватила не только руководство деятельностью конгресса, но и играет решающую роль в изменении регламента этой деятельности, определяющего в основном компетенцию и полномочия самой группы.

Обычай, прецедент и некоторые писанные правила (регламенты партийных фракций и др.)³³, на которых основываются структура, полномочия и деятельность партийных органов, неразрывно связаны с регламентом официальных органов и фактически могут рассматриваться как часть последнего, особенно если принять во внимание, что и его важнейшими источниками также являются обычай и прецедент. К тому же повседневная деятельность партийных органов неотделима от деятельности официальных органов конгресса и в большинстве случаев проводится на основе правил регламента палат в той мере, в какой эти правила применимы к партийным органам.

Такое переплетение регламентации деятельности партийных и официальных органов конгресса не случайно. Оно отражает процесс приспособления конгресса к обеспечению интересов монополистического капитала через партийный механизм. Единая

³¹ Н. А. Вонг. *Op. cit.*, p. 430.

³² «Political Affairs», June 1962, p. 39.

³³ Правила регламента партийных фракций демократов в палате представителей и республиканцев в сенате см.: G. B. Galloway. *Op. cit.*, p. 328—329, 332—334.

сущность республиканской и демократической фракций в конгрессе, как и партий в целом, проявляется в использовании тех правил регламента, при помощи которых обеспечивается протаскивание мероприятий в интересах монополий. С другой стороны, разделение этих партий на «руководящую» и «оппозиционную» все более превращается в средство маскировки проводимой в конгрессе политики монополий. В этих целях руководство обеих фракций широко прибегает к тем многочисленным правилам регламента, которые предоставляют широкую возможность без ущерба для проводимой политики создавать видимость спора вокруг тех или иных вопросов. На самом деле, как можно судить по составу современных конгрессов, руководящая линия каждой партии в конгрессе складывается в значительной степени в результате выявления интересов различных монополистических группировок, подчиняющих своему влиянию партийные машины штатов.

Господствующие круги стремятся закрепить существующую систему партий в настоящем ее виде, еще больше привязать к ней массы избирателей, предоставив ей максимальную свободу при решении основной ее задачи — проведения выборов.

Интерес к законодательному регулированию партийной системы возрос после того, как монополистический капитализм уже «освоил» это мощное орудие закрепления своего политического могущества. За сравнительно короткий период почти все звенья законодательной и судебной машины внесли свой вклад в эту сферу регулирования.

Новые конституции штатов (Нью-Йорка 1938 г.) содержат положения о составе партийных комитетов, о выборах делегатов на съезды (конвенты) штата и о самих съездах. Положения других конституций (Арканзаса, Алабамы, Лос-Анжелоса, Мичигана, Оклахомы и др.) фиксируют тесную связь партийной системы с избирательной³⁴, а многие федеральные законы и законы штатов, устанавливая комплектование ряда государственных органов на двухпартийной основе, подчеркивают ее государственный характер. Интересно, что конституция штата Мэриленд содержит положение о том, что вакансии в законодательном собрании штата замещаются губернатором по письменному указанию комитета штата той партии, к которой выбывший член легислатуры принадлежал³⁵. Законы штатов закрепляют оправдавшие себя выдвижения кандидатов и их избрание посредством первичных партийных собраний и относят расходы в этой сфере на счет государства. Все эти законы встречают поддержку феде-

³⁴ «Index Digest of State Constitution», ed 2. New York, 1959, p. 777, 423, 424, 428, 430.

³⁵ H. A. Bone. Op. cit., p. 419.

ральных судов. Однако важнейшие стороны деятельности партийной системы законодательно не регулируются, оставляя ее гибким орудием в руках монополий. Многочисленные законы штатов и федеральные законы (Хэтча 1939—1940 гг.), направленные на борьбу с коррупцией в избирательной сфере, практически не препятствуют процветающим во время выборов подкупам и взяткам. Зато в большинстве штатов приняты законы, препятствующие проникновению в избирательную систему «третьих» партий³⁶.

³⁶ I. Hinderaker. Party Politics. New York, 1956, p. 123.

Глава III

Структура и механизм деятельности монополистических союзов и предпринимательских организаций

1. Структура монополистических союзов и предпринимательских организаций

В структурном отношении крупнейшие предпринимательские организации представляют строго централизованную, сложную машину. Формально высший орган — съезд членов организации, который намечает основную линию и задачи организации, согласовывая важнейшие интересы входящих в организацию монополистических группировок. Каждый член-организация, представленный на съезде, обладает числом голосов, пропорциональным числу корпораций, входящих в эту организацию. Так, на съезде Торговой палаты США каждый член-организация обладает одним голосом на 25 корпораций или предприятий, входящих в нее, и одним дополнительным голосом на каждые 250 дополнительных членов. Индивидуальные члены не обладают правом решающего голоса.

Съезд избирает из своей среды исполнительный орган — совет директоров (Национальная ассоциация промышленников — 150 человек, Торговая палата США — 58 человек), в руках которого сосредоточены все нити управления организацией.

В Торговой палате США часть директоров избирается по географическому принципу (от 10 избирательных округов), остальные — по основным деловым группам: финансовой, внешней торговли, страховой и т. д. Национальная ассоциация промышленников избирает совет директоров на основе представительства от штатов. Штат, имеющий 25 активных членов-организаций с определенным минимумом членских взносов, обладает правом на избрание одного директора. 100 активных членов организации в штате дают право на избрание двух директоров, 200 активных членов — трех директоров.

Такой принцип избрания директоров формально обеспечивает представительство местных групп буржуазии в исполнительных органах. Однако подавляющее число мест в совете директоров занято представителями крупнейших финансово-про-

мысленных групп страны, особенно уолл-стритовских групп. Срок полномочий директоров ограничен: в Торговой палате не более трех сроков по два года каждый. Фактически смена директоров не мешает постоянному представительству в совете директоров крупнейших монополистических объединений. Президент организации избирается ежегодно и не получает вознаграждения.

Совет директоров избирает из своего состава президента и вице-президентов организации, председателя совета директоров. Совет директоров формирует и другие руководящие органы: исполнительный комитет, наделенный в период между созывами совета директоров всеми полномочиями последнего, политический комитет, финансовый комитет, назначает казначея и т. д.

Съезды утверждают решения, принятые исполнительными органами в процессе их текущей деятельности. Фактически это превратилось в пустую формальность, и все решения руководящих исполнительных органов, например политического комитета Национальной ассоциации промышленников, утверждаются (за редким исключением) советом директоров.

В руководстве организациями власть постепенно сосредотачивается в руках все меньшего круга должностных лиц — представителей крупнейших монополистических корпораций. Об этом свидетельствует практика совмещения в одном лице обязанностей президента с обязанностями председателя совета директоров, исполнительного совета и финансового комитета. В Национальной ассоциации промышленников правила о кворуме позволяют даже 20 директорам (из 150) решать все вопросы в пределах компетенции этого органа. В 1933—1946 гг. 125 крупнейших корпораций страны имели в составе совета директоров 63% своих представителей, в исполнительном комитете — 88, в финансовом комитете — 79% и 52% — в важнейших департаментах организации.

Всей деятельностью Торговой палаты США управляют не более 10 избранных должностных лиц (из числа крупнейших финансистов страны), не получающих какого-либо вознаграждения: президент, председатель совета директоров, председатель исполнительного комитета, 6 вице-президентов и казначей. Текущая деятельность палаты сосредоточена в руках специального вице-президента, назначаемого президентом и утверждаемого советом директоров. Это должностное лицо руководит работой департаментов и всей работой организации в целом (в центре и на местах).

Важную роль в деятельности организации играют департаментские и специальные комитеты. Эти комитеты ежегодно формируются президентом организации из числа ведущих промышленников и коммерсантов и являются связующим звеном между

центральной организацией и ее членами. На заседании этих комитетов вырабатываются в основном стратегия и тактика организации. В течение 1952—1953 гг. в 30 таких комитетах на добровольных началах работало свыше 500 представителей крупных монополий¹.

Детализацией намеченных мероприятий, непосредственным их осуществлением, а также контактами с правительственными органами и конгрессом США ведают постоянные департаменты организации. Так, центральная организация Торговой палаты США (в Вашингтоне) имеет 19 департаментов. 3 из них обслуживают 6 филиалов организации, находящихся в крупнейших промышленно-торговых центрах страны (Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско и др.). 4 департамента осуществляют в основном координационную и оперативную деятельность. Это — департаменты информации, по вопросам законодательства, по делам торговых предприятий и департамент, ведающий издательством журналов и бюллетеней по вопросам национального бизнеса. Остальные 12 — специальные департаменты, занимающиеся проблемами общегосударственного масштаба. Таковы департаменты: по вопросам финансов, сельского хозяйства, внешней торговли, страхования, промышленности, естественных ресурсов, транспорта и коммуникаций, экономических изысканий, образования, трудовых отношений и др. Координирующую роль в работе этих департаментов играют департаменты по вопросам законодательства и экономического исследования.

Таким образом, структура департаментов по кругу вопросов, которыми они ведают, во многом напоминает систему министерств США, а также комитетскую систему конгресса. Это не случайно, а подготовлено всем ходом процесса сращения аппарата монополистического капитала с государственным аппаратом при подчиненной роли последнего.

Как правило, разработкой конкретных задач организации ведают соответствующие комитеты при департаментах, представляющие тот или иной сектор промышленности или торговли. Однако совет директоров может вернуть предложение комитету на доработку.

Основные направления политики организации, ее программа принимается ежегодным собранием делегатов или референдумом членов организации, или советом директоров (требуется согласие $\frac{2}{3}$ членов директората). Последний способ наиболее распространен: он предоставляет огромные возможности для кучки финансовых тузов проводить удобные ей решения. Формально эти решения утверждаются собранием членов, которое собирается один раз в году.

¹ «Politics in the United States», p. 175.

Решения, подготовленные советом директоров и проштампованные съездом или одобренные посредством референдума членов организации (Национальная ассоциация промышленников), направляются президенту США и его исполнительному аппарату либо конгрессу США для проведения в жизнь. Аналогично отделения организации в штатах передают свои решения для осуществления губернатору и его исполнительному аппарату и законодательному собранию штата. Единое центральное руководство обеспечивает согласованность действий по общим вопросам организаций на местах в штатах с центром.

Практика Торговой палаты США служит наглядным примером того, каким путем крупный монополистический капитал вырабатывает свою общеполитическую платформу и какую роль в этом вопросе играют монополистические союзы.

Руководство Торговой палаты в целях определения ее позиции по тому или иному вопросу или группе вопросов создает специальный комитет для подготовки соответствующего доклада. Доклад представляется на рассмотрение Совета директоров, который решает вопрос о постановке доклада на референдум среди членов организации. Специальный исследовательский департамент палаты подготавливает вариант положений доклада на основе данных исследовательских институтов по вопросам общественного мнения. Этот вариант представляет собой некоторый корректив позиции руководства палаты (крупного монополистического капитала), основанный на учете мнения более широких слоев американской буржуазии и некоторых вынужденных уступок другим заинтересованным социальным слоям американского общества.

Оба текста печатаются параллельно в одном бюллетене, который рассылается в отделения организации в штатах и на места. На обсуждение доклада и решение о принятии того или иного варианта предоставляется 45 дней. Каждый член палаты — обычно ассоциация нескольких монополистических корпораций, обладает несколькими голосами (не свыше 10), в зависимости от его финансового потенциала. Положения, одобренные большинством голосов членов, признаются как официальная позиция Торговой палаты США в том или ином вопросе или группе вопросов.

Важную роль в формировании мнений организации (вернее в навязывании мнения руководства всему составу) играют различные публикации организации, распространяемые как среди рядовых членов организации, так и среди правящих кругов. В последние годы в этих целях все шире используются радио и телевидение.

Торговая палата США и Национальная ассоциация промышленников владеют многими печатными изданиями. Так, Торговая палата США ежегодно публикует до 200 наименований по

различным вопросам промышленности и торговли. Она выпускает ряд периодических изданий: «Нэйшнл Бизнес» (ежемесячник), «Бизнес Экшн» и др. «Бизнес Экшн» — это еженедельный отчет о деятельности организации, ее позиции в отношении важнейших вопросов политики и законодательства и предназначается лишь подписчикам (членам организации). Палата издает также специальный еженедельный бюллетень «Говернмент Афферс», в котором подробно освещается прохождение в конгрессе США законопроектов, интересующих членов палаты. В еженедельнике также приводятся и анализируются распоряжения и приказы исполнительных органов.

Много печатных изданий имеет и Национальная ассоциация промышленников. Среди них: «Нам Ньюс», «Дайджист оф стейт леджислейшн», «Ло Департмент Дайджист», «Ло Дайджист Саплмент» и др.

Важным орудием воздействия монополистического капитала на деятельность конгресса и законодательных органов штатов продолжает оставаться лоббизм, история которого начинается с создания государственной системы США. В качестве конституционной гарантии этого института американская буржуазия использовала первую поправку к конституции США (1791 г.). провозглашающую «право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об исправлении злоупотреблений».

Уже сессии первого конгресса были ознаменованы появлением представителей отдельных торгово-промышленных фирм, пытавшихся оказать известное влияние на прохождение того или иного законопроекта. Значительное развитие института лобби произошло в период расцвета промышленного капитализма, когда американская буржуазия, экономически окрепшая и безраздельно захватившая политическую власть, выдвинула конгресс на первое место среди федеральных органов. Период развития буржуазной демократии характеризовался усиливавшимся потоком ходатаев по делам отдельных фирм и предприятий, пытавшихся использовать федеральное законодательство в своих целях.

В результате развития монополистического капитализма этот старый антиконституционный институт претерпел значительные изменения как в организационном отношении, так и в отношении своих функций.

Представители интересов отдельных фирм и компаний в конгрессе и законодательных собраниях штатов все более уступают место организованному лоббизму, руководимому различного рода предпринимательскими и другими организациями монополистического капитала. Лишь относительно немногие мелкие лоббистские группы не имеют постоянного «босса», работая на того, кто наймет.

Наиболее крупные из организаций монополистического капитала (Национальная ассоциация промышленников, Торговая палата США), как правило, оказывают воздействие на законодательство, затрагивающее наиболее важные вопросы общегосударственного характера. При этом между отдельными крупными организациями происходит определенное распределение отраслей законодательства. Если Торговая палата США действует в сфере налогообложения, то основное поле деятельности Национальной ассоциации промышленников на протяжении всего ее существования (особенно с начала XX в.) — антирабочее законодательство. В 1945 г. представители ассоциации приняли участие в работе различных комитетов конгресса по 20 вопросам, всякий раз проводя антидемократическую линию. В 1947 г. конгресс по инициативе и под давлением представителей ассоциации принял пресловутый закон Тафта — Хартли, на быстрое проталкивание которого в конгрессе ассоциация, по оценке сенатора Айкена, израсходовала около 100 млн. долл. Впрочем, и Торговая палата США тоже подвигается на этом поприще: в 1959 г. при активном участии обеих этих организаций крупных монополистов в конгресс был внесен ряд антирабочих законопроектов².

Менее крупные, в частности периферийные, организации монополистического капитала добиваются от конгресса решения более узких и частных вопросов, связанных с экономическими интересами отдельных монополистических объединений и фирм.

Крупнейшие организации монополистического капитала создают бюро с огромным штатом, снабженные современной вычислительной техникой и соответствующей технико-экономической литературой. Эти бюро берут на учет все текущее законодательство, занося на картотеку каждый внесенный законопроект и скрупулезно отмечая все стадии его прохождения в конгрессе. Наряду с этим ведется подробный учет всех мер, принимаемых конгрессом по отдельным отраслям экономики. Эти данные анализируются, обобщаются, заносятся на карточки и индексируются. На основании такого учета составляются обзоры и доклады, которые публикуются в печатных изданиях организации. В период прохождения особо важного законопроекта создаются специальные информационные отделы. В результате представители этой организации могут выступить с полным знанием дела в том или ином комитете конгресса по любому интересующему их законопроекту. Из стенографических отчетов конгресса видно, что ни один важный законопроект не обсуждается в комитетах конгресса без участия представителей Национальной ассоциации промышленников или Торговой палаты США. Так, представители этих организаций активно участвовали в

² «The Worker», 23.VIII 1959, p. 14.

обсуждении на заседаниях комитетов палаты представителей и сената антирабочего законопроекта Тафта — Хартли 1947 г., законопроектов о налоге на сверхприбыль, законопроектов о взаимном обеспечении безопасности и др.

2. Усиление роли монополистических союзов и предпринимательских организаций в системе диктатуры монополий

Анализ структуры, организационных принципов построения Национальной ассоциации промышленников и Торговой палаты показывает, что в организационном отношении они отвечают задаче обеспечения руководящей роли крупного монополистического капитала в государственной системе США. Они обладают однородным, в основном монополистическим составом, разветвленной, но строго централизованной структурой с подчинением местных организаций и организаций в штатах центру и известной независимостью в финансовом отношении от отдельных групп и прослоек буржуазии.

В отличие от республиканской и демократической партий, политическая деятельность Национальной ассоциации промышленников и Торговой палаты США не регламентирована, если не считать некоторых формальных ограничений в сфере лоббизма.

Деятельность лоббистских организаций санкционирована законами США (в 1936 г. был принят первый акт в этой сфере) и законами подавляющего большинства штатов. Принятый в 1946 г. акт о реорганизации легислатуры скорее санкционирует деятельность лоббистских организаций, чем ограничивает ее. Часть III этого акта устанавливает обязательную регистрацию лоббистских организаций, процедуру регистрации и запрещает коррупцию. Однако положения акта сформулированы таким образом, что дают полную возможность обходить их. Такая организация, как, например, Национальная ассоциация промышленников, вообще отказывается давать сведения о своей лоббистской деятельности, основываясь на том, что это, якобы, нарушение гражданских прав и свобод³.

Однако эти органы не могут подменить собой партийный аппарат. Не без основания буржуазные государственоведы говорят лишь о разделении труда между политическими партиями и группами давления в том смысле, что одни дополняют другие⁴. Многие американские авторы, признавая возрастающую роль групп давления в государственной системе, связывают это с неспособностью партийной системы обеспечить надлежащее руководство в сфере управления. Так, профессор Блейзделл пишет:

³ «The New York Times», 29.I 1948.

⁴ D. C. Blaisdell. *American Democracy under Pressure*. New York, 1957, p. 144; I. Hinderaker. *Party Politics*. New York, 1956, N 1, p. 3.

«Группы давления расцветают в результате неспособности или нежелания политических партий использовать свои полномочия в сфере управления, которые они получили законным путем на выборах»⁵.

В оценке роли партийной системы буржуазными учеными мы сталкиваемся с массой противоречивых утверждений. Одни считают, что система республиканской и демократической партий играет важную роль в руководстве государственной системой США⁶. Другие авторы оспаривают это. В качестве доказательства они ссылаются на отсутствие эффективного партийного аппарата в палатах конгресса и в правительстве, в результате чего, по их мнению, политика зачастую формируется «сложным путем сделок и ловких фокусов»⁷.

Если основная задача политических партий — комплектование государственных органов в соответствии с требованиями монополистического капитала, то монополистические союзы, участвуя через партии в осуществлении этой задачи, главным образом заняты руководством деятельностью государственных органов. В целом же этот механизм проводит общую согласованную политику крупного монополистического капитала. При этом деятельность его звеньев переплетается. Предпринимательские организации наряду с выработкой политики монополистического капитала и руководством ее осуществления участвуют в избирательной кампании, ассигнуя средства на ее проведение, выдвигая или санкционируя ту или иную кандидатуру на важный пост. Политические партии не только готовят и проводят избирательную кампанию, но и являются одним из важнейших рычагов монополистического капитала в руководстве законодательными и отчасти исполнительными органами. Но разделение функций между монополистическими союзами и партиями все же имеется. Монополистические союзы, участвуя в избирательных кампаниях, защищают исключительно интересы монополий. Сфера деятельности политических партий в этой области гораздо шире и гибче. Их платформы, рассчитываемые на широкие круги избирателей, приспособляют требования монополий к задачам избирательных кампаний.

В настоящее время крупный монополистический капитал уже не вполне удовлетворен существующей формой подчинения законодательных органов через посредство партийной агентуры и

⁵ D. C. Blaisdell. *Op. cit.*, p. 66.

⁶ A. Ranney. *The Doctrine of Responsible Party Government*. Univ. of Illinois Press, 1954; E. F. Griffith. *Congress, Its Contemporary Role*. New York, 1951; J. Turner. *Responsible Politics*. «American Political Science Review», March, 1951, p. 143—152; W. Goodman. *How Much Political Party Centralization We Want*. «Journal of the Politics», November 1951, p. 536—561.

⁷ S. K. Bailey. *The Condition of Our National Political Parties*. New York, 1959, p. 5; V. O. Key. *Politics, Parties and Pressure Groups*, Ed. 4. New York, 1958, p. 76.

профессиональных политиков. Все чаще раздаются голоса о недостаточности прослойки крупных бизнесменов в конгрессе США и законодательных собраниях штатов⁸.

Монополистический капитал, подчинив себе аппарат республиканской и демократической партий, активно вмешивается в их деятельность. Это вмешательство, ограниченное вначале вопросами общего руководства и финансов и осуществляемое отдельными группами монополистов, с появлением и развитием монополистических организаций принимает все более конкретные формы руководства.

Ведущую роль монополистических союзов в политической сфере подтверждают и сами представители крупных корпораций. «В настоящее время,— подчеркивает президент „Моторс Корпорейшн“ Ромни,— сильные группы быстро распространяют свой контроль над народом, политическими партиями и государством»⁹.

Монополистические союзы и предпринимательские организации принимают активное участие в выработке программ обеих партий, включая в них наиболее важные, с точки зрения крупного капитала, политические и экономические задачи. Характерна в этом смысле деятельность Национальной ассоциации промышленников; эта ассоциация впервые начала оказывать влияние на выработку избирательной платформы республиканской партии в 1908 г., а с 1912 г. распространила это влияние на обе партии¹⁰.

Крупнейшие предпринимательские организации финансируют на выборах звенья партийного аппарата или даже полностью аппараты обеих партий в тех или иных штатах, чтобы проташить в исполнительные и законодательные органы центра и штатов своих людей. С 1960 г. агенты Национальной ассоциации промышленников начинают открыто вмешиваться в ход избирательной кампании во многих районах страны¹¹.

Таким образом, в руках монополистических союзов и предпринимательских организаций все более сосредоточивается и комплектование государственных органов в центре и штатах (через партийный аппарат), и непосредственное руководство их деятельностью. Монополистические союзы через партийное руководство оказывают свое влияние на буржуазные партии и организации, а также и на правых руководителей профсоюзов. Характерно, что назначение в 1962 г. юрисконсульта АФТ—КПП Гомдберга на пост министра труда произошло вскоре после его выступления в Национальной ассоциации промышленников с при-

⁸ См., например: «Congressional Record» (сброшюрованное издание), vol. 106, 1960, p. A21.

⁹ «Congressional Record» (сброшюрованное издание), vol. 106, 1960, p. 289.

¹⁰ «Politics in the United States», p. 167.

¹¹ Ibidem.

зывом к классовому сотрудничеству ради борьбы с Советским Союзом.

Под эгидой монополистических союзов сколачиваются наиболее реакционные политические силы в стране. Важную роль в консолидации профашистских и фашистских организаций вокруг «Общества Джона Бэрча» играет та же Национальная ассоциация промышленников — головной монополистический союз США. В состав совета общества в 1962 г. входили два бывших президента Национальной ассоциации промышленников: Уильям Грид и Кола Паркер (ранее входил также и третий бывший президент ассоциации Эрнест Сунгер) и многие промышленники и финансисты, в том числе бывший президент Торговой палаты штата Миссури — Чанс, бывший президент компании «Сервел Инкорпорейтед» Рутенберг, президент компании «Рок Айленд Ойл энд Рифайнинг Ко» Коч, связанные с Национальной ассоциацией промышленников и Торговой палатой США. Главарь «общества» Роберт Уэлч ранее был членом совета директоров Национальной ассоциации промышленников¹².

Предпринимательские организации и монополистические союзы, наряду с государственным аппаратом, играют растущую роль в непосредственном подавлении рабочего движения.

По инициативе Национальной ассоциации промышленников, которая в 1951 г. выдвинула идею о создании национальных «черных списков» демократически настроенных рабочих и прогрессивных организаций, была создана «частная» организация Американский совет безопасности. Эта организация составляет картотеку на демократические элементы в масштабе всей страны и предоставляет ее в распоряжение всей клиентуры. Организацию возглавляет один из ярых реакционеров, президент крупной компании «Сирс, Робэк энд Ко» генерал Вуд¹³.

Монополистические союзы и предпринимательские организации играют руководящую роль в «организации» общественного мнения, особенно в вопросах выборов в законодательные и исполнительные органы. Здесь наблюдается все большее взаимодействие и переплетение монополий, государственных органов и буржуазных политических партий, религиозных и других организаций.

Деятельность по идеологической обработке народных масс и внедрению в их сознание буржуазной идеологии, проводимая буржуазными партиями, общественными и религиозными организациями, активно поддерживается крупнейшими монополистическими корпорациями. Так, телевизионные и радиокomпании предоставляют свои студии руководителям демократической и республиканской партий, особенно во время выборной кампании, без ограничения во времени. С такой же готовностью это делает-

¹² «Washington Post», 26.III 1961.

¹³ «Советские профсоюзы», 1959, № 5, стр. 60—63.

ся и в отношении других буржуазных общественных организаций, уже не говоря о различных религиозных организациях, пропаганды которых все более приобретают характер политической пропаганды. С другой стороны, возможности демократических организаций, и прежде всего, конечно, Коммунистической партии США, выступать по радио и телевидению сведены фактически к нулю.

Широко используется находящаяся в руках монополий пресса, которая представляет свои страницы для популяризации политических платформ республиканской и демократической партий, различных заявлений и высказываний руководителей других буржуазных общественных организаций.

Буржуазная пресса при помощи различного рода анкет, вопросников и неофициальных голосований (straw votes) выявляет мнение основной массы населения по вопросу о замещении какого-либо поста определенной кандидатурой либо выявляет соотношение мнений по определенным внутривнутриполитическим или внешнеполитическим проблемам. Выявлением мнения населения занимаются также и демократическая и республиканская партии через свою местную партийную сеть, организуя так называемые неофициальные выборы. С 1930 г. в США производится систематический отбор и обобщение фактов, отражающих мнение различных социальных слоев населения по определенным политическим проблемам, соотношение сил республиканской и демократической партий в отдельных штатах и избирательных округах и т. д. Этим занимаются исследовательские институты, такие, как Американский институт общественного мнения, возглавляемый небезызвестным Гэллопом, Организация по вопросам общественного мнения в Принстоне, исследовательский центр по вопросам национального мнения при Чикагском университете и др.

Все эти учреждения и организации дают огромный систематизированный материал, который затем используется теми же республиканской и демократической партиями и буржуазными общественными организациями с целью ориентировки или перераспределения мнения населения в удобном правящим кругам направлении.

Выявленное таким образом общественное мнение широко используется мощными монополистическими союзами — Торговой палатой США и Национальной ассоциацией промышленников. Все чаще при этом руководство организаций через специально созданный для этой цели комитет ориентирует свои многочисленные филиалы на местах о принятом руководством курсе. Последние ставят в известность своих членов — корпорации, которые в свою очередь оказывают давление на занятых у них служащих и рабочих, требуя выполнения тех или иных предписаний под угрозой увольнения и занесения в черные списки.

Глава IV

Формы подчинения государственных органов монополистическому капиталу через монополистические союзы и политические партии

Основная форма подчинения государственного исполнительного аппарата предпринимательским организациям — личная уния. Представители крупнейших финансовых и промышленных групп, объединенных предпринимательскими организациями, уже давно захватили в свои руки важнейшие министерские портфели в федеральном правительстве, а также в правительствах штатов. Этот круг монополистов-министров неуклонно возрастает. Монополисты захватывают важнейшие посты внутри министерств и ведомств и даже пост президента США. Все чаще раздаются голоса о том, чтобы представители крупного бизнеса занимались государственным управлением параллельно со своей деловой практикой и планомерно готовились к этому поприщу, начиная свою государственную карьеру с незначительных должностей и по мере накопления опыта переходя на более крупные посты.

Выше отмечалась «специализация» республиканской и демократической партий, вернее аппарата этих партий, в комплектовании органов государственной власти и управления в центре и штатах. Подчеркивалось, что роль этих партий в выдвижении кандидатур на пост президента и вице-президента США, а также губернаторов штатов становится все более формальной. Фактически кандидатуры на посты президента и вице-президента, а также на посты губернаторов наиболее крупных и в политическом отношении важных штатов, таких, как Нью-Йорк, предварительно согласовываются крупными монополистическими кругами при организующей роли в этом деле предпринимательских организаций. В выдвижении кандидатур на посты губернаторов менее крупных штатов большая роль принадлежит региональным группам монополистического капитала при ведущей роли отделений предпринимательских организаций в штатах. Партийный аппарат, как правило, обеспечивает проведение кандидатов на

предназначенные им посты. Значительную роль здесь продолжают играть местные политические боссы и отмеченные выше буржуазные общественные организации.

Наиболее важная форма личной унии — замещение крупными монополистами постов в новых исполнительных органах, появившихся в результате подчинения исполнительного аппарата аппарату монополий и призванных играть ведущую роль в государственной системе. Таковы, например, органы, составляющие исполнительное бюро президента США, специальные отделы ведущих министерств и ведомств, наконец, многие специальные так называемые независимые агентства.

Другая важная форма подчинения исполнительного аппарата крупным монополиям — привлечение деловых кругов к работе исполнительных органов через посредство консультативных и совещательных комитетов и конференций и, наоборот, привлечение официальных представителей министерств и ведомств к работе комитетов и департаментов предпринимательских организаций: Торговой палаты США и Национальной ассоциации промышленников. Известно, что еще в 30-х годах Торговая палата США фактически подчинила своим интересам всю деятельность министерства торговли¹. Ежегодно совещательные и исследовательские комитеты Национальной ассоциации промышленников и Торговой палаты США совместно с правительственными органами вырабатывают основные направления в экономической и политической деятельности государства. Торговая палата США проводит в каждом году более 300 таких совещаний.

Аналогичная картина наблюдается и в штатах. Отделения предпринимательских организаций стоят за спиной губернатора и правительства штата. При этом линия центра здесь в значительной степени корректируется в интересах местных групп монополистического капитала.

Важная роль в руководстве деятельностью исполнительных органов принадлежит крупнейшим лоббистским организациям. В период промышленного капитала лоббизм в основном ограничивал свою деятельность законодательными органами (конгрессом США и законодательными органами штатов). В монополистический период, когда на передний план выдвинулась исполнительная власть, сфера действия лоббистских организаций распространяется и на исполнительные органы. Эти организации оказывают давление на административный аппарат, министров и самого президента США с его исполнительным бюро, добиваясь решения конкретных вопросов в сфере внутренней и внешней политики в пользу определенных групп монополистического капитала. При этом широко используются узурпированные исполнительными властью законодательные полномочия.

¹ «Congressional Record», 1946, p. 2156.

Меняется и тактика лобби. На ответственных постах в исполнительном аппарате находятся не профессиональные политики, как в конгрессе, а зачастую те же монополисты, назначаемые главой исполнительной власти. Их не испугаешь угрозой провалить на очередных выборах — мера, к которой довольно часто прибегают лоббистские представители для воздействия на упрямых конгрессменов. Широко практикуется способ под названием «плюшевая лошадь» (социальный лоббизм), который заключается в том, что «нужные» представители исполнительных и законодательных органов вовлекаются в дорогостоящие развлечения и кутежи, оплачиваемые за счет заинтересованных деловых кругов. Расширяется практика более прозаичного, но зато и более удобного обычного подкупа. Развитие организованного лоббизма повлекло за собой и появление новых лоббистских методов. Все большее распространение получает метод «нажатия кнопки», который заключается в организации потока писем, телеграмм, посланий, петиций, телефонных звонков и т. д. к руководителям ведомств, министрам, членам конгресса и законодательных собраний.

Гораздо меньшее влияние на исполнительную власть в центре оказывает партийная организация в лице национального комитета партии, проводшая своего кандидата на пост президента. Выше отмечалась сравнительно незначительная роль этого органа в руководстве деятельностью как исполнительного органа, так и конгресса. Влияние национального комитета на президента падает еще больше с усилением роли последнего как партийного лидера (однако, как мы видели, возрастает роль национального комитета как руководящего органа партийного избирательного аппарата в центре и на местах).

Намечается известное распределение функций в выдвижении кандидатов на пост президента. В избирательной кампании, в которой стоит вопрос о переизбрании президента на второй срок, большая роль принадлежит национальному комитету и партийным комитетам в штатах и на местах. Разумеется, и в этом случае кандидатура уже была апробирована монополистическими кругами и в задачу партийных органов входит лишь оформить ее, соответствующим образом «организовав» мнение большинства избирателей. Иначе обстоит дело в период тех избирательных кампаний, в которых старая кандидатура выходит из игры в силу XXII поправки к конституции². Тут решающее слово в выдвижении кандидата на пост президента принадлежит уже непосредственным организациям монополистического капитала.

² XXII поправка (1951 г.) ограничивает продолжительность полномочий президента США двумя сроками и не свыше 10 лет.

Монополисты, захватив пост президента в свои руки, не склонны все же предоставлять этот пост представителю наиболее могущественных монополистических объединений. Известную роль здесь играют опасения, что сложившееся за последнее время соотношение сил между отдельными финансовыми группами в государственном управлении может быть нарушено при избрании представителя одной из них на пост президента. Это соотношение сил, определившееся занятием важнейших постов в исполнительном бюро президента США представителями наиболее могущественных монополистических групп, закрепляется также несменяемостью руководящего состава административного аппарата, значительную часть которого составляют те же крупные капиталисты. Этим в известной мере можно объяснить «отказ» Нельсона Рокфеллера от продолжения избирательной борьбы за пост президента в 1960 г. и избрание на этот пост Джона Кеннеди.

Руководящая роль монополистического капитала в деятельности законодательных органов (в центре и штатах) осуществляется в более сложных формах. В отличие от исполнительных органов здесь превалируют косвенные формы подчинения.

Социальный состав конгресса США и законодательных собраний штатов показывает, что крупные монополистические круги не представлены непосредственно в этих странах. Это в значительной степени объясняется крайней непопулярностью представителей финансовой олигархии среди основной массы избирателей и стремлением правящих кругов сохранить за конгрессом и законодательными собраниями штатов видимость демократических форумов. Среди 537 конгрессменов и сенаторов конгресса США 87 созыва (1961—1962 гг.) большую часть составляли юристы, журналисты, представители военищины, многие из которых являются доверенными людьми монополий. Сравнительно небольшой процент составляют средние и мелкие предприниматели. Мало чем отличаются и составы законодательных собраний штатов. Здесь несколько больше людей, представляющих интересы мелких бизнесменов, и это обстоятельство используется апологетами американской «демократии» для доказательства широкой демократичности законодательных собраний штатов. При этом представительство мелкого бизнеса изображается как представительство широких трудящихся масс.

Другим моментом, характерным для законодательных органов, является неизменность большей части их состава. Справочник по конгрессу США дает нам примеры непрерывного избрания членов конгресса в течение 48 лет (член палаты представителей Винсон). 20-летнее непрерывное занятие места в конгрессе — обычное явление. Многие конгрессмены десятилетиями занимают места в конгрессе с перерывом в один-два срока. Таким образом, основной состав законодательных органов — это

профессиональные политики-законодатели, связанные через аппараты своих партий с монополиями.

При выборах в конгресс США и законодательные собрания штатов роль партий сводится к обеспечению выдвижения и избрания фактически постоянной части состава этих органов. В законодательных собраниях штатов эти «постоянные» законодатели — ставленники региональных монополистических групп, в той или иной степени выражают и интересы центра. Остальные «постоянные» члены конгресса США (члены палаты представителей и сенаторы) представляют интересы региональных групп монополистов, плантаторских кругов Юга, тесно связанных с монополиями; некоторые из них, выступая формально как представители мелкого бизнеса, зачастую выражают мнение тех же крупных корпораций.

Примерно такой же социальный состав нового пополнения конгресса США и законодательных собраний штатов (при несколько большем влиянии немонополистических слоев буржуазии).

Глава исполнительной власти (президент, губернатор) и партийно-должностная верхушка законодательного органа — проводники влияния крупного монополистического капитала в законодательной сфере. Это обеспечивается замещением поста президента и губернатора (в ряде штатов) непосредственными представителями финансовой олигархии, усилением роли президента и губернатора как партийных лидеров в центре и штатах, выделением партийно-должностной группы в законодательных органах, захватом ею руководящих постов и важнейших полномочий в законодательных органах и смыканием ее с ядром исполнительной власти.

Важную роль в проведении политики крупного монополистического капитала в конгрессе США играет вице-президент США — по должности председатель сената. Характерно, что эта должностная связь представителя исполнительной власти с конгрессом дополняется в настоящее время тесным контактом и в партийной сфере. Так, вице-президент США Л. Джонсон (до избрания — сенатор, лидер демократического большинства), по предложению сменившего его на посту партийного лидера Мэнсфилда, был избран председателем демократической фракции (кокуса) в сенате.

Предпринимательские организации, воздействуя на деятельность законодательных органов, используют широко разветвленный и централизованный административный аппарат. Эффективность этого метода гарантирована тем, что во главе министерств и важнейших их отделов чаще всего находятся сами монополии. В ряде случаев административный аппарат выполняет функции обычного лоббистского учреждения, организует посылку в конгресс телеграмм, писем, воззваний «с мест», ока-

зывая давление на членов палат через руководящих лиц министерства, контролируя прохождение законопроектов в палатах³.

Значительную роль в подчинении законодательных органов политике крупного монополистического капитала играют крупные лоббистские организации, и в первую очередь соответствующие отделы предпринимательских организаций. Эта машина, будучи приведена в действие центральным аппаратом, начинает, в буквальном смысле, засыпать наиболее влиятельных членов палат бесчисленными требованиями осуществить то или иное законодательное мероприятие. Ведутся телефонные и личные переговоры чуть ли не с каждым членом конгресса, причем в особом формуляре фиксируется его предварительное мнение. Через многочисленные подчиненные органы на местах оказывается давление на того или иного строптивного конгрессмена: его грозят провалить на ближайших выборах. Иногда это подкрепляется и прямыми угрозами в адрес конгресса в целом⁴. Вся эта кампания сопровождается широким освещением в печати вопроса, трактуемого в интересах тех или иных монополистических кругов. В специальных печатных изданиях систематически сообщается об этапах прохождения интересующего монополистов законопроекта.

Воздействуя на конгресс, крупнейшие монополистические организации прибегают к фальсификации общественного мнения. В этих целях широко используются находящиеся в руках членов этих организаций средства массовой агитации и пропаганды (радио, телевидение, пресса и др.).

Прямое давление на конгресс оказывают также многочисленные отделения и филиалы предпринимательских организаций, а также различные крупные концерны.

В штатах проталкиванием законопроектов, угодных тем или иным монополистическим группам, зачастую занимаются боссы, имеющие свою клиентуру в законодательных собраниях, тесные связи с губернатором штата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба народных масс против монополистической диктатуры

Выше мы отметили, что одно из важнейших условий господства монополистического капитала в политической сфере — слабость политической организации трудящихся, и в особенности рабочего класса. Действительно, в стране с рабочим классом, превышающим 40 млн. человек, а также со значительным слоем бедных фермеров и огромной массой «пролетариев в белых во-

³ «Politics in the United States», p. 204, 205.

⁴ Ibidem.

ротничках», отсутствует массовая рабочая и рабоче-фермерская партия, действующая в национальном масштабе. В результате организованного наступления монополий и государства профсоюзов число членов единственной национальной организации трудящихся — профсоюзного объединения АФТ — КПП сократилось с 16 млн. в 1955 г. до 13,5 млн. в 1962 г. Да и эта часть организованных рабочих рассредоточена более чем в ста различных национальных союзах, которые никогда не выступали единым блоком в избирательных кампаниях. Не отличаются единством действий даже такие огромные организации, как профсоюзы сталелитейщиков и автомобилестроителей.

Растущее забастовочное движение из-за отсутствия согласованного действия и руководства в ряде случаев недостаточно политически эффективно.

До настоящего времени рабочий класс не имеет в конгрессе США, да и в законодательных собраниях штатов своих представителей.

Однако, несмотря на всю слабость своей политической организации, американское рабочее движение обладает большой потенциальной силой. В тех случаях, когда эта сила выступает более организованно, она показывает, что не только может противостоять наступлению монополий, но и одерживать над ними замечательные победы. Об этом свидетельствует победа, одержанная в 1959 г. сталелитейщиками над злейшими эксплуататорами США — сталелитейными компаниями в результате «великой стачки», в которой приняло участие полмиллиона человек. Необычайную выдержку, мужество и организованность проявили рабочие-автомобилисты заводов «Коллер» в штате Висконсин, одержавшие в 1960 г. победу в результате забастовки, длившейся четыре с половиной года. Организованная забастовка принесла блестящую победу 20 тыс. ремонтных рабочих над компанией Пенсильванской железной дороги — одним из самых жестоких монополистических хищников США.

Растет и крепнет рабочее движение на Юге страны, в котором авангардную роль заняли рабочие-негры, несмотря на царящий там расистский террористический режим.

Организация народных масс на борьбу с диктатурой монополистического капитала неразрывно связана с деятельностью Коммунистической партии США. Коммунистическая партия США еще не массовая партия. Непрерывное преследование и репрессии со стороны правящих кругов, государственно-правовая охрана незыблемости двухпартийной системы, препятствующая образованию третьей партии, особенно рабочей партии, раскол рабочего движения с помощью различного рода буржуазных общественных организаций при активном участии правого руководства профсоюзов, антикоммунистическая истерия, возведен-

ная правящими кругами в принцип государственной политики,— все это мешает превращению Коммунистической партии США в массовую рабочую партию. И все же трудно переоценить ту выдающуюся роль, которую играет марксистско-ленинская партия в организации рабочего и демократического движения.

С первых дней своего создания (в 1919 г.) Коммунистическая партия США активно участвует в демократическом движении США. Она проводит кропотливую и планомерную работу по сплочению рядов рабочего класса, активно участвуя в профсоюзном движении, а также в деятельности других рабочих организаций, прилагает огромные усилия, чтобы преодолеть раскол рабочего движения. Она признанный руководитель американского рабочего класса в его борьбе против наступления реакции. Коммунисты организуют и возглавляют массовые выступления против антирабочего законодательства, расовой дискриминации, наступления монополий на жизненный уровень трудящихся. В результате организованной борьбы под руководством коммунистов рабочий класс США не раз одерживал победы над монополистическим капиталом и заставлял правящие круги идти на значительные уступки в ряде вопросов государственной политики. Не менее активно Коммунистическая партия выступает и во внешнеполитической сфере. Она разоблачала германский, итальянский и испанский фашизм и возникновение фашистских тенденций в США до второй мировой войны; она выступала против фашизма в период второй мировой войны и выступает против усиления фашистских тенденций в США после войны. На протяжении всей своей деятельности Коммунистическая партия США разоблачает клеветнические измышления против СССР, требуя установления и развития дружественных отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В послевоенный период Коммунистическая партия последовательно выступает как организатор масс в борьбе против наступления реакции во всех областях политической и экономической жизни. Преодоление раскола в рабочем движении, союз рабочего класса с беднейшим фермерством, соединение рабочего движения с борьбой негритянского народа за свои конституционные права, создание национального фронта всех прогрессивных сил американского народа на базе борьбы за мир и прогресс — таковы основные проблемы, которые стояли на XIV, XV, XVI и XVII послевоенных съездах Коммунистической партии США.

XVII съезд Компартии США дал глубокий марксистский анализ соотношения и расстановки классовых сил в стране и наметил конкретные пути усиления роли партии в растущем движении борьбы за мир, в борьбе рабочих, негритянского народа, молодежи и других социальных слоев населения, подчинив это общей задаче — организации всех народных сил против господства монополий.

«Антимонополистическая коалиция,— говорится в основной политической резолюции XVII съезда Коммунистической партии США,— это стратегическая политическая задача, возникшая на основе классовой структуры современного капиталистического общества. Она порождена самой природой монополистического капитала, заправилы которого в погоне за максимальными прибылями всеми возможными путями эксплуатируют или угнетают все остальные слои общества...» «Народная коалиция проявляет себя в самых разнообразных формах: в растущем рабочем движении, в подъеме освободительного движения негров, в росте движения за мир и в других выступлениях и движениях»⁵.

Свидетельством самоотверженной деятельности Коммунистической партии США служит ее растущая популярность среди американского народа и ненависть со стороны правящих кругов США, бросивших против нее все силы своего государственно-полицейского аппарата. В докладе на пленуме национального комитета в январе 1960 г. генеральный секретарь Коммунистической партии Гэс Холл отметил возросшую роль партии в жизни американского народа.

Несмотря на все препятствия, активизируется политическая деятельность рабочего класса и его самостоятельная роль в демократическом движении в целом. Рабочий класс использует в этих целях не только действующие организации, но и создает свои рабочие организации.

Уже сам факт образования в 1935 г. в рамках АТФ с ее устарелым цеховым принципом новой профсоюзной организации, основанной на производственном принципе и имевшей целью создание массовых профсоюзов и вовлечение в профсоюзное движение неорганизованных, главным образом неквалифицированных рабочих, представлял собой крупный шаг вперед в деле организации рабочего класса. Рост влияния новой организации среди трудящихся масс, после того как она была исключена правым руководством из АФТ и начала свою деятельность под названием Конгресса производственных профсоюзов (1938 г.), и ее последующее объединение в 1955 г. с АФТ стали важным этапом в развитии профсоюзного движения.

Повышается руководящая роль рабочего класса и в таких органах профсоюзных организаций, как комитет политического просвещения АФТ — КПП, созданный на основе объединения комитета политических действий КПП и рабочей лиги политического просвещения АФТ после слияния АФТ с КПП. Эти органы — своеобразное политическое представительство профсоюзов. Они формируют и посылают делегации в Вашингтон и столицы штатов с требованием политического и экономического характе-

⁵ «XVII Национальный съезд Коммунистической партии США (10—13 декабря 1959 года)». Госполитиздат, 1961, стр. 110.

ра, оказывают давление на руководство демократической партии, участвуют в предвыборных кампаниях. Хотя эта деятельность протекает в основном в рамках соглашательской и оппортунистической линии правого профсоюзного руководства, но объективно она не может не способствовать активизации рабочего класса как политической силы.

Под влиянием растущего демократического движения усиливаются расхождения среди правых руководителей профсоюзов по таким вопросам, как объединение в профсоюзы неорганизованных рабочих, равноправие негров, улучшение отношений между США и социалистическими странами, и в первую очередь СССР, борьба за мир и др. Часть профсоюзных руководителей выступает за положительное разрешение этих вопросов. Появляются оппозиционные группы, отражающие в известной мере недовольство рабочей массы политикой правых руководителей⁶.

Одну из оппозиционных групп представляет отдел производственных профсоюзов АФТ — КПП. В нее входят профсоюзные организации, объединяющие около 40% всего численного состава АФТ — КПП. Характерно, что эта группа оформилась организационно: выработала свою программу и проводит закрытые заседания.

Рост движения негритянских трудящихся и усиление его связей с общедемократическим движением в стране нашли свое выражение в том, что требования трудящихся-негров все более последовательно поддерживает отмеченный отдел производственных профсоюзов АФТ — КПП. В результате этого негритянские трудящиеся, несмотря на сопротивление руководства АФТ — КПП, расширили свои права в рамках объединения. Более упорный и последовательный характер приобрели выступления в защиту прав негритянского населения со стороны Национального негритянского рабочего совета во главе с членом совета АФТ — КПП негром Филиппом Рэндалфом, а также рабочего отдела либерально-буржуазной по своему характеру Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

Растет оппозиция правому руководству АФТ — КПП и со стороны многих центральных профсоюзных советов — органов, представляющих все профсоюзные организации города или округа. О силе оппозиции можно судить на примере деятельности центрального совета профсоюзов г. Нью-Йорка во главе с Гарри Вар Арсдалом. Несмотря на то, что эта группа действует в цитадели крупного монополистического капитала и политического боссизма, она сумела объединить низовые организации города с общим числом членов в 1 млн. человек. Совет проводит большую работу в области организации рабочего движения: руководит забастовками, маршами солидарности, разъясняет важнейшие задачи

⁶ Д. Моррис. Минни и К⁰ встречают отпор. «Правда», 18 мая 1962 г.

профсоюзов, возглавляет борьбу за гражданские права, особенно наиболее угнетенных слоев населения и т. д.

Рядовая профсоюзная масса все более настойчиво требует от руководства решительных действий против наступления монополий на жизненный уровень трудящихся: объявления забастовок, стачек, организации демонстраций, походов и т. д.

Некоторые профсоюзные организации, входящие в АФТ — КПП, зачастую игнорируют директивы руководства АФТ — КПП и по собственной инициативе начинают борьбу за права трудящихся. Таковы, например, профсоюз транспортных рабочих, совет профсоюзов служащих отелей г. Нью-Йорка, профсоюз учителей Нью-Йорка и др. Эти силы все более активно выступают против реакционной политики руководства АФТ — КПП во главе с Джорджем Минни, которая по-прежнему стоит на позициях «холодной войны», отрицания классовой борьбы, осуществления сотрудничества с монополиями при полном игнорировании требований трудящихся и профсоюзных масс.

Одна из важных форм организации рабочего класса — прогрессивные профсоюзы, исключенные в свое время правым руководством из АФТ — КПП. В союзе транспортников, например, состоит 1,7 млн. человек.

Движение организованных рабочих все теснее смыкается с борьбой народных масс за мир, гражданские свободы, в которую вовлекаются слои прогрессивной интеллигенции, мелкой и средней буржуазии.

В результате повышения политической активности рабочего класса происходит перегруппировка сил в двухпартийной системе, особенно в демократической партии. Рабочие объединяются с либеральными элементами демократической партии для борьбы с реакционными силами в штатах. Таковы объединения рабочих с либеральными демократами в штате Мичиган против так называемой «старой гвардии» в аппарате демократической партии штата, объединение рабочих с прогрессивными элементами и их организованные выступления против господства диксикратов в аппарате демократической партии штатов Техас и Луизиана и т. д.

Создаются самостоятельные рабочие политические организации во многих промышленных центрах страны (Детройте и др.). Развивается процесс консолидации американского рабочего класса как самостоятельной политической силы в стране. Это выражается в росте числа профсоюзов и рабочих организаций, призывающих к выработке независимой политической народной программы.

Растет борьба негритянского народа за свои права. Ширится забастовочное движение и борьба против сегрегации, за конституционные права. В организационной сфере это выражается прежде всего в усилении роли и влияния такой организации,

как Национальная ассоциация содействия развитию цветного населения, а также в значительном росте негритянской прослойки в профсоюзах, достигающей свыше 1,5 млн. членов, и в повышении ее роли в деятельности профсоюзов. В начале 1961 г., в Вашингтоне состоялась конференция Совета американских негров, которая решительно выступила против дискриминации негритянского населения.

В результате усиления процесса расслоения американского фермерства и разорения значительной части фермерских хозяйств, усиливаются социальные трещины в такой консервативной организации, как фермерский блок. Расслоение фермерства уменьшает также социальную базу дискриратов на Юге. Рабочий класс занимает ведущее место в рабоче-фермерском союзе. Политическая резолюция XVI съезда Коммунистической партии США подчеркивает крепнущий союз между рабочими и фермерами в ряде штатов: Северной и Южной Дакоте, Айове, Орегоне, Монтане и др. В этих штатах фермеры поддерживают рабочих в борьбе против антирабочего законодательства, а рабочие в свою очередь поддерживают фермеров в их борьбе против политики государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Рабочее движение все теснее смыкается с борьбой негритянских масс. Этот союз наиболее ярко выражен в рамках профсоюзных организаций, где белые рабочие активно поддерживают требования негритянских рабочих о равной оплате труда, ликвидации дискриминации и т. д.

Организационно объединение антимонополистических сил выражается в укреплении связи между крупнейшими профсоюзными организациями промышленными рабочими, Национальной ассоциацией содействия развитию цветного населения, мелкобуржуазной организацией «Американцы — сторонники демократических действий» и союзов фермеров.

Под давлением трудящихся масс происходит консолидация левых элементов в социалистическом течении. Такая консолидация происходит вне рамок каких-либо организаций. Эти силы зреют в средних слоях профсоюзных руководителей, среди членов бывшей прогрессивной партии, негритянского движения на Юге, участников движения за мир и в ряде либеральных и даже церковных организаций. Они выступают против империализма и холодной войны, требуют установления дружеских отношений с социалистическими странами. Все больше «левых» выступает за борьбу профсоюзов и демократических организаций против монополий⁷. В борьбу за мир включаются все социальные слои населения, включая среднюю и некоторые слои крупной буржуазии. Растет число таких прогрессивных организаций, как

⁷ «Political Affairs», March 1962, p. 49.

Национальный совет деятелей науки, искусства и свободных профессий, Американский всеславянский конгресс, Национальный комитет по руководству движением за мир в США. Руководящая роль в создании и сплочении антимонополистической коалиции принадлежит рабочему классу.

«В нашей стране,— указывается в политической резолюции XVI съезда Коммунистической партии США,— будет идти титаническая борьба экономического и политического характера, прежде чем большинство народа пойдет по пути социализма. В ходе и в результате такой борьбы рабочего класса, негритянского народа и других слоев населения можно было бы решительно обуздать власть монополий путем избрания антимонополистического правительства. Рабочее и общенародное движение обрели бы новую мощь, новое классовое сознание и политическую зрелость, которые нашли бы отражение в силе нашей партии или других партий социализма»⁸.

⁸ «XVI Национальный съезд Коммунистической партии США». 1958, Госполитиздат, стр. 96—97.

Раздел III

ПАРТИИ

И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Глава I

Английская двухпартийная система

1. Двухпартийная система как часть конституционной системы Великобритании

Двухпартийная система, существующая в Англии, изображается многими буржуазными юристами и социологами как высшее достижение буржуазной демократии. «Двухпартийная система,— пишет Балмер-Томас,— в том виде, как она существует в англосаксонских странах, есть, пожалуй, наилучший механизм представительного правительства из когда-либо существовавших. Она имеет явные преимущества в сравнении с однопартийной и многопартийной системами в других странах»¹.

Действительно, двухпартийная система в современных условиях в полной мере обеспечивает функционирование правительственного механизма диктатуры монополий и всячески затрудняет образование подлинной и эффективной оппозиции, в частности в парламенте. Правда, английской буржуазии не удалось даже и при помощи двухпартийной системы предотвратить образование самостоятельных партий рабочего класса. Лейбористская партия фактически стала партнером в буржуазной двухпартийной системе. Ее лидеры, выступая официально в роли защитников требований и интересов рабочего класса, на деле осуществляют политику господствующего класса. Прикрывая сотрудничество с буржуазией различного рода оппортунистическими теориями «примирения классов», «демократического социализма» и т. д., они своим участием в двухпартийной системе дезориентируют рабочий класс, вносят раскол в рабочее движение.

Участие лейбористской партии в двухпартийной системе Великобритании не изменило существа этой системы; более того, в лице правых лейбористских лидеров английские консерваторы видят приемлемых конкурентов, так как в случае их прихода к власти капиталистическому строю не грозит опасность.

¹ I. Bulmer-Thomas. The Party System in Great Britain. London, 1953, p. 305.

Развитие английской двухпартийной системы неотделимо от развития английского парламентаризма и всей конституционной системы Великобритании, один из основных принципов которой — принцип ответственного партийного правительства. Парламентская система Англии обязательно предполагает наличие в парламенте партии большинства, из которой формируется кабинет (правительство), ответственный перед парламентом. Вместе с тем в парламенте представлена вторая партия, которая составляет официальную оппозицию правительству². Члены правительства входят в состав парламента, премьер-министром является лидер партии большинства, который и формирует правительство из числа членов парламентской фракции своей партии; формально кабинет несет ответственность перед выборным законодательным органом (палата общин).

Традиционному делению палаты общин на правительство и оппозицию соответствует принцип двухпартийности, наличие правительственной и оппозиционной партий. Сосуществование этих партий настолько вошло в английскую политическую жизнь, что некоторые авторы считают его порождением инстинктов британского народа³, исконной англо-саксонской концепцией⁴.

В действительности английская двухпартийная система — это такая система организованного участия двух основных политических партий в деле управления капиталистическим государством, при которой право формировать правительство и направлять политику государства принадлежит одной из двух партий, стоящих на страже капиталистического строя и интересов монополистического капитала.

Двухпартийная система в Великобритании стала одним из важнейших элементов всей английской конституционной системы, частью этой системы. Известный английский специалист по конституционному праву Дженнингс писал в 1950 г.: «Нужно помнить, что сама конституция развивалась под влиянием двухпартийной системы и сделала все, чтобы подчинить себя ей»⁵. «Реалистическое изучение действующей английской конституции,— говорит Дженнингс,— должно начинаться с партий и заканчиваться партиями...»⁶ Участие политических партий Великобритании проявляется на всех трех основных «стадиях»⁷ действия конституционной системы: избирательной, парламентской и правительственной. Причем, если в избирательной стадии формально могут принимать участие кроме консервативной и лейбористской партий и другие политические партии Великобритании:

² R. T. MacKenzie. *British Political Parties*. London, 1955, p. 588.

³ I. Bulmer-Thomas. *Op. cit.*, p. 105.

⁴ *Ibid.*, p. 309.

⁵ I. Jennings. *The British Constitution*. Cambridge, 1950, p. 61.

⁶ *Ibid.*, p. 31.

⁷ Понятие «стадия» следует принимать лишь как условное.

коммунистическая, либеральная, кооперативная и т. д., если также в английском парламенте можно найти представителей партий, не входящих в двухпартийную систему, то для правительственной стадии характерно участие лишь двух основных партий.

В письме Г. Шлютеру Энгельс, отмечая наличие «косвенных» ограничений в английской демократии, писал, что в Англии «...все организовано в расчете *только на две партии...*»⁸ Могут ли этими двумя политическими партиями стать любые? Одной из основных целей английской двухпартийной системы как раз и является отбор «подходящих» партий, недопущение других партий (в настоящее время практически это касается в первую очередь партии коммунистов) к участию в управлении государством.

Партии проводят выборы (от составления избирательных реестров до акта избрания), в парламенте партии контролируют действия своих членов, организуют обсуждение и голосование в обеих палатах; партия большинства комплектует состав кабинета. Выполняя все эти функции, политическая партия по существу обеспечивает действие всей конституционной системы.

Все сказанное относится к двум основным партиям (сначала это были тори и виги, затем их прямые преемники консерваторы и либералы, а теперь — консерваторы и лейбористы).

Двухпартийная система заняла прочное место в числе других институтов английской буржуазной демократии. Этот факт уже признан как сторонниками, так и противниками двухпартийной системы. Но, как заметил Дж. Голлан, говоря о двухпартийной системе, «ее сторонники имеют в виду собственно не партию, а парламент и представительство партий в парламенте»⁹. Такая характеристика сторонниками двухпартийной системы роли двух партий значительно уже той действительной роли, которая ей принадлежит в политической жизни страны.

В самом деле, расширение избирательного права в Англии способствовало включению в политическую жизнь страны широких слоев населения (и в первую очередь трудящихся). Это заставило консервативную и либеральную партии (а затем, начиная с 1918 г., и лейбористскую) развивать свою организацию и свою деятельность так, чтобы охватить более широкую область политической жизни, чем простое представительство в парламенте. Да и само представительство в парламенте потребовало серьезных и постоянных, а не только спорадических усилий со стороны партий для сохранения системы двух партий. Расширение деятельности партий сказалось на их внутренней структуре. Партии потребовали от своих членов более строгой дисциплины:

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Госполитиздат, 1953, стр. 478.

⁹ Дж. Голлан. Политическая система Великобритании. ИЛ, 1955, стр. 87.

избиратель уже не голосует за выдвигаемого им же кандидата а голосует за кандидата своей партии, чаще всего назначаемого или утверждаемого центральной организацией партии; в парламенте депутаты рассматриваются в качестве мандатариев партии и безоговорочно следуют приказам «кнотов»; в правительстве премьер-министр (он же лидер партии большинства) имеет огромные полномочия и обладает не только административной, но и партийной властью.

2. Избирательный механизм и английская двухпартийная система. Партии на выборах

Избирательная система Великобритании приспособлена к нуждам двухпартийной системы. Формально в подготовке к проведению выборов как в центральные, так и в местные органы власти могут участвовать (и действительно участвуют) наряду с партиями, входящими в двухпартийную систему, и другие политические партии. Но практически две основные партии обладают почти монопольным положением на выборах. Через механизм этих партий, который максимально приспособлен к действующей избирательной системе, правящему классу удастся обеспечить необходимое для его господства представительство во всех звеньях государственного аппарата. Эта задача облегчается не только характером самой избирательной системы, но и огромными возможностями, которыми располагают две крупнейшие партии (и в особенности консервативная) в отличие от других партий. Речь идет о преимуществе этих партий в финансовом отношении, о неограниченном использовании таких средств агитации и пропаганды, как печать, радио, телевидение, а у лейбористов — связи с профсоюзами, о возможности использовать различные помещения для митингов, собраний и т. д., наконец, о средствах самих кандидатов от этих партий. Поставленные в неравные условия с партиями, образующими двухпартийную систему, другие партии располагают значительно меньшими возможностями представительства в органах власти.

Монопольное положение консервативной и лейбористской партий на выборах в сочетании с мажоритарной системой относительного большинства ставит избирателя перед необходимостью голосовать лишь за одного из кандидатов, предлагаемых ему этими партиями. Наличие в ряде округов кандидатов других партий не меняет положения. Избиратель осуществляет свое право не активным образом, т. е. не в соответствии со своим волеизъявлением, а лишь путем механической отдачи своего голоса одной из двух партий, ибо только таким образом он показывает свое несогласие с другой партией. Если же он проголосует против всех кандидатов буржуазных партий или воздержится от голосования, то его голос попросту пропадет, так как для

избрания кандидата не требуется ни определенного минимума лиц, участвовавших в голосовании, ни определенного минимума голосов, поданных за данного кандидата. Если в избирательном округе выставлен лишь один кандидат, он считается автоматически избранным, даже не получив ни одного голоса.

Коммунистическая партия безусловно имела бы своих представителей в парламенте, если бы в Англии существовала система пропорционального представительства. Но руководители консервативной и лейбористской партий именно потому и не соглашались на изменение избирательной системы, что в современном ее виде она наилучшим образом обеспечивает монопольное участие этих двух партий в государственном механизме.

История возникновения и развития политических партий, входящих в двухпартийную систему Великобритании, представляет собой в значительной мере историю приспособления партийного механизма к нуждам и требованиям избирательной системы.

Выборы (а точнее победа на выборах) — одна из основных задач политических партий Великобритании, входящих в двухпартийную систему. Это положение закреплено в соответствующих разделах и статьях партийных уставов. Так, устав консервативной партии указывает, что ее главная задача — «обеспечить создание и организацию консервативной и юнионистской ассоциации в каждом избирательном округе Англии, Уэльса и Северной Ирландии...»¹⁰

Устав лейбористской партии 1950 года (с поправками в 1958 г.) вменяет в обязанность национальному исполнительному комитету обеспечить учреждение лейбористских партий (местных организаций) в избирательных округах, а также центральных лейбористских партий в городах, имеющих административное деление, и федераций в областях¹¹.

Эти положения уставов консервативной и лейбористской партий, помимо того, что они закрепляют исключительно территориальный принцип организационного построения партий, отражают также стремление партий приспособить свою организацию прежде всего к существующей избирательной системе, которая предусматривает выдвижение кандидатов по избирательным округам. Наличие партийных организаций на местах, в избирательных округах, обеспечивает непосредственное организованное участие консервативной и лейбористской партий в подготовке, проведении и определении результатов выборов как в местные, так и в общенациональные органы власти. Благода-

¹⁰ «The National Union of Conservative and Unionist Associations». В кн.: G. H. L. Le May. British Government 1914—1953. London, 1955, p. 396.

¹¹ «The Constitution and Standing Orders of the Labour Party. 1950». В кн.: G. H. L. Le May. Op. cit., p. 384. Поправки см.: «Report of the Sixtieth Annual Conference of the Labour Party». Blackpool, 1961, p. 254.

ря тому, что основой обеих партий является местная партийная организация, именно местные партийные органы имеют возможность более оперативно и действенно руководить делом обеспечения победы своей партии на выборах.

В связи с некоторыми особенностями английских выборов результаты выборов в парламент (да и в местные органы) почти полностью зависят от действия партийного механизма, и поэтому последний находится в постоянной готовности к различного рода «неожиданностям». Правительство может распустить парламент и назначить новые выборы в любое время, руководствуясь самыми различными соображениями. Обычно период времени между роспуском парламента и днем выборов нового состава парламента бывает очень коротким, и партия, если она заранее не была готова, вряд ли сумеет организовать эффективно свою работу по выборам. Кроме очередных всеобщих выборов в парламент, в Англии проводятся и частичные (дополнительные) парламентские выборы, а также выборы в местные органы власти. Каждая политическая партия (в современный период это относится главным образом к консервативной и лейбористской партиям) старается так организовать действие своего партийного механизма, чтобы он был готов в любой момент к участию в избирательной кампании. Именно поэтому некоторые авторы справедливо характеризуют деятельность консервативной и лейбористской партий как постоянно продолжающуюся избирательную кампанию¹². Особенно интенсивно развивается деятельность партий в период подготовки к выборам.

Подготовка к ним включает выработку и опубликование партийных программ, участие в составлении и проверке регистрационных списков (реестров избирателей), организацию пропаганды и агитации, подбор и выдвижение кандидатов и агентов по выборам, определение суммы расходов и т. д. Общий контроль и руководство деятельностью партий по подготовке, проведению и их непосредственному участию в выборах принадлежит центральным партийным органам. В консервативной партии этот контроль и руководство осуществляют исполнительный комитет национального союза, центральное консервативное и юнионистское бюро (через соответствующие департаменты) и постоянный совещательный комитет по парламентским кандидатам¹³. В лейбористской партии — национальный исполнитель-

¹² См., например: G. M. Carter and oth. The Government of Great Britain. Calcutta, 1953, p. 121.

¹³ Особенно большое участие в выборах принимают такие департаменты центрального бюро, как, например, организационный, департамент рекламы и пропаганды, а также консервативный исследовательский колледж. На период выборов консерваторы учреждают специальный комитет по проведению избирательной кампании.

ный комитет и центральное бюро¹⁴. Кроме указанных органов, немалая роль отводится консервативной и лейбористской партия (фракциям) в парламенте.

В ряду мероприятий по подготовке к выборам политические партии отводят особое место выработке и опубликованию программ (предвыборных манифестов), представляющих собой краткое изложение политических принципов и практических мероприятий, определяющих деятельность будущего правительства.

Многие пункты внешнеполитической и внутривнутриполитической программ консервативной и лейбористской партий практически неразличимы. Различия в программах двух партий относятся скорее к способам достижения одних и тех же целей. Например, в программах 1945, 1950 и 1951 гг. консерваторы и лейбористы уделяли много места вопросам восстановления и развития финансовой системы, промышленности, транспорта, подорванных в ходе войны. При этом лейбористы, утверждая, что «частная инициатива должна быть свободна от удушья со стороны не-большой группы монополий», заявляли, что «монополистические концерны, с которыми трудно будет найти способ урегулирования отношений, будут социализированы». Консерваторы категорически заявляли, что они приостановят национализацию навсегда. В программе 1950 года они обещали аннулировать Акт о национализации отдельных отраслей тяжелой промышленности, реорганизовать национализированный железнодорожный и автомобильный транспорт и т. д.

В конечном счете обе партии (консерваторы открыто, лейбористы более завуалированно) выступают защитниками капиталистического строя. Содержание предвыборных программ консерваторов и лейбористов рассчитано на то, чтобы привлечь колеблющихся избирателей. Их обещания и планы необязательны для будущего правительства.

Так, в предвыборных программах консерваторов 1955 и 1959 гг. много места уделено вопросам разоружения и предотвращения угрозы войны, что не мешает, однако, правительству консерваторов увеличивать военный бюджет страны.

Программы партий являются официальными партийными документами¹⁵. Кандидаты, выставляемые партиями, в своих предвыборных речах, выступлениях по радио и телевидению, а также в печати обязаны руководствоваться положениями предвыбор-

¹⁴ Подобно консерваторам, у лейбористов особенно интенсивно в период выборов действуют организационный и исследовательский департаменты центрального бюро, а также департамент печати и рекламы.

¹⁵ Устав лейбористской партии возлагает обязанность опубликования предвыборного манифеста на исполком и парламентскую фракцию («The Constitution and Standing Orders of the Labour Party. 1950», Clause V). Консервативная партия возлагает эту обязанность на лидера партии («The Conservative Party», 1949, Clause V).

ных программ своих партий. Этому требованию должны отвечать и обращения кандидатов к избирателям.

Роль партий особенно значительно при выдвижении кандидатов на всеобщих выборах. Выборы приобрели партийный характер, а кандидаты почти потеряли возможность выставлять свои кандидатуры вне зависимости от партий.

Партии осуществляют подбор кандидатов для выборов в парламент задолго до избирательной кампании. В уставах консервативной, либеральной и лейбористской партий предусматривается участие в ежегодных партийных конференциях в качестве делегатов лиц, именуемых *prospective parliamentary candidates*, т. е. лиц, отобранных и определенным образом одобренных партийными органами как кандидаты в парламент на будущих очередных выборах¹⁶. Устав консерваторов идет дальше и обеспечивает участие будущих парламентских кандидатов в центральном совете, а также в советах региональных организаций. В консервативной партии с 1935 г. действует постоянный совещательный комитет национального союза по парламентским кандидатам, состоящий из восьми человек¹⁷.

Цель этого комитета состоит в отборе на широких началах подходящих мужчин и женщин в качестве желаемых кандидатов¹⁸. Список одобренных кандидатов с приложением их кратких биографий по требованию ассоциаций избирательных округов направляется в их распоряжение для отбора соответствующего кандидата, который тогда становится будущим официальным кандидатом консервативной партии (*conservative prospective candidate*) от данного избирательного округа.

В либеральной партии вопросами подбора и утверждения кандидатов занимается один из центральных органов партии — совет либеральной партии¹⁹.

Лейбористы утверждают, что у них существует свобода выдвижения кандидата местными организациями партии²⁰. Однако

¹⁶ «The National Union of Conservative and Unionist Associations». Clause V, Clause IX, Clause XVIII; «The Constitution and Standing Orders of the Labour Party. 1950», Clause VI; «Constitution du parti liberal». Clause 6. В кн.: A. Mabileau. Le parti liberal dans le système constitutionnel britannique. Paris, 1953.

¹⁷ Членами комитета состоят: председатель центрального совета национального союза; председатель исполкома национального союза; председатель центрального женского совещательного комитета; председатель центрального комитета молодых консерваторов; председатель центрального совещательного комитета тред-юнионов; председатель партии; главный «кнул» консервативной фракции в палате общин и почетный секретарь национального союза (генерал-директор центрального бюро).

¹⁸ «Standing Orders of the Parliamentary Labour Party. 1945». В кн.: G. H. L. Le May. Op. cit.

¹⁹ «Constitution du parti liberal». A. Mabileau. Op. cit.

²⁰ См., например: Mary Agness Hamilton. The Labour Party Today. What It Is and How It Works. London, 1938, p. 72—74.

порядок подбора кандидата свидетельствует о значительном ограничении инициативы местных партийных организаций. Прежде чем выставить кандидата, генеральный комитет местной партийной организации согласовывает кандидатуру с национальным исполнительным комитетом и должностными лицами партии (в частности с национальным агентом). Устав лейбористской партии предусматривает определенные условия для выдвижения будущего кандидата²¹.

Во избежание потери избирательного залога в 150 ф. ст. кандидатами от лейбористской партии национальный исполнительный комитет вырабатывает для каждого всеобщих парламентских выборов особую схему обеспечения против потерь депозитов²². Согласно этой схеме, лейбористские кандидаты получают средства из центрального партийного страхового фонда в случае потери депозита.

Основу кампании по выборам составляет вербовка голосов избирателей непосредственно перед выборами. Это достигается всем комплексом мероприятий, проводимых местными партийными организациями. Специфическая особенность английского избирательного механизма — наличие института партийных агентов по выборам.

В настоящее время работа агента стала профессиональной, а его должность получила законное признание. Подобно агентам центрального бюро консервативной и лейбористской партий, агенты по выборам делятся на разряды внештатных и штатных организаторов и агентов. Штатные агенты и организаторы как правило проходят специальное обучение и поэтому являются агентами-профессионалами (они имеют даже свои собственные профессиональные ассоциации). Часто обязанности агентов по выборам исполняют агенты центрального бюро на местах (особенно в региональных организациях). В ряде избирательных округов обязанности агента исполняет платный секретарь местной организации партии (это в первую очередь относится к лейбористской партии). Однако каждая партийная организация избирательного округа, располагающая соответствующими средствами, предпочитает иметь специального, оплачиваемого агента по выборам.

Обязанности агента состоят в том, чтобы обеспечить победу кандидата на выборах. Для этого он сам должен знать все тонкости избирательного закона, следить за тем, чтобы его партия не нарушала порядка, руководить всем механизмом партии на выборах, а в период между выборами проводить работу по усилению партии. Во время выборов агент — центральный нерв

²¹ «The Constitution and Standing Orders of the Labour Party. 1950», Clause IX.

²² «The Constitution and Standing Orders of the Labour Party. 1950». Clause VIII. В кн.: G. H. L. L e M a y. Op. cit., p. 384—385.

партийной организации: он назначает организаторов в такие места, где они наиболее необходимы, наблюдает за планами и деятельностью оппозиционных партий, изучает настроение избирателей, старается предупредить возможные неожиданности и вообще держит весь партийный механизм и всю деятельность партийной организации в своих руках.

Кандидаты во время избирательной кампании во всем зависят от агента. Агент созывает собрания избирателей, контролирует сбор подписей и заполнение регистрационного бланка по выдвижению, обеспечивает помещение для избирательного комитета и собраний, печатает и распространяет литературу и объявления и т. д. Понятно стремление партий увеличить число постоянных агентов, ибо они значительно разгружают партийные организации от забот, связанных с техникой проведения выборов. Если взять данные о числе агентов, занятых на выборах 1950 г., то мы увидим, что у консерваторов их стало вдвое больше по сравнению с 1945 г. Всего на выборах 1950 г. консерваторы имели штатных агентов в 527 из 542 избирательных округов Англии и Уэльса. К 1945 г. в лейбористской партии было 250 штатных агентов, но они в большинстве действовали лишь в период выборов и освобождались от этой работы после окончания избирательной кампании. В 1950 г. лейбористы насчитывали уже 279, а в 1951 г. — около 300 штатных агентов в избирательных округах Англии, Шотландии и Уэльса. В остальных избирательных округах отсутствие постоянных оплачиваемых агентов лейбористы компенсировали за счет организаторов из тред-юнионов. В 1961 г. насчитывалось 210 штатных агентов и 787 политических организаторов. Либералы используют больше неоплачиваемых помощников, хотя на выборах 1950 г. они располагали 140 платными агентами²³.

3. Организация и механизм деятельности партий в парламенте

В современном английском парламенте подавляющее число мест принадлежит представителям двух основных политических партий (консервативной и лейбористской), которые и составляют правительство и оппозицию. Функционирование палаты общин поэтому в значительной мере определяется организацией партий, их деятельностью и взаимоотношениями. Более того, механизм партийной организации в парламенте превратился в такую силу, которая направляет деятельность палаты общин по необходимому для кабинета (как руководящего комитета правительственной партии) направлению, а сама структура и организация

²³ H. G. Nicholas. The British General Election of 1950. London, 1951, p. 22. См. также: G. M. Carter and oth. Op. cit., p. 89—90.

палаты общин целиком подчинились принципам двухпартийной системы.

Члены парламента каждой из палат объединяются в особые парламентские партийные организации — фракции, в соответствии со своей партийной принадлежностью. Поскольку основная роль в парламентском механизме Великобритании отводится палате общин, наше внимание главным образом будет уделено рассмотрению механизма двухпартийной системы именно в этой палате.

Организация партийных групп (фракций) в палате общин характеризуется стабильностью, независимо от того, является ли данная партия в настоящий момент правящей или находится в оппозиции. Незначительные изменения в организации, вызываемые переходом партии из правящей в оппозиционную и наоборот, не влияют на организационное построение фракции.

Конкретно организация партий в палате общин выглядит следующим образом. Члены лейбористской партии, избранные депутатами в палату общин, в соответствии с уставом объединяются в парламентскую лейбористскую партию (фракцию — Parliamentary Labour Party) и действуют согласно постоянным правилам (Standing Orders) этой фракции. Непризнание лейбористским членом парламента постоянных правил или действие вопреки этим правилам считается нарушением устава партии и влечет за собой определенные последствия²⁴.

В начале работы парламента нового созыва парламентская лейбористская партия избирает трех должностных лиц: председателя или лидера партии (Chairman and Leader of the Party), вице-председателя или заместителя лидера (Vice-Chairman and Deputy Leader), главного «кну́та» (Chief Whip). Если на каждый пост предложено более одного кандидата, вопрос решается голосованием.

Председатель (лидер) партии считается лидером лейбористской партии не только в парламенте, но и в стране; он ex officio является членом национального исполнительного комитета лейбористской партии и на этом основании может присутствовать на совещании любого из подкомитетов последнего. Если партия находится у власти, лидер становится премьер-министром. Когда партия в оппозиции, лидер выполняет роль главы оппозиции и по этому праву выступает главным оратором (The Leading Spokesman) оппозиции в палате общин. Согласно Акту о министрах короны 1937 года²⁵ лидер оппозиции — официально признанное лицо и получает вознаграждение в 2000 ф. ст. в год.

²⁴ «Standing Orders of the Parliamentary Labour Party. 1952». В кн.: G. H. L. Le May. Op. cit., p. 395—396.

²⁵ Ministers of the Crown Act, 1937.

Лидер парламентской фракции председательствует на собрании фракции, а также в парламентском комитете²⁶.

Вице-председатель (заместитель лидера) замещает лидера по всем вопросам, если последний отсутствует²⁷.

Главный «кнут» — главный помощник лидера по организации фракции. От его деятельности во многом зависит успешное функционирование как самого партийного механизма в парламенте, так и всего парламентского механизма. После спикера, главные «кнуты» правительственной и оппозиционной партий — наиболее важные парламентские должностные лица. Помимо главного «кнута» партия имеет заместителя главного «кнута» и несколько младших «кнутов» (Junior Whips), выделяемых из членов парламентской фракции. Когда партия находится у власти, «кнуты» занимают официальные правительственные посты (поэтому в литературе их именуют и партийными «кнутами», и правительственными «кнутами») и получают особое денежное вознаграждение. «Кнуты» оппозиции получают лишь определенные суммы как члены палаты общин.

Главный «кнут» правящей партии организует деятельность своих подчиненных «кнутов», поддерживает связь с министрами и лидером оппозиции. Основная же его задача состоит в ведении (под руководством премьера и лидера палаты) парламентских дел и, в частности, в организации поддержки правительственной политики. У главного «кнута» имеется небольшой штат, возглавляемый его личным секретарем. Таковы же функции главного «кнута» оппозиции.

Большая роль принадлежит «кнуту» в деле обеспечения процедуры работы парламента²⁸, в том числе он отвечает за обеспечение кворума при постановке на обсуждение правительственного билля. Особая ответственность возложена на «кнута» за поддержание партийной дисциплины среди членов парламентской партийной фракции. В этом отношении он наделен большими полномочиями вплоть до применения дисциплинарных мер воздействия против «непослушного» члена парламента. Право «кнутов» осуществлять принудительные меры воздействия настолько реально, что рядовые члены парламента видят в «кнуте» официальное лицо, обязанность которого состоит в том, чтобы путем запугивания и принуждения заставить членов партии

²⁶ О парламентском комитете см. ниже.

²⁷ В соответствии с поправкой к Уставу лейбористской партии, принятой в 1958 г., на конференции в Скарборо, заместитель лидера входит, как и лидер, ex officio в национальный исполнительный комитет и может также участвовать в заседаниях подкомитетов.

²⁸ Обеспечение процедуры работы, в частности, состоит в том, что «кнут» наделен правом от имени партии делать спикеру предложения по вопросам процедуры, по собственной инициативе или в ответ на поставленный спикером перед палатой процедурный вопрос.

против их воли голосовать и выступать в соответствии с требованиями партийной линии. Такими мерами являются: рекомендация главного «кнута» лидеру о недоставлении непокорному члену фракции еженедельного извещения о программе работы палаты, что равносильно исключению из партии; угроза не выставить кандидатуру на следующих выборах и т. д.

Таким образом, по своему положению главный «кнут» — один из основных элементов партийного механизма в парламенте.

В начале каждой сессии лейбористская фракция в палате общин избирает 12 членов, которые вместе с лидером, заместителем лидера и главным «кнутом» палаты общин, а также с лидером (или заместителем лидера фракции), главным «кнутом» партии в палате лордов и одним избранным лордом образуют *парламентский комитет*. Обязанность этого комитета состоит в руководстве деятельностью фракции в палате общин и в координации деятельности лейбористских членов обеих палат парламента.

Как правило, парламентская фракция лейбористской партии дважды в неделю проводит собрания фракции. Члены палаты лордов — лейбористы могут посещать эти собрания, но не голосуют по вопросам, представляющим исключительную компетенцию палаты общин.

В случае, когда член или члены фракции в палате общин поступают вразрез с интересами партии, нарушая тем самым ее единство в парламенте, выступают с заявлениями, противоречащими политике партии (изложенной в программе), или против решения собраний партийной фракции, их вызывает на беседу главный «кнут», а в исключительных случаях заместитель лидера или сам лидер. Чаще всего за этим следует постановка вопроса о прекращении доставки провинившемуся члену парламентской фракции еженедельного извещения о программе работы палаты на общем собрании парламентской фракции или на заседании парламентского комитета.

«Documentary Whip» представляет собой документ (извещение), который обычно главный «кнут» вручает членам фракции в пятницу, хотя некоторые из этих документов могут при необходимости вручаться и в другие дни недели. В этом извещении содержится программа деятельности палаты на предстоящую неделю (иногда помимо вопросов, подлежащих обсуждению, указываются и фамилии докладчиков).

Неполучение этого документа членом палаты общин означает исключение члена палаты из парламентской лейбористской партии; это может значить, что на следующих выборах он не будет выдвигаться кандидатом от партии, а если он выставит свою кандидатуру сам, она не будет поддержана национальным исполкомом.

При решении о прекращении доставки извещения об этом сообщается в национальный исполнительный комитет, который, в свою очередь, сообщает в партийную организацию избирательного округа о состоявшемся решении и предлагает учесть это обстоятельство при подборе кандидатов в парламент. Если по каким-либо мотивам член парламента исключается из партии решением национального исполкома, это также влечет за собой автоматическое прекращение доставки извещения данному члену.

Вся деятельность индивидуального члена парламента строго регламентирована и осуществляется под неослабным контролем партии. Руководством для поведения членов парламента служат Постоянные правила фракции.

Эти правила определяют права и обязанности членов парламентской фракции, меры воздействия на членов фракции, допустивших серьезные нарушения партийной дисциплины, а также порядок рассмотрения таких нарушений. В Правилах предусмотрено, что «члены палаты должны консультироваться у должностных лиц парламентской фракции перед тем, как выставить предложение, поправку или просьбу, а также любое другое предложение, которое может касаться партийной политики или партийных решений». Фактически это положение Постоянных правил не только ограничивает, но совершенно лишает члена парламента возможности иметь свое собственное мнение и требует слепого подчинения указаниям лидеров партийной фракции. Подчинив таким образом действия отдельного члена парламента постоянному контролю партийного механизма, лидеры создали такое положение, при котором они могут рассчитывать на поддержку любого своего мероприятия в палате общин. Именно в этом и проявляется действие партийного механизма в парламенте: лидеры формулируют политику, а на долю рядовых членов парламента приходится лишь механическое одобрение этой политики, так как противодействие влечет за собой почти обязательное применение принудительных мер воздействия, чреватых для «непокорных» нежелательными последствиями — потерей парламентского мандата. И все же даже при наличии таких жестких мер лейбористская партия не может обеспечить полного единства своей парламентской фракции, как и вообще партии.

Все рассмотренное выше относится к организации и деятельности лейбористской фракции палаты общин, когда партия находится в оппозиции. Когда партия приходит к власти, парламентский комитет становится кабинетом, который уже не уделяет специального времени делам партийного характера, оставляя за собой лишь общее руководство деятельностью фракции. Занимая особое положение в парламентском механизме, кабинет в значительной степени отходит от парламентской фракции своей партии и становится *над* этой фракцией. Такой отрыв членов

правительства от остальной части членов парламентской фракции еще более усиливает расхождение во взглядах лидеров с многими рядовыми членами парламентской фракции.

Стремясь предотвратить это, парламентская фракция лейбористской партии в период, когда лейбористы стояли у власти (правительство лейбористского меньшинства 1924 г. и 1929—1931 гг.), избирала из своего состава консультативный комитет из 12 членов во главе с председателем «заднескамеечников» и с участием одного-двух министров. Цель создания комитета состояла в организации связи партийной фракции с правительством, но практически этого осуществить не удалось, так как из-за отсутствия большинства в парламенте министры часто не могли проводить в жизнь советы консультативного комитета. В период коалиционного правительства военного времени (1940—1945 гг.) парламентская фракция лейбористов учредила административный комитет в составе лидера палаты общин, главного «кнута», председателя и вице-председателя комитета и 16 членов (всего 20 человек, из них не более трех — министры). Комитет, по мнению Г. Морисона, работал хорошо, но был громоздок и действовал на основании сложной процедуры²⁹. В 1945 г. административный комитет был реорганизован и вместо него был учрежден небольшой комитет связи (Liaison Committee), на обязанности которого лежала информация фракции о политике и законодательной программе правительства, доведение до сведения министров критических замечаний со стороны фракции об их деятельности и т. д. В состав комитета связи входили председатель и два вице-председателя — «заднескамеечника», избранные фракцией, лидер палаты общин, главный «кнут» и представитель от лейбористских пэров (не министр). Всего шесть человек.

С 1944 г., вне зависимости от того, находится ли партия у власти или в оппозиции, в парламентской фракции лейбористской партии существуют отраслевые и территориальные группы (Subject and Area Groups). Каждая такая группа имеет своего председателя, вице-председателя и секретаря. Членами групп являются члены парламентской фракции палаты общин (членами отраслевой группы могут быть и члены палаты лордов).

Эти группы дают рекомендации министрам и комитету связи, когда партия находится у власти. Когда партия в оппозиции, парламентские партийные группы дают свои представления и рекомендации парламентскому комитету и время от времени выступают с докладами на собраниях партийной фракции.

В 1953 г. парламентская фракция лейбористской партии имела 11 территориальных (областных) групп, что соответствовало числу региональных (областных) организаций лейбористской

²⁹ H. Morrison. Government and Parliament. A Survey from the Inside. London, 1954, p. 122—123.

партии в стране. Для координации деятельности группы с областным комитетом парламентская группа назначает одного из младших «кнотов», а областной комитет — одного из членов парламента. Территориальная группа включает в свой состав всех членов парламента от данной местности, что, во-первых, создает более строгую организацию членов парламентской фракции и, во-вторых, обеспечивает более конкретный учет специфических интересов местного характера.

Отраслевые группы создаются по конкретным отраслям экономики, культуры и социальных услуг. Их число и состав могут изменяться в соответствии с усилением или уменьшением значения той или иной отрасли в конкретный период. К работе отраслевых групп привлекаются эксперты — не члены парламента, в случае необходимости в их работе принимают участие партийные лидеры. Собираются отраслевые группы по мере необходимости. Некоторые группы имеют постоянные комитеты. Например, группа по сельскому хозяйству имеет постоянный комитет по делам рыболовства, группа обороны имеет комитет по армии, флоту, авиации и т. д.

Такова организация и механизм деятельности парламентской фракции лейбористской партии в палате общин. При общей направленности на максимальное приспособление к условиям функционирования двухпартийной системы в парламентском механизме партийный механизм лейбористской фракции, его главная внутрипартийная функция сводится к осуществлению дисциплинарных мер по отношению к отдельным членам парламента.

Организация и механизм деятельности консервативной фракции в палате общин в основном такие же, как и у лейбористов. Но деятельность парламентской фракции в целом и каждого члена палаты общин в отдельности у консерваторов еще более ограничена и еще более подчинена диктатуре лидера партии.

Лидер консервативной партии наделен огромными полномочиями. Он ответствен за разработку и изложение партийной политики; решения конференции и других партийных органов не являются для него обязательными. По существу они принимаются под его диктовку. Благодаря такой власти лидер консервативной партии стоит как бы над партией, а в партийной среде господствует дух преклонения перед личностью лидера. «Заднескамеечники» крайне редко выступают против политики руководства, проводимой лидером и членами кабинета, а прекращение доставки извещения представляет собой исключительное явление. Лидер партии возглавляет кабинет (когда партия находится у власти), а будучи в оппозиции — формирует «теневой кабинет». Для осуществления повседневного организационного руководства деятельностью партии лидер назначает председателя консервативной партии (он же руководит центральным консервативным бюро), а в парламентской фракции он располагает аппаратом

партийных «кнотов» во главе с главным «кнотом» (как и у лейбористов).

Лидер консервативной партии не избирается на каждой сессии парламента нового созыва, как это практикуется лейбористами: однажды избранный, он остается лидером пожизненно ³⁰ (при условии, разумеется, что он не будет забаллотирован на очередных парламентских выборах. Это условие не имеет реального значения, так как кандидатура лидера выставляется в абсолютно «бесспорном» округе). При осуществлении своих полномочий лидер консультируется со своими коллегами, но решения принимает единолично.

В 1922 г. рядовые члены консервативной фракции в палате общин учредили так называемый комитет консервативных членов парламента (Conservative Members' Committee) или Комитет 1922 года. Этот комитет возглавляется председателем, и в его обязанность входит обсуждение дел партийной фракции. На заседаниях комитета могут присутствовать все члены палаты общин — консерваторы. Комитет может пригласить того или иного министра на очередное заседание, чтобы заслушать его объяснения. Председатель комитета имеет право обращаться к лидеру партии по любому вопросу. Как правило, на заседаниях комитета не принимается резолюций и не производится голосование. Результаты обсуждения передаются лидеру и соответствующему министру через председателя комитета и парламентских «кнотов». Если на заседании политика лидера и его коллег подвергается сильной критике, то комитет имеет право избрать и послать особую депутацию к лидеру (поскольку ответственность и право лидера определять политику партии не подлежит обсуждению, это положение на практике не применяется).

Консервативная фракция имеет два автономных комитета: комитет шотландских юнионистов и комитет ольстерских юнионистов, которые объединяют членов парламента от указанных местностей и проводят заседания по конкретным вопросам, относящимся к Шотландии и Северной Ирландии.

Подобно лейбористам, консервативная фракция палаты общин (включая представителей консервативной фракции палаты лордов) имеет отраслевые группы, которые рассматривают конкретные аспекты партийной политики применительно к специфике определенной отрасли экономики или культуры. Иногда (при возникновении трудностей) к работе отраслевых групп привлекаются отдельные министры и партийные боссы.

Вообще говоря, роль фракции сводится главным образом к одобрению политики лидеров и организации голосования.

³⁰ «The Party Organisation. Conservative and Unionist Central Office. Organisation Series». N 1. Rev. ed., July, 1950, p. 5.

Либеральная партия, согласно уставу, должна иметь лидера, главного «кну́та» и свой партийный комитет в палате общин³¹. Но число членов палаты — либералов настолько незначительно (всего шесть человек), что практически действуют только лидер и «кну́т», которые входят во внепарламентские центральные органы партии.

В палате лордов каждая партия также объединена в парламентскую фракцию во главе с лидером и «кну́тами». Члены палаты лордов консервативной и лейбористской фракций разделены по территориальным группам, к которым прикреплены младшие «кну́ты». Если партия находится в оппозиции, то несколько перов представлены в «теневом кабинете». Должностные лица лейбористской фракции в палате лордов назначаются лейбористской фракцией палаты лордов в начале работы каждой сессии нового созыва. Каких-либо органов фракция не имеет, хотя лидер собирает своих коллег по передней скамье (*Front-bench colleagues*) на еженедельное заседание для обсуждения вопросов, стоящих перед палатой. Так же, как и в палате общин, фракция лейбористов в палате лордов имеет ряд отраслевых групп. Для согласования деятельности фракций в обеих палатах соответствующий член палаты лордов консультируется по делам важного значения с наиболее осведомленным членом палаты общин.

Либеральные члены палаты лордов не имеют партийного органа и, подобно либеральным членам палаты общин, координируют свою деятельность через общенациональные партийные органы (в частности, шесть членов палаты лордов представлены в Комитете либеральной партии).

4. Правительство и двухпартийная система

Двухпартийная система — один из важных факторов усиления исполнительной власти и, в частности, усиления роли кабинета и установления его фактической диктатуры в системе органов государственной власти и управления.

При непосредственном участии и содействии английских политических партий в свое время были выработаны, а затем и расширены такие конституционные принципы, как определение статуса правящей и оппозиционной партий в соответствии с результатами выборов в палату общин; формирование правительства из членов партии большинства во главе с лидером партии в роли премьер-министра (и министрами, занимающими видные посты в партии); официальное признание оппозиции (как наиболее яркое выражение принципа двухпартийности в парламенте); проведение в жизнь принципа однопартийного состава правительства

³¹ «Constitution du parti liberal». В кн.: A. M a b i l e a u. Op. cit., p. 319—322.

при сохранении формальной политической ответственности правительства перед палатой общин и т. д. Все эти принципы развивались и стабилизировались вместе с ростом и укреплением организованных партий господствующего класса, который шел параллельно с бурным развитием капитализма в Англии во второй половине XVIII и особенно в XIX столетии. Они отражали стремление молодой буржуазии к завоеванию власти, а поэтому представляли собой прогрессивное явление в политической жизни страны по сравнению с господствовавшими до этого феодальными принципами и традициями.

С вступлением в период империализма государственное руководство обществом переходит к монополистическим кругам буржуазии и концентрируется в руках небольшой группы их наиболее крупных представителей. Располагая всеми доступными средствами, монополистическая верхушка буржуазии обеспечила себе не только экономическое, но и политическое господство. Заняв ведущее положение в партии, парламенте, правительстве, монополисты путем личного участия или через своих представителей подчинили своему господству весь партийный и государственный аппарат. При этом в огромной степени возросли полномочия исполнительной власти в лице ее центрального органа — кабинета как прямого носителя диктатуры монополий.

Роль двухпартийной системы в деле установления диктатуры кабинета весьма велика. Двухпартийная система является тем элементом в политической системе Великобритании, который обеспечивает чередование у власти правительств, защищающих интересы монополий, обставляя как смену кабинетов, так и самую их деятельность внешние демократической процедурой.

Характеризуя роль и значение двухпартийной системы, Дженнингс видит ее особую заслугу в том, что она обеспечивает устойчивое правительство. «Правительства меньшинства слабы, — пишет Дженнингс, — так как они не могут управлять, коалиционные правительства особенно слабы из-за внутренних разногласий. В мире, где необходимо сильное и твердое правительство, только двухпартийная система действует успешно»³².

Уже самый порядок формирования английского кабинета (как и всего состава правительства) определяется в первую очередь наличием двухпартийной системы. Правительство формируется из членов партии большинства во главе с лидером партии в качестве премьер-министра. Разумеется, лидер партии формирует кабинет из числа руководящих деятелей своей партии³³.

³² I. Jennings. Op. cit., p. 65.

³³ Г. Ласки считал основной задачей политической партии Великобритании формирование правительства из лидеров партии (H. Laski. Parliamentary Government in England. London, 1938, p. 71).

Принадлежность к одной партии помогает поддерживать дисциплину в кабинете, как и в самом парламенте, т. е. означает их полное подчинение премьеру как лидеру партии.

Именно такая система наделила неограниченными правами лидера партии, установив его полный контроль над правительством и парламентом. Обычно на этот пост выдвигается самая влиятельная в политических кругах фигура, вполне удовлетворяющая требованиям монополий (соответственно комплектуется и состав правительства). Большинство членов современного английского правительства составляют представители крупного капитала, не говоря уже о самом премьер-министре. Так, в правительстве У. Черчилля в 1954 г. представители 28 могущественных корпораций³⁴ занимали следующие посты в кабинете: министра иностранных дел, министра финансов, лорда-президента совета, министра сырья и министра колоний. Директоры других компаний занимали правительственные посты: министра авиации, министра топлива и энергетики, министра торговли, государственного министра по иностранным делам, министра транспорта и гражданского авиации. Всего 19 правительственных постов из 33 принадлежали директорам компаний, возглавляющих вместе 75 фирм. Правда, на время занятия правительственного поста директор уходит со своего директорского места, но ему разрешается сохранять свои акции в компании³⁵.

В лейбористском правительстве (1945—1951 гг.) влияние крупного капитала осуществлялось не прямо, а через посредство правых лейбористских лидеров.

Правительство Идена, сформированное после выборов в мае 1955 г., и правительство Макмиллана (сформированное в январе 1957 г.), не отличались от своих консервативных предшественников по составу и связям с монополистическими кругами. Так, бывший премьер Макмиллан был директором компаний «Макмиллан и К^о», «Монотайп корпорейшн», «Монотайп Маркетинг компани», министр иностранных дел Р. О. Батлер — директором крупной текстильной компании «Кертолдс лимитед» и т. д.

Должностные лица партийной фракции в парламенте (они же и лидеры партии в общенациональном масштабе) не только связаны с правительством, но и в большинстве своем входят в его состав (речь идет о правящей партии). Премьер, министры (всех рангов), парламентские секретари³⁶, председатели групп и

³⁴ 10 страховых компаний («Эллейтенс», «Коммершиэл юнион», «Иглстар», «Гардиан» и др.); «большой пятерки банков» («Барклейс», «Ллойдс», «Мидленд», «Нейшнл провиншиел», «Вестминстер»); одной фирмы по учету векселей; 12 промышленных трестов («Юнион дискаунд компани», «Дженерал электрик компани лимитед», «Интернейшнл никель компани», «Виккерс» и др.).

³⁵ Дж. Голлан. Указ. соч., стр. 12, 42.

³⁶ Парламентский личный секретарь не входит в состав правительства. Он ведает делами министра в палате и прежде всего является источником

комитетов, «кнуты» — все они видные люди партии и в силу своего положения способны воздействовать на рядовых членов парламентской фракции в случае их «неугодного» поведения. Главный правительственный «кнут» имеет свою резиденцию рядом с резиденцией лидера партии.

Парламентские «кнуты» связывают не только лидеров партии с рядовыми членами парламента, они способствуют установлению связи между двумя сторонами в парламенте, включая и непосредственные контакты. Таким путем согласовывается процедура обсуждения, голосования; представители обеих партий договариваются, например, о том, чтобы число отсутствующих членов палаты из состава обеих фракций не нарушало соотношения сил в парламенте (так называемый *pairing*).

Вся эта организация, лежащая в основе отношений правительства с парламентом и выработанная многолетней практикой двухпартийной системы, и обеспечивает полновластие кабинета не только в исполнительной, но и в законодательной сфере.

«Там, где одна партия обладает прочным большинством в законодательном органе,— пишет Филд,— это означает, в действительности, что одна и та же группа лидеров осуществляет эффективный контроль как за законодательной, так и за исполнительной сферой»³⁷.

информации министру о настроениях «заднескамеечников» (в том числе иногда и «заднескамеечников» оппозиции).

³⁷ G. L. Field. *Government in Modern Society*. New York, 1951, p. 36.

Глава II

Политическая характеристика, структура и организационные принципы основных партий в современной Великобритании

1. Краткая характеристика программ консервативной и лейбористской партий

Как консервативная, так и лейбористская партия не имеют стабильных программ. Заявления о политике, принципах и платформе партии содержатся в предвыборных программах или от времени до времени публикуются в качестве официального документа исполнительного органа партии (после принятия на конференции). Правда, в уставе лейбористской партии¹ кратко изложены цели партии, а устав консервативной партии² не содержит даже и этого. Отсутствие стабильных программ позволяет лидерам партии свободно маневрировать перед партией и страной, быстро менять курс, приспосабливаясь к настроениям избирателей (речь идет при этом не о действительном удовлетворении нужд избирателей, а лишь о провозглашении в программах декларативных обещаний, с целью обеспечить победу партии на выборах).

Консерваторы в основу своей идеологии кладут заботу о «возвышении человеческой личности», но тут же оговариваются, что свободу личности они понимают не как анархию, а как необходимость защиты ее «от полного крушения». В заявлении о политике консервативной партии, опубликованном в 1949 г. под названием «Правильный путь для Британии», говорится: «Личность — законченная вещь в себе, и конечная цель правительства состоит в том, чтобы создать возможность полного ее развития для обеспечения всем мужчинам и женщинам права построить жизнь по своему усмотрению в рамках закона и

¹ «The Constitution of the Labour Party. 1918». «The Constitution and Standing Orders of the Labour Party. 1950». В кн.: G. H. L. Le May. British Government 1914—1953. London, 1955, p. 353—357, 379—392.

² «The National Union of Conservative and Unionist Associations». В кн.: G. H. L. Le May. Op. cit.

социальной справедливости»³. В качестве цели своей политики они называют создание общества, где «все мужчины и женщины могли бы развивать свои таланты для своего собственного блага и для блага общества»⁴. Исходя из этих «интересов личности», они провозглашают «свободное предпринимательство», «усиление частного предпринимательства и домовладения» и т. д.

Эти положения программы показывают, что под прикрытием фраз о защите личности проводится линия на защиту частной собственности, т. е. на увековечение социального неравенства и сохранение капиталистической эксплуатации. Пышные обещания независимости тред-юнионов, равенства в образовании, заботы в области социальных услуг и т. д. — это лишь декларации, рассчитанные на то, чтобы подкупить перед выборами общественное мнение⁵.

В многочисленных заявлениях и программах лейбористской партии⁶ провозглашается в качестве цели социального переустройства общества «постепенное построение нового социального порядка, основанного не на междоусобных конфликтах, не на неравенстве и привилегиях классов, рас и пола, а на детальном планируемом сотрудничестве в области производства и распределения, продвижения к здоровому равенству, возможному расширению участия в управлении как в области экономической, так и политической, и на общем чувстве доверия, характеризующем партийную демократию»⁷.

В качестве идеологической основы лейбористы проповедуют теорию построения «демократического социализма» в Великобритании. В программе 1952 года, опубликованной под названием «Смотря в лицо фактам»⁸, лейбористы провозгласили в качестве своей «социальной веры» четыре основных принципа:

1) человеческое содружество: «демократический социализм» означает такое общество, где каждый гражданин старается играть значительную роль; все имеют права и обязанности; все отдают обществу столько же, сколько и получают от него;

³ «The Right Road for Britain. The Conservative Party's Statement of Policy». 1949, p. 8.

⁴ Ibidem.

⁵ Этой же цели служат и предвыборные манифесты консервативной партии 1955 и 1959 гг.

⁶ В монографии, посвященной истории лейбористской партии, известный политический деятель, лейборист, профессор Оксфордского университета Коль (G. D. H. Cole. A History of the Labour Party from 1914. London, 1948) называет следующие программы лейбористов с 1918 г.: Labour and the New Social Order, 1918; Labour and the Nation, 1928; For Socialism and Peace, 1934; Labour's Immediate Programme, 1937; The Old World and the New Society, 1942; Let Us Face the Future, 1945. Помимо перечисленных программ существуют еще программы 1952, 1955 и 1959 гг., а также ряд заявлений.

⁷ Цит. по кн.: G. D. H. Cole. Op. cit., p. 65.

⁸ «Facing the Facts». An Interim Statement of Labour's Home Policy. London, Aug., 1952.

2) социальное равенство: вера в человеческое достоинство и равенство возможностей. Наш идеал — говорится в программе — общество, в котором люди больше различаются по своим качествам, чем по богатству. Вера в равенство расширяет человеческую личность;

3) демократическая свобода, так как она обеспечивает человеку права, необходимые для свободной личности;

4) экономическая демократия: эксплуатация человека человеком морально неприемлема и экономически неэффективна. Человек должен иметь приличный уровень жизни. Трудобой и голод, огромная концентрация богатства и власти в частных руках, массовая безработица — все это несет с собой преступления против того ценного, чем дорожит человечество.

«Этими принципами,— говорится в заключение,— мы должны руководствоваться в выполнении своей задачи»⁹. Далее излагаются конкретные меры по осуществлению этих принципов, которые отличаются от принципов консерваторов обещанием национализации ряда отраслей промышленности и полной занятости населения. Эти меры, однако, не имеют целью уничтожение частной капиталистической собственности — основы капиталистического общества. Наоборот, лейбористы поощряют частную инициативу. «Мы хотим,— говорится в приведенной программе,— чтобы общественный и частный секторы существовали в гармонии на благо народа»¹⁰. Отсюда становится ясным, что лейбористы, так же, как и консерваторы, не ставят под сомнение необходимость существования капитализма в дальнейшем. Прикрываясь социалистической фразеологией в теории, лейбористы (в лице своих правых лидеров) проводят промонополистическую политику на практике.

2. Консервативная партия

Социально-экономическая основа консервативной партии

Партия консерваторов — одна из старейших политических партий страны. С самого своего возникновения она выражала интересы крупных собственников. В настоящее время консервативная партия — это партия крупного монополистического капитала, главная задача которой, как замечает известный английский государствовед проф. Кейт, «заключается в охране интересов имущих от угрозы коммунизма или социализма»¹¹. Партия консерваторов — это штаб английских капиталистов, «ее кадры

⁹ См. названную выше программу.

¹⁰ «Facing the Facts». An Interim Statement of Labour's Home Policy. Aug., 1952, p. 9.

¹¹ A. B. Keith. The British Cabinet System. London, 1952, p. 183.

подбираются капиталистами, она финансируется и возглавляется ими и проводит их политику»¹². Ревностно защищая привилегии английских капиталистов и помещиков, консерваторы являются злейшими врагами рабочего класса и всех трудящихся.

Перед последними выборами 1959 года консерваторы опубликовали манифест под программным названием «Предстоящие пять лет»¹³. В предисловии к манифесту лидер партии Макмиллан утверждал, что партия консерваторов не собирается успокаиваться на достигнутом за последние годы. «Мы должны защитить завоеванное и развить его дальше. Наша политика может быть изложена просто: процветание и мир», — провозглашает Макмиллан.

Программа составлена по традиционному принципу: воспевание своих заслуг, обещание «процветания» нации во всех областях жизни, противопоставление своих целей целям альтернативного (лейбористского) правительства.

В области внутренней политики программа консерваторов не скупится на демагогические обещания. Так, одной из основных задач провозглашается политика «повышения жизненного уровня современного поколения и обеспечения участия всех слоев общества в распределении богатства», борьба за полную занятость на местах (особенно в Шотландии и Уэльсе), развитие науки и техники, ряд сельскохозяйственных мероприятий с учетом интересов мелких фермеров, передача некоторых функций управления из центра на места, снижение налогов, расширение образования (пересмотр стипендий студентам, расширение школьного строительства), увеличение жилищного строительства (переселение к 1965 г. миллиона людей в новые дома), усиление строительства больниц, повышение пенсий, охрана граждан от беззакония и т. д.

Во внешней политике консерваторы провозгласили своей целью «справедливый мир». В это понятие включается поддержка ООН, улучшение отношений между Западом и Востоком. Признавая принцип «совместной жизни» со странами коммунизма ради сохранения человечества, консерваторы здесь же подчеркивают необходимость «сохранения оборонительных союзов по всему миру» (имея при этом в виду агрессивные блоки НАТО, СЕНТО и СЕАТО). Консерваторы особо выделяют отношения с Советским Союзом и дают обещание продолжать политику расширения торговли, связей, личных контактов.

Перечисленные положения программы консерваторов — красная иллюстрация умения консервативной партии на совре-

¹² Дж. Голлан. Политическая система Великобритании. ИЛ, 1955, стр. 96.

¹³ «The Next Five Years. Points from the Manifesto of the Conservative and Unionist Party». London, 1959.

менном этапе учитывать настроение избирателей, что обеспечивает им поддержку значительной части населения на выборах.

Так, на выборах 1959 года консерваторы получили около 14 млн. голосов (49,3%) и 365 мест в палате общин, т. е. на 100 мест больше, чем все остальные партии, вместе взятые (лейбористы — 258, либералы — 6, независимые — 1)¹⁴. По сравнению с предыдущими выборами 1955 года, когда число голосовавших за консерваторов и лейбористов было почти равным (по 46,4%), избирательный корпус консерваторов в 1959 г. пополнился на 0,4 млн. избирателей в основном за счет лейбористов¹⁵.

Этому способствовала гибкая программа консерваторов и частичное выполнение ряда пунктов программы 1955 года (жилищное строительство, полная занятость, некоторое увеличение пенсий и др.), и неспособность лейбористских лидеров противопоставить ей конструктивную социалистическую программу.

Оставаясь политической партией крупного капитала, консервативная партия в последнее время пополнилась выходцами из мелкого фермерства и даже из рабочего класса (благодаря усилению работы в профсоюзах). На этом основании консерваторы, прикрывая свою подлинную классовую сущность, выдают себя за защитников и поборников интересов всей нации. Достаточно, однако, посмотреть на состав консервативной фракции в парламенте, а также на правительство, чтобы еще раз убедиться, что как правящая консервативная партия, так и формируемое ею правительство являются представителями привилегированной верхушки английского общества — крупного финансового капитала и старой земельной аристократии.

О тесной связи консерваторов с деловым миром свидетельствует тот факт, что из 365 членов парламента от консервативной партии 70 — директора компаний, 12 — биржевые маклеры и 3 — промышленники. Кроме того, в парламентской консервативной фракции насчитывается 30 землевладельцев и фермеров, 56 адвокатов, 10 поверенных в делах, 10 журналистов, 6 инженеров и землемеров; 25 консерваторов служили в регулярной армии и 3 были на дипломатической службе. Не менее 130 консерваторов в нынешнем составе парламента являются или были ранее директорами компаний.

Правящая консервативная партия представляет крупный монополистический капитал, подчинивший себе государственный аппарат в лице парламента, правительства и бюрократии.

Некоторые тактические разногласия в проведении внешней политики (проявившиеся, в частности, в отношении к проблеме «общего рынка»), а также в колониальном вопросе и наличие

¹⁴ «The Europa Year Book, 1961», vol. 1. Europe. London, p. 557.

¹⁵ «The Campaign Guide 1959. The Unique Political Reference Book». London, 1959, p. 688.

внутри консервативной партии отдельных групп в разные периоды ее истории¹⁶ — никогда не затрагивали основных целей английского империализма. Партия консерваторов была и остается ярым защитником империализма; она искусно манипулирует популярными лозунгами и проводит на деле курс «холодной войны», ядерную стратегию НАТО и огромную программу вооружений, тяжелым бременем ложащуюся на плечи английского населения.

Организация консервативной партии

Консервативная партия¹⁷ по своей структуре и организации состоит из трех основных элементов: 1) парламентских партий (фракций) в обеих палатах парламента; 2) консервативных и юнионистских ассоциаций в каждом избирательном округе, объединенных в национальный союз консервативных и юнионистских ассоциаций (National Union of Conservative and Unionist Associations); 3) Центральное консервативное и юнионистское бюро (Central Office).

Основа консервативной партии — *ассоциация в избирательном округе*, обладающая некоторой автономией в своих внутренних делах, в выборе кандидатов в парламент и назначении агентов по выборам. Каждая ассоциация избирательного округа делится на филиалы (по районам), во главе которых имеются свои комитеты. Все эти комитеты представлены в центральном исполнительном комитете ассоциации избирательного округа. Ассоциация избирательного округа назначает своих представителей в областной совет (Provincial Area Council), а также избирает делегатов на ежегодную конференцию консервативной партии и назначает представителей в центральный совет национального союза (Central Council). Главное назначение ассоциации избирательного округа — обеспечить избрание консервативных кандидатов в парламент и местные органы власти.

Областные советы консервативной партии являются промежуточным звеном между местными организациями и центральными органами партии. Эти региональные организации созданы еще в прошлом столетии. В 1930 г. было установлено, что такие организации создаются лишь в тех частях страны, где имеются графства; таким образом, было создано 12 областных советов с исполнительными комитетами. Областные организации наделя-

¹⁶ См. об этом: А. М. Некрич, Л. В. Поздеева. Государственный строй и политические партии Великобритании. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 167—200.

¹⁷ В 1955 г. в консервативной партии насчитывалось, по явно преувеличенному данным самой партии, около 3 млн. членов (D. E. Butler. The British General Election of 1955. London, 1955, p. 107). Критерий членства, впрочем, в достаточной мере неопределенный и расплывчатый.

лись, помимо совещательных функций, правом организовывать демонстрации, собрания и т. д. В последующие годы наметилась тенденция к передаче всей финансовой ответственности областям и к изъятию этой функции из ведения центрального бюро. В настоящее время все области имеют свои фонды и большая их часть имеет соглашения с центром, которые предусматривают гарантии по увеличению их бюджета.

Областной совет учреждается ежегодно в определенном составе, предусмотренном уставом национального союза¹⁸. Важно отметить, что в областной совет *ex officio* входят руководящие деятели национального союза и центрального бюро, консервативные и юнионистские члены палаты лордов и палаты общин, будущие кандидаты в парламент, а также агенты областных отделений центрального бюро. Такой состав областного совета свидетельствует, во-первых, о весьма ограниченной самостоятельности областных партийных организаций, в советах которых центр представлен весьма значительно и, во-вторых, что все лица, занимающие официальные государственные должности в провинциях и графствах, одновременно состоят и в руководящем партийном органе. Последнее обстоятельство как раз и говорит об участии партии (через конкретных ее представителей) в государственном механизме.

Совет каждой области в соответствии со своими постоянными правилами ежегодно избирает президента (лидера), председателя, почетного казначея, почетного секретаря. Одновременно избираются представители области в центральный совет и исполнительный комитет национального союза.

Исполнительный орган областного совета консервативной партии — *областной исполком* (Provincial Area Executive Committee). Устав предусматривает для исполкома области значительные полномочия и обязанности¹⁹.

Организация консервативной партии на местах приспособлена главным образом для избирательных целей, вместе с тем она отвечает потребностям пропаганды идей и взглядов консервативной партии. Эта организация служит также целям контроля со стороны партийных органов над местными органами государственной власти и управления, составляющими важное звено в государственном механизме.

Такой контроль осуществляется, в частности, через подбор партийными органами кандидатур для избрания в местные

¹⁸ «The National Union of Conservative and Unionist Associations (Rules adopted at the Annual Meeting of the Central Council, 13 March, 1947, including amendments made up to 19 March, 1953)». В кн.: G. H. L. Le May. *Op. cit.*, p. 396—409.

¹⁹ Подробнее см.: С. Г. Федоров. Двухпартийная система в государственном механизме современной Великобритании. М., Изд-во ИМО, 1957, стр. 48.

органы, а также через представительство одних и тех же лиц как в местных органах партии, так и в местных органах власти.

Ассоциации избирательных округов и областные советы консервативной партии объединяются в общенациональном масштабе в *национальный союз* консервативных и юнионистских ассоциаций. Функции национального союза состоят в том, чтобы обеспечить создание и организацию консервативной и юнионистской ассоциации в каждом избирательном округе Англии, Уэльса и Северной Ирландии и поощрять идеи и усилия в проведении в жизнь принципов и целей партий; действовать в качестве связующего звена между лидером и всеми организациями партии; поддерживать тесную связь с консервативным и юнионистским центральным бюро; работать в тесном контакте с шотландскими и ольстерскими ²⁰ юнионистами. Эти функции *национальный союз* осуществляет через областные советы, центральный совет, исполнительный комитет и конференцию ²¹.

Центральный совет на своем первом ежегодном собрании избирает президента, председателя и трех вице-председателей, которые именуются должностными лицами национального союза. Центральный совет (как и областной) учреждается ежегодно в составе, строго определенном уставом партии. В него входят: лидер партии, должностные лица национального союза, главные «кнуты» партии в палатах парламента, руководящие деятели центрального бюро, председатели и секретари национальных совещательных комитетов, члены исполкома национального союза, представители ассоциации избирательных округов и центральных ассоциаций городов с двумя и более избирательными округами, представители всех областей национального союза, представители консервативных клубов и других организаций, члены обеих палат парламента, будущие кандидаты в парламента, агенты центрального бюро в областях, и, наконец, представители от юнионистских организаций Шотландии и Ольстера. Механизм представительства в центральном совете очень сложен. Большинство представителей в совете остается в этом качестве в течение многих лет, образуя ядро руководства консервативной партии.

Посещение собраний центрального совета строго ограничено и разрешается лишь членам совета. Полномочия центрального совета очень узки. Они сводятся к заслушиванию доклада исполнительного комитета национального союза и к рассмотрению предложений местных организаций консервативной партии.

²⁰ Шотландские и ольстерские североирландские юнионисты имеют свою организацию и входят в национальный союз в качестве автономных единиц.

²¹ Это формальные функции, изложенные в уставе партии. Фактически же функции национального союза состоят в обеспечении господствующего положения консерваторов в стране, т. е. в упрочении и защите позиций монополистического капитала.

Центральный совет не принимает никаких решений, а имеет лишь право посылать свои предложения в виде рекомендаций лидеру партии.

Гораздо большее значение в системе центральных органов консервативной партии принадлежит *исполнительному комитету национального союза*. Этот орган избирается ежегодно и имеет строго определенный состав, несколько отличающийся от состава центрального совета (что вполне естественно, так как исполнительный комитет — действующий орган, в отличие от совета, наделенного лишь совещательными функциями). В составе исполнительного комитета отсутствуют представители ассоциаций избирательных округов (областные организации представлены шестью членами от каждой области), но широко представлены все общенациональные консервативные организации, вплоть до Ассоциации консервативных и юнионистских фильмов. Это свидетельствует о значительной степени концентрации партийной власти в центре. По своему персональному составу исполнительный комитет является собранием самых влиятельных лиц консервативной партии.

Полномочия и обязанности исполнительного комитета состоят в том, что он ежегодно рекомендует центральному совету кандидатуры президента, председателя и трех вице-председателей, назначает почетного секретаря и секретаря национального союза, избирает представителей в национальный совещательный комитет по партийной политике и в другие органы союза, заполняет вакансии должностных лиц в национальном союзе, осуществляет право приема и исключения членов национального союза²², учреждает необходимые национальные совещательные комитеты.

В отношении местных партийных организаций исполком национального союза наделен правом принимать решения и осуществлять практические меры по устранению споров и разногласий, возникших в ассоциациях избирательных округов, если должностные лица областных организаций не могут разрешить вопроса.

При исполнительном комитете имеются следующие *национальные совещательные комитеты*: женский комитет, комитет молодых консерваторов, комитет тред-юнионов, комитет по делам местного управления, комитет по политическому образованию, комитет печати и ораторов, федерация университетских ассоциаций и комитет по делам учителей (всего восемь комитетов). Каждый совещательный комитет имеет право определять

²² Членами национального союза являются ассоциации избирательных округов, а также центральные ассоциации городов с двумя и более избирательными округами. Исполнительный комитет утверждает членов национального союза и имеет право отменять решения об утверждении (в основном по финансовым соображениям).

самостоятельно свой состав и порядок управления, которые подлежат одобрению со стороны исполнительного комитета. Помимо указанных комитетов, исполком может учреждать дополнительно такие комитеты, которые он сочтет необходимым. Работу всех совещательных комитетов объединяет *комитет общих целей* (General Purposes Committee), который формируется ежегодно из состава руководящих деятелей центральных и областных организаций с включением председателей всех совещательных комитетов. Исполнительный комитет на каждом заседании заслушивает доклады комитета общих целей.

Как орган, подчиненный центральному совету, исполнительный комитет представляет ему свои доклады и годовой отчет на конференцию (доклады и отчет составляются комитетом общих целей). Исполнительный комитет ежемесячно проводит свои заседания, на которых рассматривает отчеты и резолюции подчиненных органов. Все решения и выводы исполнительного комитета посылаются лидеру партии в качестве совета. На первом своем заседании исполнительный комитет избирает председа-

теля.

Исполнительный комитет играет значительную роль в партийном механизме консерваторов, так как, несмотря на совещательный характер его функций, он дает советы, которые часто предопределяют принятие лидером партии соответствующего решения.

Высший орган национального союза — *конференция*, которая собирается ежегодно и состав делегатов которой также строго регламентирован. По своему составу это самый представительный орган консервативной партии, но и здесь центральные органы представлены относительно гораздо шире, чем местные (центральный совет, а следовательно, и входящий в него исполнительный комитет в полном составе представлены на конференции). Дополнительные места предоставлены ассоциациям избирательных округов, организациям университетов, Лондонского Сити и организации консервативных агентов.

Конференция национального союза — тоже совещательный орган, ее решения не обязательны для лидера партии, которому в конечном счете принадлежит последнее слово по всем вопросам партийной организации и партийной политики.

Таким образом, мы ознакомились с организацией и принципами деятельности одного из трех элементов партийного механизма консерваторов — национального союза консервативных и юнионистских ассоциаций.

Важнейший элемент консервативных организаций Англии — Центральное консервативное и юнионистское бюро (Central Office). Эта организация существует параллельно с национальным союзом; ее задача — повседневно оперативно руководить деятельностью организаций консервативной партии через специаль-

ных агентов этого бюро на местах (Central Office Agents). Во главе центрального бюро находится председатель партии, назначаемый лидером (он же назначает двух вице-председателей и двух казначеев бюро)²³. Практическое руководство работой бюро принадлежит генеральному директору (он же почетный секретарь национального союза).

Центральное бюро делится на департаменты (организационный, рекламы и пропаганды, ораторов, финансов и т. д.) и имеет филиальные бюро в каждой из 12 областей. Областные бюро возглавляются агентами из центра (Central Office Agents), они же занимают посты почетных секретарей в Советах и комитетах этих областей. Такое совмещение должностей — не просто связь между центральным бюро и национальным союзом, это скорее прямой контроль бюро над партийными организациями (особенно на местах). В круг обязанностей центрального бюро входит организация местных партийных групп, подготовка и опубликование материалов консервативной пропаганды, сбор средств, составление списков рекомендованных кандидатов.

Третьим важным звеном консервативной партии являются парламентские консервативные партии (фракции) в обеих палатах парламента.

Во главе всей консервативной партии находится *лидер партии*. В период пребывания партии у власти он становится премьер-министром, а когда партия находится в оппозиции, он возглавляет и оппозицию в палате общин. Лидер консервативной партии избирается на собрании консервативных и юнионистских кандидатов в парламент и членов исполнительного комитета национального союза²⁴. Избирается лидер пожизненно и может быть замещен лишь в случае смерти, болезни, отставки²⁵ или других чрезвычайных обстоятельств.

Деятельность лидера партии не подвергается никакому формальному контролю. Его выступление на ежегодной партийной конференции с программной речью (обычно в конце работы конференции) не подвергается обсуждению.

²³ Центральное бюро было образовано в конце прошлого столетия. Сначала его возглавлял лидер партии, затем руководство перешло к главному «кнуту». С 1911 г. был учрежден пост председателя партийной организации и функции руководства бюро перешли к нему, что позволило главному «кнуту» полностью посвятить себя работе в парламенте.

²⁴ До 1937 г. избирательный корпус для выборов лидера партии был еще уже и состоял только из консерваторов — членов парламентских фракций обеих палат.

²⁵ В качестве примера можно привести отставку У. Черчилля в начале 1955 г., в результате которой премьер-министром и лидером консервативной партии стал сэр Антони Иден, который был министром иностранных дел в кабинете Черчилля. После ухода Идена в отставку в январе 1957 г. его заместил Гарольд Макмиллан, которого в октябре 1963 г. заменил А. Хьюм.

Ознакомление со структурой и организационными принципами консервативной партии Великобритании позволяет с полным основанием утверждать, что в этой партии отсутствуют какие-либо демократические принципы, внутри партии безгранично господствуют «лидер и окружающая его небольшая группировка, состоящая из директоров компаний, аристократов и профессиональных политиков — ставленников крупного капитала»²⁶. Однако эта организация вполне удовлетворяет крупных землевладельцев, магнатов финансового капитала, от финансовой поддержки которых зависит и само существование партии. Именно в руках этих монополистических кругов сконцентрирована действительная власть над партией, что замечает Дж. Голлан, «необходимой предпосылкой концентрации государственной власти в тех же самых руках»²⁷.

Организации предпринимателей, как Федерация британской промышленности, Ассоциация британских торговых палат и другие, тесно связаны с консервативной партией. Средства массовой пропаганды: печать, реклама, кино и др., — принадлежат крупному капиталу, составляющему главную социальную базу консервативной партии. Почти все ежедневные газеты находятся в руках трестов печати, управляемых группами Бивербрука, Кемроза и др. Большая часть ежемесячников и еженедельников также составляет собственность трестов. Во главе английских кинокомпаний находятся крупные промышленники. Британская радиовещательная корпорация (Би-Би-Си) фактически также контролируется консерваторами и представляет собой одно из самых сильных орудий, действующих в интересах сохранения и упрочения капиталистического строя.

3. Лейбористская партия

Социально-экономическая основа лейбористской партии

Возникновение лейбористской партии в начале XX в. не было случайным, а явилось результатом обострения классовой борьбы и формирования независимого политического движения рабочего класса как политической силы, противостоящей традиционным политическим партиям господствующего класса. Однако, как замечает Дж. Голлан, «вследствие характера лейбористской партии как союза тред-юнионов и социалистических групп и политики реакционных лидеров происшедшее размежевание не было окончательным (как этого требовали рядовые члены движения). Во всем сказывалась зависимость от капиталистической политики и ее влияние»²⁸. Задача удержания рабочего движения в указанных рамках облегчалась для господствующего класса тем

²⁶ Дж. Голлан. Политическая система Великобритании, стр. 96.

²⁷ Там же, стр. 99.

²⁸ Там же, стр. 103.

обстоятельством, что благодаря огромным колониальным владениям, их эксплуатации и преобладающему положению на мировом рынке английский капитализм в XIX столетии извлекал огромные прибыли и за счет этих сверхприбылей мог подкупать верхушку рабочего класса. Через эту обуржуазившуюся верхушку пролетариата²⁹, а также через интеллигентские социал-реформистские группы (фабианцы и прочие) буржуазия и стала проводить свою политику в рабочем движении.

Противоречие внутри лейбористской партии между рядовыми рабочими, входящими в ее состав и желающими социальных перемен, и руководством партии, стремящимся ограничиться требованиями реформ в рамках капиталистического общества при сохранении его государственных и конституционных принципов, составляет важнейшую характерную особенность лейбористской партии с момента ее организации по настоящее время.

Образование отдельной рабочей группы в парламенте (1906 г.), как указывал В. И. Ленин, еще не означало, что организация рабочих стала *во всем своем поведении* независимой от буржуазии. История лейбористской партии показала, что ее отделение от капиталистических партий было в значительной степени формальным и не означало разрыва с капиталистической политикой³⁰. Напротив, лейбористская партия за время своего существования совершила эволюцию вправо и превратилась (в лице правых лидеров) в партнера партии консерваторов, действующего в рамках английской двухпартийной системы. Правые лидеры лейбористской партии в своем большинстве скатились на позиции капитализма, открыто стали на его сторону, осуществляя на практике капиталистическую политику и защищая устои капитализма.

Теоретической основой лейбористской партии стали оппортунистическая идея классового сотрудничества и отрицание классовой борьбы — идеи, порожденные социологическими взглядами фабианцев³¹. Эта реформистская теория ничего общего не имеет с революционными задачами рабочего класса. В последние годы (и особенно после пребывания лейбористов у власти в 1945—1951 гг.) противоречия внутри лейбористской партии становятся все более ошутимыми. Ее рядовые члены все настойчивее выступают против политики праволейбористских лидеров, направленной на сотрудничество с консерваторами, и требуют проводить социалистическую политику, и, особенно, изменить внешнеполитический курс партии. Эта борьба выражается в движении ряда входящих в лейбористскую партию тред-юнионов и местных организаций. О происходящей борьбе свидетельствует

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 105.

³⁰ Дж. Голлан. Политическая система Великобритании, стр. 107 и др.

³¹ G. M. Carter and oth. The Government of Great Britain. Calcutta, 1953, p. 74.

рост разногласий в руководстве лейбористской партии и усиление оппозиции официальному руководству.

В 1958 г. представители левого крыла лейбористской партии, недовольные политикой официального руководства, создали группу «За победу социализма» (Victory for Socialism Group), в которую вошли члены парламента Ч. Дэвис, К. Зиллиакус и др. Эта группа выступает с критикой политики британского правительства и правых лейбористских руководителей. В 1960 г. на конференции в Скарборо левые добились серьезного успеха, проведя решение об одностороннем отказе Англии от испытаний ядерного оружия. Однако это решение саботировалось правым руководством партии и парламентской фракцией.

При помощи демагогических приемов, нажима и маневрирования правым лидерам удалось на конференции 1961 г. проташить программный документ исполкома под громким названием «Политика в защиту мира», в котором провозглашается приверженность «ядерной стратегии» НАТО.

Однако правые не смогли заглушить решительные протесты против милитаризации страны. Крупным поражением руководства партии следует считать принятие конференцией резолюций, в которых решительно осуждается размещение на территории Англии американской базы подводных лодок, оснащенных ядерными ракетами «Поларис», и содержится требование не предоставлять военных баз для обучения войск бундесвера в Англии.

Результаты выборов в национальный исполком лейбористской партии явились свидетельством того, что правым не удалось усилить свои позиции. Некоторые наиболее правые деятели партии были забаллотированы, а по списку кандидатов от окружающих организаций лейбористской партии по-прежнему прошло большинство левых.

Борьба в лейбористской партии продолжается с нарастающей силой, отражая растущее недовольство широких масс английского народа политикой участия Англии в военных блоках и гонки вооружений и капитулянтской политикой «классового сотрудничества», проводимой праволейбористскими лидерами в угоду крупному капиталу³².

Организация лейбористской партии

Согласно уставу лейбористской партии 1950 года³³ признается два вида членства партии: коллективные, объединенные в определенные организации члены и индивидуальные члены.

³² Д. Р. Кэмпбэлл. Некоторые экономические иллюзии в лейбористском движении. Госполитиздат, 1960.

³³ «The Constitution and Standing Orders of Labour Party. 1950». В кн.: G. H. L. Le May. Op. cit., p. 379. В настоящее время в лейбористской партии

К коллективным членам лейбористской партии относятся:

1) тред-юнионы, входящие в Британский конгресс тред-юнионов;

2) кооперативные общества;

3) социалистические общества;

4) профессиональные организации лиц свободных профессий, которые, по мнению национального исполнительного комитета, имеют интересы, совпадающие с интересами других коллективных членов;

5) организация лейбористской партии в избирательных округах и центральные лейбористские партии в городах, имеющих административное деление;

6) организации лейбористской партии избирательных округов, объединенные в федерации графств или области (региональные организации).

Два последних коллективных члена чаще всего в литературе именуются местными организациями лейбористской партии.

Устав предусматривает, что политические организации, имеющие свою собственную программу, принципы и политику, ведущие самостоятельную пропаганду и выдвигающие своих кандидатов на выборах в парламент и в местные органы, равно как и состоящие в союзе с политической организацией, расположенной за границей, не могут быть членами лейбористской партии.

Что представляют собою коллективные члены лейбористской партии? Преобладающую часть членов лейбористской партии составляют более 80 входящих в нее тред-юнионов³⁴. Благодаря своему количественному превосходству над остальной частью лейбористской партии тред-юнионы располагают большими финансовыми возможностями (один из главных источников средств лейбористской партии — членские взносы). Некоторые тред-юнионы имеют собственный политический фонд, используемый для избирательных целей. Тред-юнионы оказывают лейбористской партии большую помощь на выборах. Так, на выборах 1950 года 80 % всех избирательных расходов несли тред-юнионы. Помимо финансовой поддержки тред-юнионы оказывают помощь партии в налаживании работы органов партии. Большая часть решений ежегодной партийной конференции определяется позицией правого руководства основных тред-юнионов. Тред-юнионы, таким образом, составляют главный элемент лейбористской партии.

Коллективными членами лейбористской партии являются также социалистические, профессиональные и другие общества. Они состоят в основном из лиц интеллектуального труда. К этой

действует Устав 1950 года. Последние поправки внесены на ежегодной конференции в 1958 г.

³⁴ «Report of the Sixtieth Annual Conference of the Labour Party». Blackpool, 1961, p. 37.

группе членов партии относятся: организации фабианского общества; общество социалистических юристов, социалистическая ассоциация медицинских работников, еврейская социалистическая лейбористская партия, национальная ассоциация лейбористских учителей и др. По количественному составу это небольшие организации, они не имеют своих программ и специального политического курса. В прошлом многие из них сыграли немалую роль в формировании мировоззрения лейбористской партии. Фабианское общество и теперь проводит работу по политическому образованию среди «интеллектуальной» части членов лейбористской партии.

Кооперативные общества имеют свою политическую партию — кооперативную партию, которая на основе соглашения 1927 года ³⁵ консультируется с лейбористской партией по выставлению единого кандидата в парламент. В настоящее время национальная кооперативная партия предусматривает для своих местных организаций возможность объединения с местными лейбористскими организациями. Однако, кроме кооперативного общества королевского арсенала, ни одна организация не вступила непосредственно в лейбористскую партию, предпочитая сотрудничество с ней через национальный совет труда, в который кооперативная партия входит с 1941 г., и через учрежденные в 1946 г. два объединенных комитета. В этих комитетах, объединяющих представительство национального кооперативного органа и национального исполнительного комитета лейбористской партии, ведется работа по изучению проблем объединения и сотрудничества кооперативной и лейбористской партий.

Наконец, коллективными членами лейбористской партии считаются ее местные организации (партии в избирательных округах; центральные лейбористские партии в городах, имеющих административное деление; местные организации, объединенные в федерации графств или областей). Местные организации представляют собой федерацию входящих в них местных отделений тред-юнионов, социалистических обществ и групп индивидуальных членов.

Устав партии требует от каждой из организаций, чтобы она признавала программу, принципы и политику партии, действовала в соответствии с уставом и постоянными правилами партии; представляла свои политические положения национальному исполнительному комитету и не допускала в своей деятельности расхождений с решениями партийной конференции.

Устав лейбористской партии содержит строгие условия членства в партии, предусматривает строгую дисциплину и централизацию.

³⁵ Это соглашение было затем заменено соглашением 1946 года, которое в свою очередь было заменено соглашением 1957 года.

Принцип строгой централизации особенно ярко проявляется в структуре общенациональных органов партии.

Но ознакомимся сначала с организацией местных партийных органов ³⁶. Организация *местной лейбористской партии* повторяет по форме федеративный принцип общенациональной организации, то есть представляет собой ассоциацию местных отделений тред-юнионов, социалистических обществ и индивидуальных членов в избирательном округе. Объединение членов лейбористской партии на местах по избирательным округам свидетельствует о том, что одна из главных задач местных организаций — работа по подготовке и проведению выборов. Вся остальная деятельность местных партий подчинена этой основной цели.

Органом управления лейбористской партии избирательного округа является *Генеральный комитет* — собрание делегатов, избираемых местными органами тред-юнионов, местными филиалами социалистических и других обществ, секциями женщин и молодежи, а также комитетами групп индивидуальных членов ³⁷.

Генеральному комитету подчинен исполнительный комитет лейбористской партии избирательного округа, который представляет собой постоянно функционирующий орган. Заседания исполкома проводятся регулярно, не реже одного раза в месяц. На своих заседаниях исполком ежемесячно рассматривает состояние финансов партии, заслушивает отчеты комитетов групп индивидуальных членов, отчеты секций, а также отчеты о деятельности подчиненных им подкомитетов (по вопросам финансов, литературы, по проведению собраний, пропаганды, подкомитет по вопросам членства). Исполком отвечает за разработку планов развития деятельности партии в своей зоне.

Должностные лица исполкома (и всей местной организации) — *председатель, казначей и секретарь*, избираемые из числа членов исполнительного комитета. Все эти должности не платные. Однако если секретарь одновременно исполняет функции партийного агента, то в этом качестве в некоторых избирательных округах он получает жалование. Председатель и секретарь во многом определяют характер деятельности организации. Особенно это относится к секретарю, обязанности которого весьма многогранны.

³⁶ В уставе лейбористской партии (как и консервативной) не упоминается об организации партии на местах, что выдается за свидетельство полной самостоятельности местных организаций в их деятельности. Это не мешает, однако, тому, что устав партии наделяет центральные органы определенными правами в отношении местных организаций.

³⁷ Индивидуальные члены лейбористской партии в городах объединяются в группы по административным единицам (wards) и имеют свои выборные комитеты (wards committees). В партию избирательного округа могут входить несколько таких групп индивидуальных членов, так как избирательный округ включает несколько административных единиц.

Между лейбористскими партиями избирательных округов и центральными организациями партии существует промежуточное звено — областная организация (организация графства). Это своего рода федерация лейбористских партий избирательных округов по региональному признаку.

Рассмотрим теперь организацию центральных органов лейбористской партии. Высший орган партии — партийная *конференция*. Конференция созывается ежегодно в октябре национальным исполнительным комитетом. Нормы представительства на конференции строго определены уставом партии и предусматривают участие в работе конференции всех входящих в лейбористскую партию организаций. Наибольшее число делегатов посылают на конференцию тред-юнионы, делегаты которых и составляют там большинство. Пять-шесть крупнейших тред-юнионов обычно на конференции контролируют более половины голосов. Делегатами конференции *ex officio* являются члены национального исполнительного комитета, члены парламентской лейбористской партии (фракции), вероятные парламентские кандидаты на предстоящих выборах (если их кандидатуры одобрены национальным исполкомом), секретарь партии, председатель и один делегат от лейбористского союза молодежи. Перечисленные делегаты, если они не избраны в организациях, обладают лишь правом совещательного голоса. Особенность лейбористской партии заключается в том, что организация, посылающая делегата на конференцию, обязана уплатить за него определенный взнос. Список делегатов заранее публикуется. Устав партии содержит особые положения, согласно которым для определенных лиц исключается возможность быть делегатами конференции (например, не могут быть делегатами члены парламента, не входящие в парламентскую лейбористскую партию (фракцию); не могут также быть делегатами члены тред-юнионов, не платящие взносов и др.).

Повестка дня, порядок внесения резолюций, способ голосования и другие процедурные вопросы работы конференции определяются постоянными правилами лейбористской партии.

По принципиальным вопросам голосование на конференции производится «*by cards*», т. е. мандатами (один мандат представляет голоса 1000 членов партии), центральные организации партии и партии избирательных округов, федерации (области, графства) имеют по одному «*voting card*» (вне зависимости от числа членов партии).

Партийная конференция имеет строгий регламент работы. Она продолжается не более пяти дней, часто не успевает даже обсудить все поставленные вопросы. Участие рядовых делегатов ограничено: большую часть времени занимают выступления лидеров парламентской партии (фракции) и национального исполнительного комитета. Таким образом, будучи представительным

органом по своему составу, конференция на практике представляет отнюдь не интересы тех, от имени которых она принимает решения и резолюции, а интересы группы партийных и профсоюзных лидеров, располагающих большинством на конференции.

Исполнительный орган партийной конференции лейбористской партии — *национальный исполнительный комитет*, состоящий из 27 членов, избираемых конференцией. Выборы происходят несколько необычным путем: 12 членов выдвигаются профсоюзными и избираются их делегатами на ежегодной партийной конференции; один член — представитель от социалистических, профессиональных и кооперативных организаций, избирается на конференции делегатами от этих обществ; 7 членов, выдвигаемых лейбористскими партиями избирательных округов, федерациями (области, графства) и центральными лейбористскими партиями в городах, избираются их делегатами на конференции; четвертая группа членов исполкома — 5 женщин, которые выдвигаются любыми организациями, входящими в состав лейбористской партии, и избираются всей конференцией. Таким образом, в центральном исполнительном органе представлены все организации лейбористской партии. Всего избирается 25 человек. Лидер и заместитель лидера парламентской лейбористской партии (фракции) состоит ex officio членами национального исполкома.

Правом выдвижения кандидатов в члены исполкома пользуются все организации лейбористской партии (по одному кандидату от организации в одну из трех первых групп соответственно их принадлежности и по одному кандидату от каждой организации для четвертой группы). Устав предусматривает определенные условия для кандидатов. Голосование тайное.

Полномочия национального исполнительного комитета весьма обширны.

Он обязан: обеспечить учреждение лейбористских партий в избирательных округах, центральных лейбористских партий в городах с административным делением, а также федераций в соответствующих административных районах; проводить в жизнь устав, постоянные правила и регламент партии, для чего использовать все необходимые меры вплоть до роспуска организаций и исключения отдельных членов, о чем исполнительный комитет докладывает затем ежегодной партийной конференции. В обязанности комитета входит также проведение совещаний с парламентской лейбористской партией при открытии сессии, а также в других случаях по вопросам работы партии или по мероприятиям, необходимым для осуществления программы партии; наблюдение за тем, как соблюдаются устав и постоянные правила всеми членами и должностными лицами партии; представление отчета о работе партии, финансового отчета и всех

счетов на рассмотрение и утверждение ежегодной партийной конференции и др.

Решения национального исполнительного комитета приобретают окончательную силу после их утверждения партийной конференцией. По спорам между организациями решения исполкома имеют обязательную силу для обеих организаций.

Исполком собирается ежемесячно на двух-трехдневные сессии, проходящие под руководством председателя, избираемого ежегодно на первом заседании. На этом же заседании избирается вице-председатель исполнительного комитета.

Даже простое перечисление полномочий национального исполнительного комитета лейбористской партии дает возможность сделать следующие выводы: 1) теоретически и по форме национальный исполнительный комитет лейбористской партии подчинен главному партийному органу — конференции, от которой он получает директивы и распоряжения, перед которой он отчитывается о своей деятельности и которая определяет его состав путем избрания; 2) практически национальный исполнительный комитет — основной орган лейбористской партии, в ведении которого находятся все вопросы партийной жизни, вплоть до определения политики партии. Однако парламентская фракция и ее руководство, особенно в том случае, когда оно образует правительство, фактически ему не подчинены.

Национальный исполнительный комитет контролирует движение и избрание членов парламента и местных органов власти, связываясь с парламентской лейбористской партией (фракцией) и с правительством (если партия находится у власти).

Структура и организация лейбористской партии и ее центральных органов, пожалуй, более удачно приспособлены к участию в государственном механизме, чем структура и организация консервативной партии. В отличие, например, от консервативной партии, *центральное бюро* лейбористов³⁸ функционирует под контролем исполнительного комитета, что свидетельствует о большей степени концентрации власти в руках одного партийного органа. Правда, у консерваторов партийная власть сконцентрирована в руках лидера, занимающего господствующее положение в партии. Однако более демократическая по форме организация центральных органов лейбористской партии не мешает тому, что исполнительный комитет наделен фактически не

³⁸ Задача центрального лейбористского бюро — поддерживать контакт с местными организациями лейбористской партии и руководить их деятельностью, обучать ораторов, издавать книги и брошюры, организовывать пропаганду, подготовку и обучение агентов по избирательной кампании, создавать партийные органы в новых избирательных округах, распоряжаться партийными фондами и т. д. Для выполнения этих задач центральное бюро располагает сетью штатных и внештатных агентов и организаторов.

меньшими полномочиями в организационной сфере, чем лидер у консерваторов, а благодаря своему статусу выборного органа он осуществляет функции управления более эффективно. Эта эффективность достигается также и тем, что все должностные лица партии избираются и назначаются при участии исполнительного комитета.

Помимо председателя и вице-председателя национального исполнительного комитета должностными лицами лейбористской партии являются *казначей, секретарь, ревизоры*, а также члены *организационной комиссии* (Arrangements Committee). Все эти лица избираются на конференции согласно списку, составленному из кандидатур, предложенных организациями партии. Включение кандидатур в списки для выборов производится с одобрения исполнительного комитета, а секретарь партии избирается лишь по рекомендации исполнительного комитета.

Участвуя непосредственно или через центральное бюро в подборе и расстановке партийных кадров, национальный исполнительный комитет лейбористской партии обеспечивает себе в центре и на местах не только сторонников и защитников, но и рьяных проводников политики праволейбористских лидеров.

Важное звено в механизме лейбористской партии, через который партия непосредственно участвует в управлении государством — *парламентская лейбористская партия* (фракция), занимающая особое положение в партийной организации. Во главе этой организации находится лидер, избираемый собранием парламентской лейбористской партии (фракции).

Представители национального исполнительного комитета, парламентской лейбористской партии (фракции) вместе с представителями генерального совета тред-юнионов и центрального органа кооперативного союза объединяются в Национальном совете труда (National Council of Labour) — специальной организации для координации лейбористского, профсоюзного и кооперативного движения. В состав Национального совета труда входит 24 члена³⁹.

Национальный совет труда рассматривает все вопросы лейбористского и кооперативного движения в целом, а также предлагает срочные и совместные действия в случае крайней необходимости. Устав Национального совета труда вменяет ему в обязанность «обеспечивать общую политику и совместные действия путем законодательных и других мер по всем вопросам, затрагивающим интересы рабочих как производителей, потребителей и

³⁹ Все организации, входящие в Национальный совет труда (конгресс тред-юнионов, лейбористская партия вместе с парламентской лейбористской партией, кооперативный союз), представлены в равном количестве: по семь членов от каждой организации плюс секретарь каждой организации. Три секретаря составляют объединенный секретариат Национального совета труда.

граждан»⁴⁰. По вопросам национальной политики совет дает разъяснения только после согласованного решения всех трех органов, представленных в совете. В случае особой необходимости он может давать подобные разъяснения без указанного согласия, однако ответственность за действия, предпринятые в соответствии с этими разъяснениями, органы несут лишь тогда, когда они ратифицировали эти заявления. Совет отчитывается ежегодно о своей работе путем предоставления отчета каждому из трех органов. Все расходы совета распределяются в равных долях между тремя органами. Национальный совет труда собирается ежемесячно. По просьбе одного из секретарей или любых трех членов совета собираются чрезвычайные совещания. На совещаниях совета поочередно председательствуют председатели трех органов, входящих в совет. Совет наделен правом давать консультации объединенной конференции — собранию с совещательными функциями, которое состоит из всех членов трех органов, входящих в Национальный совет труда.

Национальный совет труда не входит в партийный механизм лейбористов в качестве его составной части. Однако наличие такого объединенного органа значительно дополняет структуру и организацию лейбористской партии. Совет по своему составу, как мы видели, представляет собой соединение правых лидеров лейбористской партии с правыми лидерами профсоюзов и кооперативов.

Совершенно ясно, что «разъяснения по вопросам национальной политики», а также «законодательные и другие меры по вопросам, затрагивающим интересы рабочих», предпринимаются советом не в интересах координации лейбористского и кооперативного движения, как об этом говорится в уставе совета, а в интересах проведения в жизнь разработанной правым крылом лейбористов и тред-юнионистов политики «дружественного сотрудничества» с консерваторами, в интересах классового сотрудничества с предпринимателями.

В общем и целом организация лейбористской партии обеспечивает господствующее положение небольшой группировки правых лидеров как в партийном механизме, так и в государственных органах (если партия находится у власти). «...Когда лейбористские лидеры управляют государством от имени капитализма,— говорит Дж. Голлан,— то небольшая правая группировка, состоящая из членов кабинета, игнорирует конференции лейбористской партии и исполнительный комитет и осуществляет жесткий контроль над парламентской фракцией лейбористской партии»⁴¹.

⁴⁰ «The National Council of Labour, 1941». В кн.: G. H. L. Le May. Op. cit., p. 368, 369.

⁴¹ Дж. Голлан. Политическая система Великобритании, стр. 109.

Задачам пропаганды и популяризации праволейбористских идей и взглядов подчинены средства публичной агитации: печать, радио и т. д. Правда, возможности лейбористов здесь гораздо меньше, чем консерваторов. Ряд лейбористских изданий (в том числе орган лейбористской печати «Дейли Геральд») находится под контролем капиталистических трестов. В совете директоров «Би-Би-Си» имеются представители лейбористской партии (лорд Макдональд, леди Рис-Уильямс и др.). Это должно символизировать надпартийный характер Би-Би-Си. Праволейбористская теория классового сотрудничества нашла в области пропаганды свое прямое применение.

Глава III

Либеральная и кооперативная партии

1. Либеральная партия

Либеральная партия сохранила за собой роль своеобразного резерва в общей схеме политического устройства Великобритании. Не объединяясь формально в коалицию с консерваторами, либералы молчаливо поддерживают мероприятия консервативного правительства.

В уставе либеральной партии, принятом на съезде партии в июне 1936 г. и дополненном в последующие годы (1937, 1945—1950 гг.)¹, основной целью партии провозглашается защита и обеспечение прав человеческой личности. Во внутренней политике либеральная партия объявляет своей целью использование государственной власти для установления социальной справедливости, борьбу с бедностью, обеспечение разумного использования ресурсов страны на благо всего общества, создание условий, которые позволили бы всем гражданам жить свободно и т. д. Однако здесь же либералы провозглашают частную собственность главной гарантией независимости и свободы личности. Либеральная партия состоит в основном из средней и мелкой буржуазии. В основе организации партии лежит федеративный принцип. Ведущие организации либеральной партии — *ассоциации избирательных округов*. На ежегодном собрании они избирают *бюро* ассоциации и *исполнительный комитет*: вместе с этими органами избирается председатель, генеральный секретарь и его помощник. Главная задача ассоциации — обеспечить выборы либерального кандидата в парламент. Ассоциации избирательных округов объединяются в *региональные федерации*, органами которых являются ежегодные конференции. Эти конференции избирают *бюро*, *исполнительный комитет* региональной федерации, а также должностных лиц (председателя, генерального секретаря и его помощника). Конференция заслушивает отчеты исполкома о его деятельности. Исполком — постоянно действующий

¹ «Constitution du parti liberal». В кн.: A. Mabileau. Le parti liberal dans le système constitutionnel britannique. Paris, 1953, p. 319—322.

орган, основная обязанность которого состоит в поддержании связи с ассоциациями избирательных округов и с центральной организацией партии. Кроме того, он координирует деятельность региональных организаций либеральных женщин и либеральной молодежи.

Центральная (общенациональная) организация либеральной партии мало чем отличается от консервативной партии. Высшим органом партии является ежегодная *конференция* (ассамблея) — собрание членов обеих палат парламента, возможных кандидатов в парламент, бывших кандидатов в парламент, членов совета и его постоянных комитетов, представителей от каждой ассоциации избирательного округа. Конференция избирает бюро партийной организации и совет, рассматривает и утверждает отчет о деятельности совета, рассматривает резолюции (правом внесения резолюций обладают строго определенные организации). *Бюро* состоит из председателя, четырех вице-председателей и трех казначеев; оно ведает вопросами подготовки и созыва конференции, а также контрольными функциями в отношении общенациональных фондов партии.

Совет — собрание либеральных членов парламента, исполкома, комитета и других центральных органов совместно с представителями ассоциаций избирательных округов, избираемых на собраниях региональных федераций. Совет собирается не менее четырех раз в год, ведает вопросами пропаганды, подбора и утверждения кандидатов в парламент, расходования партийных фондов и т. д. Этот орган представляет собой собрание всех должностных лиц и руководящих деятелей либеральной партии, самый авторитетный орган партии. Совету подчинены исполнительный комитет и комитет партии — постоянно действующие органы с узким составом. Комитет партии определяет бюджет, направляет деятельность либеральных членов парламента (через лидеров палат и главного «кнута», входящих в состав комитета), подготавливает программу партии и т. д.

К либеральной партии примыкают организации, подобные Союзу либеральных университетских обществ, Ассоциации либеральных профсоюзов и др. Таким образом, несмотря на то, что либеральная партия в настоящее время не входит непосредственно в двухпартийную систему, ее внутреннее строение и организация предусматривают обеспечение участия этой партии в механизме английского капиталистического государства.

В последние годы либералы оживили свою пропагандистскую деятельность и, привлекая избирателей лозунгами заботы об обеспечении прав личности, увеличили свой избирательный корпус.

2. Кооперативная партия

В Англии широко распространено кооперативное движение. Тысячи кооперативных альянсов объединены в кооперативный союз, насчитывающий более 11 млн. человек. К этим альянсам относятся общества продавцов, продовольственные общества, страховые общества, общества оптовой торговли, кооперация химиков, общество кооперативного строительства и др. В конце 1957 г. в кооперативном союзе были объединены 96,69% всех кооперативных организаций Англии.

Политическая организация этого союза — кооперативная партия. Она была создана в 1917 г., когда кооперативное движение отказалось от своей старой традиции политического нейтралитета и приняло решение обеспечить свое представительство в парламенте и в местных органах власти. Образованный позднее национальный комитет кооперативного представительства поставил перед собой следующие задачи: 1) прямое представительство кооператоров в парламенте и в местных органах власти с целью защиты интересов добровольной кооперации и сопротивления любому законодательству, ограничивающему развитие кооперации; 2) образование правительства, основывающегося на демократических принципах; 3) учреждение содружества кооперативов, для которого целью в промышленности будет производство ради пользы, а не ради прибыли, и который будет добиваться экономической основы общества в виде общей собственности на важнейшие средства существования².

До 50-х годов кооперативная партия ограничивалась в своей деятельности изложенными целями, не выступая с какими-либо политическими заявлениями или программами. В вопросах обеспечения представительства в парламенте и на местах кооперативная партия выступает в блоке с лейбористами на основе соглашения между этими двумя партиями. Хотя кооперативная партия и не входит в лейбористскую партию, она поддерживает политику лейбористов, а кооперативные общества на местах тесно сотрудничают с местными лейбористскими организациями.

Исполнительный орган кооперативной партии — национальный комитет. Партия входит в состав национального совета труда.

² «The Campaign Guide 1959», p. 598.

Глава IV

Монополистические объединения и предпринимательские союзы и их роль в системе диктатуры монополистического капитала

1. Основные группы давления и современные тенденции их развития

Стремление крупнейших монополий к дальнейшему усилению вмешательства в политическую жизнь современной Англии не ограничивается использованием парламентских партий. Чем глубже становится кризис буржуазной демократии, тем больший размах и значение приобретают методы и средства непосредственного воздействия монополий и их организаций на формирование государственной политики и принятие решений в области законодательства и управления. После второй мировой войны в арсенале этих средств первостепенное значение приобрела деятельность групп давления.

После второй мировой войны в связи с резкими сдвигами в экономике и политике британского империализма и обострением всех его противоречий, ростом государственного вмешательства в экономику Англии создался обширный комплекс организаций и групп, представляющих различные интересы монополистов, который стал все возрастающим по своему значению фактором в политической жизни страны.

Если отвлечься от нарочито дробной классификации групп давления по их функциональным и отраслевым признакам, принятой в английской буржуазной политической науке, то существующие группы можно, следуя английской терминологии, разделить на две основные категории: так называемые промоторские (ходатайствующие, поощрительные) группы (promotional groups), носящие узкоспециальный или пропагандистский характер, и «группы интересов» (interest groups), объединяющие в основном капиталистических предпринимателей и владельцев недвижимой собственности.

Стремясь всячески затушевать обострение классовых антагонизмов в Англии, буржуазные правоведы преуменьшают решающую и, несомненно, все более увеличивающуюся роль в системе диктатуры английских монополий «групп интересов».

Среди этих групп на первый план выдвигаются как общие, так и отраслевые объединения капиталистических предпринимателей (союзы, федерации, общества и ассоциации). Организации крупного капитала, располагая огромными материальными возможностями, содержат широкоразветвленный аппарат профессиональных дельцов, специализировавшихся на вопросах «взаимоотношений» с правительством. Они пускают в ход контролируемые ими средства массовой пропаганды и личную унию, используют подкуп, шантаж и другие подобные средства давления на представителей государственной власти, чтобы добиться для монополий выгодных правительственных заказов, субсидий, освобождения от налогов, принятия антирабочих законов и т. п.

Теперь под давлением неопровержимых фактов даже буржуазные исследователи вынуждены признать, что «лобби и лоббисты имеются в Англии не в меньшем количестве, чем в Америке» и что «в Англии это явление развито даже в большей степени, чем в США»¹.

Для государственно-монополистического капитализма характерно между прочим и стимулирование со стороны государства образования союзов предпринимателей и все возрастающее слияние государственного аппарата с аппаратом монополистических объединений. Недаром видный праволейбористский социолог проф. Р. Титмас в своей брошюре «Безответственное общество» был вынужден охарактеризовать современное английское государство как «государство групп давления». Он весьма убедительно показал при этом, что рост данной тенденции вовсе не свидетельствует о демократизации государственного устройства в Англии, а наоборот, «ведет к ограничению социальных прав и глушит протесты со стороны широких слоев населения»².

Всего в Англии в 1958 г. насчитывалось около 2500 отраслевых предпринимательских союзов, из них более половины — ассоциации промышленников. Однако центральное место среди них принадлежит Федерации британской промышленности (Federation of British Industries) — ФБП.

ФБП играет важнейшую роль в экономической и политической жизни страны. Она была основана в 1916 г. в составе 124 фирм и 50 отраслевых ассоциаций на базе существовавшей до первой мировой войны Парламентской ассоциации промышленников и с 1923 г. действует на основании специальной королевской хартии, предоставившей ФБП права, до сих пор не превзойденные по своей широте в капиталистическом мире. Цель ФБП, читаем мы в хартии, — «осуществление связи и обмен мнениями между промышленниками и правительством, правительственными

¹ S. E. Finer. The Lobby. «The Twentieth Century». Special Number. «Who Governs Britain». October, 1957, p. 371.

² R. M. Titmuss. The Irresponsible Society. London. The Fabian Society, 1960, p. 20.

ми ведомствами и государственными органами и публичными учреждениями и ассоциациями всех видов во всех частях света...» ФБП возглавляется крупнейшими финансовыми магнатами, которые используют федерацию для усиления своего господства в экономике страны и для установления особо выгодных связей с правительством. Членами ФБП могут быть как отдельные фирмы, так и отраслевые ассоциации. В 1958 г. в составе ФБП насчитывалось 7533 фирмы и 283 отраслевые ассоциации. В общей сложности она объединяет сейчас около 50 тыс. фирм, главным образом крупных³.

Руководящий орган ФБП — Большой совет в составе около 400 членов, избираемых на три года, который собирается ежемесячно. Кроме того, имеется еще Шотландский совет, 9 региональных советов для Англии и Уэльса и 14 районных контор. ФБП возглавляется президентом, избираемым ежегодно из числа представителей крупнейших монополий. Обычно он находится на посту в течение двух лет. Ему помогает консультативный комитет, состоящий из бывших президентов, и исполнительный комитет ФБП в составе около 180 человек, решающий все оперативные дела, который возглавляется генеральным директором. При Большом совете действует 18 постоянных комитетов по вопросам экономической политики, внешнеторговой политики, топлива, энергетики, железнодорожного и судоходного транспорта, законодательства в области промышленности, технического образования, заключения контрактов с правительством и местными органами власти и др.⁴

Основная задача ФБП — защита интересов английского крупного капитала в самой Англии и за рубежом путем воздействия на парламент, на звенья государственного аппарата и на общественное мнение. Она тесно связана с партией консерваторов и ее парламентскими комитетами (по промышленности и торговле, финансам, по делам вооруженных сил, по имперским делам и др.). ФБП имеет своих представителей в Национальном промышленном консультативном совете, во главе которого стоит министр финансов, в Консультативном комитете по промышленности при министерстве торговли, в Британском совете по производительности труда, в Национальном совете экономического развития и по меньшей мере в 30 других правительственных управлениях, советах и комитетах и 58 прочих органах, связанных с 26 национальными международными организациями. ФБП находится в тесном контакте также с Ассоциацией британских торговых палат и Палатой судоходства. Кроме того, недавно она подчинила своему влиянию основанный в 1908 г. Национальный союз фермеров, объединяющий около 90% фермеров Англии

³ S. E. F i n e r. Anonymous Empire, London, 1958, p. 8—9.

⁴ FBI Register of British Manufacturers. 1955. London, 1955; «Federation of British Industries». London, 1954.

и Уэльса, который в 1950 г. вступил в ФБП на правах ассоциированного члена⁵.

Деятельность ФБП направлена против английского рабочего движения и национально-освободительного движения в колониях. Мероприятия, направленные против рабочего класса, Федерация проводит через формально независимую от нее Британскую конфедерацию нанимателей рабочей силы (British Employer's confederation), созданную в 1919 г. и объединяющую 270 организаций работодателей, принадлежащих к 62 отраслям промышленности, в которых занято примерно 70% промышленных рабочих Англии. Британская конфедерация нанимателей представляет интересы английских монополий в Национальном совместном консультативном совете при министерстве труда, а также в Международной организации труда, находящейся в системе ООН, в Международной организации нанимателей и др.⁶

ФБП представляет наиболее реакционные и агрессивные круги английского империализма. Перед второй мировой войной, в период Мюнхенского соглашения, в марте 1939 г. она заключила так называемое Дюссельдорфское соглашение 1939 года, декларирувавшее тесный союз английских и германских монополий и направленное против СССР. В настоящее время ФБП активно поддерживает НАТО и другие военно-политические группировки, является инициатором вступления Англии в Европейское экономическое сообщество («общий рынок») и проповедует агрессивную доктрину экономической и политической «взаимозависимости» с США и усиления гонки ракетно-ядерных вооружений. Представители или корреспонденты ФБП имеются более чем в 100 странах. Она участвует в Европейском совете промышленных федераций, в Британском национальном комитете Международной торговой палаты, в советах по экспорту в долларовую зону и в страны Западной Европы, созданных крупными монополиями при поддержке английского правительства, а также связана с предпринимательскими организациями других стран.

Федерация британской промышленности не скрывает своих тесных связей с правительством. «Федерация имеет свободный доступ к министрам и в органы центрального правительства, — подчеркивается в Британской энциклопедии, — с которыми она осуществляет непрерывные консультации по вопросам законодательства в области промышленности и дает показания во всех официальных комитетах или королевских комиссиях, рассматривающих вопросы, имеющие значение для всей промышленности»⁷. С каждым годом позиция ФБП, как заявил ее президент

⁵ A. Rogow, P. Shore. The Labour Government and British Industry 1945—1951. Oxford, 1955, p. 92.

⁶ S. E. Fitter. Anonymous Empire, p. 9.

⁷ «Encyclopedia Britannica», vol. 9, 1946, p. 139—140.

сэр Хью Бивер, «становится все более уверенной и авторитетной»⁸. ФБП не случайно называют «негласным правительством Англии». Независимо от того, какое правительство, лейбористское или консервативное, находится у власти, она определяет внутреннюю и внешнюю политику Англии.

Представители Федерации, доверенные лица монополий, занимают важнейшие посты в государственном аппарате, фактически проводят в жизнь всякого рода регулирующие мероприятия, осуществляют милитаризацию хозяйства и орудуют в национализированных отраслях промышленности Англии.

По важнейшим вопросам, затрагивающим коренные интересы всех английских капиталистов, Федерация британской промышленности, как правило, выступает блокируясь с другими влиятельными группами давления и организуя с ними совместные комитеты. Среди них нельзя не отметить Национальную ассоциацию британских промышленников (National Association of British Manufacturers) — НАБП, существующую с 1915 г. НАБП аналогична по своей структуре и целям ФБП, но, в отличие от нее, объединяет главным образом мелких и средних промышленников и управления национализированных отраслей. Всего в 1958 г. в нее входили 5500 фирм и 71 отраслевая ассоциация.

Многие из фирм, входящих в ФБП и НАБП, вместе с транспортными, страховыми, банковскими, судоходными, экспортными, крупными торговыми, юридическими и другими фирмами являются также членами местных торговых палат. Последние (около 100 палат) входят во вторую после ФБП по степени влияния группу давления — Ассоциацию британских торговых палат (Association of British Chambers of Commerce) — АБТП. АБТП, основанная в 1860 г., объединяет ныне в общей сложности около 60 тыс. фирм, из которых половина — фирмы обрабатывающей промышленности⁹.

Большое число мелких ремесленников и розничных торговцев не входит в АБТП, но объединены на федеративных началах в Национальную торговую палату (National Chamber of Trade), которая, в отличие от ФБП и АБТП, непосредственно участвует в решении всех вопросов и споров по трудовым конфликтам, защищая интересы своих членов. Большим влиянием пользуется также Институт директоров, созданный в 1903 г. и объединяющий около 26 тыс. членов, или 80% лиц, занимающих директорские посты в английских частных фирмах. Он известен в Англии как своеобразный «профсоюз бизнесменов» и часто вмешивается в деятельность правительства.

Организацией, «к мнению которой внимательно прислушиваются различные государственные департаменты», является, по словам ее президента, Ассоциация сельских землевладельцев.

⁸ «FBI Review», May 1958, p. 29.

⁹ S. E. F i n e r. Anonymous Empire, p. 8—9.

Особо печальную известность в Англии приобрела за последние годы Национальная федерация владельцев собственности (National Federation of Property Owners), насчитывающая свыше 100 тыс. членов, созданная «для защиты интересов частных собственников»¹⁰. Она добилась принятия в 1957 г. английским парламентом закона об отмене контроля над квартирной платой, в результате чего резко ухудшились жилищные условия и понизился уровень жизни английских трудящихся.

Неуклонно растут связи с органами государственной власти также отраслевых союзов предпринимателей ведущих отраслей промышленности. Эти союзы подчиняют себе многочисленные фирмы и ассоциации из смежных и обслуживающих отраслей. Например, за 50 лет существования (1902—1952 гг.) Общество предпринимателей по производству и сбыту автомобилей (Society of Motor Manufacturers and Traders), увеличило число членов с 9 до 1750 фирм. О тесном переплетении организаций английских монополий позволяет судить пример крупнейшей из 500—600 основных монополий страны — химического концерна «Империел кемикл индастриз», участвующего по крайней мере в 80 предпринимательских объединениях страны. Неудивительно, что обширнейший конгломерат такого рода объединений, оснащенных соответствующим аппаратом, играет все возрастающую роль в политической жизни современной Англии.

2. Монополистические объединения как связующее звено между монополиями и государственным механизмом Англии

Монополистические объединения и предпринимательские союзы с их освященными законом тесными связями с правительством становятся в современной Англии все более мощным орудием, с помощью которого монополистический капитал приспособливает систему государственных органов к нуждам своей экономической и социальной политики, добивается непосредственного слияния аппаратов монополий и государства в единый антинародный механизм.

Кабинет в целом и различные ведомства, подготовляющие финансовое законодательство, также в первую очередь исходят из интересов представляемых ими финансовых, промышленных и колониальных кругов. Так, например, в процессе выработки проектов очередного бюджета наиболее мощные предпринимательские организации монополистического капитала, такие, как Британская федерация железа и стали, Британская ассоциация торговых палат и другие, делают свои представления, выдвигают поправки или возражения, посылают делегации непосредственно к министру финансов и его заместителям. Однако наибольшее

¹⁰ S. E. Finer. Anonymous Empire, p. 52.

значение «группы интересов» придают своим негласным повседневным связям и взаимному обмену информацией с правительственными учреждениями; иногда эти связи всплывают на поверхность вследствие скандальных разоблачений. Специальный комитет, назначенный лейбористским правительством для расследования деятельности посредников между правительством и предпринимательскими организациями, в своем отчете вскрыл наличие между ними «тесных и дружеских личных контактов на всех уровнях», причем все должностные лица этих организаций «знали своих партнеров в министерствах и имели к ним свободный доступ»¹¹.

Со стороны апологетов буржуазного государственного строя в Англии делаются попытки оправдать закулисное сотрудничество между министерствами и предпринимательскими союзами как якобы жизненно необходимое для функционирования государственного аппарата: государственные органы вынуждены обращаться к союзам за технической помощью, в которой нуждаются государственные служащие. Однако это лишь неудачная попытка ссылками на технические соображения замаскировать истинный, классовый характер такого сотрудничества.

Один из важнейших каналов слияния государственного аппарата с аппаратом монополистических организаций — сеть различных консультативных советов, в которых заседают представители крупнейших монополий и союзов предпринимателей. Однако, как указывает Английская ассоциация политического и экономического планирования, слово «консультативный» в применении к указанным органам часто является лишь ширмой, а на самом деле цель многих из них — «осуществление общей связи или получение информации о позиции правительства»¹².

Более того, во всех органах государственной власти Англии сверху донизу союзы предпринимателей имеют сотни и тысячи своих людей (в Англии их называют «игроками» — «players»), «подыгрывающих» интересам монополистических групп. Типичный деятель такого рода — сэр Хью Бивер, занимавший с 1932 г. крупнейшие правительственные посты, являвшийся в 1957—1958 гг. президентом Федерации британской промышленности. С 1946 г. он бессменно занимает пост директора-распорядителя гигантского пивного концерна «Артур Гинес и сыновья».

В последующие годы Х. Бивер был не только президентом ФБП, но также вице-председателем Общества владельцев пивоваренных заводов, президентом Института инженеров-химиков, вице-президентом Британского института управляющих, президентом Конфедерации ассоциаций работников просвещения,

¹¹ «The Select Committee on Intermediaries Report». Cmd. 7904. London, 1950, p. 43—44.

¹² Political and Economic Planning. The Growth of Government. London, 1957, p. 245.

председателем совета Тевистокского института по изучению трудовых отношений в промышленности («human relations»), членом совета управляющих Лондонской школы экономики и политических наук и директором государственно-монополистической Корпорации по развитию колоний¹³.

Штаты управления национализированных отраслей также укомплектованы представителями монополистических объединений, рыцарями «большого бизнеса». В этом отношении типичная фигура — Джон Райан, вице-председатель и акционер крупной англо-американской компании «Метал бокс». Занимая посты члена Британской транспортной комиссии и члена управления Западного железнодорожного округа, он представляет здесь интересы Федерации британской промышленности, членом Большого совета которой он является. Дж. Райан занимает руководящие должности и в добром десятке предпринимательских организаций¹⁴.

На более низких ступенях иерархии административной службы Англии влиятельнейшие предпринимательские организации обеспечивают еще более широкое представительство интересов крупного капитала. Быстрыми темпами идет переплетение государства с монополиями.

Отмеченная тенденция проявляется и в отношении английского парламента. По свидетельству проф. Файнера, предпринимательские организации в Англии более тесно связаны с законодательством и более широко представлены в парламенте, чем их коллеги в конгрессе США¹⁵. Для членов английского парламента получение от этих организаций в обмен за оказанные им услуги таких благ, как финансовая помощь во время и после выборов, секретарская помощь, организация поездок за счет предпринимательских ассоциаций и т. п., не считается «несовместимой с достоинством палаты общин и с долгом члена парламента по отношению к своим избирателям»¹⁶.

В период 1951—1955 гг. Национальная торговая палата имела среди своих почетных вице-президентов 42 члена парламента, Национальный союз фермеров — 5; Ассоциация британских торговых палат была связана с 5, а Национальный союз промышленников, как и Ассоциация строительных обществ, — с 4 членами парламента. Можно назвать десятки организаций, имевших подобные связи, в том числе Ассоциацию сельских землевладельцев, Федерацию британской промышленности, Федерацию железа и стали, Общество пивоваров, Палату судоходства, Общество фабрикантов и торговцев автомобилями.

¹³ A. Potter. Organised groups in British National Politics. London, 1961, p. 238—239.

¹⁴ C. Jenkins. Power at the Top. London, 1959, p. 137.

¹⁵ S. E. Finer. Anonymous Empire, p. 92.

¹⁶ Ibid., p. 130—131.

После парламентских выборов 1955 и 1959 гг. к этим организациям присоединились новые, включая Национальную федерацию владельцев собственности, Институт банкиров, Институт директоров, Общество владельцев газет и др.¹⁷

Представители крупнейших монополий и монополистических объединений используют связанных с ними членов парламента, именующих себя «парламентскими консультантами», для того, чтобы задавать выгодные им вопросы министрам и иногда вносить так называемые «билли частных членов парламента». Многие из этих членов парламента защищают интересы предпринимателей через постоянные законодательные комитеты палаты общин, а также через специальные комитеты, организованные как палатой общин, так и каждой из трех английских парламентских партий. Однако наиболее важный путь воздействия лоббистов на законодательство — выдвижение поправок к правительственным законопроектам.

Не секрет, что сотни поправок к законопроекту о национализации транспорта (в 1946—1947 гг.), внесенные консервативной оппозицией, были предложены заинтересованными группами предпринимателей через центральное правление консервативной партии. Упомянутые группы, как известно, составили объединенный комитет, включавший преставителей Федерации британской промышленности, Национального союза промышленности, Британской ассоциации торговых палат и Британской автодорожной федерации. Этот комитет через своих представителей буквально засыпал членов парламента циркулярами, предлагавшими поправки к законопроекту. Еще шире развернулась деятельность этих групп при консервативном правительстве.

Как правило предпочитая действовать скрытно, группы давления прибегают иногда и к проведению широких пропагандистских кампаний. Для этого они используют созданные крупнейшими союзами предпринимателей пропагандистские организации, специализировавшиеся на обработке общественного мнения в интересах монополий. Эти организации, будучи тесно связаны между собой, с аналогичными организациями консервативной партии и с правительственными пропагандистскими учреждениями, оказывают влияние на крупнейшие газеты и издательства, широко используют в своих целях рекламу, плакаты, митинги, кино, радио, телевидение и другие средства массового воздействия.

Наибольшее значение имеют три организации, активно выступающие с пропагандой частного предпринимательства и против государственного контроля и национализации: Экономиче-

¹⁷ Здесь и выше не учитываются рядовые члены групп давления. Между тем в 1959 г. только Институт директоров был представлен 100 своими членами в палате общин и 100 в палате лордов (A. Potter. Op. cit., p. 284).

ская лига, Цели промышленности (Aims of Industry) и Институт директоров. Сюда же можно отнести специально созданную и финансируемую союзами предпринимателей погромную антикоммунистическую организацию «Служба промышленных исследований и информации» (Industrial Research and Information Services), составляющую черные списки прогрессивных организаций в Англии, засылающую платных шпионов и провокаторов в рабочие организации и т. п.

Тщетно пытаясь задержать распад Британской империи и сохранить свои позиции в бывших колониях и полуколониях, завоевавших политическую независимость, союзы предпринимателей создали для этого ряд пропагандистских организаций, например Ассоциацию имперской промышленности и Лигу Британской империи, официальная цель которой — «защита системы имперских предприятий и частного предпринимательства». Эти организации имеют свой парламентский комитет, который в 1951 г. состоял из 143 лордов и 250 членов палаты общин¹⁸, тесно связаны с Советом по делам Содружества, организованным, как указано в его рекламной листовке, консервативной партией в 1953 г. для «согласованного изучения положения дел в странах Содружества и колониях» в целях противодействия «увеличившейся активности в этой области недружественных держав и воинствующих левых организаций» (надо понимать — для борьбы с национально-освободительным движением. — *Авт.*)¹⁹.

Экономическая лига (The Economic League) была основана в 1919 г. группой крупных промышленников в целях борьбы с английским рабочим движением и идеями социализма и для систематической пропаганды буржуазно-апологетических взглядов по экономическим вопросам²⁰. В 1955 г. среди 40 директоров лиги и членов ее Большого совета насчитывалось 33 директора компаний, занимавших в общей сложности 229 постов, в том числе в 88 фирмах с суммарным акционерным капиталом свыше 560 млн. ф. ст.²¹

Экономическая лига особенно активизировала свою деятельность после прихода к власти в 1945 г. лейбористского правительства. За 10 лет ее масштабы выросли почти вдвое. Только в 1956 г. расходы лиги составили 180 тыс. ф. ст. Ее штатный персонал, превысивший 200 чел., организовал за год 18 тыс. летучих митингов у заводских ворот, распространил более 20 млн.

¹⁸ «Empire Industries League and British Empire League Annual Report. 1952».

¹⁹ «The Conservative Commonwealth Council». London, 1958.

²⁰ На жаргоне буржуазных политиков цели Экономической лиги демагогически рекламировались как «разоблачение подрывных элементов и борьба с ними, ведение систематического разъяснения элементарных экономических фактов» («The Economic League. 37-th Annual Review», 1956, p. 1.).

²¹ «What is Economic League». Labour Research Department. London, 1955, p. 3.

листовок²². Штаб-квартира лиги в Лондоне, превратившаяся по сути дела в филиал консервативной партии, имеет четыре отдела: экономической пропаганды, по связи с прессой, с государственными учреждениями и с парламентом. Располагая парком автомашин, лекторским бюро и передвижными кинопередвижками, лига ведет пропаганду классового сотрудничества и «народного капитализма», восхваляет мнимые «достижения» свободного предпринимательства, ведет борьбу против экономических требований рабочего класса, пытается всячески дискредитировать идею национализации и работу национализированных отраслей, особенно транспорта и угольной промышленности.

Организация «Цели промышленности», созданная в 1942 г. и имеющая задачи те же, что и Экономическая лига, специализировалась на платном проведении по заказу предпринимательских союзов пропагандистских кампаний для оказания давления на правительство и парламент. Этим же занимается созданная в 1957 г. ее дочерняя компания «Паблик рилейшнс (индастриэл) лимитед». Ежегодный бюджет этой организации в 1956 г. достиг 150 тыс. ф. ст.²³

Институт директоров, помимо осуществления функций группы давления, ведет систематическую пропаганду под лозунгом «Кампания за свободное предпринимательство», инспирируемую и оплачиваемую крупнейшими предпринимательскими объединениями Англии.

Основной объект злобных пропагандистских кампаний, проводимых перечисленными организациями, — национализация. Пропаганда резко усиливается во время предвыборных кампаний, причем на вооружение берется весь арсенал средств американских специалистов по рекламе. Перед самыми парламентскими выборами 1959 г. спешный опрос, проведенный английским филиалом американского Института Гэллопа с целью мобилизовать общественное мнение против планов ренационализации сталелитейной промышленности, обошелся 200 английским монополиям в 700 тыс. ф. ст., а всего организации большого бизнеса затратили на антинационализаторскую кампанию только за период с октября 1958 г. по октябрь 1959 г. 1435 тыс. ф. ст.

Чем больше устраиваются классовые противоречия в стране и подрываются устои британского империализма, тем большие усилия затрачивают объединения предпринимателей, чтобы приукрасить его в глазах широких слоев в Англии и за рубежом. Только за последние пять лет в Англии созданы: пропагандистская организация «Операция: Великобритания» для рекламы достижений английской промышленности, а также Совет по распространению владения акциями — для пропаганды и практи-

²² A. Potter. Op. cit., p. 147, 150; S. E. Finner. Anonymous Empire, p. 78.

²³ A. Potter. Op. cit., p. 165; S. E. Finner. Anonymous Empire, p. 79.

ческого внедрения идей «народного капитализма» и «демократизации» владения акциями — под председательством Мориса Макмиллана, сына бывшего английского премьер-министра²⁴.

Для того чтобы создать иллюзию «массового давления» на парламент, союзы предпринимателей не ограничиваются дорогостоящими инсценировками опроса общественного мнения и шумными пропагандистскими кампаниями²⁵. Они организуют бомбардировку членов парламента многочисленными письмами, телеграммами, петициями, и т. п.

В тех случаях, когда предпринимательским объединениям не удавалось добиться от правительства выполнения своей воли обычными для них методами давления, они прибегали к саботажу или шантажу.

Монополистические объединения, вопреки клятвенным заверениям, что они находятся «вне политики», прочно связали свою судьбу с консервативной партией. Они делают щедрые взносы в ее кассу, стараются выдвинуть своих представителей в качестве консервативных кандидатов в парламент, предоставляют во время предвыборных кампаний автомобили, помещения, оборудование и рекламные средства в распоряжение агентов консервативной партии.

Естественно поэтому, что центральное правление консервативной партии консультируется с монополистическими организациями и включает их основные требования в свои программные документы, а после прихода к власти «обеспечивает, чтобы эти обещания были претворены в законы»²⁶. Выступая в роли исполнителя воли предпринимательских организаций, консервативная партия старается примирить конфликты, возникающие между последними (как это и было, например, при принятии закона 1956 г. о соглашениях, ограничивающих свободу промысла) в пользу сильнейших.

Предпринимательские организации, впрочем, часто прибегают и к услугам лейбористских министров и членов парламента. Инициативу в этом проявил Национальный союз фермеров (НСФ), который до второй мировой войны тратил свой большой политический фонд исключительно на поддержку консервативной партии²⁷. С 1944 г. он поддерживает постоянные связи с обеими партиями через их парламентские комитеты по вопросам сельского хозяйства. Примеру НСФ последовала Национальная федерация фабрикантов стекла, в парламентскую группу которой

²⁴ A. Potter. Op. cit., p. 150; «Daily Worker», 5.VI 1962.

²⁵ В Англии издается даже специальный журнал, посвященный технике этого дела, под названием «Public Opinion Quarterly».

²⁶ S. E. Finer. Anonymous Empire, p. 51.

²⁷ В 1952 г. политический фонд НСФ, находившийся в распоряжении его парламентского комитета, превышал 78 тыс. ф. ст. («National Farmers Union Yearbook, 1953», p. 195).

входят депутаты парламента и от консерваторов, и от лейбористов.

Опыт пребывания лейбористов у власти в 1945—1951 гг. показал, что процесс сращивания монополистических союзов с государственным аппаратом в своих существенных чертах протекал в эти годы так же, как и при консерваторах. Например, в 1947 г. 87 чиновников только Федерации британской промышленности представляли интересы крупного капитала в 10 важнейших министерствах и ведомствах Англии и в 37 правительственных комитетах²⁸. В частности, большинство консультантов и директоров отраслевых управлений министерства продовольствия были ставленниками большого бизнеса, получавшими вознаграждение за свою работу не от государства, а от своих фирм и ассоциаций предпринимателей²⁹. И, следовательно, министр-лейборист, принимая формальное решение, подготовленное для него чиновниками министерства, фактически следовал советам, исходившим от монополистических организаций. Достаточно сказать, что главным советником по вопросам промышленности министерства промышленности и торговли (Board of Trade) был председатель Британской федерации фабрикантов искусственного шелка. Важнейшим бюро по первоочередному распределению стали для нужд военного производства при министерстве снабжения руководил директор Федерации железа и стали, а распределением цветных металлов — персонал Федерации цветных металлов.

Это далеко не исчерпывающие примеры, так как «в дополнение к проводившемуся им поощрению создания торгово-промышленных ассоциаций в качестве „координирующих“ („umbrella“) или централизованных органов для формулирования политики правительства в данной отрасли промышленности, лейбористское правительство часто делегировало таким ассоциациям полномочия по осуществлению функций государственного контроля»³⁰.

²⁸ A. Rogow, P. Shore. *Op. cit.*, p. 191.

²⁹ Только крупнейшая монополия английской пищевой и химической промышленности «Юнилевер» имела в этом министерстве 90 своих представителей, из них 12 занимали посты директоров отделов и управлений.

³⁰ A. Rogow, P. Shore. *Op. cit.*, p. 63.

Глава V

Буржуазное государство и тред-юнионы

Англия — родина профсоюзного движения. Тред-юнионы играют важную роль в ее экономической и политической жизни. Как организации, созданные рабочим классом для защиты своих экономических интересов и демократических прав, они возникли еще в XVIII в. В период общего кризиса капитализма, особенно после второй мировой войны, тред-юнионы значительно выросли и представляют сейчас наиболее массовые организации английских трудящихся и «решающую силу в лейбористской партии»¹. В 1963 г. они объединяли примерно $\frac{2}{5}$ рабочих и служащих (в 1938 г. — $\frac{1}{3}$).

В противовес росту государственно-монополистического капитализма в Англии все ярче проявляется прогрессивная тенденция к укреплению организационного единства профдвижения путем слияния профсоюзов в крупные организации общего и производственного типа². За период 1938—1962 гг. число профсоюзов в Англии сократилось с 1024 до 635, тогда как общая численность их членов возросла с 6,1 до 9,9 млн. человек. В то же время все еще не преодолена цеховая замкнутость и раздробленность профсоюзов. Многие из них малочисленны; например, 334 тред-юниона цехового типа имеют каждый менее 1 тыс. членов, в то время как $\frac{2}{3}$ всех членов союза объединены в 17 тред-юнионах³.

Преодолению цеховой раздробленности в английском профдвижении способствует усилившееся за последние годы развитие организаций, координирующих деятельность различных союзов в одной отрасли в их переговорах с предпринимателями. Самое

¹ «Путь Британии к социализму». В кн.: «XXV (Чрезвычайный) съезд Коммунистической партии Великобритании». М., 1958, стр. 185.

² Английские тред-юнионы делятся на цеховые, производственные (отраслевые) и общие (межотраслевые) в зависимости от того, объединяют ли они группы квалифицированных рабочих одной профессии (независимо от места их работы) или же квалифицированных и неквалифицированных рабочих и служащих (независимо от специальности), работающих в одной или нескольких отраслях. Однако ни один из английских тред-юнионов не объединяет всех рабочих на одном и том же предприятии.

³ «Ministry of Labour Gazette», December, 1962.

крупное и важное из этих объединений — Конфедерация профсоюзов машиностроения и судостроения, охватывающая около 3 млн. рабочих в 39 профсоюзах ⁴.

Поскольку низовые организации тред-юнионов объединяют членов союза не по предприятиям, а по признаку их работы на территории данного муниципалитета, большое значение для сплочения рабочих против капиталистов непосредственно на заводах приобретает деятельность цеховых старост (шоп-стюардов), избираемых из своей среды рабочими и членами одного профсоюза в данном цехе ⁵.

Большое значение в борьбе за демократизацию английского профсоюзного движения после войны получили профсоветы (Trade councils), призванные координировать деятельность комитетов фабрично-заводских старост и местных отделений профсоюзов в одном городе или районе. Профсоветы (их в Великобритании в 1959 г. насчитывалось более 500) объединены в 22 федерации ⁶. Кроме того, имеется 12 региональных совещательных комитетов Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), из выборных освобожденных работников профсоюзов. Для каждого тред-юниона высшим органом являются национальные конференции, которые проводятся ежегодно или один раз в два года и избирают главный руководящий орган союза — его исполнительный комитет ⁷.

Главный штаб профессионального движения Англии — Британский конгресс тред-юнионов (Trades Union Congress), объединяющий около 86% всех членов английских профсоюзов ⁸. Собственно БКТ — это конгресс делегатов, ежегодно собирающийся для обсуждения доклада генерального совета и резолюций, выдвигаемых отдельными тред-юнионами, а также для выборов генерального совета, который представляет БКТ между конгрессами.

Генеральный совет избирается конгрессом на срок в один год и состоит из 35 членов. Председательствует на заседаниях конгресса председатель генсовета, избираемый его членами на один год и направляющий обсуждение по пути, угодному правому руководству конгресса.

Обязанности главного руководителя генсовета и БКТ выполняет генеральный секретарь. Он избирается конгрессом и зани-

⁴ M. S h a n k s. The Stagnant Society. London, 1961, p. 136.

⁵ Как правило, на заводах существует по несколько комитетов, объединяющих цеховых старост, принадлежащих к одному профсоюзу, а также объединенные комитеты, в которые входят шоп-стюарды разных профсоюзов.

⁶ «The Trade Union Situation in the United Kingdom». Geneva, 1961, p. 45.

⁷ У крупных профсоюзов имеются также районные, окружные и областные комитеты или советы.

⁸ В конце 1962 г. БКТ входило 176 организаций, из которых 12 представляют собой федерации примерно 185 отдельных союзов, так что БКТ объединяет около 350 профсоюзов с общим числом членов 8,3 млн. человек.

мает свой пост пожизненно, его удельный вес в политической жизни Англии гораздо больший, чем его формальные полномочия.

Профсоюзное движение Англии до сих пор находится в значительной мере под влиянием правых профсоюзных лидеров, представляющих взгляды рабочей аристократии и ревниво охраняющих свое руководящее положение в тред-юнионах. Профсоюзную верхушку в Англии составляют генеральные секретари тред-юнионов, председатели федераций, члены генсовета БКТ. Генеральные секретари имеют в своем распоряжении все материальные ресурсы союза. В большей части союзов они остаются на своем посту пожизненно, как и многие из их ближайших помощников, что при большой пассивности рядовых членов профсоюза открывает профлидерам возможности для многих злоупотреблений и нарушений профсоюзной демократии.

Делегатов на конгрессы Британского конгресса тред-юнионов и конференции лейбористской партии члены профсоюза не посылают: их просто назначают центральные органы из числа тех же лидеров. Поскольку генеральные секретари голосуют по мандату за весь членский состав своего союза, то на конгрессе и в генеральном совете БКТ наибольшее влияние имеют лидеры «большой семерки» входящих в него профсоюзов.

Тыс. человек
(в 1960 г.)

Союз транспортных и неквалифицированных рабочих	1302
Объединенный союз машиностроителей . . .	973
Национальный союз чернорабочих и коммунальщиков	796
Национальный союз горняков	586
Союз работников торговли, распределительной сети и смежных профессий	355
Национальный союз железнодорожников	334
Союз электриков	243

Выступая якобы от имени миллионов членов тред-юнионов, эти лидеры фактически определяют весь состав генсовета, так же как в значительной степени и состав исполкома лейбористской партии, проваливая негодные им кандидатуры, зачастую вопреки воле организованных рабочих.

Буржуазные государствоведы Англии, чтобы замаскировать антинародный характер деятельности союзов предпринимателей и изобразить империалистическое государство в несвойственной ему роли беспристрастного арбитра, пытаются представить профсоюзы как «группы давления», якобы равные по значению и силе союзам предпринимателей или даже превосходящие их. Действительно, БКТ, а точнее его генсовет, — главный штаб британского тред-юнионизма и основной канал в его взаимоотношениях с правительством и монополиями. Однако возглавляют его правые деятели, которые преданы капитализму, воспитаны

в духе буржуазной идеологии и политики. За заслуги перед правящими кругами они вознаграждены чинами и орденами, многим присвоены дворянские титулы. Помимо профсоюзных окладов они получают солидные гонорары и подачки, исчисляемые несколькими тысячами фунтов стерлингов в год. Многие из них нажили значительный капитал, заняли важные правительственные посты или стали акционерами и директорами монополий, как, например, бывший профсоюзный чиновник, ныне лорд Вествуд,— директор 26 компаний, или его коллега А. Робенс, продвинувшийся по той же стезе до поста министра труда в послевоенном лейбористском правительстве с окладом 5000 ф. ст. в год, а три правления консерваторов ставший в 1961 г. лордом Робенсом и руководителем Национального управления угольной промышленности с окладом 10 000 ф. ст.

Неудивительно, что правые лидеры тред-юнионов сотрудничают с буржуазным государством и монополиями. Даже выступая под нажимом масс время от времени с требованиями, идущими вразрез с интересами своих хозяев, или же организуя забастовки, они видят свою задачу в том, чтобы смягчить остроту и уменьшить размах классовых конфликтов, пойти на выгодный для монополий компромисс.

После прихода к власти в 1951 г. правительства консерваторов генсовет БКТ во главе с А. Дикином и А. Тьюсоном заявил о политике «дружественного сотрудничества» с ними. «Мы не ведем классовой борьбы»,— заявил в 1953 г. А. Дикин, бывший тогда генеральным секретарем профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, и... принял пост тайного советника правительства по трудовым вопросам. Примеры такого рода можно приводить без конца.

По признанию обозревателя газеты «Таймс» по рабочим вопросам Э. Вигэма, «в целом отношения БКТ с консервативными правительствами были менее трудными, чем с лейбористскими»⁹.

Политика правых профсоюзных лидеров приводит к подчинению профсоюзов буржуазному государству, облегчает осуществление одной из главных целей политики этого государства — превращение аппарата профсоюзов в придаток к аппарату государства и монополий. Этот процесс усилился в годы второй мировой войны и после нее в связи с весьма активным и небывало широким вмешательством государственных органов в экономическую жизнь вообще, в отношения между трудом и капиталом, в частности. В связи с этим к 1950-м годам английские тред-юнионы, по признанию буржуазных авторов, «стали составной частью государственного механизма... а между тем некогда

⁹ E. Wigham, What's Wrong With the Unions. London, 1961, p. 262.

они представляли собой силу, находившуюся вне государства и в известном смысле ему противостоящую»¹⁰.

Хотя официально генсовет «руководит, но не имеет права командовать»¹¹, на самом деле его заправилы контролируют как внутрисоюзную политику тред-юнионов, так и их отношения между собой, с государственным аппаратом и монополистическими кругами, с другими организациями рабочего класса в Англии и за ее пределами. Для этого они используют постоянный административный аппарат БКТ, который, как и сам генсовет, подразделен на 10 функциональных отделов, 10 специальных рабочих подкомитетов из членов генсовета. Кроме того, весь состав генсовета разбит на 5 постоянных групповых комитетов, за каждым из которых закреплено по несколько из 18 групп профсоюзов, входящих в БКТ. Этой же цели служат более десятка объединенных совещательных и консультативных комитетов (по делам женщин, профсоветов, советов по заработной плате, по науке, колониям и др.). В последних наряду с членами генсовета участвуют также представители тред-юнионов и предпринимателей и эксперты. О деятельности этих комитетов генсовет отчитывается перед конгрессом.

Однако основная кухня, где стряпается тред-юнионистская политика сотрудничества лидеров БКТ с правящими кругами Англии, сосредоточена в многочисленных совещательных и консультативных комитетах, советах и комиссиях при правительственных учреждениях. Приглашая все чаще правых лидеров БКТ и их помощников на заседания этих органов совместно с представителями государственного аппарата и союзов предпринимателей, правящие круги Англии стремятся максимально приспособить политику тред-юнионов к задачам тесного сотрудничества с монополиями по важнейшим вопросам производительности труда, заработной платы, рабочей силы и занятости, цен, социального страхования и других социальных услуг, внутренней и внешней политики.

Институт директоров, подчеркивая «крепость связей между правительством и тред-юнионами», рекламировал как показатель якобы улучшения классовых отношений в промышленности тот факт, что сейчас БКТ представлен в более чем 100 правительственных и полуправительственных органах, по сравнению с 45 до второй мировой войны¹².

Генеральный секретарь компартии Великобритании Джон Голлан указывал, что число общенациональных и областных комитетов, через которые профсоюзы связаны с нанимателями и государством, достигает 250, так что, состоя одновременно

¹⁰ «Marxism Today», December 1961, p. 369.

¹¹ «Британский тред-юнионизм», Профиздат, 1956, стр. 141.

¹² «Understanding Labour Relations». London, 1958, p. 7.

в 5—9 официальных комитетах, «некоторые из высших профсоюзных чиновников проводят большую часть времени на заседаниях в таких комитетах»¹³.

По самым скромным подсчетам, общее число консультативных органов при правительстве и местных органах управления, в которых принимают участие профсоюзные деятели Англии различного ранга, превысило 7 1/4 тыс., а число представителей профсоюзов в них составило более 22 тыс. человек¹⁴.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, как далеко в современной Англии зашла тенденция к включению trade-unionism в государственный механизм. «Консультативные органы» с участием их лидеров заняли прочное место в системе диктатуры английских монополий. Об этом свидетельствуют не только их количество и состав, в котором численно преобладают представители монополий, но и те рекомендации, которые даются этими органами правительству в качестве мер для сохранения и упрочения позиций монополистического капитала.

Возьмем к примеру созданный в начале 1962 г. так называемый Национальный совет экономического развития (National Economic Development Council) — НСЭР, орган, призванный координировать действия государства, монополий и правых лидеров профсоюзов в целях еще более решительного наступления на жизненный уровень английских трудящихся. В НСЭР шесть членов генсовета БКТ заседают бок о бок с прямыми ставленниками финансовой олигархии Англии.

Председатель НСЭР — министр финансов Реджинальд Модлинг (директор крупных промышленных компаний). Кроме него в НСЭР входят еще два члена кабинета: министр труда Дж. Хэйр (отпрыск влиятельнейших аристократических семейств) и министр торговли Ф. Эррол (директор десятка золотопромышленных, металлургических, электротехнических, строительных, лесоторговых и других монополий).

Среди финансовых магнатов, назначенных в НСЭР правительством, находятся президент ФБП, вице-председатель ниточного треста «Инглиш Сьюинг Котн Компани» Харрисон и пятеро других промышленных магнатов; руководители двух крупнейших национализированных отраслей (угольной промышленностью и транспорта), бывший председатель «Ллойдс банка» — одного из банков «большой пятерки», бывший посол Англии в Вашингтоне сэр Оливер Фрэнк, ныне профессор экономики в Оксфорде, и профессор Фелпс Браун, член пресловутого комитета

¹³ Дж. Голлан. Политическая система Великобритании. ИЛ, 1955, стр. 133—134.

¹⁴ Подсчитано автором на основании: «Trade Unions and Government Authorities». London, 1955, p. 40; «Britain. An Official Handbook», 1956 Edition. London, HMSO, 1956. p. 477

«трех мудрецов», ведающего вопросами цен, производительности и доходов¹⁵.

Во главе аппарата НСЭР поставлен сэр Роберт Шоун — руководящий деятель Британской Федерации железа и стали с 1936 г., бывший ее директором в 1950—1953 гг., а затем занимавший аналогичный пост в государственно-монополистическом управлении железа и стали.

Под нажимом правых лидеров генсовет БКТ (большинством в 21 голос против 9) принял решение о вступлении в НСЭР, выделив в его состав шесть человек во главе с генеральным секретарем БКТ Вудкоком, лицемерно заявившим, что целью НСЭР якобы являются «коллективные усилия для достижения более быстрого прогресса в рамках полной занятости и повышения уровня жизни»¹⁶. Рядом с Вудкоком свои места в НСЭР заняли активный сторонник «новой экономической политики» Г. Дуглас — генеральный секретарь Конфедерации рабочих сталелитейной и железододелательной промышленности, ярый католический деятель В. Кэррон — президент объединенного союза машиностроителей, превозносимый английской буржуазной прессой в качестве «преданнейшего антикоммунистического лидера»¹⁷. К ним примыкают генеральные секретари тред-юнионов: Р. Смит (Союз почтовых работников), С. Грин (Национальный союз железнодорожников), лишь Ф. Казенс — генеральный секретарь Союза транспортных и неквалифицированных рабочих представляет в НСЭР левое крыло БКТ.

Получив согласие руководителей Британского конгресса тред-юнионов на участие в новом совете, правительство Макмиллана опубликовало Белую книгу «Политика в области доходов»¹⁸, в которой взамен отмененной с 1 апреля 1962 г. «паузы в повышении зарплаты» провозгласило по сути дела дальнейшее ее замораживание, поскольку при повышении стоимости жизни за последние два года на 9% дальнейшее повышение ее ограничивается 2—2,5%-ным лимитом, а на ряд отраслей отмена «паузы» вовсе не распространяется.

Поскольку рекомендации консультативных органов принимаются правительством лишь в том случае, если они не противоречат интересам монополий, то ясно, что главная цель таких органов — отвлечь трудящиеся массы от борьбы за свои кровные интересы и создать в глазах простых людей Англии видимость демократии, поддержать иллюзию, будто они сами через своих представителей принимают участие в решении государственными органами вопросов, ущемляющих их же кровные интересы.

¹⁵ P. Kerregan. *More for Engineers*. London, 1961, p. 8; Abe Moffat. *Smash the Pay Pause*. London, 1961, p. 7.

¹⁶ «Daily Worker», 25.I 1962.

¹⁷ «Understanding Labour Relations», p. 10.

¹⁸ «Incomes Policy. The Next Step». Cmnd. 1926. London, February 1962.

Специфическое значение правых профсоюзных лидеров в системе диктатуры английских монополий определяется не только их прямым сотрудничеством с капиталистическим государством, но также и той важной ролью, которую они играют в английской двухпартийной системе. Дело в том, что приспособление монополистическим капиталом партии лейбористов к роли своего альтернативного политического орудия обусловлено главным образом ее органической связью с тред-юнионами. Последним принадлежит решающий голос в делах лейбористской партии, поскольку миллионы членов профсоюзов (58% их состава в 1959 г.) одновременно состоят в ней в силу правила о коллективном членстве.

Профсоюзные лидеры используют в качестве средства влияния на партию голоса членов профсоюза при голосовании по мандатам, а также значительные финансовые средства, составляемые из профсоюзных и политических взносов, плюс взносы в избирательные фонды партии при выборах в парламент.

Связь между лейбористской партией и тред-юнионами осуществляется, как уже говорилось, по линии единых партийно-профсоюзных советов, избираемых их местными организациями, а главное связующее звено между генсоветом БКТ и партией — Национальный совет труда. Кроме того, большинство членов лейбористской парламентской группы являются членами профсоюза и входят в регулярно собирающуюся профсоюзную группу, руководимую генсоветом БКТ.

Крупнейшие профсоюзы оплачивают расходы по выборам в парламент и по парламентской деятельности значительного числа кандидатов от лейбористской партии.

Таким образом, в существующих условиях характер и политика руководителей как лейбористской партии в целом, так и ее местных организаций и парламентской группы в конечном счете определяются политической линией вожakov крупнейших английских тред-юнионов.

Лидеры тред-юнионистов активно участвуют в антикоммунистической кампании. Дрожа за свое руководящее положение в тред-юнионах, они оказывают поддержку антикоммунистической организации «Ирис», возглавляемой бывшим председателем БКТ Дж. Таннером¹⁹. После войны активизировали свою деятельность в профсоюзах антикоммунистические организации «Ассоциация католиков — членов тред-юнионов», «Моральное перевооружение», «Общая цель» и др. Более того, генсовет БКТ издал циркуляр, запрещающий избирать коммунистов на руководящие посты в тред-юнионах и профсоветах, посылать их в качестве делегатов на конгрессы БКТ²⁰. В 1961 г. из состава БКТ

¹⁹ «The Financial Times», 9.XI 1956.

²⁰ J. Gardner. Key Questions for Trade Unionist. London, 1960, p. 45.

был исключен прогрессивный союз электриков, руководящие посты в котором занимали коммунисты, а потом путем бешеной травли и клеветнической кампании правые лидеры добились устранения коммунистов с этих постов.

Смыкаясь с капиталистами в требовании «мира в промышленности», правые лидеры тред-юнионов ведут ожесточенную борьбу с так называемыми неофициальными и партизанскими забастовками и вообще саботируют стачечную борьбу английских рабочих. Удельный вес расходов на оказание помощи бастующим в общей сумме активов английских тред-юнионов за период 1936—1959 гг. практически остался на одном уровне (2,9—3,1 %), хотя масштабы стачечной борьбы возросли за это время в 2—3 раза. В то же время расходы на содержание чиновничье-бюрократической верхушки возросли с 41,2 до 51 % общей суммы текущих расходов²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активизация анимонополистических сил в Англии и борьба за их объединение

Развитие политической организации общества в современной Англии характеризуется двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, усилением реакционной антинародной политики монополистического капитала и ликвидации демократии, а, с другой — сплочением левых сил, борющихся за мир, национальную независимость, за расширение демократии и социальный прогресс. Идейный, политический и организационный центр этой борьбы — Коммунистическая партия Великобритании, руководствующаяся принципом, что общедемократическая борьба не отдаляет социалистическую революцию, а приближает ее. «Борьбу за демократию, — указывается в Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., — коммунисты рассматривают как составную часть борьбы за социализм»²². Английские коммунисты придают большое значение тому, что в процессе борьбы за сохранение и расширение демократии развенчиваются праволейбористские, реформистские иллюзии, углубляется кризис буржуазных политических партий — этой важнейшей составной части механизма диктатуры монополистического капитала Англии.

Коммунистическая партия Великобритании, основанная в первые годы общего кризиса капитализма, является единственной партией английского рабочего класса, ставящей своей целью ре-

²¹ Б. Ф. Пичугин. Британские тред-юнионы после второй мировой войны (1945—1956 гг.). Соцэкгиз, 1958, стр. 83; «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 5, стр. 156.

²² «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Госполитиздат, 1961, стр. 72.

волюционное завоевание диктатуры рабочего класса, борьбу за социализм и коммунизм. Вооруженная теорией и практикой марксизма-ленинизма, свободная от оппортунизма, построенная на началах демократического централизма, спаянная единством воли, действия и дисциплины, Коммунистическая партия Великобритании, покончившая к 1957 г. с элементами ревизионизма и догматизма, находится в авангарде борьбы английских трудящихся. Быстрый рост ее рядов — важное явление в политической жизни современной Англии. В 1959 г. темпы роста числа членов компартии составляли 1,9%; в 1960 г. — 2,5, в 1961 г. — 5,7 и в 1962 г. — 10,5% ²³. Численность партии к ее XXVIII съезду (апрель 1963 г.) достигла 34,4 тыс. человек.

Коммунистическая партия Великобритании еще не стала массовой партией, но такую задачу поставил перед ней XXVII съезд. Было бы неверным приуменьшать растущее политическое и организационное влияние, которое компартия оказывает на широкие массы страны в основном через рабочие профсоюзные организации, особенно через те, во главе которых на выборах постах стоят коммунисты.

XXVII съезд Коммунистической партии Великобритании (1961 г.) отметил дальнейшее углубление конфликта между правящей монополистической верхушкой и английским народом, в результате чего создались условия для развертывания массовых общедемократических антиимпериалистических движений, объединяющих различные классы и слои населения. «Задача, стоящая сейчас перед нами, — подчеркивается в политической резолюции съезда, — заключается в объединении всех слоев рабочего класса и его союзников среди мелкой буржуазии и интеллигенции и всех сторонников мира, чтобы довести борьбу до еще более высокого этапа и добиться решающих изменений в политике» ²⁴.

Требования об изменении внутренней и внешней политики Англии раздаются прежде всего в рядах организованного рабочего движения, выступающего все решительнее против стоящего у власти реакционного консервативного правительства. Рабочий класс Англии выступает тем самым и против раскольнических действий и саботажа правых лейбористских и профсоюзных лидеров, мешающих рабочему движению развернуться в полную силу.

Во все возрастающей степени усиливается в Англии действие факторов, способствующих росту антиимпериалистического движения среди большинства населения. Особенно важную роль в этом отношении играют две проблемы, которые сегодня больше

²³ J. Gollan. New Political Development. «Marxism Today», May 1962, p. 141.

²⁴ «XXVII Национальный съезд Коммунистической партии Великобритании (Лондон, 30 марта — 3 апреля 1961 года)». М., 1961, стр. 77.

всего волнуют английских трудящихся. Во-первых, сохранение материальных условий своего существования, завоеванных годами упорной борьбы против монополий и повышение жизненного уровня и, во-вторых, устранение опасности термоядерной войны, нависающей над английским народом на протяжении последних лет.

«Развернутое наступление монополий на заработную плату и жизненный уровень трудящихся,— указывает Дж. Голлан,— вызывает такое обострение классовой борьбы, что возникает новая политическая обстановка, одним из элементов которой является кризис социал-демократии, имеющий далеко идущие последствия»²⁵.

Правым лидерам лейбористской партии и тред-юнионов не удалось заглушить недовольство рабочих и служащих, парализовать их возрастающую классовую активность. Главные усилия рабочего класса были направлены на срыв послевоенной правительственной политики «замораживания» заработной платы, первый решительный удар которой был нанесен в 1956—1957 гг. В эти и последующие годы происходит значительное усиление массовой борьбы различных слоев и групп трудящихся: пенсионеров — за повышение пенсий; квартиросъемщиков — против повышения квартплаты; широкой общественности — за мир, против испытаний и за запрещение ядерного оружия, против политики НАТО, против иностранных военных баз в Англии и т. д.

С 1958 г. в борьбу за мир, преодолевая сопротивление правых оппортунистов, начинают включаться массовые рабочие организации. В дополнение к созданному в 1950 г. Английскому комитету в защиту мира в стране появились новые антимилитаристские организации, такие, как «Движение за ядерное разоружение» (ДЯР), возникшее в начале 1958 г. по инициативе группы видных деятелей культуры, «Комитет 100», возглавляемый английским философом лордом Б. Расселом и каноником собора Св. Павла в Лондоне Коллинзом. В 1958—1962 гг. к ДЯР постепенно примыкает все больше левых профсоюзных и лейбористских деятелей: членов парламента, генеральных секретарей профсоюзов (Ф. Казенс, Р. Уиллис и другие), руководителей местных организаций лейбористской партии.

В 1961—1962 гг. в связи с введением «паузы в повышении заработной платы» резко расширилось участие в забастовочном движении государственных и банковских служащих, учителей, словом, тех слоев интеллигенции, которые раньше стояли в стороне²⁶. Мас-

²⁵ Дж. Г о л л а н. Программа КПСС и перспективы капитализма в Англии. «Проблемы мира и социализма», 1962, № 5, стр. 7.

²⁶ Число бастовавших служащих увеличилось (в тыс. человек) с 4,5 в 1960 г. до 39,2 в 1961 г. и более 250 только в январе 1962 г. («Мировая экономика и международные отношения», 1962, № 6, стр. 77).

совые однодневные забастовки машиностроителей и судостроителей 5 февраля и 5 марта 1962 г. не имели себе равных со времени всеобщей стачки 1926 г. В результате активной борьбы 2,5 млн. трудящихся добились повышения заработной платы в период «паузы», нанеся тем самым чувствительный удар экономической политике монополистической буржуазии. Вступая при этом в прямое столкновение с аппаратом буржуазного государства, забастовочное движение в Англии все больше приобретает политическую окраску и углубляет разрыв между рядовыми членами английского рабочего движения и его правыми лидерами.

С середины 1950-х годов в лейбористской партии и в БКТ стало складываться довольно значительное и стабильное левое меньшинство, отражающее настроение масс. Слабость левого крыла лейбористского движения заключается в его организационной раздробленности, в отсутствии четкого классового понимания коренных проблем английского рабочего движения, и в живучести среди части левых антикоммунистических и антисоветских настроений. Однако деятельность семи-восьми левых членов генсовета БКТ, а также группы «За победу социализма» среди парламентской фракции лейбористов и левых групп «Призыв к единству» и «Движение конференции в Скарборо» — это факты, свидетельствующие о росте и кристаллизации антимонаполистических и антивоенных сил.

Правые лидеры впервые за все время существования лейбористской партии понесли прямое и открытое поражение в 1960 г. сначала на конгрессе тред-юнионов в Дугласе, а затем на конференции лейбористской партии в Скарборо, на которых были приняты резолюции, отвергающие основы внешней политики, базирующейся на НАТО и ядерном оружии, и поддерживающие принцип национализации. На прогрессивные силы в лейбористской партии и тред-юнионах после Скарборо обрушились ярые репрессии со стороны Гейтскелла и его сторонников при поддержке всего разветвленного аппарата буржуазной пропаганды по обе стороны Атлантического океана. Однако реванш, взятый правыми на конгрессах БКТ и конференциях лейбористской партии в 1961 г.²⁷ и в 1962 г., лишь серьезно затормозил, но не приостановил процесса полевения в английском рабочем движении. Еще более активизировались и стали более массовыми организации сторонников мира, представители которых приняли самое деятельное участие во Всемирном конгрессе 1962 г. сторонников мира в Москве. В 1962 г. резко усилилась борьба масс против активизации фашистских организаций Мосли и им подоб-

²⁷ На этих конференциях правым лидерам удалось протащить общее внешнеполитическое заявление, которое одобряет участие Англии в НАТО, существование на ее территории иностранных военных баз, не выдвигает никаких возражений против гонки вооружений.

ных. Эта борьба выражается в бурных уличных выступлениях, в создании в ряде городов антифашистских комитетов для сплочения всех демократических сил в борьбе против фашизма.

Экономическая и политическая обстановка, складывающаяся в Англии на современном этапе общего кризиса капитализма, открывает вполне реальные перспективы для достижения и укрепления единства в рабочем движении Англии путем завоевания левыми, всеми прогрессивными силами, большинства в рабочем движении. «...Наша цель,— заявил Дж. Голлан,— развитие сотрудничества левых сил с коммунистами в интересах установления союза, из которого правые силы будут устранены...»²⁸. Исторический ход событий подтверждает правильность подхода коммунистической партии, изложенного в ее программе «Путь Британии к социализму», к вопросу о силах, от единства действий которых зависит будущее страны. В программе говорится: «Имеющиеся силы, если они будут объединены и полны решимости, смогут обеспечить победу. Рабочие, занятые в промышленности и сельском хозяйстве, вместе со своими семьями составляют $\frac{2}{3}$ населения Британии... Подавляющее большинство конторских служащих, лиц свободных профессий, учителей, инженеров, техников и ученых, фермеров, живущих своим трудом, владельцев магазинов, ремесленников и мелких предпринимателей является жертвой внутренней и внешней реакционной политики крупных капиталистов-консерваторов.

Необходимо создать союз рабочего класса и этих слоев населения в борьбе за мир и социальный прогресс, в борьбе против всех попыток сохранить капитализм в ущерб национальным интересам. Такой союз, возглавляемый рабочим классом, явится важным условием создания подлинно социалистического правительства, способного построить социалистическую Британию»²⁹.

²⁸ Дж. Голлан. На пути к массовой партии. «Коммунист», 1962, № 7, стр. 82.

²⁹ «The British Road to Socialism». Published by the Communist Party. London. 1957, p. 17.

Раздел IV

ПАРТИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Глава I

Создание, особенности и кризис механизма политического господства французских монополий

1. Возникновение многопартийной системы

Глубокий упадок буржуазной демократии, усиление авторитарных тенденций — таковы характерные черты эволюции государственной надстройки современного капитализма на нынешнем третьем этапе его общего кризиса. Во Франции этот процесс принял особенно ярко выраженные формы: в 1958 г. на смену парламентской Четвертой республике, подточенной 12 годами колониальных войн и рухнувшей под ударами военно-фашистского путча в Алжире, пришел режим личной власти генерала де Голля — концентрированное выражение господства монополий над жизнью нации.

Крушение парламентского режима сопровождалось серьезным кризисом такой важной части прежнего политического механизма диктатуры французских монополий, как многопартийная система, которая постепенно складывалась на протяжении последней четверти XIX в. и окончательно выкристаллизовалась в период вступления Франции в эпоху империализма — на рубеже XX столетия.

Социально-экономическая структура Франции до сих пор отличается крайней неоднородностью, пестротой. Сдвиги в народном хозяйстве страны за последние десятилетия в сторону форсированной индустриализации не только не сгладили, но, напротив, значительно усугубили эту пестроту. Противоречия загнивающего капитализма как бы накладывались во Франции на исключительно устойчивые политические и идеологические конфликты, уходившие своими корнями в далекое прошлое, тесно переплетались с ними и делали их еще болезненнее. Исследователь истории французской партии радикалов Френсис де Тарр не без основания отмечал, что для крестьянства, мелкой буржуазии некоторых застойных, отсталых в экономическом отношении районов страны партийные конфликты и лозунги прошлого

звучат актуально по сей день попросту потому, что эти люди по образу жизни и мышления еще чувствуют себя в XIX в.¹

Под влиянием ряда объективных факторов (успешной борьбы абсолютной монархии против феодальной раздробленности, многочисленных войн и т. д.) во Франции на сравнительно ранних этапах исторического развития сложилась строжайше централизованная государственная машина. На протяжении полутора столетий борьба за контроль над ней сначала между феодальным дворянством и буржуазией, а затем между отдельными группами буржуазии не раз приобретала весьма острый характер.

Французский рабочий класс, прошедший суровую школу трех буржуазных революций, рано выступил на арену самостоятельной политической борьбы. Хотя наиболее развитой в промышленном отношении капиталистической страной Западной Европы в XIX в. была Англия, именно французский пролетариат впервые в истории человечества поднял знамя борьбы за власть и показал первый, еще несовершенный образец пролетарской диктатуры, а французский утопический социализм стал одним из трех основных источников марксизма. Именно поэтому Франция оказалась, по словам Энгельса, той страной, где «историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца», где «в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты»².

Относительно медленные темпы развития промышленного капитала во Франции (при стремительном росте ростовщического банковского капитала) вплоть до середины XX века сужали маневренные возможности господствующего класса перед лицом пролетариата. Самое демократичное в политике крыло французской буржуазии оставалось в области социальных отношений гораздо консервативнее буржуазии английской и даже германской. Упрямый отказ господствующего класса Франции от каких-либо социальных уступок толкал пролетариат на штурм твердынь буржуазного государства.

Буржуазия, воспользовавшаяся всеми плодами революции конца XVIII в., все более явно страшилась воспоминаний об ее грозном размахе. Значительная часть крупной буржуазии, напуганная призраком новой, социалистической революции, поспешила отречься от бунтарских «принципов 1789 года», от свободолюбия великих просветителей XVIII в., чтобы перейти на платформу откровенного католического мракобесия и военного деспотизма в союзе с помещичьим землевладением, офицерской кастой, духовенством.

¹ F. De Tarr. The French Radical Party from Herriot to Mendès-France. London, 1961, p. 14.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 258—259.

Вместе с тем высокий удельный вес всевозможных промежуточных прослоек, и в частности широких масс собственнического крестьянства, крайняя распыленность, неорганизованность, противоречивость интересов этих прослоек делали неизбежным появление сравнительно небольших центристских партий, так или иначе отражавших их интересы.

Пестрота классовой структуры усугублялась контрастами между уровнем хозяйственного развития отдельных районов Франции, где локальные политические традиции держались очень прочно. В ряде других капиталистических стран разнообразие местных условий не мешало формированию весьма ограниченного числа крупных общенациональных партий: развитие системы местного самоуправления (Англия) или наличие остатков федерализма (США, Германия, Швейцария) помогали решать некоторые второстепенные спорные вопросы на местах. Во Франции же буржуазная революция 1789 года вдребезги разбила старые перегородки между Парижем и провинцией, довела до предела начатую еще абсолютной монархией административную централизацию. Огромное значение Парижа как политического, культурного, торгово-промышленного сердца страны, важнейшего транспортного узла, к которому стекается густая сеть шоссейных, речных и железнодорожных коммуникаций, еще более укрепляло централизованную структуру французской администрации, которая побуждала локальные группировки буржуазии к самостоятельной защите своих интересов в столице и способствовала тем самым распылению партий.

Многopартийная система служила гибким инструментом раскола сил трудящихся и в то же время гарантией поддержания известного равновесия внутри господствующего класса путем постоянных компромиссов между различными его отрядами. В условиях многopартийности французская крупная буржуазия имела в своем распоряжении богатый выбор политических нюансов, сочетание которых позволяло ей наиболее эффективно отстаивать свои интересы при наличной расстановке классовых сил в стране.

Проблема взаимоотношений между монополиями и политическими партиями во Франции довольно сложна. Характерной чертой французской политической жизни в течение долгого времени было стремление непосредственных представителей финансовой олигархии избегать открытого выступления на арену партийно-парламентской борьбы. Ввиду явной непопулярности крупного капитала не только среди рабочих, но и в массах мелкой буржуазии города и деревни видные промышленники и банкиры довольно редко фигурировали в составе партийных групп парламента: как отмечал известный исследователь истории политических учений Тибоде, во Франции не может завоевать симпатий «та партия, которая написала бы на своем знамени лозунги защиты бан-

ковских процентов». После окончательной победы всеобщего избирательного права крупный капитал предпочитал обычно действовать через подставных лиц. Помимо этих соображений, монополии должны были считаться с исторически сложившейся многопартийной системой, требовавшей крайне гибкого «рассредоточения ставок» на самые различные группировки, чтобы любой исход игры парламентских комбинаций не мог заставить крупную буржуазию врасплох.

2. Партии в парламенте

В период формирования многопартийной системы отдельные фракции (группы) во французском парламенте были, как правило, очень слабо организованы. Господствовавшая в конце XIX в. в правящих кругах Франции концепция рассматривала каждого депутата как представителя не отдельного округа или партии, а всего избирательного корпуса в целом. Эта концепция отражала стремление крупной буржуазии по возможности избежать создания самостоятельного представительства демократических слоев мелкой буржуазии и тем более пролетариата.

В течение первого десятилетия существования Третьей республики группам депутатов даже официально запрещалось собираться на отдельные собрания в здании парламента и использовать его служебный аппарат для публикации решений этих собраний. Почти до первой мировой войны председатель палаты депутатов не разрешал ораторам выступать от имени их групп. Однако в силу необходимости он уже тогда должен был консультироваться с руководителями неофициальных групп при подготовке к формированию кабинетов. Многие буржуазные депутаты входили одновременно в несколько таких групп, стремясь расширить тем самым свои маневренные возможности. Границы между группами определялись фактически лишь во время голосования по наиболее острым политическим вопросам, в моменты вотирования доверия кабинету или его свержения.

Поворотным пунктом в развитии более или менее организованных фракций стал 1910 год, когда существование партийных групп было впервые закреплено в регламенте палаты депутатов: с этого момента специализированные комиссии парламента, которые прежде составлялись по жребию, стали образовываться путем более или менее пропорционального представительства политических партий, а каждый депутат получил право записываться одновременно только в одну группу. Представители групп делили отныне места слева направо (что всегда имело важное значение в предвыборной борьбе), а председатели наиболее крупных из них на совместном заседании определяли повестку дня соответствующей палаты.

Данные новшества были введены под давлением левой, представленной наиболее организованными по тому времени партиями — социалистами и радикалами. Поскольку членство и тем более председательское место в комиссиях (иностранных дел, финансов, общественных работ и т. д.) служили верными ступеньками к министерскому портфелю, число «неорганизованных» депутатов и сенаторов резко снизилось, а устойчивость групп в какой-то мере возросла, хотя и продолжала оставаться крайне относительной.

Второй поворот произошел в 1945 г., при создании Четвертой республики, в регламенте парламентских учреждений которой место партийных групп было определено гораздо более полно и четко: бюро Национального собрания образовывалось на основе пропорционального представительства групп, законодательная инициатива могла исходить от группы в целом, ораторы в больших дебатах могли получить слово практически только через группу и т. д. Это соответствовало общей тенденции к укреплению внутренней структуры крупных политических партий.

Под влиянием таких сдвигов большинство партийных групп в парламенте утратило былую эфемерность. Наиболее крупные из них располагали, помимо общего служебного аппарата парламента, собственным секретариатом, содержавшимся за счет определенных взносов из парламентского вознаграждения членов. Группы чаще и регулярнее собирались для обсуждения текущих дел, выработки тактической линии, члены аналогичных фракций обеих палат создавали специализированные комитеты по изучению отдельных проблем (у социалистов в них участвовали также внепарламентские функционеры) и т. д.

Тем не менее дисциплина внутри отдельных групп французских буржуазных и реформистских партий (прежде всего дисциплина голосования), а также их организованность не могут идти ни в какое сравнение с положением, существующим в странах с двухпартийной системой.

Тот факт, что любое правительственное большинство по необходимости всегда было коалиционным, а его судьба зависела порой от нескольких «текущих» голосов, создавал для отдельных депутатов весьма благоприятную возможность торговать своей позицией вопреки директивам партийного и фракционного руководства. Чем прочнее были «корни» депутата в его округе, тем меньше он считался с партийной верхушкой. Поскольку во главе французских буржуазных партий, как правило, стоял не один, а несколько лидеров, их соперничество постоянно подтачивало внутреннюю сплоченность парламентской группы. Неудивительно, что председателем парламентской группы являлся обычно не фактический ее руководитель, а один из сравнительно второстепенных деятелей, наиболее подходящий по своим данным для

нахождения гибких компромиссов между враждебными тенденциями среди депутатов с одинаковой партийной этикеткой.

Хотя на заседаниях групп или на сессиях соответствующих органов буржуазных партий нередко принимались грозные резолюции о строгом соблюдении дисциплины голосования по тому или иному вопросу с угрозами санкций по адресу нарушителей, эти решения систематически попирались. В конечном счете степень монолитности той или иной парламентской группы зависела от ее взаимоотношений с внепарламентским партийным аппаратом (если он вообще существовал), а сами эти отношения в различных партиях строились по-разному³. Обычно сравнительно новые фракции, не имевшие еще традиционно устойчивых «корней» на местах, бывали более дисциплинированными, чем старые, ибо их члены боялись потерять возможность выступать как представители партии на следующих выборах.

3. Кризис парламентаризма и деградация многопартийной системы

В период 1871—1918 гг., прошедший под знаком «расцвета» международного ростовщичества и колониальной экспансии французского финансового капитала, Франция сумела, несмотря на внешнюю неустойчивость ее многопартийного парламентского режима, завоевать величайшую после британской колониальную империю и выйти победительницей из первой мировой войны.

Вывоз мощными депозитными банкамибережений сотен тысяч крестьян, торговцев, ремесленников в форме государственных займов создавал экономическую основу для сотрудничества довольно широкого конгломерата буржуазных прослоек. В то же время отсасывание крупных денежных средств из национальной экономики за границу консервировало отсталую структуру народного хозяйства, замедляло процесс концентрации промышленного и торгового капитала. На сравнительно узком, статичном внутреннем рынке, огражденном высокой стеной протекционистских таможенных барьеров (тариф Мелина 1891 г.), крупные предприятия не были заинтересованы в разорении мелких, ибо высокие издержки производства последних помогали поддерживать соответствующий высокий уровень цен и эффективнее сопротивляться требованиям рабочего класса. Мелкие предприниматели, располагавшие ограниченными ресурсами для подкупа рабочей аристократии, решительно выступали против снижения цен, повышения заработной платы и введения социального законодательства, что использовалось в своих интересах крупным капиталом, который получал огромные сверхприбыли.

³ Более детально этот вопрос рассматривается ниже, при анализе структуры каждой партии.

С наступлением эпохи империализма и особенно с развертыванием общего кризиса капитализма положение резко изменилось. Нынешняя Франция, самая малая из великих и самая крупная из малых империалистических держав, очутилась во второй половине XX столетия на крутом повороте истории. В результате двух мировых войн французский империализм утратил прежние устои своего мирового могущества: ростовщические вложения ссудного капитала за рубежом и в значительной мере колониальную империю.

Монополии Франции попытались в максимально сжатый срок наверстать отставание от ушедших вперед соперников путем форсированного развития ряда отраслей промышленности метрополии, где концентрация производства достигла уже весьма высокого уровня. Результатом оказались коренная ломка в экономике и классовой структуре страны, повышение удельного веса тяжелой индустрии, обрабатывающей промышленности, резкое усиление концентрации производства и капитала.

Социально-экономические сдвиги во Франции происходили в исключительно уродливой, болезненной форме: колоссальный груз непроизводительных расходов на гонку вооружений и колониальные войны в сочетании с крупными затратами на обновление основного капитала промышленности вызвали хроническое перенапряжение хозяйственного организма страны и особенно ее финансовой системы. Задача срочного преодоления экономического отставания от таких грозных конкурентов, как США, Англия, а затем ФРГ, Италия, требовала от монополий мобилизации через государственный аппарат огромных денежных средств. В результате бюджет Франции стал важнейшим рычагом перераспределения национального дохода в пользу финансовой олигархии: через государственные кредитно-финансовые каналы проходило после второй мировой войны от четверти до трети ежегодных капиталовложений в экономику страны. Французский вариант государственно-монополистического капитализма отличается весьма значительными масштабами прямой предпринимательской деятельности государства. Это еще более обострило борьбу за власть как между антагонистическими классами, так и между различными группами буржуазии.

На протяжении многих десятилетий господствующий класс Франции правил страной руками лидеров многочисленных буржуазных партий, которые рождались как оппозиционные, но быстро «приручались» после прихода к власти и приобретали весьма консервативный облик. Тем не менее было бы ошибочным считать, что смена у власти монархистов умеренными республиканцами, а последних — радикалами не имела никаких реальных результатов и ограничивалась только парламентскими комбинациями. В политическом развитии Франции последняя четверть XIX в. была периодом, когда крупная буржуазия вынуждена была

шаг за шагом открывать доступ к кормилу власти представителям все новых буржуазных прослоек с целью максимально расширить фронт господствующего класса в борьбе против пролетариата. Уступки по линии демократизации государственного строя, игравшие на руку мелкой буржуазии, являлись той ценой, за которую правящая верхушка покупала союзников в решительном сопротивлении любым, даже самым ограниченным социальным реформам. Но каждый сдвиг влево центра тяжести политических сил определялся в конечном счете развитием классовой борьбы в стране и прежде всего движением пролетариата. Рабочий класс шаг за шагом вырывал у буржуазии все новые уступки, которые способствовали, по словам Энгельса, расчистке поля битвы для решающего сражения между наемным трудом и капиталом. Каждый раз классовая борьба возобновлялась на новых рубежах, в условиях более полной буржуазно-парламентской политической демократии.

«...Демократия Франции, с рабочим классом во главе, *вопреки* колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых „кампаний“, тот политический строй, который упрочился с 1871 года... — подчеркивал В. И. Ленин. — Во Франции гегемонию раз за раз так четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с „левоблокистскими“ элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу»⁴.

Тенденция постоянного движения центра тяжести многопартийной системы влево соответствовала объективным закономерностям развития классовой борьбы во Франции. Постепенное увеличение роли крупной индустрии в хозяйственном организме страны умножало ряды французского рабочего класса, отличавшегося особо прочными революционными традициями. Факты показывают, что по мере того, как соотношение сил между правым и левым лагерями изменялось в пользу последнего, среди левых партий все более явно возрастал удельный вес социалистического движения пролетариата, сначала по сравнению с буржуазно-либеральными, а затем и с мелкобуржуазно-радикальными группировками. На выборах 1936 г. левые партии собрали более половины общего числа голосов избирателей. Внутри этого большинства рабочие партии впервые составили 57% (в 1932 г. — только 30%).

Утеря доходов от ссудных вложений за рубежом, инфляция, рост налогового бремени, постепенный отказ от таможенного протекционизма коренным образом подорвали экономическую базу широких масс мелкой буржуазии города и деревни, являвшихся

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 83, 84.

в прошлом главным классовым союзником крупного капитала в борьбе против рабочего движения. Процесс концентрации производства и капитала бурно активизировался. Если раньше, в эпоху свободной конкуренции, масса независимых предпринимателей нуждалась в парламенте как органе согласования своих интересов, то теперь неуклонное сужение круга монополий-гигантов, связанных между собой тысячами нитей взаимных участия, личной унии, картельных соглашений, создало практическую возможность непосредственного сговора промышленных и финансовых магнатов за спиной общественности — внутри высших звеньев административного аппарата, экономическая роль которого неизмеримо выросла. «Равновесие сил внутри правящего класса было полностью нарушено. Крупные предприятия, тресты, сливаясь с банками в целях образования мощных групп финансового капитала, обеспечили себе господствующее положение в экономике. Им было необходимо добиться преобладающего влияния на государство... (которое) превращается в особый инструмент меньшинства правящего класса, финансовой олигархии или даже только части этой олигархии»⁵.

Разорение мелкой буржуазии города и деревни, несколько тормозившееся таможенным протекционизмом и общим застоём промышленного развития Франции в период активного ростовщического вывоза ссудного капитала, значительно ускорилося, вызывая резкое недовольство в широких массах крестьян, торговцев, ремесленников. Те самые классы и слои, которые представляли собой главный оплот социального консерватизма и гарантии устойчивости господства финансовой олигархии в рамках многопартийного парламентского режима, превращались теперь в мощную взрывчатую силу, потрясавшую все здание режима снизу доверху. Политическим выражением данной тенденции был глубокий кризис центризма — течения, всегда служившего становым хребтом многопартийной системы во Франции.

Поворотным пунктом в развитии политической жизни во Франции явилось создание в декабре 1920 г. на XVIII съезде социалистической партии (СФИО) в Туре Французской коммунистической партии⁶. «Рабочий класс, все трудящиеся получили теперь свой штаб — Коммунистическую партию, чтобы вести непримиримую войну против эксплуататоров-капиталистов»⁷.

⁵ «Франция и тресты». Перевод с французского. ИЛ, 1955, стр. 316.

⁶ На съезде большинством 3208 мандатов из 4731 была принята резолюция Марселя Кашена о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Правое меньшинство съезда во главе с Полем Реноделем и центристы (Жан Лонге, Леон Блюм, Поль Фор) откололись и образовали отдельную реформистскую партию, сохранившую прежнее название — Французская социалистическая партия (СФИО).

⁷ G. Frischmann. Quarante ans de lutte contre l'exploitation capitaliste. «Cahiers du communisme», 1960, N 2, p. 1863—1864.

ФКП выступила наиболее решительным защитником традиционных для Франции идеалов демократии и прогресса, развивая их дальше, вплоть до полного социального освобождения трудящихся от гнета капитала. Твердо установившееся положение ФКП как самой левой партии приводило к тому, что влияние коммунистов на политику страны не могло измеряться только числом членов партии или собранных ею на выборах голосов. Само существование ФКП оказывало постоянное воздействие на поведение всех реформистских и буржуазных партий, и прежде всего тех, которые претендовали на звание «левых». Решительные лозунги коммунистов заставляли лидеров группировок центра волей-неволей занимать более твердую позицию по вопросам, затрагивавшим непосредственные интересы трудящихся города и деревни, из опасения толкнуть своих избирателей дальше влево — к ФКП, что значительно затрудняло сговор центра с открытой реакцией.

Прямым результатом создания коммунистической партии явился сдвиг центра тяжести многопартийной системы еще дальше влево: французский финансовый капитал вынужден был прибегнуть к активной помощи своего последнего политического резерва — социал-реформистского крыла рабочего движения. После умеренных республиканцев — представителей либеральной крупной буржуазии, после мелкобуржуазных демократов-радикалов роль одной из главных центристских, т. е. правительственных партий перешла к соглашательским лидерам социалистов.

В середине 30-х годов коммунистам впервые удалось преодолеть раскол рядов рабочего класса, заключив пакт о единстве действий с СФИО, связать воедино задачи защиты демократических свобод и завоевания социальной справедливости, создать на этой основе временный союз пролетариата со значительной частью мелкой буржуазии в лице партии радикалов и при опоре на массы активно использовать парламентские учреждения для наступления на позиции общего врага всех трудящихся — крупного капитала.

Славная эпоха Народного фронта вошла в историю как первый переломный этап на пути превращения Французской коммунистической партии в массовую, ведущую за собой основную часть рабочего класса страны, оказывающую все более сильное влияние на трудовое крестьянство, городские средние слои и прогрессивную интеллигенцию. Несмотря на то, что финансовой олигархии удалось в конечном счете расколоть Народный фронт, его существование оказало огромное воздействие на всю дальнейшую политическую жизнь Франции. Приход СФИО к руководству правительством, которое опиралось, хотя бы временно, на поддержку парламентского большинства с участием коммунистов, качественно отличался от всех прежних комбинаций многопартийной системы. Отныне целью монополий являлось не

только торможение дальнейших прогрессивных мероприятий, но и ликвидация уже вырванных трудящимися уступок. Рамки буржуазно-демократической республики оказывались для этого чересчур тесными.

Установление в 1940 г. вишистского режима сопровождалось распадом всех без исключения буржуазных и реформистских партий Третьей республики: они были плохо приспособлены к внепарламентской борьбе, подточены внутренними раздорами, глубоко дискредитированы в глазах широких масс. Многие видные деятели этих партий открыто поддерживали режим Виши, став министрами, послами, видными чиновниками правительства Петэна.

Водораздел между защитниками сотрудничества с гитлеровской Германией — коллаборационистами и сторонниками Сопротивления — патриотами в основном совпадал с водоразделом между правыми, реакционными и левыми, демократическими группировками, что естественно вытекало из классовой сущности режима Виши и его гитлеровских покровителей. Данная тенденция сказывалась совершенно отчетливо, несмотря на присоединение некоторой части бывших социалистов и радикалов к Виши, а немногочисленных антигермански настроенных правых националистов — к движению Сопротивления.

Ведущей патриотической силой в движении Сопротивления, его боевым авангардом являлись коммунисты. Французская коммунистическая партия была единственной группировкой, которая в самые тяжелые годы подполья сумела полностью сохранить и упрочить свою организационную структуру, внутреннюю монолитность, влияние в массах. Если в 1934—1938 гг. коммунисты связали воедино дело защиты демократических свобод и борьбы за социальный прогресс, то теперь они воочию показали, что революционный пролетариат — самый мужественный и стойкий борец за национальное величие Франции, преданной ее господствующим классом.

Определенную роль в движении Сопротивления на территории метрополии сыграли также некоторые социалисты и левые католики. Однако они не смогли создать в подполье свои общенациональные организации: большинство их лидеров, не присоединившихся к Виши, эмигрировали или попросту отошли от активной деятельности.

Наконец, в Лондоне, а затем в Алжире возникло эмигрантское движение Свободной (Сражающейся) Франции, возглавленное бывшим заместителем военного министра генералом де Голлем — выходцем из старого дворянского рода с весьма консервативными монархо-клерикальными традициями. К деголлевскому движению явно тяготело «умеренное» крыло движения Сопротивления на территории Франции — вожди социалистов, католиков и, разумеется, правых националистов.

Освобождение Франции от гитлеровской оккупации вызвало бесславный крах марионеточного режима Виши и крутой революционный сдвиг в расстановке политических сил в стране. ФКП прочно выдвинулась на первое место как по числу членов, так и по числу собираемых на выборах голосов (20—25%). В первом составе Учредительного собрания, избранном в октябре 1945 г., две рабочие партии впервые в истории Франции завоевали абсолютное большинство мест. Если в годы Народного фронта депутаты-коммунисты вошли в состав правительственного большинства, то в 1944—1947 гг. представители ФКП впервые участвовали в правительстве.

Во время как центр тяжести политических сил во Франции неуклонно смещался влево, буржуазные партии в свою очередь соответственно двигались вправо, подталкиваемые и вытесняемые пролетарскими организациями.

После 1945 г. эволюция буржуазных группировок от умеренно консервативных позиций к авторитарно-фашистским значительно ускорилась. Это было прямой реакцией на рост крайне левых сил во главе с коммунистами на фоне острых трудностей французского империализма в колониях, на международной арене, в валютно-финансовой сфере и т. д., сужавших маневренные возможности монополий в классовой борьбе.

Четыре года коллаборационизма — открытого сотрудничества с оккупантами серьезно скомпрометировали значительную часть руководящих кадров правого лагеря — верхушку армии, церкви, чиновничества. Устойчивость государственного аппарата французской буржуазии оказалась глубоко подорванной, система старых буржуазных партий — опрокинутой. Господствующий класс Франции оказался не в состоянии постепенно, шаг за шагом приспособить эту систему, изрядно расшатанную уже накануне второй мировой войны, к новой, гораздо более сложной обстановке. Финансовой олигархии пришлось по сути дела заново восстанавливать наиболее запятанные и опозоренные поддержкой режима Виши правые партии. Но это было нелегким делом. Правые партии отличались в период Четвертой республики крайней неустойчивостью, ускоренным «моральным износом» и были вынуждены поэтому особенно часто менять свои этикетки.

В первые послевоенные годы (1944—1946) ответом французских монополий на рост влияния коммунистов было выдвижение на авансцену крупной католической партии, пытавшейся под прикрытием утонченной социальной демагогии проникнуть в ряды левого лагеря, куда до тех пор путь клерикалам был наглухо закрыт. В ноябре 1944 г. представители мелких довоенных группировок христианско-демократического и социал-христианского толка (народных демократов и «Молодой республики») объявили о создании новой партии — Народно-республиканское движение (МРП). Во всеуслышание заявляя о своем горячем

сочувствии идеалам политической свободы и социальной справедливости, лидеры МРП, тесно связанные с церковной иерархией, усиленно пытались привлечь на свою сторону широкие массы верующих трудящихся и приостановить тем самым бурный рост популярности идей марксизма.

Глава Временного правительства генерал де Голль относился враждебно к реставрации многопартийной системы, пытаясь управлять страной единолично с помощью высшей гражданской и военной бюрократии, а также своего ближайшего окружения. Однако логика борьбы против авангарда прогрессивных сил — коммунистов заставила его опереться на МРП: Народно-республиканское движение официально провозгласило себя «партией верности» де Голлю.

Неудача попыток де Голля установить сразу же после освобождения страны антидемократический режим личной власти и его вынужденный уход в отставку 20 января 1946 г. поставили руководство МРП перед выбором: либо последовать за генералом в оппозицию в соответствии со своим титулом «партии верности», либо пожертвовать этим званием и остаться у власти, чтобы не потерять контакт с социалистами и воспрепятствовать тем самым «свиданию с глазу на глаз» СФИО и ФКП, которые располагали в тот момент абсолютным большинством мест в Учредительном собрании. Лидеры Народно-республиканского движения предпочли второй вариант: основной смысл существования партии состоял в том, чтобы не только создать удобную «патриотическую» ширму для перегруппировки опозоренных поддержкой Виши клерикально-консервативных элементов, но и предотвратить восстановление единства рабочего класса. В моменты подъема демократических сил поиски союза с СФИО остались и в дальнейшем излюбленным тактическим приемом МРП, имевшим целью преградить путь новому Народному фронту при активном содействии правого крыла СФИО.

В поисках самостоятельной политической опоры сторонники де Голля приступили к консолидации открыто реакционных сил. В апреле 1947 г. в Страсбурге генерал де Голль призвал создать «Объединение французского народа» (РПФ) с целью ликвидации «режима партий» и коренной реформы государственного строя. Неделию спустя было объявлено об официальном основании РПФ, генеральным секретарем которого стал бывший шеф деголлевской разведки Жак Сустель. На октябрьских муниципальных выборах 1947 г. РПФ удалось перетянуть на свою сторону больше половины избирателей, голосовавших после окончания войны за МРП.

РПФ изображалась ее создателями как своего рода «сверхпартия», призванная преодолеть междоусобные распри среди французов, объединить их вне зависимости от партийных границ в борьбе за возрождение национального величия Франции. По-

литическая направленность новой организации не замедлила определиться с предельной четкостью: в ряде речей (в частности, в Ренне в июле 1947 г.) генерал де Голль прямо заявил, что главная задача РПФ — борьба против коммунистов, которых оратор называл «сепаратистской» силой.

Наряду с требованиями ревизии конституции, уничтожения парламентского «режима партий» и воинствующим антикоммунизмом, видное место в пропаганде РПФ занимали националистические мотивы, демагогическая проповедь «ассоциации капитала и труда» путем «участия» рабочих в прибылях, а также лозунг введения бюджетных субсидий частным церковным школам под прикрытием пособий верующим родителям. Де Голль пытался таким образом сочетать обычные предвыборные темы правых группировок — антикоммунизм, национализм и клерикализм — с социальной демагогией.

Проникновение деголлевских элементов внутрь руководящих органов различных буржуазных партий носило форму так называемого «двоеженства» — двойного членства. Но цезаристские и неофашистские тенденции РПФ не замедлили разоблачить Объединение как типичную крайне правую партию с явным креном к антиреспубликанскому заговору. Прямой союз с ней оказался в тот момент для лидеров партий центра чересчур опасным. В 1948—1951 гг. на съездах СФИО, МРП и радикалов после ожесточенной борьбы были приняты резолюции, запрещающие «двоеженство», а наиболее злостные нарушители этого правила были исключены. Объединение французского народа должно было расстаться с мечтами о единой антикоммунистической «сверхпартии», способной же «умеренному», т. е. правому претенденту на пост главы правительства — Антуану Пинэ. После того как на сессии Национального совета РПФ в июле 1952 г. была принята резолюция о строгом соблюдении парламентариями дисциплины голосования, 26 депутатов вышли из деголлевской группы в Национальном собрании и создали собственную группу Республиканское и социальное действие (АРС) во главе с Эдмоном Баррашеном и генералом Бийоттом. Эта группа начала сближаться с «умеренными» консервативными группировками, продолжавшими традиции правых партий времен Третьей республики.

Провал попыток РПФ прийти к власти легальным путем не замедлил вызвать серьезные раздоры в ее рядах. В марте 1952 г. внушительная часть парламентского представительства деголлевцев решила открыто нарушить директивы руководства и отдать свои голоса первому же «умеренному», т. е. правому претенденту на пост главы правительства — Антуану Пинэ. После того как на сессии Национального совета РПФ в июле 1952 г. была принята резолюция о строгом соблюдении парламентариями дисциплины голосования, 26 депутатов вышли из деголлевской группы в Национальном собрании и создали собственную группу Республиканское и социальное действие (АРС) во главе с Эдмоном Баррашеном и генералом Бийоттом. Эта группа начала сближаться с «умеренными» консервативными группировками, продолжавшими традиции правых партий времен Третьей республики.

После окончания войны, в декабре 1945 г., остатки этих партий, глубоко дискредитированных поддержкой Петэна в 1940—1944 гг., объявили о создании Республиканской партии свободы (ПРЛ). Хотя в руководящие органы новой партии были избраны, в целях маскировки, некоторые члены Национального совета Сопротивления из числа правых националистов (Андре Мюттер, Жозеф Ланьель), ПРЛ представляла главным образом те круги французской буржуазии, которые ориентировались в годы войны на Германию и активно поддерживали режим Виши.

Однако уже с 1948 г. ПРЛ пришла в полный упадок, поскольку значительная часть ее лидеров и избирателей отхлынула в этот момент к деголлевскому РПФ. Роль главной «классической» консервативной партии начала играть группа депутатов — выходцев из довоенных правых партий, в основном правоцентристского Демократического альянса, выступавших в момент освобождения под этикеткой «независимых» (Поль Рейно, Жак Рюэфф, Рене Коти, Антуан Пинэ, Луи Жакино и др.). В 1948 г. они создали в союзе с небольшой кулацко-помещичьей «крестьянской партией» (Поль Антье, Камилл Лоран и т. д.) Национальный центр независимых и крестьян. Перед выборами 1951 года остатки ПРЛ во главе с Жозефом Ланьелем объявили о своем присоединении к Центру. Незадолго до следующих выборов, в 1954 г., в состав «независимых и крестьян» влилась также отколовшаяся к тому времени от деголлевского Объединения французского народа группа АРС.

Тем не менее устойчивость Национального центра независимых и крестьян продолжала оставаться весьма относительной: ввиду частых столкновений интересов различных буржуазных прослоек его раздирали непрерывные распри. На крайне правом фланге «умеренных» время от времени возникали оголтело фашистские организации, успешно конкурировавшие с «независимыми и крестьянами».

Именно так родилось, например, движение Пужада — Союз защиты торговцев и ремесленников (ЮДКА). Оно возникло в 1953 г. на юго-западе Франции, где Пьер Пужад, мелкий торговец писчебумажными товарами из города Сен-Сере в отсталом сельскохозяйственном департаменте Ло, организовал кампанию сопротивления лавочников налоговому контролю. Во второй половине 1954 г. пужадизм перешагнул Луару, начал завоевывать многочисленных сторонников на севере страны, в крупных городах, в том числе в Париже, и перерастать в политическую партию крайне реакционного направления. Руководитель «движения Сен-Сере», невежественный, примитивный, но ловкий демагог, решил использовать благоприятную конъюнктуру. «Обладая хитростью и природным политическим инстинктом, Пужад не замедлил ухватиться за гражданскую войну в Алжире как более пригодное и интересное дело, нежели защита ничтожных интересов

мелких торговцев и крестьян. Копируя довоенные фашистские лиги, он стал откровенным националистом, ксенофобом и антисемитом»⁸. Отказавшись от первоначального решения бойкотировать парламент, Пужад решил принять участие в выборах 1956 года.

ЮДКА удалось собрать почти 2,5 млн. голосов и провести внушительную группу депутатов в Национальное собрание. Но на этом его успехи окончились: полная неспособность распространить влияние за пределы слоя разоряющихся лавочников и ремесленников обесценивала движение Пужада в глазах представителей крупного капитала, а политическая изоляция и бессилие партии вызвали быстрое падение авторитета ЮДКА даже среди его первоначальных сторонников.

Многочисленные метаморфозы французских правых партий были не случайными. Частая смена их вывесок, отражавшая острую борьбу в стане господствующего класса, вызывалась прежде всего прогрессирующим сужением социальной опоры монополистического капитала.

Традиционной базой всех правых партий во Франции всегда было крестьянство, мелкая и средняя буржуазия Востока и Запада страны (Эльзас, Лотарингия, Бретань, Вандея), а также юго-восточного склона Центрального массива, т. е. в зонах наибольшего влияния католической церкви⁹. Тем не менее у каждого из правых течений имелась своя специфическая клиентура, предопределявшая их лозунги, программы и пропагандистскую тематику. Так, деголлевцы, прямые выразители интересов мощных группировок финансового капитала, наиболее тесно связанных с государственным аппаратом, стремились опереться в первую очередь на так называемые «новые средние слои» — инженерно-технический персонал, служащих, часть рабочей аристократии индустриальных районов Северо-Востока страны и крупных городских центров. Отсюда — их попытка использовать в своих целях социальную демагогию (лозунг «ассоциации капитала и труда» и т. п.).

Напротив, «умеренные», представлявшие наряду с монополиями среднюю буржуазию, кулачество, традиционно враждебных государственному вмешательству в экономику, искали поддержку в отсталых, застойных сельскохозяйственных районах Запада, Юго-Запада, отчасти Центрального массива. В еще большей степени это относилось к пужадистам.

⁸ D. Schoenbrun. Ainsi va la France. Paris, 1957, p. 127.

⁹ На Западе опорой реакции служило помещичье землевладение, державшее под своим контролем батраков и издольщиков. На Востоке, где всегда были сильны националистические настроения, реакционные группировки широко использовали шовинизм.

Бурный рост левых сил в первые послевоенные годы и соответствующий сдвиг партийных группировок буржуазии привели к резкой поляризации политических сил в стране, значительно сократив влияние партий центра, всегда представлявших собой стержень французской многопартийной системы, и глубоко подорвав их внутреннюю сплоченность. Если раньше ведущей силой центра была партия радикалов, то после 1945 г. к ней присоединились под нажимом слева и справа СФИО и МРП.

После исключения 5 мая 1947 г. правым социалистом Рамадьё коммунистов из правительства по прямой директиве международной реакции и вплоть до мая 1958 г. три эти партии, а также «умеренные» правые («независимые и крестьяне») монополизировали основные министерские портфели в многочисленных коалиционных кабинетах. Правую оппозицию парламентскому режиму в целом составляли сначала деголлевцы, а затем пужадисты, которые служили для лидеров партий центра дополнительным «алиби», оправданием беспринципных сговоров между собой, направленных в действительности своим острием против коммунистической партии. Тем не менее восстановить полностью прежнюю эффективность многопартийной системы политического господства буржуазии, существовавшую до разворачивания общего кризиса капитализма и показавшую свою неустойчивость уже на первом этапе этого кризиса, французские монополии оказались не в состоянии.

Единственной прочной основой сотрудничества центристских группировок был яростный, непримиримый антикоммунизм. Однако только нападки на ФКП и защита капиталистического строя не могли скрыть отсутствия у партий Центра общей позитивной программы, которая могла бы оправдать беспринципное сотрудничество клерикалов с антиклерикалами, реформистов с консерваторами и т. д.

В прошлом постоянным «шарниром» между левыми и правыми группировками французской буржуазии служила партия радикалов. Однако уже на первом и тем более на втором этапах общего кризиса капитализма удельный вес основной социальной базы радикалов, мелкой буржуазии города и деревни, в самодетальном населении страны упал, ее экономическая база оказалась подорванной, а бывшие политические лозунги — исчерпанными. Отсюда — быстрое «размывание» центристских группировок.

Партия радикалов и радикал-социалистов никак не могла похвастаться выдающимися заслугами в борьбе против гитлеровских оккупантов. Ее вожди, почти постоянно участвовавшие в правительстве между двумя мировыми войнами, отождествлялись в глазах широких масс с прогнившим режимом Третьей республики, позорной мюнхенской сделкой, разгромом и капитуляцией 1940 г. Отдавая себе отчет в неизбежности падения

авторитета партии среди ее обычной мелкобуржуазной клиентуры, лидеры радикалов пытались маневрировать, искать союзников то слева, то справа.

Сокрушительный разгром, понесенный радикальной партией на выборах 21 октября 1945 г., резко обострил внутрипартийную борьбу, победителями из которой вышли правые «неорадикалы». Успех консервативных элементов был предопределен существенной трансформацией социальной базы партии: после отхода широких масс демократической мелкой буржуазии и крестьянства влево, к коммунистам и социалистам среди ее избирателей заметно повысился удельный вес средней и крупной городской буржуазии, кулачества, лиц свободных профессий, напуганных мощным подъемом левых сил после освобождения страны и усиленно искавших опоры против «марксистской угрозы». На чрезвычайном съезде в Лионе (апрель 1946 г.) «неорадикалы» добились исключения части лидеров левого крыла во главе с Пьером Котом и принятия резолюции, одобрявшей создание предвыборного и парламентского блока с осколками ряда довоенных правых группировок. Этот своеобразный синдикат политических банкротов принял громкий титул Объединения левых республиканцев (РЖР)¹⁰. Возникновение РЖР, в составе которого было немало католиков, наглядно показало готовность правых радикалов принести в жертву во имя сговора с откровенной реакцией последний прогрессивный пункт партийной доктрины — антиклерикализм.

Начиная с пребывания у власти кабинета радикала Андре Мари (июль 1948 г.) партия радикалов и радикал-социалистов постепенно оправилась от тяжелых поражений первых послевоенных лет. Комбинируя сотрудничество с СФИО в школьном вопросе (т. е. защите светской школы от покушений клерикалов) с поддержкой внешней и колониальной политики МРП и «умеренных» — по финансовым проблемам, партия радикалов к концу первой легислатуры сумела отобрать у социалистов свои традиционные позиции — портфели министров внутренних дел и просвещения. Причиной этого временного «возрождения» радикалов была их способность к самым рискованным поворотам и зигзагам — от сближения левого крыла партии с ФКП в 1945 г. до усиленного «флирта» правых радикалов с РПФ. В 1947—1948 гг. депутаты-радикалы наиболее широко практиковали «двоеженство» — одновременное членство в межфракционной группе Объединения французского народа, пока оно еще сулило определенные предвыборные преимущества.

Из 22 правительств, сменившихся у власти после принятия конституции Четвертой республики и вплоть до ее краха,

¹⁰ P. Marabuto. Les partis politiques et les mouvements sociaux sous la IV-e République. Paris, 1947, p. 98.

радикалы возглавляли 10 и участвовали во всех без исключения. В моменты голосования по наиболее острым политическим проблемам их сравнительно небольшая парламентская группа (40—50 депутатов), как правило, раскалывалась на три части: одни голосовали за, другие — против, третьи — воздерживались. Это позволяло партии, как и до войны, пользоваться одновременно выгодами от участия в правительстве и от оппозиции непопулярным среди избирателей мероприятиям.

Однако эти успехи оказались крайне недолговечными. Обострение классовой и политической борьбы в стране в 1953—1958 гг. резко усилило центробежные тенденции внутри партии радикалов. Сговор правого крыла — так называемых «неорадикалов» (Леон Мартино-Депла, Бернар Лафэ, Рене Мейер и др.) с правыми партиями вызвал брожение и недовольство среди левоцентристских элементов, которые возглавил Пьер Мендес-Франс. Выдвинув программу некоторых ограниченных экономических реформ и предложив более гибкий, либеральный курс в колониях, Мендес-Франс пытался привлечь на свою сторону студенчество, служащих, интеллигенцию Парижского района и ряда больших городов¹¹.

В борьбе против своих соперников внутри партии Мендес-Франс сделал ставку на захват партийной машины, выбросив лозунг «обновления» партии радикалов, превращения ее в сплоченную, дисциплинированную организацию, располагающую «динамичной» левой программой и способную повести за собой широкие массы молодежи. На чрезвычайном съезде 4 мая 1955 г. мендесистам удалось добиться победы, что повлекло за собой исключение лидеров правого крыла (Эдгар Фор, Мартино-Депла, Рене Мейер и др.). Второй раскол партии произошел осенью 1956 г., когда из нее вышла еще одна группа правых деятелей — ультраколониалистов, основавшая отдельную партию (Андре Морис, Эдуар Рамонэ и т. д.). Но в конечном счете непоследовательность и слепой антикоммунизм лидеров левого крыла радикалов ослабили их позиции. В 1957 г. Мендес-Франс потерпел поражение и вынужден был отказаться от поста первого вице-председателя партии, контроль над аппаратом которой вернулся в руки «умеренных» элементов, близких к кругам крупной буржуазии и даже прямых представителей монополий (Феликс Гайяр, Морис Фор). Партия радикалов распалась на три враждующие группировки, ее влияние и удельный вес в политической жизни страны резко снизились, что значительно затруднило обычные парламентские компромиссы, необходимые при формировании коалиционных кабинетов.

Католическое Народно-республиканское движение (МРП), выдвинутое французской буржуазией на арену политической

¹¹ C. Nicolet. Le radicalisme. Paris, 1957, p. 115—118.

борьбы в момент освобождения страны от оккупации, не смогло выполнить своей основной задачи — создать новый центр тяжести многопартийной системы, подобно ХДС в Западной Германии или демокристической партии в Италии.

Первые же шаги МРП показали, что она не в состоянии повести за собой надолго достаточно широкие массы трудящихся. Клерикальный характер партии, поддержка ею в блоке с откровенной реакцией традиционного требования правого, реакционного лагеря ввести государственные субсидии «свободным» (церковным) школам существенно ограничивали влияние МРП в левых кругах рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии, верных республиканским идеалам светскости и готовых защищать государственную школу от покушений церковников. Отсюда — полный провал неоднократных попыток создать «травайистскую» (лейбористскую) партию путем слияния МРП с СФИО.

С другой стороны, если кадровое ядро Народно-республиканского движения — активисты молодежных организаций Католического действия и христианских профсоюзов — видело наиболее привлекательную сторону партийной программы в обещаниях социальных реформ, ликвидации несправедливостей капитализма, то значительная часть избирателей МРП (крупная и средняя буржуазия, зажиточное крестьянство западных и восточных районов страны), напротив, встречала социальную демагогию народных республиканцев с явным недоверием, требуя в первую очередь более активной защиты частной собственности и решительной борьбы вместе с правыми за субсидии церковным школам.

Результатом оказался подрыв единства партийных рядов, отход молодежи и рабочих влево, а консервативной городской и сельской буржуазии вправо — к «умеренным» и деголлевцам. «МРП не удалось вырваться из внутреннего противоречия, которое притягивает ее в социальном отношении влево, но удерживает в политическом отношении справа в связи с религиозной политикой, делающей для нее невозможной любую тесную ассоциацию с защитниками светской школы. Она хотела бы стать цементирующим элементом большинства с участием социалистов, к которым она постоянно стремится плотно примыкать, и независимых, но ей не удается завоевать доверие ни одних, ни других: социалисты продолжают рассматривать ее как клерикальную партию, тогда как умеренные не доверяют ее дирижистским тенденциям. В этих условиях народным республиканцам нелегко принять как союз с одними социалистами против правых, так и блок с правыми без социалистов», — писал буржуазный социолог Андре Зигфрид¹².

¹² A. Siegfried. De la IV-e à la V-e République au jour le jour. Paris, 1958, p. 136—137.

Развертывание колониальных войн, тянувшихся более 15 лет, в условиях крутых сдвигов в экономике Франции и на международной арене довело до предела поляризацию политических сил в стране, вызвало глубокий кризис центристских партий. Острейшая борьба в метрополии вокруг колониальной проблемы привела к глубокому расколу господствующего класса Франции и его многочисленных политических партий, распавшихся, по сути дела, на мелкие враждующие группировки.

Это особенно наглядно проявилось весной 1958 г. Состав Национального собрания, избранного двумя годами ранее, не позволял сформировать антикоммунистический кабинет без одновременного участия как социалистов, так и консервативных «умеренных». Однако тупик в Алжире и связанный с ним острый финансовый кризис сделали в конце концов невозможным их «сосуществование» в составе правительства и отчасти даже парламентского большинства, поскольку лидерам СФИО приходилось все чаще оглядываться на рост влияния коммунистов, а вождям «независимых и крестьян» — учитывать конкуренцию справа со стороны фашиствующих «ультра».

Раскол всех буржуазных и реформистских партий в связи с алжирским вопросом крайне осложнил проблему парламентского большинства, предельно сузил свободу действий коалиционных кабинетов. Любое мероприятие вызвало конфликты между отдельными составными частями правительственной коалиции и их представителями на министерских постах, грозя опрокинуть очередной кабинет, который вынужден был постоянно лавировать, избегая опасных «подводных камней», обходить острые углы.

Между тем монополистический капитал Франции именно в данный момент нуждался в максимально жесткой, оперативной и послушной государственной машине для подготовки к вступлению в «общий рынок» в условиях перегрузки экономики страны непосильными расходами на колониальную войну и гонку вооружений. Такая подготовка могла быть осуществлена только за счет широких масс трудящихся города и деревни, а также значительных слоев мелкой, средней и даже крупной буржуазии, что неминуемо должно было повести к сплочению левых сил. В мае 1951 г. была принята реакционная избирательная реформа, которая давала возможность нескольким «породнившимся» («аппарантированным») партиям, собравшим совместно абсолютное большинство голосов в округе, захватить все парламентские мандаты от него. Однако уже на следующих выборах раскол буржуазного лагеря помешал использовать эту мошенническую систему.

Таким образом, многопартийный парламентский механизм, в прошлом служивший наиболее удобной формой классового господства французской буржуазии, пришел в непримиримое столкновение с коренными интересами финансовой олигархии. Пря-

мым следствием этого оказался очередной взрыв антипарламентских настроений в кругах финансового капитала. Его политическая агентура сделала все, чтобы дезорганизовать ставшую обузой для монополий парламентскую систему, дискредитировать ее в глазах масс с тем, чтобы заменить в удобный момент авторитарным режимом личной власти. Именно такой момент настал весной 1958 г., когда алжирская война вызвала среди мелкобуржуазных масс и части трудящихся рост шовинистических настроений. Ударным кулаком неофашистских, крайне реакционных элементов, использованных монополиями в качестве тарана для сокрушения парламентской системы, послужила часть офицерского корпуса армии, разложившаяся и озлобленная в ходе неудачных колониальных авантюр.

4. Партии в Пятой республике

Создание Пятой республики, режима личной власти генерала де Голля, внесло в механизм политического господства французских монополий существенные изменения.

Конституция 1958 года и практика ее применения главой государства свели, по сути дела, к нулю роль парламента — основной сферы приложения сил буржуазных и реформистских партий. Поскольку состав правительства определялся единолично президентом республики, прежняя борьба депутатов за министерские портфели стала попросту беспредметной. В совете министров по мере уменьшения числа лидеров буржуазных партий неуклонно возрастал удельный вес «беспартийной» административно-технической бюрократии — членов и докладчиков государственного совета, инспекторов финансов, послов, префектов, инженеров-политехников. На посты, которые были объявлены «сектором, закрепленным за президентом» (иностранные дела, колонии, Алжир, вооруженные силы), назначались только высокопоставленные чиновники.

Эти люди, скромно именовавшие себя «главными приказчиками государства», были в действительности полномочными представителями той подлинной силы, которая безраздельно господствовала в механизме авторитарного режима, — финансовой олигархии. Если раньше на авансцене официальной политической жизни Франции блистали парламентским красноречием ловкие адвокаты или честолюбивые профессора, то отныне рычаги государственной машины непосредственно взяли в свои руки хозяева крупнейших банковских и промышленных группировок. Наиболее ярким представителем их служил премьер второго кабинета авторитарного режима Жорж Помпиду: не будучи связан с какой-либо определенной партией, он являлся зато генеральным директором банка Ротшильдов и бывшим докладчиком Государственного совета. Помимо личной унии

министров-«технократов» с монополистическим капиталом, трессы оказывали влияние на политику правительства через так называемые комитеты экспертов, которые создавались для разработки наиболее важных государственных мероприятий, особенно в области экономики и финансов («комитет Рюэффа», «комитет Рюэффа — Армана»).

По удачному замечанию одного из политических обозревателей, во Франции за годы Пятой республики произошло своего рода «короткое замыкание» между крупным капиталом и государственным аппаратом, которое в значительной мере оставило прежний партийно-парламентский механизм не у дел. «Современная система такова, что партии оказываются чересчур ничтожным, скорее символическим, чем реальным грузом на весах живых сил нации. Подобно вырождающемуся биологическому виду, партия испытывает ощущение неприспособленности к новой политической среде, создаваемой для нее режимом, ей не удается обеспечить себе достаточное жизненное пространство», — жаловался католик Этьен Борн в партийном еженедельнике МРП «Форс нувель»¹³.

Произошло это не случайно. Неудача всех попыток создать взамен унаследованной от прошлого и переставшей отвечать интересам монополий многопартийной системы достаточно надежную новую побудила представителей французской финансовой олигархии опереться непосредственно на бюрократическую государственную машину, военщину и церковь — традиционные опоры французской реакции, не остановившись для этого и перед государственным переворотом.

В годы, предшествовавшие крушению парламентского режима, идеологи голлизма (Мишель Дебре, Жорж Валин, Максим Блок-Маскар, Мишель Масснэ и многие другие) упорно твердили, будто соперничество партий, отстаивавших эгоистические групповые интересы и раздувавших вековые распри между французами, а также беспринципные компромиссы партийных вождей на почве консервирования существующего положения вещей были якобы главной причиной паралича государственной власти, неспособной твердой рукой отстоять «общие» интересы нации внутри страны и на международной арене¹⁴. Сам генерал де Голль презрительно именовал политические партии «посредниками» между носителем верховной власти и народом, мешающими, а не помогающими их взаимопониманию.

После создания авторитарной Пятой республики кампания систематической дискредитации партий приобрела еще более широкий размах. Генерал де Голль предпочел восстановить перед выборами в Национальное собрание в ноябре 1958 г.

¹³ «Forces nouvelles», 21.V 1960.

¹⁴ M. Debré. Ces princes qui nous gouvernent... Paris, 1957; M. Blocq-Mascart. La prochaine République sera-t-elle républicaine? Paris, 1958.

вопиюще несправедливую довоенную систему одноименного мажоритарного голосования по мелким округам в расчете на то, что она подорвет внутреннюю структуру ряда партий, укрепившуюся после второй мировой войны. «Бессилие партий поощрялось самой властью. Навязав одноименную систему ...глава государства подорвал влияние партийных штабов. Кандидаты более не обязаны добиваться их утверждения (инвеституры). Избрание зависело от личного положения этих кандидатов, их „ловкости“, их „осторожности“ или их „гибкости“», — писал бывший генеральный секретарь партии «независимых и крестьян» Роже Дюше¹⁵.

Однако декларации деголлевцев о мнимом вырождении политических партий как таковых отнюдь не помешали им спешно создать собственную партию — Союз защиты новой республики (ЮНР), сколоченную из остатков прежних голлистских группировок — РПФ и ее преемников — социальных республиканцев. Выступая под лозунгами безусловной верности де Голлю, широко практикуя националистическую и социальную демагогию, используя поддержку части церковной иерархии и официальной пропаганды, ЮНР удалось использовать обстановку наступления реакции и выйти на первое место по числу собранных голосов: в 1958 г. — 3,6 млн. в первом туре, в 1962 г. — 5,8 млн. (20% и 31,9%).

Применение мошеннической избирательной системы в условиях раскольнической тактики центристских группировок позволило лидерам ЮНР захватить беспрецедентное в политической истории Франции число мандатов в Национальном собрании — в 1958 г. 198 и 9 «примыкающих» из общего числа 552, в 1962 г. — 234 из 480. Парламентская группа ЮНР, которая пользовалась поддержкой значительной части депутатов от других правых группировок, прочно удерживала в своих руках «ключ» к абсолютному большинству и могла обеспечить принятие любого правительственного законопроекта, благодаря чему президент имел возможность править через голову остальных партий. Этот факт сам по себе достаточно красноречиво говорил о том, что в рамках сохранившихся остатков парламентских учреждений определенные партии — в данном случае ЮНР — продолжали выполнять достаточно важные функции.

«Переходное» правительство генерала де Голля, пребывавшее у власти с июня по декабрь 1958 г., включало виднейших лидеров всех основных буржуазных и реформистских группировок: СФИО, радикалов различных оттенков, МРП, «независимых и крестьян», не говоря уже, разумеется, о ЮНР. Однако такое положение не могло продолжаться до бесконечности. Фронтальное наступление трестов в союзе с авторитарным го-

¹⁵ «France indépendante», 5.III 1962.

сударством на интересы народных масс быстро усилило левую, демократическую оппозицию режиму, авангардом которой была коммунистическая партия. Упадок прежних буржуазных и реформистских партий в условиях полного бесправия и бессилия парламента еще более увеличил роль коммунистов, тесно связанных с массовыми демократическими организациями, и прежде всего профсоюзами, как главного противовеса военно-фашистской угрозе.

Опасаясь утратить свое и без того пошатнувшееся влияние в массах, руководство СФИО, объявило в конце 1959 г. о переходе к «конструктивной оппозиции», а с осени 1961 г. — к безусловной оппозиции режиму. Весной 1959 г. за социалистами последовали радикалы, а в мае 1962 г. — и МРП, лидеры которой учитывали приближение новых выборов.

Между тем банкротство политики французских колонизаторов в Алжире и маневры де Голля, пытавшегося ценой некоторых уступок алжирцам спасти интересы нефтяных трестов в Сахаре, пробили глубокие бреши в правящем лагере. Крайне правое крыло ЮНР (Сустель), «умеренных» (Дюше), МРП (Бидо), отражавшее интересы европейских аграриев в Алжире — «ультра», части колониальных трестов и военщины составило правую оппозицию де Голлю — политический штаб многочисленных фашистских заговоров, ударным инструментом которых стала погромно-террористическая Секретная вооруженная организация (ОАС), а затем ее преемник — самозванный Национальный совет Сопротивления (НСС). Бандитская деятельность ОАС поощрялась почти полной безнаказанностью заговорщиков, скандальным попустительством со стороны официальных властей Пятой республики. Правящие круги авторитарного режима чересчур многим были обязаны «ультра», чтобы решительно бороться против них. ОАС располагала разветвленной сетью сторонников в высших правительственных сферах, армии, полиции, контрразведке. «Если официальная политическая жизнь является менее оживленной, чем прежде, если буржуазные партии кажутся впадшими в сон, то военные и политические заговоры, для которых система самим своим функционированием создает благодатную почву, активизируются с каждым днем», — отмечал прогрессивный публицист Лоран Салини¹⁶.

Результатом явилась дальнейшая поляризация сил в стране, которая все более явно подрывает устои личной власти и ведет к тяжелому кризису авторитарного режима.

¹⁶ «Démocratie nouvelle», 1960, N 6, p. 35.

Глава II

Буржуазные политические партии и их место в системе диктатуры монополий

1. Правые партии

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, главным политическим орудием французских монополий на современном этапе служит *Союз защиты новой республики* (ЮНР).

Партия ЮНР была основана в октябре 1958 г. группой ближайших соратников де Голля по лондонской эмиграции, а затем по Объединению французского народа (РПФ) — Мишелем Дебре, Жаком Шабан-Дельмасом, Жаком Сустелем, Эдмоном Мишле и т. д. Основой для ее кадрового костяка послужили, с одной стороны, остатки аппарата прежних деголлевских движений (РПФ, социальных республиканцев), а с другой — заговорщических центров и пропагандистских организаций, подготовивших ликвидацию Четвертой республики («Союз борьбы за обновление Франции» Сустеля, «Республиканский конвент» Дельбека и т. д.). Хотя формально генерал де Голль не связывал себя открытой поддержкой ЮНР, на деле он лично контролировал каждый ее шаг, используя партию в виде «маневренной массы», основной политической опоры режима. На выборах 23—30 ноября 1958 г. ЮНР собрала 3,6 млн. голосов в первом туре, на следующих выборах, 18—25 ноября 1962 г. — 5,8 млн. голосов (соответственно 20 и 31,9%).

Идеология, программа и лозунги ЮНР мало отличаются от пропагандистского багажа прежних деголлевских организаций. Их основа — культ генерала де Голля, изображаемого в виде «верховного арбитра» конфликтов между французами, призванного сплотить их во имя решения главной национальной задачи — восстановления утраченного величия Франции. Необходимой предпосылкой для решения данной задачи провозглашается создание «сильного» авторитарного государства президентского типа.

Подобная националистическая фразеология находит свое выражение в области внешней политики в претензиях на создание французской ракетно-ядерной «ударной силы», завоевание более

видного места в НАТО и организацию блока западноевропейских стран по принципу межгосударственного союза под руководством Франции («Европа отечеств»). Лидеры ЮНР стараются использовать в своих целях известный политический капитал, нажитый деголлевыми в годы второй мировой войны, всячески раздувая свою роль в движении Сопротивления.

В финансово-экономической области ЮНР афиширует свою приверженность к методам активного вмешательства буржуазного государства в экономику с целью максимального ускорения темпов ее развития. Подлинная суть этого вмешательства прикрывается обещанием социальных реформ (лозунги «заинтересованности наемного труда в результатах работы предприятия», «социального выдвижения» рабочих и т. д.).

В области колониальных проблем ЮНР с момента своего возникновения проявляла постоянные колебания, связанные как с пестротой ее состава, так и с резкими зигзагами политики де Голля под влиянием неудач французских колонизаторов в Алжире. На выборах 1958 года большинство депутатов Союза защиты новой республики было избрано под ультраколониалистским лозунгом «французского Алжира». После вынужденного отхода де Голля от этой обреченной формулы, вызвавшего раскол партии и исключение оголтело фашистской группы Сустеля — Дельбека, лидеры ЮНР упорно пытались приписать своему вождю главную заслугу в прекращении зашедшей в тупик семилетней войны путем переговоров с повстанцами.

Наконец, по вопросу о светской школе ЮНР в целом активно поддерживала клерикалов, хотя среди части ее рядовых активистов, претендовавших на «левизну», проявлялось явное недовольство этим.

Разумеется, дела руководителей Союза защиты новой республики отличались от их слов, как небо от земли. Культ «провиденциального человека» прикрывал ликвидацию основных атрибутов буржуазного парламентаризма и непрерывное усиление авторитарного характера режима личной власти. Шовинистические фразы обесценивались превращением Франции в ходатая по делам западногерманских милитаристов, ее изоляцией на международной арене. Социальная демагогия оказывалась ширмой для атаки монополий на жизненные интересы трудящихся. Наконец, в экономике сторонники форсирования роста промышленности среди партийных руководителей пошли на серьезные уступки твердолобым консерваторам — защитникам финансовой стабильности за счет широких масс при торможении темпов развития народного хозяйства, перегруженного гонкой вооружений.

Политическая тактика Союза защиты новой республики была предопределена попытками генерала де Голля после прихода к власти в 1958 г. предстать в глазах общественного мнения

под маской центристской, компромиссной фигуры, предотвращающей столкновение крайне правых и крайне левых группировок в связи с алжирской проблемой, грозившее вылиться в кровопролитную гражданскую войну. После того, как «ультра» из группы Сустеля — Дельбека, надеявшиеся создать прочный блок со всеми крайне правыми группировками и превратить ЮНР в зародыш единой партии фашистского типа, потерпели неудачу, руководство союзом оказалось в руках группы Дебре, Шабан-Дельмаса, Фрэ, Террнуара. Они всячески стремились изобразить ЮНР — этот ударный кулак финансовой олигархии — в виде «центристской» силы, способной заменить ослабевшую, подорванную фракционной борьбой партию радикалов в роли «шарнира», центра тяжести коалиционных кабинетов любого политического оттенка.

Организационная структура ЮНР характерна для общих тенденций развития современных политических партий французской буржуазии. В противоположность расплывчатым, аморфным и недисциплинированным партийным группировкам прошлого Союз защиты новой республики с момента своего возникновения отличался крайней централизацией. Этому способствовало положение ЮНР как новой партии, не располагающей прочной опорой на местах в лице традиционных «нотаблей» — влиятельных членов муниципальных и генеральных советов.

Устав ЮНР требует оформления членства с выдачей партбилетов и уплатой взносов, запрещая совмещать его с участием в других политических организациях. В 1959 г. официальные инстанции партии претендовали на 100 тыс. членов. Однако данная цифра преувеличена по крайней мере в 5—6 раз¹.

Низовая первичная организация ЮНР — секция в мелких единицах административно-территориального деления Франции: коммуне, кантоне или округе (служащем по закону 1958 г. одновременно избирательным округом). Секции каждого из 90 департаментов метрополии образуют департаментский союз, имеющий свой собственный устав и внутренний регламент в рамках общего устава. Члены союза избирают департаментский комитет, выбирающий в свою очередь генерального секретаря и казначея. Основные функции департаментских союзов — пропаганда, вербовка новых членов, отбор кандидатур для выборов в органы местного самоуправления и представление кандидатур

¹ На первых порах по вопросу о членстве в верхушке ЮНР шла острая борьба: тогдашний генеральный секретарь банкир Алоэн Шаландон настаивал на концепции «кадровой партии», опирающейся на сравнительно немногочисленный костяк, тогда как представитель фракции «ультра» Леон Дельбек резко нападал на него, требуя расширить вербовку и превратить ЮНР в подлинно массовую организацию. В конце концов линия Шаландона победила вследствие отпадения оголтело фашистского крыла Сустеля — Дельбека, а самое главное — ввиду серьезных трудностей при вербовке в партию новых членов.

вышестоящим партийным инстанциям перед парламентскими выборами.

Согласно уставу, высшим органом ЮНР в масштабе всей страны является съезд (*Assises nationales*), на котором представлены департаментские союзы в соответствии с их численностью. Съезд формально должен давать директивы по общей деятельности и политической ориентации партии, выбирать центральный комитет, арбитражную и мандатно-контрольную комиссии. В промежутке между ежегодными съездами исполнение их решений призван контролировать Национальный совет, собирающийся по крайней мере дважды в год и состоящий на паритетных началах из парламентариев, с одной стороны, генеральных секретарей департаментских союзов, а также делегатов от них в соответствии с численностью каждого союза — с другой. При Национальном совете состоят специализированные комиссии для изучения политических, профессиональных, социальных и партийных проблем.

Центральный комитет, теоретически обязанный обеспечивать руководство проведением в жизнь директив съезда и Национального совета, отбирает на основе предложений департаментских союзов кандидатуры для выборов в парламент, решает вопрос о снятии их во втором туре в пользу родственного по политическому оттенку кандидата (*le désistement*), выносит окончательные решения по дисциплинарным делам после консультации с арбитражной комиссией, готовит съезды и сессии Национального совета. ЦК состоит из членов партии — министров, председателей палат парламента, председателей фракций ЮНР (групп) в Национальном собрании, сенате, экономическом и социальном совете, 25 парламентариев, выбранных съездом, и 25 не парламентариев, также избранных съездом из числа членов Национального совета. На заседания ЦК ЮНР могут привлекаться с совещательным голосом члены бюро парламентских фракций и председатели специализированных комиссий Национального совета.

Уже сам текст устава ЮНР показывает, что по мере подъема на каждую более высокую ступень партийной иерархии удельный вес парламентариев и тем более членов правительства неуклонно возрастает. На практике декорум выборности руководящих органов скрывает по сути дела неограниченную диктатуру верхушки ЮНР в лице политической комиссии ЦК. Она состоит из членов партии — министров, председателей палат парламента, председателей парламентских фракций, генерального секретаря, генерального казначея и восьми членов, избранных ЦК.

Вертикальная бюрократическая централизация власти в руках членов политической комиссии обеспечивается рядом положений устава: ЦК утверждает в обязательном порядке генеральных секретарей и казначеев департаментских союзов, кандида-

туры на выборах в органы местного самоуправления, не говоря уже о кандидатах на парламентских выборах. Поскольку, однако, министры и парламентарии доминируют в ЦК, то эта процедура сводится к простой кооптации.

В свою очередь, фракция ЮНР в Национальном собрании отличается сравнительно жесткой дисциплиной, беспрекословным подчинением директивам руководства и, следовательно, правительства, которое всегда может быть уверенным в получении «своих» голосов². Эта дисциплина подкреплялась страхом депутатов — главным образом «новых людей», не имевших ни прочных, давно укоренившихся личных позиций в округах, ни влияния в политических сферах столицы, — вызвать неудовольствие руководства и тем самым потерять всякую надежду на переизбрание.

ЮНР была создана с самого начала как главная правительственная партия: располагая значительной частью ключевых политических портфелей в правительстве, руководители ЮНР широко использовали государственный аппарат для обеспечения «теплыми местечками» партийных активистов, а партийную машину — как придаток и орудие авторитарного государства.

Выборы 1958 и 1962 гг. показали, что избирательная география ЮНР совпадает главным образом с обычными зонами влияния правоконсервативных клерикальных партий — на Западе, на Востоке (Эльзас, Лотарингия), а отчасти также в экономически развитых промышленных департаментах Северо-Востока, в Парижском районе. Дискредитация других буржуазных партий, в частности пужадистов и радикалов, позволила деголлевцам захватить часть их избирательной клиентуры на Юго-Западе по Атлантическому побережью, вплоть до горных районов Пиренеев и на Юге в бассейне Роны (Лион)³.

Среди избирателей ЮНР преобладают представители городских средних слоев, особенно «новых», но представлены также собственническое крестьянство, домохозяйки и некоторая часть отсталых рабочих. Однако попытки ЮНР завоевать более или менее внушительную рабочую базу через так называемые «рабочие и профессиональные комитеты поддержки действий генерала де Голля» и штрейкбрехерские «независимые» профсоюзы с треском провалились.

Хотя устав ЮНР подчеркивает, что ее финансовые средства состояются лишь из членских взносов, на деле партийная

² Еще в 1958 г. со всех депутатов — членов ЮНР было взято специальное письменное обязательство о слепой верности генералу де Голлю и беспрекословной, безоговорочной поддержке его политики.

³ В южных районах, где были сосредоточены переселенцы из Северной Африки, в 1958—1959 гг. были сильны шовинистические настроения. В 1962 году в связи с отходом де Голля от лозунга «французского Алжира» ЮНР потеряла часть их голосов.

касса щедро финансируется подлинными хозяевами партии — наиболее мощными группировками монополистического капитала. Среди сторонников ЮНР выделяются такие видные фигуры, как авиапромышленник Марсель Дассо, выпускающий известные реактивные истребители «Мистэр», генеральный директор автомобильных заводов СИМКА Теодор Пиготти и др. В 1962 году в состав ЮНР влилась мелкая группа Демократический союз труда — ЮДТ (т. н. левые деголлерцы — Жильбер Гранваль, Жан Сетени, генерал Бийотт и прочие, отличавшиеся более широким использованием социальной демагогии). С тех пор партия именуется ЮНР — ЮДТ.

Вторая по важности после ЮНР правая партия в системе господства французской финансовой олигархии — *Национальный центр независимых и крестьян социального действия* (СНИП). «Независимые и крестьяне» выступают в роли своеобразного союза монополий с довольно широкими кругами немонополистической буржуазии при доминирующей роли первых. К «независимым и крестьянам» вполне приложима данная Эмманюэлем Берлем характеристика крупнейшей правой партии Третьей республики — Республиканской федерации (носившей некоторое время название Республиканско-демократического союза — ЮРД). «Это партия мелких буржуа, которые верят, что их спасут крупные буржуа. Это рантье, который доверяет обкрадывающему его банкиру»⁴.

Национальный центр «независимых и крестьян» был основан сенатором Роже Дюше в июле 1948 г. и постепенно рос за счет осколков различных «умеренных» правоконсервативных группировок, сохранившихся со времен Третьей республики или возникших после второй мировой войны в качестве преемников той части буржуазных партий, которая в годы оккупации поддерживала режим Виши (независимые республиканцы, Республиканская партия свободы — ПРЛ, крестьянская партия, АРС и т. д.). На выборах «умеренные» собирали обычно от 2,5 до 4 млн. голосов, т. е. 15—20 %.

Краеугольный камень идеологии «независимых и крестьян» — яростный антикоммунизм: многие их лидеры неоднократно требовали прямо запретить компартию, «не заботясь о тонкостях юридической процедуры» (Робер Брюинель на II съезде Центра в 1956 г.). Особая резкость нападок «независимых» на коммунистов объясняется стремлением представителей крупного капитала использовать жупел «красной опасности» в качестве орудия идейно-политического подчинения своему влиянию различных группировок немонополистической буржуазии и крестьянства. В отличие от других буржуазных партий, соперничающих в антикоммунизме с «умеренными», последние нередко атакуют заод-

⁴ E. B e r l. La politique et les partis. Paris, 1932, p. 37.

но с коммунистами и правых социалистов, усматривая даже в них носителей «марксистской заразы».

Другая неотъемлемая составная часть пропагандистского арсенала «независимых и крестьян» — национализм. Но если ЮНР афиширует свое стремление добиться для Франции более видного места в НАТО и «построить Европу» по принципу межгосударственного союза, то «умеренные» критикуют эти великодержавные претензии. Настаивая на безоговорочной верности американскому руководству в НАТО и на объединении западноевропейских стран на федеративной основе, они в известной мере отражают страх монополистической буржуазии перед пагубными последствиями перенапряжения государственных финансов разбазариванием средств на дорогостоящую атомную «ударную силу». Зато в колониальных вопросах «независимые и крестьяне» всегда стояли на позициях твердолобых «ультра», злобно нападая на любые уступки национально-освободительному движению (в этом сказывалось опасение определенных прослоек французской буржуазии утратить привилегированную сферу экспансии, ограниченную от иностранных конкурентов).

Поскольку католицизм остается важнейшим связующим звеном всех правых группировок, «умеренные» систематически выступали в пользу государственных субсидий частным (церковным) школам. «Религия обеспечила обществу руководящие кадры для устойчивых государственных учреждений, и эти кадры придали ряду поколений чувство безопасности, без которого невозможно никакое предприятие», — заявлял один из идеологов «умеренных» — Дельбез.

Однако наиболее специфической чертой программы и лозунгов «умеренных» является пропаганда максимального ограничения государственного вмешательства в хозяйственные вопросы — экономического «либерализма». Символ веры «независимых» в экономике — сбалансирование бюджета не столько за счет налогов, в какой-то мере ущемляющих буржуазию, сколько путем резкого сокращения социальных расходов государства. Именно ненависть к «этатизму», «дирижизму», под которыми понимались в первую очередь социальное законодательство и национализация некоторых отраслей промышленности и транспорта, послужила знаменем сплочения разношерстных консерваторов вокруг единого национального центра. Однако злобные нападки на «этатизм» мирно уживаются в программных документах «независимых и крестьян» с настойчивыми требованиями сохранить протекционистские меры государства в отношении тех или иных буржуазных прослоек (особенно аграрной буржуазии, а также в известной мере мелких и средних предпринимателей, торговцев, ремесленников).

Эта двойственность, в которой сказывается внутренняя противоречивость «умеренных», дает о себе знать и в некоторых

политических вопросах. Так, в период Четвертой республики «независимые и крестьяне» шумно требовали конституционной реформы с целью дальнейшего усиления исполнительной власти. Однако после прихода к власти де Голля, ряд мероприятий которого, проведенных в интересах наиболее тесно связанного с госаппаратом крыла финансовой олигархии, ущемили отдельные прослойки средней и даже крупной немонополистической буржуазии, «независимые и крестьяне» начали нападать на режим личной власти, обвиняя его в диктаторских поползновениях.

Политическая тактика «умеренных» сводилась обычно к попыткам сплотить антикоммунистической блок правых партий на платформе либо клерикализма (это давало возможность привлечь МРП и деголлевцев), либо «экономического либерализма» (что перебрасывало мост к радикалам). Длительное сотрудничество «независимых и крестьян» с социалистами оказывалось обычно затрудненным.

По своей организационной структуре Национальный центр «независимых и крестьян» продолжает традиции аморфных, недисциплинированных правых партий времен Третьей республики. СНИП не имеет ни твердо разработанного устава, ни оформленного членства, ни централизованного постоянного аппарата: он был создан с самого начала на базе непартийных организаций буржуазии — объединений промышленников, торговых палат, синдикатов зажиточного крестьянства. Председатели их создали совместно с консервативными членами муниципальных, генеральных советов и депутатами парламента примерно в 80 из 90 департаментов департаментские центры «независимых и крестьян». Эти центры служат главным образом инструментами подготовки и проведения предвыборных кампаний (в их функции входит отбор кандидатов по выборам как в органы местного самоуправления, так и в парламент, решение вопросов о снятии кандидатур во втором туре, налаживание пропаганды и т. д.) Каждым центром руководит секретарь. Пополняется центр исключительно путем кооптации. По оценке американского исследователя политических партий во Франции Лапонса, постоянный аппарат СНИП в центре и на местах не превышает тысячи человек. Функции политического актива «независимых и крестьян», их организационного костяка выполняют примерно 20 тыс. «умеренных» муниципальных и генеральных советников⁵.

Национальный центр в Париже возник как орган координации деятельности отдельных департаментских центров, обеспечивающий связь их с парламентской группой: он объявил себя «объединением частных лиц, парламентских деятелей, муниципальных и генеральных советников, выступающих против дикта-

⁵ J. A. Laponce. The Government of the Fifth Republic. French Political Parties and the Constitution. Berkeley — Los Angeles, 1961, p. 115—116.

туры партий и слепой дисциплины голосования». Хотя формально кандидатуры на парламентских выборах утверждаются Национальным центром по предложениям департаментских центров, он обычно лишь штампует уже принятые местными «нотаблями» решения и вмешивается лишь в случае острой грызни между ними, способной сыграть наруку соперничающим партиям⁶.

Тем не менее со второй половины 50-х годов среди «умеренных» наблюдалось стремление несколько упрочить внутреннюю структуру СНИП. В июне 1954 г. были частично реорганизованы департаментские центры, в декабре того же года впервые собрался общенациональный съезд (вместо прежних «исследовательских совещаний»).

Съезды собираются нерегулярно, их заседания носят обычно чисто пропагандистский характер. В промежутках между ними происходят сессии Национального совета, состоящего из парламентариев, председателей и генеральных секретарей департаментских центров. Решения Национального совета не имеют обязательной силы. Более узкий орган — руководящий комитет, собирающийся еженедельно и состоящий примерно из 30 членов, в большинстве своем парламентариев. Среди непарламентариев — членов комитета фигурируют как представители департаментских центров, так и делегаты крупнейших буржуазных групп давления, в частности Национальной федерации синдикатов земледельцев и Всеобщей конфедерации мелких и средних предприятий.

Однако подлинной головкой СНИП служат парламентские фракции, признанные лидеры которых, входящие в состав руководящего комитета и располагающие там двумя третями мест, образуют исполнительную комиссию. Она утверждает кандидатуры для выборов в парламент, намеченные департаментскими центрами, служит арбитром в их внутренних конфликтах. Вопрос об участии партии в правительстве или в парламентском большинстве обычно передается исполнительной комиссией на решение объединенного заседания фракций «независимых и крестьян» в Национальном собрании и сенате: если они принимают двумя третями голосов резолюцию, запрещающую участие партии в правительстве, то нарушение ее в принципе влечет за собой исключение из Национального центра, лишаящее права пользоваться его этикеткой и содействием на выборах. Но на деле эти грозные правила применяются крайне редко. Фракции «умеренных» обычно раскалываются во время обсуждения важнейших вопросов на три части — голосующих за, против и воздержав-

⁶ Причем такое вмешательство далеко не всегда оказывается успешным: например, на выборах 1958 г. парижские «независимые» во главе с Фредерик-Дюпоном сочли себя обделенными и выставили кое-где свои кандидатуры против кандидатов СНИП.

шихся, а видные парламентарии не колеблются принимать портфели «под свою личную ответственность» (*à titre personnel*) без санкции СНИП⁷. «Умеренные» депутаты и сенаторы делятся на множество соперничающих «тенденций», группирующихся вокруг тех или иных признанных лидеров — Антуана Пинэ, Поля Рейно и др. На протяжении многих лет (1948—1961 гг.) видную роль в организации и деятельности СНИП играл сенатор от департамента Кот д'Ор Роже Дюше вплоть до его поражения и ухода с этого поста.

В правительстве «умеренные» всегда домогались прежде всего экономических портфелей — министров финансов, промышленного производства, реконструкции, общественных работ, сельского хозяйства, многие из которых оказались в руках их лидеров после прихода к власти генерала де Голля.

По данным выборочных опросов в середине 50-х годов, 31% избирателей «умеренных» были крестьянами, 11 — торговцами, 9 — промышленниками, 7 — чиновниками и т. д. 58% их были собственниками недвижимости и 31% держали прислугу⁸. Постоянные кадры СНИП составляли в подавляющем большинстве средние и мелкие промышленники, типичным представителем которых был Антуан Пинэ — владелец кожевенного предприятия и мэр города Сен-Шамон, лица свободных профессий, богатые фермеры, землевладельцы. Однако доминирующее положение среди них занимают прямые выходцы из кругов монополий. Так, в кабинете Жоржа Помпиду (1962 г.) министром финансов был «независимый» Валери Жискар д'Эстэн — сын одного из руководителей группы Индокитайского банка, а председателем фракции «независимых и крестьян» в Национальном собрании — Бертран Мотт, представитель крупнейшей «текстильной династии» Северо-Востока.

Резкое обострение противоречий между финансовой олигархией, с одной стороны, мелкой, средней и отчасти крупной монополистической буржуазией — с другой, привело к глубокому кризису партии «независимых и крестьян». В 1961 г. внутри центра произошел первый заметный раскол: группа «ультра» во главе с генеральным секретарем Роже Дюше, де Лакост-Лареймонди и другими, подобно фракции Сустеля — Дельбека в ЮНР, потерпела поражение в борьбе против более осторожного большинства под руководством Камилла Лорана и Поля Рейно.

Второй, еще более серьезный раскол произошел год спустя, во время референдума и выборов 1962 г. На сей раз ведущие лидеры партии — ветеран «умеренных» Рейно, Бертран Мотт и их окружение — выступили против предложенной де Голлем консти-

⁷ В парламенте всегда имеются десятка два «умеренных» депутатов, не примыкающих к Национальному центру «независимых и крестьян».

⁸ M. Merle. Les modérés. «Partis politiques et classes sociales en France». Sous la direction de Maurice Duverger. Paris, 1955, p. 262.

туционной реформы (выборов президента всеобщим голосованием), надеясь набить себе цену в глазах избирателей запоздалой оппозицией режиму личной власти, подготовить почву для сотрудничества с партиями центра и помешать их сближению с коммунистами. В то же время часть «умеренных», возглавленная министром финансов Валери Жискар д'Эстэнном и Раймоном Мондоном, осталась верной опорой де Голля, выступив в блоке с ЮНР. Результаты всех этих маневров оказались плачевными: Национальный центр «независимых и крестьян» собрал в первом туре всего 1,7 млн. голосов вместо 2,8 млн., полученных четырьмя годами ранее (соответственно 9,06% и 13,74%). В парламенте 1962 г. оппозиционным «независимым и крестьянам» досталось всего 18 мест вместо 88. Продолеговская фракция «умеренных», принявшая наименование «независимых республиканцев», получила 32 места только благодаря союзу с ЮНР. Таким образом, «классическая» право-консервативная партия французской буржуазии значительно ослабела и утратила прежнее могущество.

2. Партии центра

Среди центристских партий ближе всего к финансовой олигархии стоит партия *Народно-республиканское движение* (МРП), основанная на съезде в Париже 26 ноября 1944 г. на базе небольшой довоенной партии народных демократов, части мелкой социал-христианской лиги «Молодая республика», кадрового ядра Французской конфедерации христианских профсоюзов и молодежных организаций Католического действия, некоторые активисты которых принимали участие в продеголлевоком крыле движения Сопротивления. Удельный вес МРП в стране резко колебался в зависимости от обстановки: она собирала на выборах от 5,6 млн. голосов (28,1%) в июне 1946 г., когда народные республиканцы выдвинулись на короткое время на первое место, до 1,6 млн. в 1962 г. (8,92%).

Идейные истоки платформы партии восходят к писаниям теоретиков христианской демократии и «христианского социализма» во Франции — Ламеннэ, Лакордэру, Монталамберу, Альберу де Мэну, а также к энцикликам папы Льва XIII «Рерум новарум» (1891 г.) и Пия XI «Квадрагезимо анно» (1913 г.). В соответствии с установками римской курии верхушка церковной иерархии еще в 90-х годах XIX в. побудила часть крайне правых клерикальных элементов французской реакции отказаться от систематической оппозиции республиканскому строю. Вместе с тем в борьбе против влияния революционного марксизма католическая церковь Франции стремилась приостановить процесс «дехристианизации» рабочего класса при помощи социальной демагогии, поощряя деятельность ряда организаций, выступавших в такти-

ческих целях с критикой несправедливостей капитализма и выдвигавших для его «исправления» такие мероприятия, как социальное законодательство, объединение профессий по корпоративному принципу и т. д.

Приспосабливаясь к обстановке подъема демократических сил и бурного роста популярности социализма в первые послевоенные годы, руководство Народно-республиканского движения решило формально согласиться с программой Национального совета Сопротивления. Резолюция учредительного съезда МРП в ноябре 1944 г. требовала даже «уничтожения трестов, без чего невозможно независимое демократическое правительство, ликвидации капитализма во имя обеспечения уважения к человеческой личности, национализации основных отраслей промышленности».

Вместе с тем, провозглашая звонкий лозунг «революция через закон», претендуя на достижение одновременно политической свободы и социальной справедливости в условиях буржуазного общества, идеологи МРП стремились доказать, что эта революция должна совершиться прежде всего «в сердцах людей». Одобрение вмешательства буржуазного государства в экономику в целях форсирования темпов роста народного хозяйства и его структурной перестройки МРП неразрывно связывала с упорной защитой принципа частной собственности и проповедью классового сотрудничества на основе христианской морали. «Экономическая и социальная демократия ...сделает возможным доступ трудящихся к руководству экономикой путем развития профсоюзного движения и участия в управлении и прибылях предприятий», — подчеркивала одна из деклараций МРП.

Помимо лозунгов социальных реформ, адресованных верующим рабочим, важным элементом тактики МРП было ее стремление завоевать популярность среди крестьян, пользуясь сотрудничеством с церковью, сохранившей в деревне более прочные позиции, чем в городе. Отсюда — постоянное упоминание в предвыборных декларациях партии о необходимости гарантии правительством сельскохозяйственных цен, увеличении кредитов на покупку инвентаря и т. д.

Основной общества партийные теоретики МРП объявляли не класс, а семью, в значительной мере подверженную во Франции контролю католической церкви (ввиду влияния священников на женщин, особенно в сельских местностях). Именно поэтому одной из главных тем предвыборной пропаганды МРП всегда была «защита семьи» — поддержка некоторых ограниченных законопроектов о семейных пособиях, охране материнства, демагогические призывы к обеспечению будущего молодежи и т. д.

Место, которое заняло Народно-республиканское движение в пестром спектре французской внутренней политики, и первые же шаги народных республиканцев на политической арене не замедлили обесценить значительную часть социальной демагогии их

вождей. В 1944—1946 гг. в ряды МРП хлынула основная масса обычных сторонников правых клерикально-консервативных партий, дискредитированных поддержкой режима Виши и искавших «прогрессивную», «патриотическую» ширму для перегруппировки сил реакции. Именно они, а никак не реформистски настроенные выходцы из христианских профсоюзов или организаций типа Христианской рабочей молодежи, диктовали партии линию ее поведения, пользуясь активной поддержкой церковной иерархии.

Лидеры народных республиканцев: Жорж Бидо, Пьер-Анри Тетжен, Морис Шуман, Андре Колен и другие, — не замедлили предать забвению чересчур «левые» пункты своих первоначальных программных заявлений, выступив в качестве главной агенты реакции среди партий Сопротивления: они старались предельно ограничить масштабы национализации, приспособить ее к интересам финансового капитала, урезать до минимума демократические статьи конституции 1946 года, сорвать чистку коллаборационистов и т. д. Данная линия продолжалась и после того, как добрая половина наиболее консервативных избирателей МРП перешла от нее сначала к деголлевской РПФ, а затем к «умеренным» («независимым и крестьянам»).

Стремясь не отстать от своих конкурентов справа в глазах верующих избирателей, народные республиканцы активнейшим образом отстаивали традиционный лозунг клерикалов — требование восстановить бюджетные субсидии частным католическим школам (что и было проведено законом Баранже в сентябре 1951 г.). В итоге партия оказалась оторванной от социалистов, с которыми она тесно сотрудничала до 1951 г. под прикрытием реформистской фразеологии, и прочно прикованной к правым. Поражение последних на парламентских выборах 1956 г. отбросило МРП почти на два года в оппозицию.

Постепенный возврат МРП к власти в 1956—1958 гг., возобновление временно прерванного контакта между народными республиканцами и СФИО произошли на платформе антикоммунизма и совместной защиты «европейской интеграции» в ее крайней наднациональной форме. Если после окончания второй мировой войны МРП, считавшаяся тогда «партией верности» де Голлю, широко практиковала националистическую демагогию, то примерно с 1949 г. народные республиканцы совершили поворот и превратились в самых последовательных сторонников отказа от всех атрибутов национального суверенитета в пользу «объединенной Европы» и НАТО. На этой почве верхушка МРП не раз сталкивалась с деголлевцами, отстаивавшими националистический лозунг «Европы отечеств».

В вопросе о политическом режиме народные республиканцы вели себя точно так же, как и «умеренные»: выступая в последние годы Четвертой республики в авангарде сторонников консти-

туционной реформы в авторитарном духе, требуя резкого усиления исполнительной власти в ущерб парламенту и поддержав реакционную конституцию 1958 года, вожди МРП начали затем лицемерно «обличать» диктаторские тенденции Пятой республики, тяготевшей к единоличной диктатуре.

Наконец, на программе и политике МРП в колониальных вопросах лежала та же печать двойственности, лицемерия, вопиющего расхождения между словом и делом. Начав с провозглашения готовности к далеко идущей реформе управления колониальной империей в федеративном духе, вожди Народно-республиканского движения показали себя в 1946—1955 гг. как вдохновители и непосредственные организаторы семилетней «грязной войны» в Индокитае, непримиримые враги либерального курса в Северной Африке. Лишь окончательное крушение французского колониального владычества в Алжире заставило верхушку МРП внезапно вспомнить о своем былом программном «либерализме» в заморских делах, чтобы попытаться приписать себе несуществующие заслуги в мирном разрешении алжирского конфликта. В связи с этим в рядах МРП, как и всех остальных французских буржуазных партий, в 1958—1962 гг. произошел раскол: ультраколониалистская группа Жоржа Бидо, Альфреда Кост-Флорэ и некоторых других отошла вправо, к непримиримым сторонникам «французского Алжира».

Положение МРП как партии правого центра предопределило ее тактику: в периоды подъема левых сил она стремилась к союзу со СФИО на реформистской и «европейской» платформе, чтобы предотвратить единство действий социалистов с коммунистами, поворачивая вправо на почве клерикализма по мере того, как перспектива создания нового Народного фронта отдалялась.

В организационном отношении МРП представляет собой одну из сравнительно дисциплинированных буржуазных партий новой послевоенной формации. Если в первые годы после освобождения страны в структуре МРП безраздельно господствовали парламентские фракции (подобно положению, существующему в ЮНР), то с конца 50-х годов несколько возросла роль партийного аппарата (по примеру СФИО), что объяснялось давлением левого крыла, близкого к христианским профсоюзам и организациям Католического действия.

Народно-республиканское движение придерживается принципа оформленного членства, требует уплаты партийных взносов, его устав запрещает одновременную принадлежность к другим политическим партиям. В 1960 г. партия насчитывала около 40 тыс. членов. Низовой ячейкой является секция, организованная по территориальному признаку (в коммуне или кантоне), причем каждая секция насчитывает не менее 10 членов. Большая часть секций функционирует только во время предвыборных кампаний.

Секции объединяются в департаментские федерации. Каждая из них должна насчитывать по крайней мере 5 секций и 100 членов; в некоторых случаях несколько департаментов могут образовать одну федерацию, в крупных департаментах имеются две и более федерации⁹. Они могут иметь собственный устав, не противоречащий общепартийному, и определять размер партийных взносов. Задачи федерации обычны: вербовка членов, пропаганда, отбор кандидатур для выборов (кандидаты в парламент утверждаются сверху), организация предвыборных кампаний. В отличие от филиалов других буржуазных партий, федерации МРП ведут систематическую пропагандистскую работу через так называемые специализированные группы — женские, молодежные, рабочие, сельские, «независимых профессий», специалистов, которые по сути дела являются связующими звеньями между партией и соответствующими ветвями Католического действия или христианских профсоюзов. Съезд департаментской федерации избирает федеральный руководящий комитет, а последний — бюро или исполнительную комиссию в составе председателя, его заместителей (из которых один — обязательно женщина), федерального секретаря и казначея.

Высшим органом Народно-республиканского движения формально является ежегодный съезд, на котором представлены департаментские федерации в соответствии с их численностью. Съезд призван решать теоретические, программные, политические вопросы деятельности МРП, выбирать председателя партии, генерального секретаря (в первом туре — абсолютным большинством, во втором — относительным) и часть членов национального комитета.

Национальный комитет, по букве устава, подчинен съезду, призван следить за проведением в жизнь его решений, контролировать деятельность федераций, разрешать внутрипартийные конфликты и т. д. Он состоит из членов партии: министров, председателей палат и парламентских групп, представителей от депутатов и сенаторов, представителей департаментских федераций, представителей специализированных групп, муниципальных и генеральных советников, заслуженных активистов и т. д. Представители федераций в комитете не являются парламентариями. Именно национальный комитет, в котором позиции парламентариев гораздо прочнее, чем на съезде (они имеют треть мест), принимает решения об участии в правительстве или переходе в оппозицию.

Еще более явно преобладание министров и депутатов сказывается на следующей ступени — в исполнительной комиссии, целиком входящей в состав национального комитета. В комиссию

⁹ Мелкие федерации (например, департаментов Корсика или Крêз) насчитывают меньше и не имеют поэтому представительства в вышестоящих инстанциях.

входят члены МРП: министры, 12 парламентариев, избранных национальным комитетом, 18 представителей федераций-непарламентариев и 5 активистов, кооптированных за заслуги или по должности. Здесь парламентарии имеют уже половину мест и могут всегда добиться удовлетворения своих наиболее существенных требований. Именно исполнительная комиссия по сути дела предопределяет кандидатуры председателей и генеральных секретарей департаментских федераций, решает вопросы о парламентской тактике, участии в правительстве и т. д.

Вершиной партийной иерархии МРП служит национальное бюро, состоящее из председателя партии, ее генерального секретаря, председателей парламентских групп, казначея и 8 членов, избранных национальным комитетом, из которых 3 непарламентария (последнее было уступкой требованиям партийных активистов: до 1959 г. эти члены выбирались исполнительной комиссией).

Парламентские фракции Народно-республиканского движения в принципе соблюдают дисциплину голосования, но далеко не всегда. Их руководство в целом чувствует себя мало связанным директивами партийной машины и нередко полностью ускользает из-под ее контроля.

В правительстве МРП на протяжении 10 первых послевоенных лет прочно удерживала в своих руках министерство иностранных дел (Жорж Бидо, Робер Шуман). Партия МРП нередко контролировала также министерства колоний (заморских территорий), национальной обороны и проявляла особый интерес к портфелям, обеспечивающим интересы партии на выборах: министерств труда, сельского хозяйства, здравоохранения и народонаселения, ведающего вопросами семьи. В правительствах Пятой республики Мишеля Дебре и Жоржа Помпиду, где чиновники-«специалисты», ЮНР и «умеренные» захватили все ключевые посты, МРП располагала вплоть до ухода в оппозицию (май 1962 г.) лишь второстепенными министерствами — общественных работ и транспорта, оборудования территории, труда, здравоохранения и т. д.

Классовый состав избирателей и членов МРП, как и других партий, созданных по конфессиональному (религиозному) принципу, отличается большой пестротой. Среди ее избирателей в начале 50-х годов насчитывалось, по данным выборочным опросов, 30 % женщин-демохозяек, 20 % — крестьян, 15 % — промышленных рабочих, 5 % — сельскохозяйственных рабочих, 11 % — служащих, 6 % — пенсионеров, 5 % — торговцев и т. д. Среди членов партии заметно увеличивается удельный вес промышленников и управляющих (11 %), государственных служащих (13 %), лавочников и ремесленников (11 %). Наконец, среди руководства, состоящего из бывших активистов различных католических организаций, преобладают лица свободных профессий — адво-

каты, врачи, а также выходцы из сельскохозяйственной буржуазии и частично профсоюзной бюрократии.

На выборах позиции МРП все более явно локализуются в сравнительно ограниченных районах наибольшего влияния католической церкви на крайнем Западе (департаменты Морбиан, Финистер, Иль-э-Вилен, Майенна), на крайнем Востоке (Нижний Рейн, Верхний Рейн, Мозель, Мёз, Мёрт-э-Мозель), наконец, в некоторых горных департаментах Альп и Пиренеев.

Хотя устав МРП официально провозглашает целью партии обеспечение «первенства труда перед капиталом и заслуг перед богатством или рождением», в действительности верхушка Народнo-республиканского движения всегда была теснейшим образом связана с монополиями. За МРП стоят наиболее космополитические круги французской крупной буржуазии, сросшиеся через густую сеть картельных соглашений и взаимных участий с финансовыми группировками США и стран Западной Европы (особенно тех, где у власти стоят католики).

Несмотря на упорные попытки консолидировать свои силы через организации католического действия, крестьянские синдикаты и христианские профсоюзы, партия МРП, которая находилась у власти в блоке с ЮНР и «независимыми» в 1958—1962 гг., не избежала тяжелого кризиса, пережитого остальными буржуазными партиями. На ноябрьских выборах 1962 г. она собрала всего 1,6 млн. голосов, потеряв по сравнению с предыдущими выборами 743 тыс.

В Национальном собрании МРП создала блок с некоторыми бывшими «умеренными» и осколками мелких центристских групп под названием «демократического центра».

Старейшая политическая организация французской буржуазии — *Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов*. В противоположность правоконсервативным «умеренным» партиям, более или менее явно признававшим освященное авторитетом католической церкви руководство крупной буржуазии мелкособственническими слоями, партия радикалов родилась прежде всего как выразитель интересов антиклерикальной мелкой буржуазии в борьбе против засилья «высших слоев общества» — крупного капитала, чиновничества, военщины, духовенства. Даже после прихода радикалов к власти, вызвавшего перерождение партии в преимущественно консервативную силу, она формально сохранила многие из своих прежних левых, демократических лозунгов. Радикалы сыграли огромную роль в политической истории Третьей и в несколько меньшей степени Четвертой республики, выступая в качестве главной правительственной партии центра.

На пороге второй половины XX в. радикальная партия оказалась в состоянии глубочайшего кризиса и упадка, вызванного крутыми сдвигами в социальной структуре Франции. Если:

в 1910 г. радикалы собрали 38% голосов и имели самую многочисленную группу в палате депутатов, то спустя полвека — в 1962 г. — они получили всего-навсего 3,71% голосов (679 тыс.) и фактически утратили всякую самостоятельную роль как в парламенте, так и в стране.

Радикализм как политическое течение считает себя хранителем и продолжателем традиций революции 1789 года, а своими «духовными отцами» объявляет якобинцев, Кондорсе, Ледрю-Роллена. Официально Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов была основана 21 июня 1901 г. на съезде местных республиканских комитетов, масонских лож и левобуржуазных группировок типа Лиги просвещения или Лиги прав человека, игравших в те годы активную роль в борьбе за оправдание Дрейфуса.

Программными документами партии являлись сначала Бельвильская программа, представленная Леону Гамбетте избирателями демократического пригорода Парижа Бельвиля в 1869 г., а после создания единой партии — программа, принятая съездом в Нанси в 1907 г. по докладу Эдуарда Эррио. Основным содержанием их были требования гарантий гражданских прав — неприкосновенности личности, свободы печати, собраний, ассоциаций, полного отделения церкви от государства и школы от церкви. Поскольку большая часть этих требований была реализована в конце XIX — начале XX в., обеспечение светского характера государства и школы превратилось в главный предвыборный лозунг партии и основное содержание деятельности радикалов. Раздувание данного вопроса позволяло лидерам партии сразу же после прихода к власти отодвинуть на задний план наиболее «крайние» пункты старых программ: выборность судей, право государственных служащих на профсоюзное объединение, реформу конституции в духе уменьшения прав сената, демократизацию системы выборов в него, замену косвенных налогов прогрессивно-подоходным, осуждение колониальных экспедиций, сокращение военных бюджетов и т. д.

С одной стороны, партия радикалов выступала под флагом последовательной защиты демократии, именую себя «пехотой республики» и добиваясь союза с социалистами на выборах (лозунг «не иметь врага слева»), с другой — не теряла контакта с правобуржуазными группировками в парламенте на почве верности капиталистическому строю. В противовес призывам к освобождению труда путем возвращения обществу собственности на орудия и средства производства радикалы заявляли о своей «приверженности принципу собственности, сохранению свободного предпринимательства, которое постепенно, от ремесла к мелким и средним предприятиям, от издольщины к найму земли обеспечивает все переходные этапы для тех, кто хочет получить доступ к собственности» (предвыборная декларация 1951 года).

Социальные аспекты программы радикалов, отразившиеся в названии партии, всегда были крайне ограничены: они сводились к предложениям регламентации рабочего времени, поощрения потребительской кооперации, посредничества государства в трудовых конфликтах и т. п. Просвещение изображалось главным орудием социального прогресса в условиях «классового мира» (доктрина «солидаризма» Леона Буржуа). В 1907 г. использование кабинетом Клемансо армии против забастовщиков впервые ясно показало классовое лицо партии в борьбе между трудом и капиталом.

Осуществление основных требований программы уже в период между двумя мировыми войнами привело к тому, что официальные цели радикалов приобрели сугубо негативный характер, выразившийся в девизе «ни революции, ни реакции». Борясь за голоса мелкобуржуазных слоев населения, радикалы играли на их традиционных иллюзиях и предрассудках, используя культ «маленького человека», боязнь «властей», защиту подданного от его правителей, требования равенства, подозрение к аристократии по рождению или по богатству¹⁰. Отсюда — фразы предвыборных речей об охране мелкого производства, ремесла, сбережений, демагогические выпады против «финансового феодализма» монополий, засилья бюрократии и т. п. Наиболее типичный представитель этой идеологии — философ и публицист Алэн (псевдоним профессора Эмиля Шартье), глашатай крайнего индивидуализма французского обывателя.

Радикализм все чаще изображался не столько конкретной политической платформой, сколько «состоянием духа», «настроением», общей демократической направленностью взглядов, вытекающих из «принципов 1789 года». Такая умышленная неопределенность служила основанием для самых циничных маневров на выборах и в кулуарах парламента для максимально широкого участия в правительстве, в связи с чем швейцарский публицист Герберт Люти метко назвал партию радикалов «наиболее высокоорганизованной формой политической беспринципности».

По своей организационной структуре Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов стоит ближе всего к «умеренным» («независимым и крестьянам»). Неоднократные попытки укрепить ее аппарат, упрочить дисциплину, предпринимавшиеся в 1955 и 1959 гг., не дали ощутимых результатов: радикалы остаются типичной аморфной, расплывчатой группировкой, свойственной довоенному периоду, с почти полной автономией местных филиалов, бесконтрольностью парламентской группы, обилием и недисциплинированностью внутренних течений.

¹⁰ P. Williams. *Politics in the Post-War France. Parties and Constitution of the Fourth Republic*. London, 1954, p. 103.

Особенностью партии радикалов с момента ее основания было объединение на равных началах рядовых активистов, членов муниципальных, генеральных советов, депутатов парламента и редакций газет. Хотя по действующему уставу 1959 года введено оформленное членство с уплатой партийных взносов, оно остается весьма условным. Первичной низовой организацией партии служит комитет, образованный обычно в рамках избирательного округа (реже — коммуны или кантона) и занимающийся почти исключительно организацией предвыборных кампаний. Комитеты объединяются в департаментские федерации, которые избирают председателей, генеральных секретарей и казначеев. В некоторых районах страны, где позиции радикалов еще сильны, федерации нескольких департаментов образуют влиятельные локальные группы (например, юго-западная группа, рупором которой является газета «Депеш дю Миди», выходящая в Тулузе).

На ежегодных съездах партии участвуют члены исполкома, секретари и казначеи департаментских федераций, радикалы — члены генеральных советов, делегаты от департаментских федераций из расчета один на сто членов, наконец, главные редакторы примыкающих к партии газет. Съезды радикалов в еще большей степени, чем у других буржуазных партий, являются чисто декоративными мероприятиями — ареной для упражнений партийных лидеров в парламентском красноречии. Резолюции заранее готовятся особой комиссией, выделяемой перед каждым съездом конференцией председателей и генеральных секретарей департаментских федераций, а затем «утраиваются» в кулуарах путем всевозможных беспринципных сделок между представителями соперничающих фракций. «Демократический характер съездов радикалов довольно относителен... Их залы имеют всегда меньшее значение, чем кулуары. Небольшие группы при помощи сложных правил голосования мандатами могут предопределять решения съездов»¹¹. Нередко в одной и той же каучуковой резолюции съезда радикалов содержатся диаметрально противоположные утверждения: она образно именуется на кулуарном жаргоне «белым негром». Голосуют на съездах поднятием рук, вставанием или закрытым порядком¹².

¹¹ A. Gourdon. Le Parti radical. «Partis politiques et classes sociales en France». Paris, 1955, p. 233.

¹² Поскольку мандаты подсчитываются по числу выданных в каждую департаментскую федерацию партбилетов с уплаченными взносами, влиятельные лидеры, располагающие крупными денежными средствами, попросту закупают в центральном аппарате большое число партийных билетов для «своих» федераций и используют фиктивные голоса этих несуществующих членов: «Партия радикалов насчитывает меньше активистов, чем уплачивающих взносы, и меньше уплачивающих, чем членских билетов, тогда как именно покупка билетов создает большинство», — писал социолог Алэн Гурдон. A. Gourdon. Op. cit., p. 233.

В промежутках между съездами верховным органом партии формально считается исполнительный комитет, собирающийся четыре раза в год. До 1959 г. эти сессии именовались «малыми съездами»: на них присутствовало до 1500 человек, что сводило их процедуру к уменьшенному варианту съездовского «циркового представления». По ныне действующему уставу число членов исполкома было сокращено примерно втрое, а среди них увеличен удельный вес представителей департаментских федераций: исполком состоит из членов национального бюро, радикалов-парламентариев, председателей департаментских федераций и их заместителей. Последние голосуют по мандатам (один голос на 300 партбилетов, причем каждый мэр, муниципальный или генеральный советник в данном департаменте считается за 50 членов). При исполкоме состоят специализированные комиссии — общеполитическая, иностранных дел и национальной обороны, конституционных законов, законодательства, общей администрации, финансов, экономики и планирования и т. д. Исполком решает прежде всего вопрос об участии в правительстве или переходе в оппозицию (раньше он решался так называемым «комитетом Кэлийак» — совместным заседанием парламентариев и исполнительной комиссии, ныне упраздненной).

Съезд выбирает на два года председателя партии с возможностью переизбрания только на один срок. При нем состоит сравнительно узкий орган — национальное бюро, собирающееся ежемесячно. В бюро входят, помимо председателя, 6 вице-председателей, 6 секретарей и 21 член (ассессор). Половина вице-председателей и секретарей — парламентарии (поровну депутаты и сенаторы), которые составляют более трети бюро — 12 из 33. Бюро, члены которого выбираются съездом на два года, назначает генерального секретаря, казначея, занимается вопросами текущей политики и утверждает представленные федерациями кандидатуры для выборов в парламент.

Большая часть положений устава 1959 года, имеющих целью увеличить роль партийного аппарата, осталась, однако, на бумаге. Партия радикалов по-прежнему руководится, с одной стороны, бесконтрольной недисциплинированной парламентской фракцией, а с другой — почти столь же бесконтрольными лидерами местных комитетов, являющихся в подавляющем большинстве «нотаблями» — мэрами, муниципальными и генеральными советниками мелких городов и сельских местностей. Составляя костяк административной машины партии, они по сути дела сами решают вопросы о кандидатурах в органы местного самоуправления и даже в парламент, получающих неизменное утверждение (инвеституру) соответствующей федерации и национального бюро. В то же время радикалы-парламентарии не считают себя чересчур связанными резолюциями съездов или исполкома: в моменты голосования по наиболее острым вопро-

сам часть их голосует за, часть — против, а часть воздерживается. Хотя радикалы, считающие себя партией «правительственной по призванию», избегали обычно свержения «своих» премьеров, случалось, что часть их из фракционных соображений содействовала падению радикала — ставленника враждебной «тенденции».

В правительстве радикалы всегда претендовали в первую очередь на портфели министров внутренних дел и просвещения: первый давал возможность в известной мере контролировать корпус префектов — полномочных представителей строго централизованной административной машины государства в департаментах. Это позволяло оказывать немалое воздействие на ход предвыборных кампаний, тогда как обладание портфелем министра просвещения считалось необходимой гарантией неприкосновенности светской школы, защиты ее от покушений церковников. Кроме того, радикалы стремились захватить также министерство юстиции и особенно ключевой пост министра финансов. Ввиду того, что партия считалась защитницей «ортодоксальной» финансовой программы, т. е. сбалансирования бюджета за счет «экономии» на социальном законодательстве, жалованье служащих и т. д., переход министерства финансов в руки радикала обычно служил признаком сдвига центра тяжести правительственного большинства вправо.

Классовый состав избирателей партии и социальная принадлежность ее лидеров вполне соответствуют тому месту, которое она заняла на политической арене, сдвинувшись вправо после появления и бурного роста на крайнем левом фланге сначала СФИО, а затем ФКП. Вот как характеризует партию радикалов известный французский социолог Алэн Гурдон: «Партия без пролетариев, без служащих и сельскохозяйственных рабочих, радикалы напоминают СФИО по числу чиновников и правых — по числу крестьян. Ремесленники, торговцы, промышленники поставляют неустойчивую клиентуру и постоянные кадры, сельские „нотабли“ служат моральным авторитетом, адвокаты, профессора и высшие чиновники — лидерами»¹³. Основная масса избирателей партии проживала в мелких городах и деревнях с населением менее 2 тыс. человек или отчасти в буржуазных кварталах таких центров, как Тулуза, Лион, Париж.

В 1954—1955 гг., когда руководство партией захватили сторонники тогдашнего лидера левого крыла Пьера Мендес-Фран-

¹³ A. Gourd on. Le Parti radical. «Partis politiques et classes sociales en France», p. 230.

Жак Фовэ отмечает в своем исследовании французских политических партий, что «свои взоры в сторону радикалов обращают скорее торговцы и собственники, чем ремесленники и мелкие крестьяне». Об этом свидетельствуют и состав съездов и позиция партии в вопросах об аренде и издольщине (J. Fa uvet De Thorez à de Gaulle. Les forces politiques en France. Paris, 1951, p. 111).

са, им удалось на короткий срок увлечь за собой колеблющихся, неустойчивых в политическом отношении представителей так называемых новых средних слоев — служащих, инженерно-технических работников, учащуюся молодежь, либеральную интеллигенцию промышленно развитых северо-восточных департаментов, а также Парижского района. Однако провал «эксперимента Мендес-Франса», его неудачные попытки «обновить» партию вызвали быстрое разочарование среди этих новых сторонников, перешедших вместе со своим вождем к Объединенной социалистической партии или увлекшихся социальной демагогией деголевской ЮНР.

Хотя подавляющее большинство парламентариев и видных деятелей партии радикалов составляют лица свободных профессий и выходцы из числа провинциальных «нотаблей», после второй мировой войны они все чаще уступали ключевые посты в партийной машине (место председателя партии, руководство парламентской группой) прямым, непосредственным представителям монополий. Так, например, правые «неорадикалы», контролировавшие административный аппарат партии в 1946—1955 гг., опирались на поддержку колониальных трестов и крупного аграрного капитала в Северной Африке, представителями которых были, в частности, Рене Мейер — один из заправил группы Ротшильда и депутат от алжирского департамента Константина, миллиардеры-плантаторы из Алжира и Туниса: Анри Боржо, Антуан Колонна и т. д. В 1957—1962 гг. руководство партией оказалось в руках Феликса Гайяра и Мориса Фора, обязанных своей карьерой влиятельнейшему международному финансисту Жану Монне, автору многочисленных проектов «европейской интеграции».

Фактический распад партии радикалов в итоге острой фракционной борьбы 1955—1957 гг. на несколько враждующих группировок и сокрушительные поражения, понесенные радикалами на выборах 1958 и 1962 гг., привели к тому, что эта «классическая» партия центра бесповоротно утратила прежнее ключевое положение. Руководство радикалов завязало переговоры о слиянии с рядом других центристских партий.

3. «Левый центр»

Основная левоецентристская группировка — *Французская социалистическая партия* (СФИО); основанная в 1905 г. в результате объединения различных социалистических группировок. Принятая тогда Декларация о принципах гласила, что социалистическая партия является «партией классовой борьбы и революции», что депутаты партии в парламенте образуют единую группу перед лицом всех буржуазных политических фракций.

Они должны голосовать против военных кредитов, кредитов на колониальные захваты, секретных фондов и бюджета в целом»¹⁴.

Однако в действительности эти обязательства остались пустым звуком. Прямым результатом социал-шовинистской позиции СФИО в 1914—1918 гг. был раскол партии и присоединение большинства ее под влиянием Октября к Коммунистическому Интернационалу.

Отколовшееся на Турском съезде в 1920 г. меньшинство во главе с Полем Реноделем, Жаном Лонге и Леоном Блюмом избрало путь реформизма. Как отмечал известный парламентский обозреватель Жак Фовэ, СФИО стала «партией революционной традиции и фразы, но реформистской практики, „рабочей“ партией с крайне смешанной клиентурой»¹⁵.

В многочисленных выступлениях теоретиков СФИО (Леон Блюм и др.) ярко видно стремление стереть грань между революцией и реформой, отделить задачу захвата власти от преобразования производственных отношений, выдвинуть на первый план «моральное» усовершенствование человека как необходимое условие его социального освобождения. Буржуазная демократия в пропаганде СФИО приобрела абстрактный характер «демократии вообще», государственно-монополистические мероприятия выдавались за постепенную «социализацию» экономики. Под прикрытием лозунгов «демократического» или «гуманистического» социализма СФИО, подобно другим соглашательским партиям, все чаще выполняла роль «лояльного управляющего» капитализма¹⁶.

Если до первой мировой войны вступление отдельных социалистов в реакционные буржуазные кабинеты было равносильно разрыву с партией, а на выборах 1924 и 1932 гг. СФИО ограничивалась поддержкой радикалов лишь в избирательном плане, то в 1936 г. она впервые официально возглавила правительство. После 1945 г. положение СФИО как одной из основных правительственных партий еще более укрепилось. СФИО фактически вошла при Четвертой республике в парламентский центр — обычную опору кабинета, представленную ранее главным образом радикалами. В результате «партия в лице ее депутатов, ее административных кадров, многочисленных лиц, пользующихся выгодами длительного пребывания у власти, превратилась на деле в защитницу завоеванных позиций», — отмечал Андре Зигфрид¹⁷.

Свое присутствие в правительстве или поддержку его лидеры правых социалистов изображали как единственное средство за-

¹⁴ Программный документ СФИО в настоящее время — Декларация о принципах, принятая 24 февраля 1946 г. в Париже по решению 37-го съезда партии (1945 г.) и программа, принятая 54-м съездом в июне 1963 года.

¹⁵ J. Fauvet. *Op. cit.*, p. 68.

¹⁶ *L'oeuvre de Léon Blum, 1945—1947*. Paris, 1958, p. 428.

¹⁷ A. Siegfried. *De la III-e à la IV-e République*. Paris, 1956, p. 188.

щиты демократии, прав трудящихся или национальных интересов Франции «изнутри» существующего режима¹⁸. В действительности основным содержанием деятельности верхушки СФИО было постоянное лавирование, сочетание демократических фраз и социального реформизма с проведением в жизнь линии, приемлемой для крупного капитала.

Так, на выборах 1956 года, окончившихся крупной победой левых партий, конкретная экономическая программа социалистов была довольно близка к предложениям ФКП: она предусматривала увеличение гарантированного минимума заработной платы, улучшение коллективных договоров, системы пенсий и социального страхования, налоговую реформу, планирование и координацию государственных капиталовложений в наиболее важные и рентабельные отрасли, жилищное строительство, развитие международной торговли и т. п. Однако вскоре после создания кабинета во главе с генеральным секретарем СФИО Ги Молле проведенные им отдельные прогрессивные мероприятия социального характера были сведены к нулю инфляцией и налогами в связи с проведением войны в Алжире.

В предвыборных манифестах французских правых социалистов неизменно содержались утверждения о необходимости решительной борьбы за разоружение, коллективную безопасность, развитие торговли, о всемерном содействии развитию самоуправления народов бывших колоний. Несмотря на это, после 1947 г. руководство СФИО активно поддержало включение страны в систему агрессивных блоков под эгидой США, направленных против СССР и стран народной демократии, перевооружение Западной Германии и «европейскую интеграцию». «Социалистическая партия с первого дня одобрила Атлантический пакт, оказала НАТО полную поддержку и боролась за его укрепление... Присутствие солдат Соединенных Штатов является лучшим щитом Европы», — писал Ги Молле в брошюре «Социалистические итоги и перспективы»¹⁹.

Если во внешней политике многие лидеры французских правых социалистов оказывались на антинациональных позициях, прикрываемых фразами о «коллективной безопасности» и рекламой «европейской интеграции», то в колониальных вопросах они нередко выступали с позиций крайнего национализма. Кабинет

¹⁸ G. Mollet. Bilan et perspectives socialistes. Paris, 1958, p. 73.

¹⁹ G. Mollet. Op. cit., p. 21. Точно так же как французская буржуазия в первые послевоенные годы укрепляла свои экономические и политические позиции за счет американских займов, руководство СФИО, в частности редакция газеты «Попюлер де Пари», получало финансовую поддержку от лидеров американских «желтых» профсоюзов (АФТ), а также от других правосоциалистических партий Западной Европы — бельгийской, швейцарской, лейбористской партии Англии и т. д.

Блюма в декабре 1946 г. санкционировал начало «грязной войны» против народа Вьетнама, социалисты Мариус Мутэ, Ив Шатеньо, Робер Лакост связали свои имена с кровавым подавлением освободительного движения на Мадагаскаре, в Черной и Северной Африке. В 1956—1958 гг. на страницах партийной печати велась систематическая кампания против одного из основных принципов марксизма — права наций на самоопределение. Присутствие французских колонизаторов в заморских владениях изображалось теоретиками СФИО как необходимая гарантия политической демократии, экономического прогресса и даже... движения к социализму. За годы пребывания социалистов у власти взаимопроникновение партийной машины СФИО и государственного аппарата резко усилилось: социалисты или близкие к ним лица заняли множество руководящих постов в управлениях национализированных отраслей, в экономических ведомствах, отчасти в колониальной администрации. Один из видных публицистов СФИО Пьер Рэмбэр на основании анализа выборочных данных приводит следующую таблицу классовой принадлежности членов партии и кадровых партийных работников (в %) ²⁰:

	Члены партии	Партра- ботники
Государственные служащие .	24,5	37,5
Рабочие	24,3	11,4
Ремесленники, торговцы . .	12,3	10,6
Служащие частного сектора	8,8	13,5
Лица свободных профессий	2,6	10,1

СФИО все еще продолжает оказывать влияние на значительную часть рабочего класса, прежде всего в национализированном секторе (шахтеры Северного бассейна, железнодорожники, почтовики, электрики). Однако преобладающее положение в партии, особенно в ее аппарате, занимает, по словам журнала «Сондаж», та новая категория лиц наемного труда, которую иногда называют «белыми воротничками» (служащие, прежде всего государственные, и т. д.). Особенно многочисленных приверженцев социалисты имеют среди школьных учителей — некогда «плошь радикалов».

По мере усиления ФКП и фактического приближения СФИО к позиции радикалов в парламенте она теряла голоса в наиболее развитых промышленных районах и приобретала их в мелкобуржуазных зонах традиционного радикализма, к югу от Луары и в долине Роны. Весьма показательно, что только 10%

²⁰ P. Rimbart. Le Parti socialiste SFIO. «Partis politiques et classes sociales en France», p. 201.

избирателей, голосующих за социалистов, проживают в городах с населением свыше 100 тыс. жителей, тогда как 42% живут в пунктах с населением меньше 2 тыс. человек.

СФИО, согласно ее уставу, состоит из секций, образуемых по территориальному признаку (в каждой коммуне), которые объединены в департаментские федерации. Секции возглавляются выборными исполнительными комиссиями, федерации — федеральными комитетами и федеральными исполнительными комиссиями, контролирующими социалистические группы на предприяттиях. Съезды федераций избирают делегатов ежегодного и чрезвычайных съездов партии, на которых выбираются национальная контрольная комиссия, конфликтная комиссия и руководящий комитет из 45 членов, в свою очередь назначающий генерального секретаря и его заместителей. Повседневную работу в руководящем комитете ведет исполнительное бюро. Не реже чем два раза в год руководящий комитет созывает Национальный совет СФИО из делегатов федераций, на котором присутствует также парламентская группа. Последняя подчинена контролю руководящего комитета: в составе комитета должно быть не свыше 20 депутатов, причем в политических вопросах комитет имеет решающее слово (согласно резолюции 44-го съезда в мае 1952 г.). Депутаты СФИО обязаны соблюдать дисциплину голосования и в случае выхода из партии возвращать свой мандат. Обычный конфликт между парламентариями и партийными активистами, вспыхивавший неизменно по вопросу об участии в правительстве, был решен в пользу последних.

На практике, однако, вся полнота власти в партии оказалась сосредоточенной в руках генерального секретаря и его непосредственного окружения. Руководящий комитет, который собирался раз в месяц, ограничивался административными функциями, он ни разу не обсудил даже такого важного вопроса, как участие Франции вместе с Англией и Израилем в агрессии против ОАР («суэцкая экспедиция»). В провинции секретари департаментских федераций находились под неусыпным надзором делегатов из центра, определявших на деле состав съездов и национальных советов, вопреки положению устава о пропорциональном представительстве меньшинства (ст. 18). Решающую роль на съездах всегда играли представители крупнейших федераций департаментов Нор, Па-де-Кале, Сена (район Парижа), Буш-дю-Рон (район Марселя) и Верхняя Вьенна.

Постоянная необходимость подавлять оппозицию в партийных низах явилась причиной далеко зашедшего процесса бюрократизации СФИО. Французские социалисты, подчеркивает известный английский публицист Александр Верт, являются «крайне бюрократической партией и имеют тенденцию становиться таковой все больше и больше»²¹.

²¹ A. Werth. France 1940—1955. London, 1956, p. 524.

Большой удельный вес государственных служащих в партии давал возможность лидерам во время пребывания в правительстве использовать свое официальное положение министров, высокопоставленных чиновников, для нажима на рядовых членов или подкупа их. «Многочисленность средних служащих среди активистов, в частности среди кадровых работников партии, делает ее особенно чувствительной к известному правительственному давлению. Служащий должен опасаться, в случае, если он слишком открыто выскажет свои чувства, некоторой задержки в продвижении. Если же он проявит рвение, то, напротив, сможет надеяться достигнуть более высоких постов, получить кое-какие материальные выгоды, пользоваться престижем, которым обладают все, имеющие прямой контакт с источником власти, особенно в маленьком городе или в деревне»²².

Политическая тактика СФИО, выбор лозунгов и союзов с другими группировками исходили из двойственной установки. Лидеры партии стремились к максимально широкому участию в правительстве, но вместе с тем считали необходимым переход к оппозиции, как только дискредитация соглашательского руководства начинала всерьез угрожать единству партии и ее влиянию в массах. Чаще всего такой поворот предпринимался в связи с приближением выборов. Основным вопросом повестки дня съездов и конференций СФИО неизменно было отношение к участию в кабинете, в правительственном большинстве и т. п. «Лечение оппозицией», открывавшее возможность словесных нападок на непопулярные мероприятия правящих кругов, позволяло руководству заглушать недовольство в партийных низах.

Традиционная для левых партий проблема борьбы за светский характер государства и школы оказывалась в этих условиях разменной монетой: в зависимости от обстановки лидеры партии то активно выдвигали ее на первый план, чтобы компенсировать уступки реакции по коренным вопросам социального характера (1951 г.), то затушевывали интриги клерикалов, чтобы облегчить сотрудничество с МРП и правыми (1946, 1958 гг.).

По мере того, как ответственность за антинародную политику правящих кругов подрывала авторитет СФИО в глазах рабочих, среди лидеров партии усиливались антикоммунистические настроения. ФКП оказывалась для правосоциалистических лидеров основным соперником в избирательной борьбе, ибо сужение рабочей базы превращало СФИО в заурядную мелкобуржуазную партию, что неизбежно должно было отразиться на перспективах дальнейшего участия ее в парламенте и администрации. Именно это, в сочетании с оппортунистической и национал-шовинистской идеологией лидеров СФИО, привело к тому, что компартия стала для них в годы Четвертой республики «врагом № 1», а борьба

²² A. Philip. *Socialisme trahi*. Paris, 1957, p. 203.

против влияния коммунистов — главной политической задачей. Антисоветская пропаганда, которую вела тогда печать СФИО, стала прямым отражением и проявлением этого антикоммунизма.

Однако враждебность к ФКП, отказ от сотрудничества с ней приводили к тому, что социалисты должны были все чаще опираться на союз сначала с радикалами в МРП, а затем фактически и с правыми, голоса которых оказывались необходимой «заменой» голосов группы компартии. Ценой этой поддержки оказывалось проведение СФИО реакционной политики в социальных и колониальных вопросах, исключавшей даже ограниченные, половинчатые реформы. Отказ от единства действий левых сил неминуемо превращал партию в «козла отпущения», мишень недовольства масс и давал возможность правым, в том числе неофашистским силам сваливать вину за неудачи политики на левые партии и парламентский режим. В конечном счете антикоммунизм не только не укрепил позиции партии, но, напротив, решающим образом подорвал их.

Результатом политики руководства СФИО оказался глубокий кризис партии, который проявился в уменьшении числа членов партии, падении влияния в массах и резком обострении внутрипартийной борьбы, не утихавшей на протяжении всего послевоенного периода. Число членов СФИО за послевоенный период упало больше, чем в любой другой партии: с 350 тыс. в 1945 г. до 94 тыс. в 1962 г. Число поданных за нее голосов сократилось с 4,5 млн. в 1945 г. до 2,3 млн. в первом туре ноябрьских выборов 1963 г.

В момент военно-фашистского путча 13 мая 1958 г. наиболее влиятельные представители руководства СФИО после некоторых колебаний стали на путь капитуляции перед реакционными силами, облегчив получение ими чрезвычайных полномочий в парламенте и войдя в состав деголлевского правительства. Поддержка социалистами де Голля и реакционной конституции 1958 г. изображалась генералом де Голлем как единственная альтернатива кровопролитной гражданской войне, фашистской диктатуре и гарантия быстрого решения колониальных проблем, в том числе алжирской.

События, однако, не замедлили показать всю пагубность курса на поддержку режима личной власти как для интересов французских трудящихся, так и для самой СФИО.

Реакционные социально-экономические мероприятия правящих кругов, их авантюристическая, враждебная разрядке международной напряженности внешняя политика, попустительство неофашистским элементам — все эти факторы вызывали растущее недовольство масс. Вместе с тем неуклонное усиление авторитарного характера Пятой республики, выходивание парламентских учреждений, рост удельного веса административно-технической бюрократии, непосредственно сросшейся с финансовой

олигархией, политическая монополия ЮНР начинали все более явно ущемлять кадровый костяк СФИО.

Оттесненные от кормила власти, испытывавшие все более чувствительное давление снизу, активисты и многие лидеры социалистической партии начинали все резче и решительнее критиковать примиренческую линию в отношении режима личной власти. Начав с верноподданнической «конструктивной оппозиции» в рамках Пятой республики, социалисты постепенно, шаг за шагом отходили все дальше влево. Перед референдумом 28 октября 1963 г., на который был поставлен деголлевский проект ревизии конституции, СФИО вместе с радикалами, МРП и частью «независимых» образовала так называемый Картель сторонников отрицательного ответа. На ноябрьских выборах того же года социалисты утратили 877 тыс. голосов (по сравнению с выборами в ноябре 1958 г.).

Очутившись под угрозой полного разгрома, руководство СФИО должно было пойти на беспрецедентный после 1947 г. шаг — прямое сотрудничество с коммунистами. «Если избиратели должны будут во втором туре выбирать между коммунистами и кандидатами ЮНР, я лично посоветовал бы им голосовать за коммуниста», — заявил Ги Молле. Благодаря взаимному снятию кандидатур СФИО смогла получить 64 места (на 24 больше, чем в 1958 г.), из которых не менее 35 было получено вследствие поддержки ФКП. Без такой поддержки неминуемо были бы забаллотированы сам генеральный секретарь Ги Молле, Жюль Мок и многие другие видные лидеры партии.

После ноябрьских выборов центробежные тенденции внутри СФИО резко усилились. Рост влияния левого крыла привел к тому, что на 54-м съезде партии правые вынуждены были отступить. В ходе крупных забастовочных боев 1963 года, кампаний против ядерной «ударной силы», против диктаторских поползновений режима личной власти социалисты все чаще выступали вместе с коммунистами. «Отныне мы констатируем, что по основным проблемам внутренней и внешней политики коммунистическая и социалистическая партии занимают сходные или сближающиеся позиции» — отмечал заместитель генерального секретаря ФКП Вальдек Роше, выступая 8 ноября 1963 г. в Клермон-Ферране²³.

Показателем определенных сдвигов в политике СФИО был визит делегации французских социалистов во главе с Ги Молле в СССР (26 октября — 4 ноября 1963 г.). Во время визита делегаты были приняты первым секретарем ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущевым, имели встречи и беседы с делегацией ЦК КПСС, представителями государственных учреждений и общественных организаций. В совместном коммюнике обе делегации отметили, что

²³ «L'Humanité» 9 novembre 1963.

между ними существует в значительной степени согласие по вопросу о необходимости упрочить разрядку международной напряженности. «Обе стороны,— говорилось в коммюнике,— признавая наличие между ними серьезных разногласий в области идеологии, отметили важное значение сплочения усилий рабочего класса, трудящихся, демократических и миролюбивых сил в борьбе за мир, против всех агрессивных войн, против опасности новой мировой войны»²⁴.

²⁴ «Правда», 5 ноября 1963 г.

Глава III

Организации монополистов и предпринимательские союзы

1. Национальный совет французских предпринимателей

В связи с кризисом буржуазных политических партий во Франции значительно выросла роль массовых беспартийных организаций в классовой борьбе и, следовательно, в системе диктатуры французских монополий. Этот процесс ускорился после второй мировой войны под воздействием государственно-монополистических тенденций и крутых сдвигов в экономике страны при сохраняющейся до сих пор крайней пестроте классовой структуры.

Две мировые войны и их последствия подорвали индивидуализм французского обывателя, вызвали к жизни сотни всевозможных массовых организаций, с которыми политические партии буржуазии должны были все более серьезно считаться в борьбе за голоса и в конечном счете — за власть. Неудивительно, что они стремились завоевать ключевые посты внутри руководства таких организаций, оказывая поддержку требованиям их членов и связывая, таким образом, свои общеполитические цели с конкретными интересами отдельных категорий избирателей.

Со своей стороны, наиболее важные группы давления, создание которых было прямым следствием обострения классовой борьбы, неизбежно сближались с определенными партийными группировками. Растущее политизирование беспартийных объединений (профессиональных, идеологических, например религиозных, и т. д.) нередко приводило к их дроблению по партийным признакам.

Союзы французских предпринимателей, созданные с целью объединения классовых сил буржуазии для более эффективного воздействия на государственный аппарат и борьбы против рабочего движения, в целом напоминают соответствующие организации других капиталистических стран. Вместе с тем в структуре, методах, формах деятельности Национального совета французских предпринимателей (НСФП) и примыкающих

к нему групп давления имеются некоторые специфические особенности¹.

Поскольку одной из самых основных, доминирующих задач союзов предпринимателей всегда была и остается совместная борьба против забастовок, то организации французских «хозяев» (le patronat) должны были так или иначе копировать организационные формы рабочего движения.

После освобождения территории Франции от гитлеровской оккупации предпринимательские организации испытали тяжелый кризис, поскольку почти все их руководящие кадры оказались запятнанными и дискредитированными сотрудничеством с врагом. Национализация угледобывающей промышленности, страховых компаний и транспорта, в значительной степени субсидировавших до войны предпринимательские союзы, временно ослабила их финансовую базу.

Созванная 21 декабря 1945 г. в помещении Парижской торговой палаты общепатронатская конференция предпринимателей призвала к немедленному созданию единой организации. Спустя полгода произошло официальное основание Национального совета французских предпринимателей, к которому примкнула также созданная еще в 1944 г. Всеобщая конфедерация мелких и средних предприятий (ВКМСП, или МСП). Возглавил НСФП сначала торговец зерном Пьер Фурнье, а затем владелец среднего металлургического предприятия в Лионе Жорж Вилье, который постепенно стал виднейшей фигурой французского предпринимательского движения.

Многочисленность мелкой и средней буржуазии, действительно или хотя бы номинально представляемой НСФП, помогала монополиям в борьбе за контроль над государством. В свою очередь связь с государством давала верхушке предпринимательских союзов новые средства для подчинения своему диктату немонополистического сектора, для обеспечения более жесткой дисциплины господствующего класса при проведении единой политической линии. Предпринимательские союзы используются как инструмент принудительного картелирования немонополистического сектора: навязывания единых цен, распределения заказов и т. п. Разумеется, это отнюдь не означает, что масса мелких и средних предпринимателей вообще утратила всякую самостоятельную роль во Франции — она и сейчас продолжает упорно отстаивать свои позиции от натиска крупного капитала.

Национальный совет французских предпринимателей, созданный 12 июля 1946 г., представляет собой главную классовую организацию буржуазии во Франции. Согласно данным ежегодника НСФП, он охватывает в общей сложности 900 тыс. предприятий, на которых занято свыше 6 млн. рабочих и служащих.

¹ Юридический статус союзов предпринимателей постепенно определился на основе законов 1884, 1901, 1920 гг.

По оценкам различных исследователей, эти цифры несколько завышены: фактически НСФП объединяет предприятия, на которых занято 50—60% всех лиц наемного труда и вложено 90% всех капиталов.

Отдельные предприниматели вступают в НСФП не индивидуально от лица своей фирмы, а лишь коллективно, через посредство профессиональных организаций: синдикатов, объединенных одновременно в вертикальном (союзы, федерации и конфедерации по отраслям) и горизонтальном (местные, департаментские или областные ассоциации) плане. Всего насчитывается свыше 800 вертикальных синдикатов общепольского масштаба, входящих в 200 национальных федераций, и около 500 местных организаций. Последние непосредственно связаны между собой в рамках Федерации региональных ассоциаций. Кроме того, к НСФП примыкают две весьма многочисленные и важные автономные организации — ВКМСП и Национальный совет торговли (НСТ)².

Практически первичной ячейкой предпринимательского движения служит местный профессиональный синдикат, объединяющий промышленников какой-либо отрасли в определенном городе или местности. Его выборное руководство периодически собирает участников, т. е. хозяев предприятий, для обсуждения самых различных вопросов: отношений с рабочими, борьбы с забастовками, политики цен и заработной платы, позиции в отношении правительственных мероприятий, наконец, проблем технического, промышленного и коммерческого характера.

На следующей, более высокой ступени происходит некоторое разделение обязанностей: межпрофессиональные союзы предпринимателей в департаментах занимаются главным образом социальными вопросами (поскольку забастовочное движение обычно развивается по-разному в различных частях страны); отраслевые федерации специализируются на отношениях с государственными органами³. Правда, такое разграничение остается довольно условным: наиболее мощные отраслевые федерации и Всеобщая конфедерация мелких и средних предприятий занимаются на деле любыми вопросами.

В целом вертикальная часть аппарата НСФП значительно прочнее и влиятельнее, чем горизонтальная. Именно она представляет собой оплот монополистического капитала, главное орудие крупных промышленников в их стремлении подчинить себе массу мелких. Тем не менее удельный вес отраслевых фе-

² Н. W. E h r m a n n. La politique du patronat français (1936—1955). Paris, 1959, p. 80.

³ Это особенно необходимо ввиду высокой централизованности французской административной системы: руководство вертикальных отраслевых федераций является постоянным полномочным представительством провинциальных промышленников в столице.

дераций весьма различен: по-прежнему наиболее важными остаются группировки тяжелой индустрии — старый Союз металлургической и горнорудной промышленности, Синдикальная палата французской черной металлургии, Синдикальная палата судостроения, Союз химической промышленности и т. д. Некоторые крупные группировки типа Федерации машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности сами состоят из множества синдикальных организаций специализированного характера — оптики и точной механики, станкостроения и т. п. Зато, например, Синдикальная палата контор сторожевой охраны или Национальная синдикальная палата фабрикантов охотничьего и спортивного оружия вряд ли могут претендовать на серьезную роль.

Межотраслевые региональные федерации, в отличие от вертикальных, в большей степени служат формой контакта между промышленниками немонополистического сектора и играют внутри центрального аппарата НСФП обычно весьма скромную роль. Исключение составляет лишь федерация северо-восточных департаментов Нор и Па-де-Кале, где сложилась мощная локальная группа монополий металлургической, машиностроительной, текстильной и бумажной промышленности. Ее представитель, член известной семьи промышленников Бертран Мотт, занимает видный пост в НСФП, будучи одновременно видным деятелем партии «независимых и крестьян».

Формально высший орган НСФП — ежегодный съезд, Генеральная ассамблея, на которой присутствуют 500 делегатов. Из них 275 представляют отраслевые федерации, 75 — Федерацию региональных ассоциаций, 75 — Национальный совет торговли и 75 — Всеобщую конфедерацию мелких и средних предприятий. Обычно делегатами оказываются председатели и администраторы предпринимательских союзов. Генеральная ассамблея заслушивает доклады по важнейшим экономическим, политическим и социальным вопросам, принимает резолюции и избирает руководящий комитет из 52 членов, который собирается ежемесячно. Распределение мест в нем аналогично составу ассамблеи.

В действительности, однако, подлинная роль Генеральной ассамблеи очень ограничена, а ее заседания носят в основном протокольный, декоративный характер. Тексты всех важнейших документов заранее готовятся в центральном аппарате НСФП узким кругом людей, теснейшим образом связанных с монополиями. Фактически деятельностью Национального совета руководит бюро из 31 человека в составе председателя, 4 вице-председателей, казначея, секретаря и членов.

Бюро НСФП представляет собой подлинный генеральный штаб французской финансовой олигархии. Так, например, в 1960 году в его составе фигурировали такие крупные пред-

ставители монополистического капитала, как Анри Лафон — председатель правления одного из наиболее могущественных деловых банков «Юнион паризьен», администратор алюминиевого треста «Пешинэ» и десятка колониальных компаний, Робер Андрэ — председатель правления радиотехнической компании «Филипс» и администратор ряда нефтяных трестов, связанных с группой «Эссо-стандарт», Поль Бернар — глава нескольких десятков колониальных обществ, Рене Дамьен — генеральный директор металлургического треста «Юзинор», председатель Синдикальной палаты французской черной металлургии, Морис Брюльфер — председатель правления химического и алюминиевого треста «Прожилъ» (группы Кюльмана и «Пешинэ»), Жан-Пьер и Франсуа Пежо — представители известной династии автомобильных фабрикантов, Анри Давзак — руководитель электротехнического синдиката и т. д.

В то же время среди членов бюро можно было встретить также некоторых типичных представителей мелкой торговли и промышленности (торговец Морис Барье, кожевенный фабрикант Феликс Бени, мелкие предприниматели Жак Каньяр, Анри Курбо и другие). Бесспорное преобладание монополий внутри НСФП прикрывалось тем самым ширмой «равноправного сотрудничества» крупных и мелких предпринимателей.

Неизбежные конфликты между интересами финансового капитала и немонополистического сектора, а также соперничество между монополиями обусловили выдвижение на ключевые посты председателя и вице-председателей НСФП промышленников средней руки — Жоржа Вилье, Эмманюэля Майоля, Марселя Менье и Поля Писсона⁴. Среди вице-председателей монополии были прямо представлены только Бернаром д'Аллюэном — главой текстильного синдиката, а ранее — Пьером Рикаром, бывшим руководителем Синдикальной палаты французской черной металлургии. Однако фактически как для Вилье, так и для вице-председателей их предпринимательская деятельность давно отошла на задний план: они превратились в профессиональных представителей высокооплачиваемой административно-технической бюрократии — неотъемлемой составной части финансовой олигархии Франции.

Аппарат НСФП, которым непосредственно руководят члены бюро, состоит из трех основных комиссий: общеэкономической (председатель Э. Майоль), международных экономических отношений (председатель Ж. Вилье) и социальной (председатель М. Менье). Они, в свою очередь, включают 35 более мелких комиссий, подкомиссий, комитетов и исследовательских групп.

⁴ Владелец небольшого металлургического завода, парфюмерной фабрики, завода телефонных аппаратов и фабрики пианино (по данным 1960—1961 гг.).

специализирующихся на определенных конкретных вопросах — кредита, цен, налогов, заморских стран (т. е. бывших колоний), транспорта, энергетики, казенных заказов, европейских дел, торговых договоров, международных картелей и т. д. Для контакта и развития торгово-финансовых отношений с иными валютными зонами созданы комитеты «Франк — доллар», «Франк — фунт стерлингов», исследовательские группы «Франция — Латинская Америка», «Франция — Восточная Европа», франко-германский комитет промышленных связей и т. п.⁵

Именно в комиссиях и происходит детальная разработка политической линии НСФП. В работе комиссий участвуют наиболее влиятельные магнаты финансового капитала. Например, председатель комиссии цен — Анри Файоль, правая рука «короля хлопка» Марселя Буссака, администратор ряда металлургических и колониальных компаний, председатель комиссий по плану и производительности труда — Рене Норге, глава Синдикальной палаты судостроения, администратор крупнейших судоверфей группы «Фульд — Пеное» и сахарных заводов «Сэй», председатель комитета «Франк — фунт стерлингов» — Роже Натан, один из руководителей группы Парижско-Нидерландского банка, администратор электрометаллургического треста «Южин», ряда колониальных компаний и т. д.

Таким образом, все они, как правило, совмещают руководящие посты в комиссиях, в отраслевых синдикальных федерациях и в административных советах акционерных обществ, банков, инвестиционных компаний, промышленных группировок. Со столь разнообразными обязанностями им помогает справляться многочисленный квалифицированный персонал, который нередко привлекается более высоким жалованьем из государственных учреждений.

Если общеэкономическая комиссия и комиссия международных экономических отношений имеют целью определение единой тактики предпринимателей перед лицом государства и иностранных конкурентов, то социальная комиссия служит координирующим центром французской буржуазии в классовой борьбе: она разрабатывает директивы о предельных уступках, если они необходимы, в переговорах с профсоюзами, о наиболее успешных формах борьбы против забастовок, о методах реформистских мероприятий.

2. Прочие союзы предпринимателей

Национальный совет торговли (НСТ), примыкающий к НСФП на автономных началах, претендует на объединение почти 700 тыс. торговых предприятий, на которых занято

⁵ «Conseil national du patronat français. Annuaire 1960». Paris, 1961.

1200 тыс. человек (большинство авторов считает эту цифру сильно завышенной). Структура НСТ очень близка к структуре НСФП: она состоит из 160 отраслевых федераций (например, Национальная конфедерация французских мясников) и межотраслевых, территориальных союзов (например, Федерация непродовольственной торговли города Бордо). Совет имеет свою Генеральную ассамблею, собирающуюся одновременно с Ассамблеей НСФП, и специализированные «исследовательские комиссии», которые пользуются услугами постоянного аппарата НСФП. Внутри НСТ тон задают объединения крупных торговцев — Национальная конфедерация оптовой торговли, Национальная федерация предприятий цепной торговли и т. п.⁶

Органами контакта между промышленностью и торговлей на местах, а также их представительства перед муниципальными властями и префектурами служат 164 торговые палаты. Они являются по сути дела полугосударственными организациями, осуществляя некоторые административные функции (контроль над фондовыми и торговыми биржами, управление портовым хозяйством и т. п.). Помимо чисто протокольных обязанностей, вроде устройства банкетов, палаты занимаются также укреплением торговых связей различных региональных групп с границей. Наибольшей известностью и авторитетом среди них пользуется Парижская торговая палата.

Всеобщая конфедерация мелких и средних предприятий (МСП) была основана 5 октября 1944 г. Ее руководители утверждают, что конфедерация объединяет 100 тыс. фирм в промышленности и 700 тыс. — в торговле, что является очевидным преувеличением⁷. Конфедерация МСП также примыкает к НСФП, но упорно старается сохранить максимальную автономию и проводит в ряде случаев самостоятельный курс.

МСП характеризуется, с одной стороны, сосредоточением фактического контроля над всей конфедерацией в руках ее основателя и бессменного председателя Леона Женжамбра, а с другой — крайне слабой дисциплиной и плохой организованностью массы рядовых членов. Генеральная ассамблея и руководящий комитет МСП неизменно одобряют предложения Женжамбра, выступающего в качестве рупора недовольства сотен тысяч мелких лавочников и промышленников перед лицом усиливающегося нажима государственно-монополистического пресса. Хотя движение Пужада (Союз защиты торговцев и ремесленников)

⁶ H. W. Ehrmann. La politique du patronat français (1936—1955), p. 143—149.

⁷ Руководство МСП считает «мелким» предприятие с числом рабочих менее 50, «средним» — от 50 до 200. В ряде отраслей это означает включение многочисленных крупных предприятий (хотя и не обязательно связанных с монополиями). — J. Meunaud. Les groupes de pression en France. Paris, 1958, p. 53.

нанесло в 1954—1956 гг. значительный ущерб МСП, конфедерация все же продолжает оставаться влиятельной силой, с которой нередко считается даже верхушка НСФП.

В отличие от последнего, структура МСП опирается главным образом не на отраслевые федерации, а на горизонтальные объединения в рамках отдельных департаментов и городов, поскольку в вертикальном плане организовать мелких торговцев и промышленников чрезвычайно затруднительно. МСП тесно связана с другой организацией французской мелкой буржуазии — Центральным комитетом связи и действия средних классов, реальное влияние которой невелико: она служит, по сути дела, пропагандистским центром мелких промышленников, торговцев, ремесленников и связана с аналогичными центрами в других странах.

Ассоциация руководящих кадров французской промышленности (АРКФП), которая возникла в сентябре 1945 г., была создана в качестве связующего звена между верхушкой руководящего персонала государственного и частного секторов, выступая в роли активного проводника государственно-капиталистических тенденций во французской экономике. Высокопоставленные административные и инженерно-технические работники систематически встречаются в рамках АРКФП с виднейшими представителями монополий, обсуждая наиболее важные законопроекты экономического характера, методы «сотрудничества» национализированных предприятий с частными. Деятельность ассоциации облегчалась тесными личными связями между ее членами, окончившими одни и те же привилегированные высшие учебные заведения (прежде всего политехнический, горный институты и т. д.).

Основателем и председателем АРКФП на протяжении многих лет являлся Рене Перрэн — директор крупнейшего алюминиевого треста «Южин», которого сменил Марсель Мако — бывший инспектор финансов, а затем генеральный директор металлургических заводов «Асьери э форж де Фирмини». Особенно широко в ассоциации представлены металлургия, химия, электротехника, горнодобывающая промышленность.

В то время как НСФП стремится выступать в качестве полномочного представителя всей французской буржуазии, интересы отдельных ее групп защищаются региональными и отраслевыми федерациями. Каждая из таких федераций представляет собой более или менее самостоятельную группу давления, действующую не только через НСФП, но и вне ее рамок. Наиболее высокой оплоченностью и влиянием среди них отличаются, естественно, самые мощные и высокочконцентрированные — Синдикальная палата французской черной металлургии, федерации химической, электротехнической промышленности, судостроения и т. д.

С другой стороны, объединения мелких и средних предприятий, особенно торговых, стараются оградить свои интересы, используя массовость защищаемых ими категорий населения (мясники, булочники, мельники, владельцы ресторанов и кафе и т. п.). Промежуточное положение занимает сильная Национальная федерация автодорожного транспорта, объединяющая большое число мелких автотранспортных фирм, гаражей, ремонтных мастерских: ее успехи в упорной борьбе за более выгодные условия конкуренции с национализированными железными дорогами объясняются закулисной поддержкой монополий автомобильной и нефтяной промышленности.

Помимо постоянно действующих групп давления, которые представляют собой органические составные части НСФП или МПС, иногда образуются временные «лобби» — объединения предпринимателей для борьбы за или против каких-либо конкретных мероприятий. Так, например, сторонники «европейской интеграции» из деловых кругов, начиная с 1947 г. создали множество пропагандистских центров. Примером их может служить Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы под председательством известного дельца, бывшего главы верховного органа Европейского объединения угля и стали Жана Монне⁸.

Особую роль в политической жизни послевоенной Франции играли два «лобби» — нефтяное и колониальное. Неуклонный рост удельного веса жидкого топлива во французском энергобалансе был следствием не только технического прогресса, но и давления англо-американских нефтяных трестов, контролировавших французскую нефтеперерабатывающую промышленность и использовавших в своих целях аппарат плана Маршалла. После открытия значительных залежей нефти в Сахаре образовалась группа французских нефтяных монополий, опиравшаяся на поддержку государства.

Многочисленные фашистские союзы ультраколонизаторов, возникшие во Франции в годы войн в Индокитае и, особенно, в Северной Африке, широко финансировались могущественными колониальными трестами во главе с Индокитайским банком, владельцами шахт и каучуковых плантаций, а также крупными алжирскими аграриями-виноделами.

Функции пропагандистских центров, координирующих и обобщающих «опыт» раскола рабочего движения, выполняют особые объединения, среди которых следует отметить два.

Центр молодых предпринимателей (ЦМП), созданный в 1938 г., ставит перед собой цель максимально широко внедрять реформистские методы «классового сотрудничества» и под-

⁸ Комитет в значительной степени содействовал разработке договоров об «общем рынке» и «Евратоме» в 1956—1957 гг.

рывать тем самым революционное продвижение. Членами ЦМП являются обычно промышленники младшего поколения, многие из которых еще ждут наследства, чтобы прийти к руководству предприятием. Центр насчитывает около 3 тысяч членов и состоит из 70 местных и 30 отраслевых секций, служащих для обмена опытом.

Французская конфедерация профессий, основанная в 1926 г., также именует себя Французским центром христианских предпринимателей. Она охватывает 5—6 тыс. хозяев предприятий, главным образом средних, и также занимается распространением различных католических вариантов корпоративистских теорий, концепций «промышленных отношений» и т. д.

Одной из наиболее важных задач предпринимательских союзов во всех капиталистических странах является негласное финансирование различных буржуазных партий, организация подкупа депутатов парламента, подготовка крупных пропагандистских кампаний в печати. Разумеется, все эти функции выполняют в своих интересах отдельные монополии, отраслевые или региональные группы давления. Однако для защиты общих интересов всей финансовой олигархии или даже господствующего класса в целом при центральных объединениях предпринимателей создаются особые организации, чьи внушительные «черные фонды» образуются из взносов всех членов. Во Франции до войны такую роль играли, в частности, Республиканский комитет торговли, промышленности и сельского хозяйства во главе с сенатором Маскьюро, служивший финансовой базой партии радикалов, Союз экономических интересов, который субсидировал правые партии, организацию «Французское возрождение» электротехнического магната Эрнеста Мерсье, представлявшую собой источник средств для фашистских союзов типа «Боевых крестов», и т. д.

В годы Четвертой республики главным связующим звеном между аппаратом буржуазных партий и НСФП был *Центр административных и экономических исследований*, фонды которого распределял среди депутатов различных группировок бывший активный вишист сенатор Андре Бутеми. Как указывали в 1953 г. с трибуны Национального собрания депутаты-коммунисты, перед выборами 1951 года партия радикалов получила с парижской улицы Пантьевр (где находится штаб-квартира «Центра») не менее 500 тыс. франков на каждого избранного депутата и по миллиону — на каждого радикала, ставшего министром⁹.

⁹ D. Schoenbrun. *Ainsi va la France*. Paris, 1957, p. 175.

Глава IV

Крестьянские ассоциации

Традиционной классовой опорой крупного капитала в борьбе против революционного рабочего движения во Франции всегда были массы консервативно настроенного собственнического крестьянства (особенно в тех районах, где оно находилось под сильным влиянием католической церкви). Однако после второй мировой войны резко ускорившееся разорение широких масс крестьянства под нажимом налогового пресса государства, инфляции, грабительской политики закупочных цен, диктуемых монополиями, существенно изменило политический «климат» во французской деревне. Беднейшее и отчасти среднее крестьянство постепенно превращалось в могучую оппозиционную силу, способную сомкнуться с городским пролетариатом в борьбе против общего врага — финансовой олигархии, тесно сросшейся с бюрократическим государственным аппаратом.

Стремясь удержать крестьянские массы под своим идейно-политическим контролем, монополии широко используют профессиональные организации крестьянства, значительно выросшие и укрепившиеся после 1945 г. Однако объективное столкновение интересов промышленного и сельскохозяйственного капитала, обостряющееся в условиях современного капитализма противоречием между городом и деревней, приводят к тому, что контроль этот оказывается менее прочным и надежным, чем над организациями мелких и средних предпринимателей в городе.

Национальная федерация синдикатов земледельцев (НФСЗ), основанная в марте 1945 г., — наиболее мощная и влиятельная профессиональная организация во французской деревне. По данным ее руководства, НФСЗ насчитывает 700 тыс. членов, уплачивающих взносы, из общего числа около 2100 тыс. крестьянских хозяйств.

НФСЗ строится по территориально-отраслевому принципу. Ее низовой организацией служит синдикат земледельцев, в который входят главным образом владельцы крестьянских хозяйств данной местности. Синдикаты объединены горизонтально в департаментские федерации и вертикально — в национальные федерации по отраслям (т. е. по культурам или видам товарной продукции, на которых специализируется данное хозяйство).

Каждая федерация, возглавляемая постоянной комиссией и председателем, представлена определенным числом мест в руководящих органах НФСЗ — национальном и административном советах, избираемых на съездах. Кроме департаментских и отраслевых федераций, НФСЗ включает также особые федерации крестьян, сдающих землю, снимающих ее и пострадавших от стихийных бедствий, а также Национальный центр молодых земледельцев.

Точно так же как и в НСФП, внутри НФСЗ доминирующую роль играют не департаментские, а отраслевые федерации, которые объединяют в первую очередь мощные капиталистические хозяйства. Именно они обеспечивают НФСЗ львиную долю финансовых средств, что является верным ключом к контролю над аппаратом Национальной федерации. Защита интересов объединений крупных специализированных хозяйств составляет основу деятельности НФСЗ.

Крупная сельская буржуазия и ее реакционные представители в верхушке НФСЗ пока ведут за собой значительные массы среднего и даже бедного крестьянства, выдвигая демагогические лозунги защиты «общих» интересов сельского хозяйства — поднятия закупочных цен, гарантированных правительством, выделения более значительных бюджетных кредитов на механизацию сельскохозяйственных работ, прокладку дорог, водопровода, обучение крестьян агротехнике и т. д. Главная тема их пропаганды — приостановка отлива крестьянства в города путем уравнивания социального положения промышленности и сельского хозяйства, в связи с чем НФСЗ был составлен даже проект специального «зеленого закона». Подобно председателю Всеобщей конфедерации мелких и средних предприятий Женжамбру, руководители НФСЗ охотно пытаются натравить крестьянство на рабочий класс и служащих, нападая на систему соцстраха, национализированный сектор и т. д.

Всеобщая конфедерация сельского хозяйства (ВКСХ), созданная 21 октября 1944 г., формально продолжает существовать в качестве центра согласования деятельности большинства крестьянских организаций во Франции, хотя в действительности влияние ее весьма ограничено. На первых порах ВКСХ насчитывала 1800 тыс. членов, затем ее численность сократилась более чем на две трети.

Структура ВКСХ базируется на семи федерациях, из которых четыре профессиональные (синдикаты земледельцев, сельскохозяйственных специалистов, рабочих и ремесленников), а три — экономические (кооперативы, кассы взаимопомощи и кредита)¹. Высшие органы конфедерации — конгресс и бюро.

¹ С момента возникновения крестьянских организаций во Франции они делились на профессиональные (синдикаты) и экономические (кассы взаимопомощи, кредита, кооперативы). Однако граница эта отнюдь не является непро-

В последние 10—15 лет внутри крестьянских синдикатов выделился слой профессиональной бюрократии — выходцев из жилищного крестьянства, превративших свои обязанности в синдикатах в важный источник дохода. Их классовая принадлежность ясна из следующих данных, приведенных финансовой газетой «Ви франсэз» в 1960 году: Жозеф Куро, председатель НФСЗ, — владелец фермы площадью свыше 48 га; Рене Блондель, председатель постоянной Ассамблеи сельскохозяйственных палат, — активный деятель свекловичных синдикатов; Гастон дю Дуэ де Гранвиль, генеральный секретарь Национальной конфедерации взаимопомощи, кредита и сельскохозяйственной кооперации, — выходец из знатной дворянско-помещичьей семьи; Юбер Бюшу, председатель Клуба молодых земледельцев, — владелец фермы площадью около 40 га, и т. д.

Среди отраслевых групп давления, составляющих НФСЗ, наиболее влиятельными и активными издавна была Всеобщая конфедерация производителей хлеба, Всеобщая конфедерация свекловодов, Федерация винодельческих ассоциаций и, наконец, Национальный синдикат винокуров. Если первые две представляют собой объединения крупных специализированных хозяйств, технически хорошо оснащенных и работающих целиком на рынок (численность каждой — от 100 до 150 тыс. хозяйств), то две другие охватывают 2—3 млн. крестьянских хозяйств самого различного масштаба — главным образом мелких и мельчайших².

Своеобразие этих группировок заключается в том, что все они тесно связаны с исключительно важной для французского сельского хозяйства проблемой производства алкогольных напитков. Еще во время первой мировой войны правительство издало закон о государственном регулировании рынка алкоголя (виноградного вина и промышленного спирта, перегоняемого из сахарной свеклы и зерна). Согласно этому закону, государство скупало определенную часть промышленного спирта по относительно высоким ценам, т. е. в убыток бюджету, чтобы избежать чересчур острой конкуренции между виноделами Юга и «свекловичными королями» Севера. Впоследствии это законодательство было расширено в сторону гарантийной скупки государством излишков виноградарской продукции для перегонки на промышленный спирт, а также раздела рынков между виноделами и

ходимой: некоторые кооперативы и кассы взаимопомощи отстаивают интересы их членов перед лицом государства или монополий (банков, оптовой торговли), тогда как мощные синдикаты земледельцев отдельных культур и районов выступают как координирующие центры экономической деятельности крупной аграрной буржуазии.

² Первые расположены почти исключительно на Севере и Северо-Востоке страны, вторые — повсюду, но преимущественно на Юге и Юго-Западе.

свекловодами (к которым примкнули садоводы Севера, перегоняющие яблоки и груши для получения сидра)³. В итоге государство начало скупать в год десятки миллионов гектолитров вина и спирта, что обошлось бюджету только в 1950—1956 гг. в 69 млрд. старых франков.

Параллельно скупке государством спирта постепенно сложилась практика освобождения крестьянских хозяйств от налогов за перегонку определенного количества алкоголя для собственных нужд, закреплённая в ряде законодательных актов (*le privilège des bouilleurs de cru*). Этих мелких хозяйств крестьян-винокуров насчитывается свыше 2 млн.

Поскольку все алкогольное законодательство рассматривается обычно как единое целое, для его защиты возникло особое объединение всех заинтересованных синдикатов — Национальный союз группировок по перегонке алкоголя, созданный в феврале 1947 г.

Существующее законодательство и система охраняющих его групп давления играют наружу главным образом крупным свекловичным, садоводческим, виноградарским и отчасти зерновым хозяйствам: они не только получают львиную долю государственных субсидий, но имеют также возможность опереться в борьбе за свои интересы в других областях (цены на сахар, зерно) на миллионные массы бедного крестьянства, для которого потеря весьма скромных доходов от «домашнего» винокуренного производства равносильна полному разорению. Данный фактор в немалой степени объясняет влияние реакционных синдикатов сельской буржуазии на значительную часть трудящихся деревни⁴.

Следует отметить, что превращение скупаемого государством промышленного спирта в топливо для двигателей внутреннего сгорания вызвало острый конфликт между различными группировками аграрной буржуазии и могущественными нефтяными трестами. Последние развернули шумную кампанию за ликвидацию алкогольного законодательства под предлогом борьбы за равновесие бюджета и против алкоголизма. Конфликт развивался с переменным успехом. Наиболее примечательной его стороной было явное стремление кулаков-свекловодов подставить под удар мелких винокуров, что вызвало первые серьезные трещины внутри «алкогольного лобби». Этот пример показывает достаточно наглядно всю сложность классовой борьбы в современной французской деревне.

³ J. Meynaud. Les groupes de pression en France. Paris, 1958, p. 248.

⁴ «Esprit», 1953, N 203(6).

Глава V

Реформистские профсоюзы

Агентурой французских монополий в рядах пролетариата являются правые руководители реформистских профсоюзов. Характерная черта французского рабочего движения, в том числе профсоюзного, — боевой революционный дух, решительность и упорство в классовой борьбе. Последовательно прогрессивное крыло профсоюзов — Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), охватывающая более 1700 тыс. членов, превышает по численности все реформистские профцентры, вместе взятые.

Вместе с тем слабой стороной французского профсоюзного движения остается сравнительно невысокий охват рабочего класса (20—25%, т. е. гораздо меньше, чем в Англии, ФРГ или США), а также раздробленность на несколько объединений. Эта раздробленность, так называемый плюрализм, который в известной мере отражает неоднородность состава французского рабочего класса, значительно пополнившегося после второй мировой войны за счет сотен тысяч разорившихся крестьян и представителей городских средних слоев, различие в уровне сознательности, активности отдельных отрядов пролетариата, всячески поощряется и поддерживается финансовой олигархией.

На протяжении фаз промышленного подъема, крупного обновления основного капитала французской индустрии, высокой занятости и некоторого временного роста реальной заработной платы (1954—1957, а затем 1959—1963 гг.) монополии приложили огромные усилия, стремясь разложить наименее устойчивую часть рабочих, отравить ее идеологией «классового сотрудничества» с предпринимателями при помощи импортированных из Соединенных Штатов утонченных методов «промышленных», «общественных» или «человеческих» отношений. В эти методы входили некоторые социальные мероприятия нового стиля — заключение коллективных договоров, ставивших рост заработной платы в зависимость от повышения производительности труда целого предприятия или отрасли, «распределение» среди рабочих части прибылей, раздача бесплатных акций, облегчение различных видов технического обучения для наиболее «достойных» рабочих и т. п. Конечной целью монополий было создать иллюзию

«единства интересов» всего персонала данного предприятия, от владельца до чернорабочего, в росте прибылей, противопоставить друг другу трудящихся различных предприятий и отраслей, подорвать их классовую солидарность, притупить оружие забастовочной борьбы. Одновременно путем систематического урезывания фиксированной доли заработной платы при раздувании удельного веса всевозможных премиальных промышленности надеялись открыть лазейку для внедрения беспощадной потогонной системы, роста интенсификации труда, фактического удлинения рабочей недели, а главное — обеспечения все большей зависимости рабочих от произвола мастеров и дирекции.

Сложная система скрытых наказаний, штрафов и замаскированного подкупа была пущена в ход для того, чтобы постепенно «отвадить» наиболее способных и энергичных рабочих от вступления в ряды профсоюзных активистов (придирки мастеров, перевод на низкооплачиваемую, невыгодную или грязную работу и т. д.). Наконец, предприниматели и официальные власти открыто практиковали политическую дискриминацию профсоюзов: представители самой мощной и влиятельной Всеобщей конфедерации труда под любыми предлогами отстранялись от подготовки к заключению коллективных договоров или переговоров с правительственными органами.

9 июня 1953 г. предпринимательский синдикат текстильной промышленности и три реформистских профсоюза подписали соглашение о выработке совместной производственной программы и создании паритетной комиссии для поддержания постоянного контакта. Впоследствии сходный договор был подписан на государственном автомобильном заводе «Рено» (он стал типовым для соглашений такого рода).

Стремясь «интегрировать», растворить профсоюзные организации трудящихся в бюрократической государственной машине, руководители Пятой республики настойчиво выдвигают проекты превращения сената в некое подобие корпоративной палаты путем слияния его с бесправным экономическим и социальным советом, имеющим по конституции 1958 г. сугубо консультативные функции.

Наиболее важную роль среди реформистских профсоюзов во Франции играют христианские и правосоциалистические.

Французская конфедерация христианских трудящихся (ФКХТ) была основана в ноябре 1919 г. на базе католических профсоюзов служащих¹. Первые рабочие профсоюзы такого рода были созданы еще в 1886 г. в Лионе (в шелкоткацкой промышленности), а затем в текстильной промышленности департамента Нор под эгидой предпринимателей и церкви с целью борьбы

¹ В настоящее время ФКХТ включает также рабочих и служащих — протестантов.

против влияния революционного профдвижения. Воссоединение с Францией католических районов Эльзас-Лотарингии после первой мировой войны привело к известному расширению пролетарской базы христианских профсоюзов: в настоящее время среди членов ФКХТ соотношение рабочих и служащих составляет приблизительно 50 : 50. Численность ее, как и других реформистских профцентров, остается неопределенной: хотя отдельные лидеры ФКХТ утверждают, что конфедерация объединяет 800 тыс. членов, большинство исследователей уменьшают это число, как правило, вдвое.

ФКХТ состоит из профсоюзов, объединенных в федерации по отраслям или специальностям и департаментские союзы (следует отметить, что вертикальные федерации христианских профсоюзов сохранили отпечаток старой цеховой системы и до сих пор в значительной степени построены по признаку специальности, а не отрасли). Помимо ежегодного съезда, руководящими органами ФКХТ являются конфедеральный совет из 44 человек (22 — представители федераций и департаментских союзов, 22 — выбранные съездом), административная комиссия, выполняющая функции финансового контроля, и конфедеральное бюро из 20 человек, выбираемое конфедеральным советом в составе председателя, генерального секретаря, вице-председателей, казначея, членов, технических советников и т. д.

Официальная идеология ФКХТ с момента ее возникновения базировалась на реформистской социальной доктрине католической церкви, сформулированной в известной энциклике папы Льва XIII «Рерум новарум»: она открыто отвергала необходимость уничтожения системы частной собственности на средства производства и призывала к постепенному «улучшению» капитализма на почве сотрудничества предпринимателей и рабочих в духе принципов христианской морали². Общность идейной платформы укрепляла связи ФКХТ с католическими партиями — сначала народными демократами, затем с МРП, а также с епископатом, т. е. иерархией католической церкви. Правая фракция ФКХТ, незначительная по своей численности, даже пыталась установить контакт с деголлевскими партиями — РПФ и ее преемницей ЮНР (по инициативе Жака Вейсьера, секретаря христианской федерации почтовых работников, ставшего в 1958 г. членом ЦК ЮНР).

Однако в период после второй мировой войны быстрый рост классового самосознания верующих рабочих и служащих во Франции вынудил верхушку ФКХТ под нажимом снизу проделывать некоторую эволюцию влево. Уже в мае 1947 г. XXIII съезд

² «ФКХТ, — гласил один из ее программных документов, — стремится создать общество, основанное на главенствующей роли труда, где все трудящиеся постепенно возьмут на себя ответственность за управление всеми органами экономики, включая предприятие».

конфедерации решил исключить из устава прямую ссылку на энциклику «Рерум новарум». Начиная с 1948 г. внутри ФКХТ возникло левое оппозиционное течение «Реконструкция», возглавленное первоначально секретарем христианского профсоюза работников народного образования профессором Полем Виньо. Представители «Реконструкции» все резче критиковали председателя конфедерации Мориса Буладу и генерального секретаря Жоржа Левара за явно соглашательскую позицию в ходе забастовочных боев, требовали окончательно перейти от цеховой к отраслевой структуре, отказаться от названия «христианских» профсоюзов, наконец, выступали против поддержки правых партий, в том числе и МРП, в вопросе о предоставлении государственных субсидий частным католическим школам. В противовес связям с МРП лидеры «Реконструкции» начали сближаться с левой оппозицией в СФИО и особенно с левым крылом партии радикалов, шедшим в 1953—1957 гг. за Пьером Мендес-Франсом.

Оппозиционная фразеология лидеров «Реконструкции» привлекла к ним симпатии наиболее крупных рабочих профсоюзов ФКХТ — строителей (лидер — Альбер Детраз), металлургов (лидер — Эжен Декан), химиков и других. Сдвиг влево произошел и в федерации железнодорожников. На конфедеральном съезде 1957 года левое меньшинство собрало почти 40 % голосов. Наконец, в 1958 г. старое руководство пошло на закулисный сговор с вождями «Реконструкции», представители которых Морель (профсоюз электриков), Детраз, Декан и другие вошли в состав конфедерального бюро. Поделив с Буладу и Лёваром контроль над профсоюзным аппаратом, бывшие оппозиционеры значительно умерили свою «левизну», все более настойчиво выдвигая на первый план реформистские проекты «планирования» в условиях капитализма, сотрудничества с предпринимателями, а также с государственными органами. XXX съезд ФХКТ, состоявшийся в июне 1959 г., прошел под знаком окончательного примирения «Реконструкции» с прежним руководством, отчетный доклад которого собрал 93 % голосов. В резолюциях съезда явно приукрашивалась «европейская интеграция», встречались антисоветские и антикоммунистические выпады.

Всеобщая конфедерация труда — «*Форс увриер*» (ВКТ — ФО) была создана 13 апреля 1948 г. на съезде в Париже в результате раскола ВКТ группой реформистских профсоюзных деятелей (Леоном Жуо, Робером Ботро, Бузанке и др.), опиравшейся в основном на профсоюзные федерации государственных служащих, железнодорожников и связистов. ФО не сообщает в последние годы точных цифр своей численности, хотя некоторые ее руководители утверждают, что в ней 600 тыс. членов.

По оценке большинства исследователей, в том числе буржуазных фактическая численность ФО не превышает 250—300 тыс. человек.

Организационная структура ФО мало отличается от ВКТ, частью которой она первоначально являлась: построенная по территориально-отраслевому признаку, конфедерация насчитывает около 7 тыс. профсоюзов, объединенных в 35 отраслевых федераций и 97 департаментских союзов. Некоторые союзы охватывают ряд департаментов. Национальный съезд собирается раз в два года. Национальный конфедеральный комитет, состоящий из делегатов федераций и департаментских союзов, избирает исполнительную комиссию из 35 человек и конфедеральное бюро в составе генерального секретаря, 6 его заместителей, казначея. Формально бюро и комиссия в равной мере ответственные за руководство ФО между съездами, но на практике вся полнота власти находится в руках генерального секретаря (сначала Леона Жуо, а после его смерти — Робера Ботро).

Влияние ФО в основных отраслях промышленности: металлургии, машиностроении, строительстве — остается довольно слабым. Первоначальную базу ее составили часть федерации работников связи, отколовшаяся еще в 1946 г. от ВКТ, а затем федерация служащих (в 1958 г. из восьми членов конфедерального бюро шесть были выходцами из профсоюзов служащих национализированного сектора).

Хотя устав ВКТ — ФО провозглашает необходимость борьбы против всех форм частной или государственной эксплуатации вплоть до полного исчезновения наемного труда и предпринимательства, практически «Форс увриер» обычно оказывается в ходе забастовочной борьбы гораздо правее не только ВКТ, но и ФКХТ. Самая характерная черта линии конфедерального руководства во главе с Робером Ботро — антикоммунизм, непримиримая враждебность любым формам единства действий с ВКТ. Вместе с тем, верхушка ФО активно поддерживает агрессивные блоки типа НАТО и особенно различные проекты «европейской интеграции» (план Шумана, «общий рынок», «Евратом» и т. п.).

Подобно лидерам СФИО, руководители «Форс увриер» отнеслись на первых порах примиренчески к авторитарному режиму Пятой республики, прикрываясь лицемерной формулой «конструктивной оппозиции»: «Наше профсоюзное движение, — говорил Ботро на VI съезде ФО в апреле 1959 г., — не должно практиковать ни оппозиции, ни сотрудничества, а проводить политику присутствия. В профсоюзном плане мы должны отказываться от единства действий». Такое сходство позиций отнюдь не случайно: узы между высшими звеньями аппаратов СФИО и ФО всегда были и остаются весьма тесными. Лидером фракции СФИО в руководящих органах «Форс увриер» являлся член конфедерального бюро, заместитель генерального секретаря Вентежоль.

Антикоммунизм, раздуваемый Ботро, Вентежом и их единомышленниками, не мог не содействовать оживлению внутри ФО крайне правых течений неонацистского толка, которые возгла-

вили один из секретарей конфедерации Андре Лафон и член исполнительной комиссии Раймон Ле Бурр. Они попытались открыто ревизовать основные идейные принципы французского профсоюзного движения в духе воинствующего национализма, колониализма, налаживания прямого сотрудничества с предпринимателями и реакционным государственным аппаратом Пятой республики. Лафон не поколебался даже принять непосредственное участие в деятельности военнофашистских заговорщиков накануне майских событий 1958 г. и выступить со штрейкбрехерскими заявлениями на страницах органа монополий газеты «Ви франсэз».

Рост недовольства рядовых членов ФО происками неофашистов и пассивным, соглашательским поведением Ботро вызвал некоторые ограниченные перестановки в руководящей верхушке конфедерации: Лафон и Ле Бурр вынуждены были подать в отставку.

Кроме двух основных реформистских профсоюзных центров, следует упомянуть несколько более мелких.

«Независимые» профсоюзы представляют собой штрейкбрехерские организации, проникнутые фашистской идеологией и находящиеся полностью на содержании у монополий, крайне правых политических группировок и полиции. Численность «независимых» профсоюзов ничтожна: по самым оптимистическим заявлениям их лидеров, она никогда не превышала 15 тыс. человек. Однако на некоторых предприятиях, в частности на автомобильных заводах СИМКА и химических заводах «Рон-Пуланк», им удалось приобрести известное влияние с помощью террора, запугивания рабочих и прямой поддержки дирекции. В кругах французских предпринимателей эти «желтые» профсоюзы получили название «домашних» (*les syndicats-maison*).

«Независимые» профсоюзы были созданы в начале 1947 г. под вывеской группы «Труд и свобода» бывшими деятелями корпоративного движения режима Виши Рене Беленом, Жоржем Альбертини и другими. В октябре 1949 г. они объединились с представителями так называемых «рабочих групп» деголлевского РПФ во главе с ренегатом Сьюлписом Девезом в Независимую конфедерацию труда под демагогическими лозунгами «деполитизации» профсоюзов и «заинтересованности» рабочих в прибылях в сочетании с самым яростным, разнузданным антикоммунизмом.

Полная неудача попыток вовлечь широкие массы в ряды «независимых» профсоюзов вызвала раздоры в их руководстве. В итоге долгих внутренних склок в апреле 1952 г. конфедерация распалась на составные элементы: деголлевцы во главе с Девезом создали *Всеобщую конфедерацию независимых профсоюзов*, а бывшие вишисты Симакис, Уссар, Мэнтрий — *Французскую конфедерацию независимых профсоюзов*. Ожесточенная

призны вокруг дележа негласных субсидий предпринимателей и полиции не помешала обeim конфедерациям связаться в 1957—1958 гг. с алжирскими ультраколонизаторами и партией ЮНР, некоторые лидеры которой были не прочь превратить «независимые» профсоюзы в один из каналов просачивания неофашизма в среду рабочего класса.

Всеобщая конфедерация кадров (ВКК), возникшая 15 октября 1944 г., выросла на базе реакционных профсоюзов инженерно-технических работников, мастеров, высших служащих государственных предприятий и торговли, которые обособились от ВКТ под влиянием предпринимателей и католической церкви. В 1946 г. ВКК насчитывала около 200 тыс. членов, в 1959 г. — гораздо меньше (несколько десятков тысяч) ³. Она состоит из вертикальных федераций и локальных союзов, причем каждая отраслевая федерация разбивается на три профсоюза: инженеров и высших служащих, техников и мастеров, коммивояжеров и торговых представителей. Высшие органы ВКК — генеральная ассамблея (съезд), конфедеральный комитет из 39 членов и руководящий комитет (бюро) из 13 членов. Ведущую роль в аппарате ВКК играет привилегированный корпус горных инженеров.

В политическом отношении Всеобщая конфедерация кадров не связана с какой-либо определенной партией, но ориентируется явно направо: неизменный лидер ВКП Андре Мальтер (профсоюз инженеров-электриков) — активный сторонник ультраколониализма. Одно из основных требований ВКК — сохранение значительного разрыва между заработной платой рабочих и ИТР, что, естественно, способно лишь противопоставить инженеров и техников основной массе трудящихся. Члены профсоюзов ВКК в прошлом неоднократно использовались дирекцией предприятий как штрейкбрехеры во время забастовок. Однако в 1961—1963 гг. рядовые члены ВКК все чаще принимают участие в стачках вопреки директивам руководства.

Автономные профсоюзы, образовавшиеся в 1948 г. после раскола ВКТ, состоят главным образом из работников средней и высшей школы, объединенных в ряды *Федерации народного образования* (ФНО). ФНО, основанная в апреле 1948 г., состоит из трех крупных национальных профсоюзов: учителей, преподавателей учебных заведений второй ступени и преподавателей школ технического обучения. Общая численность федерации достигает 350—400 тыс. человек.

Французское учительство всегда играло роль активного пропагандиста республиканских идей, выступало против клерикаль-

³ Значительная часть ИТР и мастеров входит в ВКТ, а также в ФКХТ и ФО.

ной реакции, милитаризма, покушений на демократические права и свободы граждан. Угроза светской школе со стороны церковников, опирающихся на поддержку правых буржуазных партий, нищенские кредиты на народное образование в условиях колониальных войн и гонки вооружений способствовали полевению ФНО. Если раньше учителя составляли кадровый костяк радикалов, а затем СФИО, то в последние десятилетия они все решительнее выступали против непоследовательности политики руководства этих партий, разоблачая пагубность колониальных войн, угрозу фашизма. После прихода к власти де Голля ФНО установила тесный контакт с Объединенной социалистической партией.

Слабая сторона ФНО — недостаточная связь с профсоюзами рабочих и служащих, а также искаженное понимание проблемы преодоления раскола профсоюзного движения; это использует в своих целях реакция. Такого рода ошибки связаны с ревизионистским и реформистским толкованием руководством ФНО основных тенденций развития современного капитализма (утверждения о возможности «планирования» капиталистической экономики, приукрашивание «европейской интеграции» и т. д.). Однако подобные взгляды разделяются далеко не всеми учителями — внутри ФНО имеется левое меньшинство, близкое по взглядам к ВКТ, во главе с коммунистом Жоржем Фурниалем.

Помимо Федерации народного образования, автономны также некоторые мелкие профсоюзы высококвалифицированных рабочих (например, машинистов парижского метрополитена).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демократические силы в борьбе против власти монополий

Сложный механизм политического господства французской финансовой олигархии сложился в ожесточенной борьбе против рабочего движения. Однако многопартийная система, являвшаяся неотъемлемой составной частью парламентского режима Третьей и Четвертой республик, оказалась не в состоянии предотвратить рождение и бурный рост боевого революционного авангарда трудящихся — коммунистической партии, которая остается первой партией страны. По данным XVI съезда партии (март 1961 г.), в ее рядах насчитывалось 407 тыс. человек. Сломить ФКП, оторвать от нее широкие массы трудящихся не удалось и авторитарному режиму личной власти генерала де Голля.

Причинам непоколебимого авторитета коммунистов среди народных масс во Франции были посвящены сотни статей, брошюр, книг буржуазных ученых, мучительно искавших средства

для искоренения «коммунистической угрозы»⁴. Однако поиски эти оставались такими же тщетными, как и злобные потуги «практиков» воинствующего антикоммунизма от оголтелых фашистов-«ультра» до реформистов и ревизионистов. Идейные оруженосцы французской реакции страшатся признать тот очевидный факт, что успехи коммунистического движения — прямой результат углубления неизлечимых внутренних противоречий загнивающего и умирающего капитализма.

Могучая притягательная сила идей коммунизма, являющегося научным выражением коренных интересов рабочего класса, умножается во Франции благодаря органическому переплетению лозунгов социализма с вековыми революционными, демократическими и национально-патриотическими традициями народных масс, традициями, от которых трусливо отреклась финансовая олигархия. Французские коммунисты, пишет в своей работе «Будущее демократии» секретарь ЦК ФКП Жак Дюкло, «сознают, что они являются продолжателями революционных и республиканских традиций народа Франции, развивая дальше опыт пролоанго, опыт якобинцев и Парижской Коммуны»⁵.

Французские коммунисты сумели не только завоевать на свою сторону большинство рабочего класса страны, но и привлечь симпатии значительной части разоряющегося мелкого крестьянства, городских средних слоев, служащих, интеллигенции. Наиболее прочные позиции занимает ФКП в Парижском районе — «красном кольце» пролетарских предместий столицы, в промышленных департаментах Северо-Востока, где сосредоточена основная масса кадрового фабрично-заводского пролетариата, на средиземноморском побережье (Марсель, Тулон), а также в крестьянских департаментах на юго-западе Центрального массива.

На протяжении своей славной более чем сорокалетней истории ФКП сумела использовать возможности, предоставляемые буржуазной демократией, при всем ее ограниченном характере, для успешной борьбы за интересы трудящихся. Уже в период между двумя мировыми войнами и особенно после 1945 г. коммунисты завоевали широкое представительство в органах местного самоуправления — муниципальных и генеральных советах⁶. «Компартия уделяет постоянное внимание работе в муниципа-

⁴ См., например: J. Fauvet. De Thorez à de Gaulle. Les forces politiques en France. Paris, 1951; H. Lüthy. A l'heure de son clocher. Essai sur la France. Paris, 1955; A. Siegfried. De la IV-e à la V-e République au jour le jour. Paris, 1958; R. Aron. Immuable et changeante. De la IV-e à la V-e République. Paris, 1959.

⁵ J. Duclos. L'avenir de la démocratie. Paris, 1962, p. 247.

⁶ Во Франции насчитывается 38 тыс. коммун (низших единиц административно-территориального деления) и 478 тыс. муниципальных советников, 1300 мэров городов и деревень и около 25 тыс. муниципальных советников являются коммунистами.

литетах... Муниципальные советники-коммунисты используют каждый повод для того, что вскрыть подлинные классовые причины, которые мешают принятию решений в пользу трудящихся, чтобы рассеять существующие еще многочисленные и стойкие иллюзии. Кроме того, коммунальная администрация — это прекрасная школа, дополняющая формирование коммунистических кадров и их специальную подготовку», — отмечает коммунист Вальдек Люилье⁷. Коммунисты — мэры, муниципальные и генеральные советники, квалифицированно управляющие хозяйством сотен городов и деревень, помогают рассеивать антикоммунистические предрассудки, созданные реакционной пропагандой, завоевывают доверие широких масс.

Важнейшими каналами связи партии с массами являются также профсоюзы, органы социального страхования, крестьянские синдикаты, молодежные, женские организации, союзы квартиросъемщиков, объединения бывших фронтовиков, ассоциации по защите светской школы, общества взаимопомощи и т. д. (в частности, Всеобщая конфедерация труда, Союз коммунистической молодежи Франции, Союз девушек Франции, Союз французских женщин, Республиканская ассоциация бывших фронтовиков — АРАК, Французская народная взаимопомощь, Ассоциация Франция — СССР и т. п.). В этих прогрессивных организациях коммунисты работают рука об руку с беспартийными и сочувствующими другим политическим группировкам, полностью уважая их убеждения и постоянно стремясь устранить отдельные второстепенные разногласия методами товарищеской дискуссии. Так, например, известно, что в рядах ВКТ находится больше рабочих и служащих — социалистов, чем в ФО, и больше католиков, чем в ФКХТ, несмотря на все запрещения правых лидеров СФИО или церковной иерархии.

Чрезвычайно большое значение в деятельности ФКП имеет активная поддержка ею такой широкой представительной организации, как Движение сторонников мира, которое ведет мужественную борьбу против возрождения германского милитаризма, колониальных авантюр, атомной «ударной силы», за всеобщее и полное разоружение.

Вместе с тем французские коммунисты стремятся также работать и внутри массовых организаций, руководство которыми остается пока в руках реакции, в частности в деревне (в Национальной федерации синдикатов земледельцев — НФСЗ, в Движении по координации и защите семейных хозяйств, в кооперативах по использованию сельскохозяйственного инвентаря и т. д.)⁸

Используя братские контакты, установленные с рядовыми членами или низовыми организациями реформистских и бур-

⁷ «Проблемы мира и социализма», 1962, № 9, стр. 60.

⁸ «Cahiers du communisme», 1961, N 11, p. 1743.

жуазных партий, коммунисты не раз вынуждали представителей левого крыла СФИО, левых католиков к совместным выступлениям в защиту социальных завоеваний трудящихся, левых радикалов — против покушений клерикальной реакции на светскую школу, против неофашистской угрозы со стороны ОАС и диктаторских поползновений режима личной власти. Наконец, в борьбе за национальную независимость страны, против возрождения германского милитаризма, ущемления суверенитета Франции «наднациональными» институтами «общего рынка», Европейского объединения угля и стали, «Евратома» ФКП могла рассчитывать на сочувствие патристически настроенной части избирателей правых партий — ЮНР или «умеренных».

Прямым следствием кризиса антикоммунистического курса лидеров партий центра — СФИО, радикалов, МРП — явились расколы в их рядах, отход влево части активистов, а иногда и видных политических деятелей. В 1948—1949 гг. такие деятели создали *Союз прогрессивных республиканцев* во главе с Пьером Котом, Робером Шамбейроном, Эммануэлем д'Астье де ля Вижери, аббатом Булье и другими, которые практиковали тесное сотрудничество с группой ФКП в Национальном собрании.

В 1957—1958 гг. произошел еще более серьезный раскол этих партий: СФИО покинула группа депутатов и активистов во главе с бывшим генеральным секретарем Даниэлем Мейером, Эдуардом Депрё, Робером Вердые и многими другими, образовавшими Автономную социалистическую партию. Она слилась вскоре с группой левых радикалов — сторонников Пьера Мендес-Франса и мелкой группировкой Левосоциалистический союз в *Объединенную социалистическую партию* (ОСП). Резко критикуя руководство СФИО и радикалов за примиренческое отношение к режиму личной власти генерала де Голля, выступая против колониальных авантур и неофашистской угрозы, руководство ОСП оставалось вместе с тем в целом на почве типично реформистской идеологии. ОСП не удалось поэтому увлечь за собой сколько-нибудь значительные массы трудящихся: партия насчитывала в 1962 г. всего около 20 тыс. членов, главным образом представителей интеллигенции, учащейся молодежи, городских средних слоев. Одной из главных причин слабости Объединенной социалистической партии остается сдержанное, а зачастую и прямо отрицательное отношение ряда ее лидеров к налаживанию прочного единства действий с ФКП. Однако по конкретным вопросам местные организации, а иногда и центральное руководство ОСП сотрудничают с коммунистами при подготовке митингов, демонстраций и т. д.

Деятельность Союза прогрессивных республиканцев и Объединенной социалистической партии усиливает центробежные тенденции внутри СФИО, партии радикалов и даже отчасти МРП, заставляя их лидеров опасаться последствий откровенного сговора с крайней реакцией.

ФКП решительно осудила кампанию за «упразднение» политических партий, имеющую целью обезоружить рабочий класс и всех трудящихся, отнять у них самое острое оружие в борьбе против гнета монополий и эксплуататорской системы в целом. «Систематическая кампания дискредитации ведется не только против парламентских институтов и выборных органов, но также против политических партий,— отмечал заместитель генерального секретаря ФКП Вальдек Роше.— Мы разоблачаем эту кампанию, ибо она имеет целью укрепить авторитарный режим, поставленный на службу монополиям. Усыпить партии, как неоднократно предлагал де Голль,— это одно из средств, применяемых для того, чтобы „деполитизировать“ народные массы, то есть ослабить их демократический дух, отстранить от политической жизни и помешать им оказывать давление на руководство общественными делами. Поэтому мы, коммунисты, защищаем право партий на существование и искренне принимаем соревнование между нашей партией и другими демократическими партиями... По нашему мнению, сотрудничество между коммунистической партией и другими демократическими партиями и организациями возможно и необходимо не только для того, чтобы установить новый демократический режим, но и после этого — для построения социализма»⁹.

Представители французской реакции упорно пытаются отождествить в глазах широких масс лозунги подлинной демократии с простой реставрацией обанкротившейся, дискредитированной системы Четвертой республики. Некоторые буржуазно-либеральные ученые, в частности известные государствоведы Морис Дюверже и Жорж Ведель, фактически играют наруку этой кампании, рекламируя «сильную власть» главы правительства или государства, избранного всеобщим голосованием и не зависящего от парламента. Они пытаются утверждать, будто такого рода фигура сможет успешнее сопротивляться своекорыстным проискам групп давления (под рубрику которых произвольно подгоняются на равных основаниях как монополистические группировки, так и массовые объединения трудящихся)¹⁰.

Прогрессивные силы во главе с коммунистами подвергли эти концепции беспощадной критике. Они указывали, что в условиях режима личной власти представители финансовой олигархии получают самые широкие возможности для проникновения внутрь государственного аппарата, тогда как трудящиеся в результате лишения парламента всяких реальных прав теряют последние шансы для воздействия на политику государства через легальные каналы. Неудивительно, что их недовольство все чаще принимает форму открытых столкновений профсоюзов, крестьянских синдикатов, ассоциаций бывших фронтовиков, студенческих объединений с различными звеньями бюрократической машины.

⁹ «L'Humanité», 18.V 1962.

¹⁰ M. Duverger. La V-e République et le Régime présidentiel. Paris, 1961.

«...Президентская власть сама по себе является политическим инструментом монополий, и в этих условиях укреплять данный инструмент — значит усиливать тем самым господство монополий над нацией, — указывал Вальдек Роше в докладе XVI съезду ФКП. — Г-н Дюверже возражает, что парламентарии также могут испытывать давление со стороны капиталистических групп. Действительно, в условиях капиталистического строя буржуазные парламентарии испытывают такой нажим. Однако чрезвычайно важное отличие состоит в том, что в подлинном парламенте, избранном на основе честной и лояльной избирательной системы, разумеется, будут буржуазные депутаты, испытывающие давление со стороны капиталистических групп, но будут также другие депутаты, выражающие интересы трудящихся классов страны. Давлению капиталистических интересов будет противостоять давление рабочих, крестьян, городских средних классов, короче говоря, всех социальных слоев, которые страдают от господства монополий»¹¹.

В противовес авторитарным тенденциям Пятой республики французские коммунисты выдвинули стройную, последовательную программу демократического и национального обновления, которая должна послужить основой для сплочения на единой платформе всех противников режима личной власти.

Эта программа включает созыв Учредительного собрания и принятие демократической конституции с передачей высшей власти единому Национальному собранию, избранному на основе всеобщего, прямого избирательного права с пропорциональным представительством, созданием ответственного перед парламентом правительства, распространением пропорционального представительства на все выборы, действенным контролем избирателей над депутатами вплоть до отзыва их и лишения мандатов, реальной гарантией гражданских свобод.

Поскольку профессиональная армия и реакционный госаппарат неизменно служили орудием финансового капитала, используемым против республики и народа, ФКП требовала их решительной реорганизации: замены профессиональной армии краткосрочной воинской повинностью, полного подчинения вооруженных сил гражданской власти, чистки и демократизации полиции, расширения прав самоуправления при ликвидации должности префектов, отстранения финансового капитала от контроля над средствами информации и пропаганды, последовательного отделения церкви от школы.

В социально-экономической области коммунисты предлагали резко повысить благосостояние масс, заработную плату, пенсии, государственные инвестиции в развитие энергетических ресур-

¹¹ «XVI-e Congrès du Parti communiste français. Rapports, interventions et documents». Numéro spécial des «Cahiers du communisme», juin 1961, p. 68.

сов, машиностроительной, электронной промышленности, жилищного строительства за счет прекращения гонки вооружений и разветвления торговли с социалистическими странами.

Необходимым условием обновления демократии компартия считает изоляцию трестов и монополий, в частности с помощью расширения национализации и установления демократического, народного контроля над функционированием государственных предприятий. Такой контроль мог бы устранить превращение национализированного сектора в орудие частного капитала.

В документах XV и XVI съездов ФКП был подвергнут детальному рассмотрению также вопрос о классовых силах, способных обеспечить обновление демократии. Решающая из этих сил — рабочий класс, по самому своему характеру тяготеющий к революционности и монолитному сплочению в борьбе против главного врага трудящихся — монополий. Поэтому в качестве центральной задачи намечается расширение усилий по ликвидации раскола в рядах пролетариата, сближению коммунистов с рабочими-социалистами вопреки антикоммунистической политике верхушки СФИО.

Вместе с тем компартия указывает также на необходимость установить прочный союз рабочего класса со средними слоями города и деревни. Основой для такого союза служит борьба против политики монополий, ущемляющей интересы всех слоев трудящихся. Партия решительно выступает против антидемократической налоговой системы, навязанных трестами монопольных цен, сокращения кредитов на механизацию сельского хозяйства, за развитие образования, науки, культуры и искусства.

Путь к единству рабочего класса и всех демократических сил французского народа лежит через развертывание повседневной борьбы масс против политики реакции во всех областях: забастовки и сближение различных профсоюзных центров в борьбе за повышение заработной платы, против антисоциальных ордонансов, выступления крестьян, ремесленников против налогового гнета, демонстрации сторонников светской школы, бывших фронтовиков, студентов, наконец, новый подъем движения за мир.

Главной особенностью рабочего движения во Франции в условиях режима личной власти оказалась необычайно быстрая и глубокая «политизация» чисто экономических на первый взгляд лозунгов о повышении заработной платы, продлении до четырех недель оплачиваемых отпусков, возврате к 40-часовой рабочей неделе и т. д. Запрет всеобщей стачки железнодорожников в июне 1959 г., директивное письмо Дебре Национальному совету французских предпринимателей с рекомендацией ни в коем случае не допускать повышения заработной платы свыше 4% в год, упорное сопротивление дирекции национализированных отраслей требованиям рабочих и служащих — все эти факты способствовали разоблачению в глазах трудящихся истинного лица

авторитарного режима, который неуклонно терял фальшивый ореол «надклассового арбитра».

Еще более важным катализатором политической активности масс стало затягивание войны в Алжире и связанный с ним рост фашистской опасности. Дважды — 1 февраля 1960 г. и 24 апреля 1961 г. — всеобщие одночасовые забастовки протеста против попыток вооруженных путчей алжирских «ультра» и военщины охватывали 11—12 млн. человек, т. е. практически весь рабочий класс и основную массу служащих страны. Мужественное выступление рабочего класса в феврале 1962 г. (митинги, забастовки, грандиозная манифестация на похоронах жертв полицейской расправы 13 февраля) явились главным фактором, сорвавшим планы организаторов террора фашистских банд ОАС и принудившим правительство форсировать заключение перемирия с Временным правительством Алжирской республики.

Опыт борьбы, накопленный трудящимися в 1958—1962 гг., рост их политического самосознания заметно изменили расстановку классовых сил в стране. Это со всей очевидностью выявила беспрецедентная всеобщая забастовка шахтеров в марте — апреле 1963 г., длившаяся 35 дней.

После того как длительные переговоры правительства с профсоюзами о повышении заработной платы шахтеров, явно отстававшей от темпа роста цен, зашли в тупик, все без исключения профцентры — ВКТ, ФО, ФКХТ — при поддержке инженерно-технического персонала призвали к всеобщей забастовке до полной победы. В ответ правительство издало за личной подписью президента де Голля декрет о «реквизиции», принудительном привлечении на работу. Оно рассчитывало, что угроза перебоев с топливом после необычайно суровой зимы восстановит против шахтеров общественное мнение, изолирует их и поможет сломить стачку. Однако этот расчет не замедлил провалиться: по всей стране прокатилась волна кратковременных забастовок солидарности с горняками, в которых участвовали транспортники, электрики, газовщики и т. д. В таких условиях применение «реквизиции» оказалось чересчур опасным. Отказ от нее был единодушно расценен общественностью как крупное морально-политическое поражение правящих кругов. После пяти недель героической борьбы забастовщики добились победы: правительство вынуждено было пойти на существенные уступки.

Помимо рабочего класса, выступившего в авангарде демократической оппозиции режиму личной власти, все более грозной оппозиционной силой становилось трудовое крестьянство, которое французская реакция рассматривала как своего надежного союзника, традиционную опору социального консерватизма.

Все эти многочисленные формы оппозиции постепенно день за днем выковывают предпосылки подлинного обновления демократии во Франции.

Раздел V

ПАРТИИ

И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ

Глава I

Становление и эволюция партийной системы в ФРГ

В политической истории Германии сложились относительно неблагоприятные, по сравнению с другими крупнейшими буржуазными государствами, условия для эффективного участия партий в деятельности государства. Затянувшееся господство сословной монархии, сопряженное с территориально-политической раздробленностью страны, слабость немецкой буржуазии, не сумевшей до конца второго десятилетия XX в. установить парламентские порядки, кратковременность Веймарской республики, которую сменила открытая террористическая диктатура наиболее реакционных элементов финансового капитала, — все это ограничивало роль партий как серьезного фактора общественной жизни, как существенной части политического механизма.

В тех буржуазных государствах, где сохраняются остатки буржуазной демократии и парламентаризма, роль политических партий в обработке общественного мнения, проведении парламентских выборов, деятельности парламентов, формировании правительств очевидна. Однако действительные условия существования, подлинные функции партий и тенденции развития партийно-политической системы затемняются и даже совершенно искажаются буржуазными социологами.

Выдвинутая к власти западными оккупационными державами и господствующая ныне в Западной Германии реакционная партия Христианско-демократический союз именуется себя «народной» в полном соответствии с апологией «бесклассового общества особого рода», якобы созданного в ФРГ, с которой выступает один из лидеров ХДС, нынешний канцлер боннского государства Людвиг Эрхард. На отрицании факта непрерывного роста рабочего класса и его доминирующего положения в социальной структуре ФРГ основаны оппортунистические заверения правых лидеров германской социал-демократии о том, что СДПГ закономерно «превратилась из партии рабочего класса в партию народа». Разговорами об отсутствии антагонистических противоречий в западногерманском обществе и удовлетворении нужд трудящихся боннским государством оправдывается даже преследование КППГ.

В действительности к соотношению классовых сил в ФРГ полностью относится характеристика, данная в Программе Коммунистической партии Советского Союза: «Государственно-монополистический капитализм не меняет природы империализма. Он не только не изменяет положения основных классов в системе общественного производства, но и углубляет пропасть между трудом и капиталом, между большинством нации и монополиями»¹.

Согласно подсчетам немецкого профессора Отто Рейнгольда, подтвержденным данными Германского института экономики, в самостоятельном населении ФРГ лица наемного труда составляют сейчас 70%, средние слои (крестьянство, ремесленники, лица свободных профессий) — 25—27%, буржуазия — всего лишь 3—5%². Рабочий класс значительно превосходит по численности остальные классы общества в Западной Германии, в то время как буржуазия составляет ничтожную часть населения.

Поляризация классовых сил в ФРГ продолжается. Темпы и уровень концентрации производства и капитала никогда не были в Германии так высоки, как в последние годы. Если в 1938 г. крупнейшим акционерным обществам принадлежало 25,8% акционерного капитала, то в 1958 г. — 46, а в 1960 г. — уже 50,1%. Практически в настоящее время всего 17 концернов распоряжаются германской экономикой. Концентрация производства и капитала сопровождается разорением сотен тысяч мелких производителей и ростом числа рабочих и служащих. С 1949 по 1960 г., по данным официальной западногерманской статистики, число крестьянских хозяйств с наделами до 10 га земли уменьшилось на 335 тыс., число ремесленников — более чем на 147 тыс. человек, а число рабочих и служащих возросло за последние 10 лет на 5 млн. человек³.

Таким образом, в классовой структуре ФРГ с предельной четкостью выражена противоположность между трудом и капиталом, а развитие социальных сил свидетельствует как об углублении пропасти между рабочим классом и монополистической буржуазией, так и о растущих противоречиях между монополистическим капиталом и всем остальным обществом.

Только руководствуясь ясным представлением о характере и соотношении классовых сил в ФРГ, можно успешно разобраться в кажущейся путанице партий и политических групп, которых насчитывается здесь несколько десятков, опровергнуть претензии заведомо реакционных партий на выражение воли народа,

¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, Госполитиздат, 1962, стр. 247.

² «Einheit», 1959, N 4, S. 539.

³ «Neues Deutschland», 1.XI 1961.

уловить динамику развития партий и поляризацию партийно-политических сил, наконец, понять их действительную роль в условиях господства монополистического капитала, который, «полностью захватив основные материальные средства, не делит ни с кем политическую власть»⁴, хотя и пользуется для ее осуществления и маскировки различными средствами и формами, предоставляемыми буржуазной демократией.

Система политических партий ФРГ существенно отличается от партийно-политической структуры Веймарской Германии. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание исчезновение таких ведущих партий буржуазии, как Немецкая национальная, Демократическая и Немецкая народная. Правда, между основными буржуазными партиями боннского государства и Веймара существует известная связь. Так, господствующая ныне в Западной Германии партия буржуазии — Христианско-демократический союз, — в некоторых отношениях родственна партии «центра», а вторая по величине и влиянию буржуазная партия боннской республики — Свободная демократическая — унаследовала часть идейно-политического багажа Немецкой народной и Немецкой демократической партий. Однако не приходится говорить об идентичности этих партий. Оказывающие ныне наибольшее влияние на политическую жизнь ФРГ партии господствующего класса — это новые организации, возникшие после второй мировой войны.

Важнейшей причиной обновления партийной системы Западной Германии явилось банкротство буржуазных партий Веймара, продемонстрировавших свою полную неспособность разрешить противоречия, с которыми столкнулась буржуазия, не говоря уже о проблемах, тревоживших многомиллионные массы трудящихся. К тому же почти все эти партии не действовали в течение 12 лет фашистского господства, растеряли своих членов и функционеров, лишились налаженной организации, прессы, партийного аппарата. Новые, еще более сложные требования предъявляли к партиям послевоенная действительность, задачи ликвидации последствий войны, дальнейшее обострение социальных противоречий и поляризация классовых сил. Все это вместе взятое и привело к тому, что буржуазия предпочла реставрации прежних дискредитировавших себя партий создание новых партий, более надежно обеспечивающих ее политическое господство.

Еще более важное отличие нынешней системы партий от веймарской — очевидное упрощение партийной системы, гигантский рост влияния одной буржуазной партии, сосредоточение в ее

⁴ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, стр. 252.

руках важнейших рычагов политической машины. Однако в интересах правильной оценки этого явления следует иметь в виду, что упрощение партийной системы ФРГ, сопровождающееся концентрацией сил в одной партии и ростом ее влияния, было результатом длительного процесса, что в первые годы своего формирования партийная система Западной Германии отличалась почти такой же дробностью, как система партий Веймара.

Формирование и эволюция системы политических партий в ФРГ составляют существенную часть общественно-политических процессов, происходящих в Западной Германии после второй мировой войны.

Военное поражение гитлеровской Германии, до основания потрясшее экономические и политические устои германского империализма, создало благоприятные условия для коренного преобразования жизни во всей стране на демократической и мирной основе. На Востоке, где эти условия были использованы, демократические силы, сплоченные в партиях и организациях Национального фронта, осуществили антифашистский демократический переворот, а затем перешли к строительству социализма.

Западная Германия стояла на пороге тех же преобразований и располагала не меньшими демократическими силами, также стремившимися к антифашистскому единству. Угроза социальной революции, исходившая от национальных демократических сил, была предотвращена оккупационными властями империалистических западных держав. Их линия в отношении политических партий и общественных организаций явилась важнейшим элементом антипотсдамской политики, направленной на реставрацию экономического и политического господства монополий. Если в Советской оккупационной зоне в полном соответствии с духом принципов, закрепленных несколько позднее в Потсдаме, уже 20 июня 1945 г. была разрешена деятельность демократических партий и профсоюзов, выступавших за объединение прогрессивных сил в рамках всей Германии, то в западных оккупационных зонах военные власти взяли курс на организационное дробление национальных политических сил. Это обстоятельство определило одну из важнейших черт партийно-политического развития в Западной Германии.

До августа 1945 г. в трех западных зонах действовало распоряжение Объединенного командования западных держав о запрете всякой политической деятельности. На основе этого распоряжения были распущены вышедшие из подполья антифашистские организации, не допускались старые политические партии, запрещались собрания и деятельность партийной прессы. После Потсдамской конференции в западных зонах была разрешена деятельность политических партий, однако вопреки смыслу и целям Потсдама не допускалось создание общегерманских,

а некоторое время даже зональных партий. Так, в американской зоне оккупации распоряжением от 27 августа 1945 г. было допущено создание районных и лишь в ноябре — земельных партийных организаций. В британской зоне оккупации партии были допущены в сентябре 1945 г. (на зональной основе), а во французской — практически лишь весной 1946 г.⁵

Дробление партий по землям и зонам создавало серьезные препятствия для формирования влиятельных национальных партийных организаций, выработки единой для всей Западной Германии (не говоря уже о всей Германии в целом) политики каждой партии. К 1948—1949 гг., когда оккупационные власти ослабили свой контроль над германскими партиями, а сами эти партии окончательно сложились в крупные политические организации, стоявшие перед необходимостью принять ответственные решения, касающиеся всей Западной Германии, в Экономическом совете, Парламентском совете и на выборах в бундестаг, политическая атмосфера нового западногерманского государства была уже predetermined, задачи демилитаризации, денацификации и демократизации отброшены, а основы господства монополистического капитала восстановлены. Создав серьезные препятствия для консолидации национальных демократических сил в тот период, когда они могли стать определяющим фактором в политической жизни, оккупационные власти империалистических держав тем самым воздействовали и на всю партийную систему ФРГ.

Другая важнейшая черта развития партийной системы ФРГ — раскол рабочего движения по вине правых социал-демократов. Уроки германской истории не оставляли сомнения в том, что только сплочение демократических сил, основанное на единстве рабочего класса, может предотвратить реставрацию власти крупного капитала. Вскоре после освобождения от фашизма в Германии развернулось мощное движение за объединение КПП и СДПГ в единую партию пролетариата. Образованное в Берлине центральное правление СДПГ уже в июне 1945 г. провело официальные переговоры в ЦК КПП, в результате которых была утверждена программа сотрудничества между партиями по всем актуальным вопросам и создан совместный рабочий комитет обеих партий.

Идея единства была подхвачена не только в Восточной, но и в Западной Германии. На крупных промышленных предприятиях Рурской области, в Гамбурге, Ганновере, Мангейме, Гейдельберге принимались решения о слиянии партийных организаций КПП и СДПГ. Уже в августе 1945 г. коммунисты и социал-демократы Баварии выработали совместную программу действий.

⁵ L. Bergsträsser. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. München, 1955, S. 319—320.

Стремление к единству обеих германских рабочих партий натолкнулось на ожесточенное сопротивление правых лидеров германской социал-демократии во главе с Шумахером, которые взяли курс на раскол рабочего движения и обособление СДПГ западных зон. На состоявшемся в мае 1946 г. съезде социал-демократов в Ганновере было сформировано независимое от берлинского руководства правление СДПГ, возглавляемое Шумахером. Выступая с первых же шагов с антикоммунистических и антисоветских позиций, правые социал-демократы третировали КПГ как организацию, интересы которой якобы подчинены внешнеполитическим нуждам России. На конференции в Оффенбахе-на-Майне сторонники Шумахера приняли решение о том, что все социал-демократы, которые примут участие в объединенном съезде КПГ и СДПГ в Берлине, автоматически будут исключены из партии. В то время, когда в землях Восточной Германии проводились объединительные съезды, в берлинском районе Целлендорф сторонники Шумахера провели свой съезд, на котором отмежевались от центрального правления СДПГ и приняли программу, порывавшую с марксизмом.

Разрушительная деятельность правых лидеров, естественно, нашла одобрение и поддержку империалистических оккупационных держав. Они не только оттягивали выдачу разрешений на создание коммунистических партийных организаций в западных зонах, запретили въезд в эти зоны и выступление там представителей организационных комитетов Социалистической единой партии Германии, но и всячески поддерживали правых лидеров социал-демократии, в частности предоставляя им руководящие посты в местных органах управления.

Правые социал-демократы прекрасно представляли себе значение избранной ими линии для формирования партийной системы в ФРГ. Так, Курт Шумахер говорил, оценивая собственную деятельность: «Критики германской партийной системы упускают из виду, например, роль СДПГ в деле обороны от большевизма. Без германской социал-демократии Германия — а может быть и некоторые другие страны Европы — уже была бы идеологически и политически вотчиной коммунизма»⁶.

Расколов рабочее движение, западногерманская правая социал-демократия поставила под удар реакционных сил его авангард — Коммунистическую партию Германии. Отравляя рабочий класс Западной Германии ядом реформизма, отвлекая его от революционных задач на путь соглашательства с господствующим монополистическим капиталом, правые лидеры западногерманской социал-демократии в значительной мере парализовали революционные потенции пролетариата, очистив поле деятельности для реакционных политических сил.

⁶ «Einheit», 1959, N 9, S. 1197.

«Никто,— пишет В. Ульбрихт,— не может снять с руководства СДПГ вину за то, что оно, помешав в 1945 г. единству действий рабочего класса, оказало решающую поддержку реставрации реакционной государственной власти в Западной Германии»⁷.

Разобщение и ослабление демократических сил, достигнутое в результате политики оккупационных властей и правых социал-демократов, создавало важную предпосылку успешной реставрации господства монополистического капитала, но еще не решало эту задачу. После ликвидации гитлеровского режима, когда в стране были чрезвычайно сильны антифашистские настроения, а требования глубоких демократических преобразований выдвигались не только в программах передовых общественных сил, но и в международноправовых актах, подписанных западными державами, реакционные силы были вынуждены для удержания своего господства применять буржуазно-демократические парламентские средства. Для этого нужна была политическая партия, достаточно надежная, чтобы доверить ей представительство своих интересов, и в то же время способная привлечь массы избирателей. Выдвижение на эту роль ХДС — ХСС является также одной из характернейших черт развития партийной системы в Западной Германии.

Ставка на партию Христианско-демократический союз, как показало будущее, была сделана верно. «Задача была довольно трудной,— пишет буржуазный журналист Э. Дзелепи,— поскольку речь шла о том, чтобы снова навязать германскому народу политику, до смерти ему надоевшую, и основать партию, которая, под прикрытием „христианского учения“ и приносившаяся к требованиям момента, проводила бы в политических, экономических и государственных делах страны почти ту же самую линию, какую проводила раньше разогнанная победителями национал-социалистская партия»⁸.

В годы становления в ХДС еще были активны левые элементы, считавшие, что новая христианская партия, которая должна стать на место прежнего Католического центра, обязана извлечь уроки из событий последних лет и выступить в сотрудничестве с социалистическими силами. Именно таким путем пошел ХДС Восточной Германии.

На западе страны «левые», связанные с христианскими профсоюзами, также длительное время выдвигали идеи «христианского социализма», нашедшие отражение в кельнских «Руководящих положениях» (1946 г.) и Аленской программе ХДС (1947 г.). Но эти положения остались лишь лозунгами, вво-

⁷ «Einheit», 1959, N 9, S. 1197.

⁸ Э. Дзелепи. Конрад Аденауэр: легенда и действительность. М., 1960, стр. 52.

дившими в заблуждение широкие массы и дезориентировавшие их относительно подлинного существа и целей руководства новой партии. В действительности ХДС стала средоточием реакционных капиталистических сил и в этом качестве получила поддержку монополистического капитала ФРГ, империалистических западных держав и клерикалов Ватикана.

Лицо ХДС определили вошедшие в него и взявшие вверх над «левыми» представители правых буржуазных партий Веймарского периода (националистов, «народников» и др.), а также правого крыла «центра», не имевших перспектив на самостоятельное существование.

«С этого момента,—замечает бывший соратник Аденауэра, а ныне один из наиболее убежденных его противников из числа антифашистски настроенных либеральных интеллигентов В. Герст,— в игру вступили магнаты рейнско-вестфальской индустрии; здесь они видели единственную возможность привязать рабочих-христиан к несоциалистической партии, к такой партии, в которой представители крупного капитала если и не прямо, то хотя бы косвенно будут иметь решающее слово и таким путем сумеют решающим образом влиять на экономическое развитие Западной Германии»⁹.

Именно в тот момент, когда стало ясно, что левое крыло в ХДС уже не сможет одержать победу внутри партии, Аденауэр, отказавшийся возглавить ее в 1945 г. в Кёльне, пришел к руководству Христианско-демократическим союзом. Империалистические силы вполне отдавали себе отчет в том, какую роль суждено играть ХДС в западногерманском государстве. Об этом свидетельствует выступление американской «Вашингтон пост» незадолго до создания ФРГ:

«Непременно будет создано правительство для трех западных зон Германии. Большую часть правительственных функций возьмут в свои руки, вероятно, представители деловых кругов. ХДС — ХСС послужит правительственным фасадом, за которым промышленники станут подлинными властителями Германии»¹⁰.

Закономерностью развития партийной системы ФРГ и всего западногерманского государства, свидетельством полного подчинения государственного механизма монополиям является превращение ХДС в доминанту партийной системы ФРГ, в почти монопольно господствующую партию. Этой цели служит система мер, направленная на подавление, вытеснение из политической жизни, поглощение и, наконец, подчинение Христианско-демократическому союзу других партий и организаций. Большой знаток политического быта ФРГ швейцарский публицист

⁹ W. K. Gerst. Bundesrepublik Deutschland. Weg und Wirklichkeit. Berlin, 1947, S. 70.

¹⁰ «Washington Post», 16.V 1949.

Ф. Алеман так описывает эту сторону внутренней политики ФРГ: «С 1949 г. эта политика основывалась на прочной и, по-видимому, нерасторжимой связи мелких буржуазных партий с Христианско-демократическим центром. Конрад Аденауэр был не только партийным лидером ХДС; он координировал и „интегрировал“ всю либеральную и консервативную буржуазию, а также конфессионально связанных рабочих вокруг христианско-демократической оси»¹¹.

Данные о числе политических партий, участвующих в федеральных выборах, т. е. претендующих на участие в решении проблем, касающихся всей Западной Германии, обнаруживают смысл этой «интеграции»: если в первых выборах в бундестаг в 1949 г. участвовало 13 партий, то на последних, в 1961 г., — только 8.

Еще нагляднее данные о числе фракций в бундестаге: если в бундестаге первого созыва было 8 партийных фракций, то в бундестаге второго созыва их было 5, третьего — 4, наконец, в бундестаге, избранном в сентябре 1961 г., лишь 3 партийных фракции: ХДС, СДПГ и Свободной демократической партии (СвДП)¹².

За годы существования ФРГ (только из числа буржуазных и буржуазно-демократических партий, претендовавших на участие в деятельности федерального парламента), прекратили свое существование, утратили политическое влияние или слились с другими партиями около десятка относительно крупных политических организаций различных оттенков и направлений. К ним относятся следующие партии:

Немецкая партия, возникшая после второй мировой войны на базе ряда монархических, националистических и фашистских группировок;

Общегерманский блок (Союз лишенных родины и прав) — основанная в 1950 г. партия переселенцев и беженцев, объединявшая различные в социальном отношении слои населения, но руководимая исключительно шовинистическими и нацистскими элементами.

Охваченные процессом распада, обе партии прекратили самостоятельное существование, а остатки их слились в 1961 г. в Общегерманскую партию, выступавшую на последних выборах в бундестаг;

Партия центра — группировка, пытавшаяся снова возродить традиционную немецкую партию католического центра, но не сумевшая привлечь сколько-нибудь многочисленных сторонников и выработать самостоятельную политическую линию;

¹¹ F. R. Alleman n. Bonn ist nicht Weimar. Köln — Berlin, 1956, S. 304.

¹² Данные о выборах и участии партии в бундестаге см.: «Statistisches Jahrbuch der BRD», 1952, S. 82—83; 1954, S. 109; 1961, S. 136, 137; 1963, S. 133—135.

Баварская партия, образованная в 1948 г. Эта партия, опирающаяся в основном на сельскую буржуазию и чиновничество, поддерживающая федералистские стремления, не получила помощи крупного капитала. В 1957 г. остатки Партии центра и Баварская партия вместе с некоторыми другими мелкими группировками создали Федералистский союз, который безуспешно выступал на выборах в бундестаг 1957 года, а в 1961 г. вообще не решился выдвинуть своих кандидатов;

Союз экономического возрождения, сформированный в Баварии в 1948 г. политическим авантюристом Альфредом Лоренцем. Опираясь на беженцев и переселенцев, союз сумел получить 12 мандатов в первом бундестаге, но распался, не выдержав ожесточенных нападок ХДС. Члены его перешли в Немецкую партию или Общегерманский блок.

Если к этому перечню добавить промелькнувшие на федеральных выборах в течение первых восьми лет Немецкую консервативную партию, Радикально-социальную партию свободы, Европейское народное движение, Рейнско-вестфальскую народную партию, партию «Национальная солидарность», Союз отечества, Партию среднего сословия, Бременскую демократическую народную партию и Немецкую народную партию, а также вспомнить о кратковременном существовании Свободной народной партии, отколовшейся от СвДП, то число только буржуазных партийных организаций различного толка, безуспешно пытавшихся утвердиться на главной политической сцене ФРГ, окажется равным почти двум десяткам.

В борьбе за монопольное положение в государственном механизме весьма эффективным средством служит для ХДС избирательная система. Причем средство это универсально, оно используется против партий любых политических направлений, поскольку ХДС не угодно видеть эти партии в бундестаге, и в первую очередь, конечно, против боевой партии рабочего класса — КПГ. Наиболее характерная черта развития избирательной системы ФРГ — непрерывное усиление элементов мажоритаризма. Если на выборах 1949 года для участия в распределении мест в бундестаге, предоставляемых по земельным спискам, партии достаточно было провести одного депутата в округе или получить 5% голосов в пределах земли, то на выборах 1953 года необходимо было собрать 5% голосов уже в масштабе ФРГ. Имея в виду выборы 1957 года, представители ХДС 14 ноября 1955 г. внесли в бундестаг проект избирательного закона, согласно которому выборы кандидатов в округах по мажоритарной системе считались окончательными. Их результаты не учитывались при распределении мандатов в соответствии с числом «вторых» голосов, полученных по земельным спискам партий. Эта система, получившая название «системы рва», резко усиливала мажоритарный элемент на выборах и была встречена в шты-

ки всеми другими партиями. Однако новый избирательный закон, принятый в 1956 г., вновь усилил требования к партиям, претендующим на представительство в бундестаге, предусмотрев, что места по земельным спискам предоставляются партиям, проводившим трех депутатов по округам или получившим не менее 5% вторых голосов¹³.

Пятипроцентная оговорка, отстраняющая от участия в бундестаге неугодные ХДС партии, не мешает ей проводить в парламент своих сателлитов. Так, на выборах 1953 года Партия центра, получив всего 0,8% «вторых» голосов, приобрела два места в бундестаге, победив в результате соглашения с ХДС в одном из округов. На выборах 1957 года аналогичным образом получила 17 мандатов Немецкая партия, хотя она собрала в землях 3,4% голосов. На тех же выборах Партия центра, лишенная поддержки ХДС, была обречена на поражение.

Выступление против ХДС партий, представленных в бундестаге, чревато для них тяжелыми последствиями. Так, перешедшая в оппозицию во втором бундестаге Свободная демократическая партия лишилась своих министров. Вскоре после этого из партии вышли министры Блюхер, Нимейер и 16 депутатов бундестага, образовавшие осколочную Свободную народную партию, слившуюся впоследствии с Немецкой партией. На руководство СвДП, оставшейся в оппозиции, был произведен сильнейший нажим со стороны финансовых кругов. Сменив председателя, Свободная демократическая партия после выборов 1961 года вновь заняла подчиненное место в коалиции с ХДС.

Для тенденций развития партийной системы ФРГ характерна судьба Немецкой партии (НП), основные силы которой были поглощены ХДС. Христианско-демократический союз поддерживал Немецкую партию более десяти лет, используя ее для связи с консервативными и профашистскими силами. Летом 1960 г. девять из остававшихся к тому времени 15 депутатов НП вместе с министрами Зеебомом и Меркатцом перешли в ХДС, а осенью 1961 г. в ХДС перешел основатель НП Генрих Хельвеге. Боннский корреспондент газеты «Нейес Дейчланд» писал в связи с крушением НП: «Это доказательство того, как буржуазия делит роли в игре. Сначала она музицировала на нескольких инструментах, пытаясь создать впечатление, что существует демократический оркестр, но, когда ей кажется это уместным, она переходит к исполнению сольной партии своего господства. Закат НП доказывает: тот, кто делает политику вместе с ХДС, рано или поздно будет поглощен им»¹⁴.

Отстранив от парламентской деятельности одни партии, расколов, ослабив, поглотив или поставив в зависимость другие,

¹³ W. K. Gerst. Bundesrepublik Deutschland. Weg und Wirklichkeit. Berlin, 1957, S. 202—204; «Bundesgesetzblatt», 1956, I, N 21.

¹⁴ «Neues Deutschland», 3.VII 1960.

ХДС обеспечил себе господствующее положение в политическом механизме ФРГ. Причем сама партия ХДС проделала очевидную эволюцию вправо, она отказалась от первоначальных демократических требований, вобрала в себя многочисленные нацистские элементы, установила тесную связь с верхушкой монополистического капитала. Возникнув как партия центристская по своему политическому направлению, ХДС превратилась в идейно-политический и организационный центр, вокруг которого группируются все правые силы.

В развитии партийно-политической системы ФРГ закономерен бурный рост крайне правых, неонацистских и реваншистских организаций.

Для того чтобы предотвратить «возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма», Потсдамское соглашение категорически требовало уничтожить нацистскую партию со всеми ее филиалами и организациями, включая СС, СА и СД, и принять меры к тому, чтобы нацистские организации не возродились ни в какой форме. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацизма и руководители нацистских учреждений подлежали отстранению от общественной жизни. Предусматривалась также ликвидация всех военных и полувоенных организаций, которые поддерживали милитаристские традиции и реваншистские устремления. Саботаж Потсдамского соглашения западными оккупационными державами позволил нацистским и реваншистским организациям занять видное место в политическом механизме ФРГ.

После 1945 г. в Западной Германии не было недостатка в партийных группировках, пытавшихся возродить тенденции нацистской партии. Действуя параллельно, сменяя друг друга, сливаясь и вновь разъединяясь, в ФРГ выступали такие неонацистские партии, как Национальные демократы в Гессене, Немецкий блок в Баварии и Любеке, Немецкая правая партия в Нижней Саксонии, реорганизованная в 1950 г. в Немецкую имперскую партию, а кроме того, партии Немецкое сообщество, Европейское народное движение, Национальная солидарность, Боевое содружество свободных немцев, Движение империи, Союз германского возрождения и многие другие. Крупнейшая из них, Немецкая правая, получила пять мандатов в боннском бундестаге на выборах 1949 г.¹⁵

В октябре 1949 г. в ФРГ была основана так называемая Социалистическая имперская партия (СРП), руководство которой целиком состояло из бывших нацистов¹⁶. Ее программа включала в себя нацистские расовые идеи и требования мировой гегемонии немцев. Для охраны партийных сборищ была сформиро-

¹⁵ См., например: W. Treue. Deutsche Parteiprogramme. 1861—1954. Göttingen, 1957, S. 47.

¹⁶ О СРП см., например, L. Bergsträsser. Op. cit., S. 345—350.

вана охранная организация по типу гитлеровской СА. Опираясь на приверженцев нацизма, партии удалось получить 16 мандатов в ландтаге Нижней Саксонии, 8 в Бремене и 16 в бундестаге (за счет Немецкой правой). Беспрецедентные по откровенной наглости профашистские выступления СРП бросали мрачную тень на недавно возникшую Федеративную Республику Германии. С учетом деятельности других неонацистских группировок складывалось явное впечатление, что нацизм вновь поднял голову. Правительство ФРГ, поставленное перед необходимостью успокоить общественное мнение, вынуждено было пойти на жертву. В октябре 1952 г. Федеральный конституционный суд запретил СРП как преемницу нацистской партии, и сторонники боннского режима поспешили объявить, что нацизм в ФРГ искоренен. Однако правы были другие наблюдатели.

В наиболее фундаментальном из вышедших до настоящего времени западногерманских исследований о политических партиях ФРГ отмечается: «Роспуск СРП во многих местах был воспринят не как конец „неонацизма“, а просто как призыв к переформированию»¹⁷. Действительно, и по сию пору в ФРГ существуют разнообразные откровенно профашистские группировки, а две крупнейшие из них, Немецкая имперская партия и Немецкое сообщество, в 1961 г. выдвигали своих кандидатов на выборах в бундестаг.

Отношение властей ФРГ к неонацистским организациям откровенно выражено принятым в 1958 г. третьим законом об отмене оккупационного права. Этот закон включил в приложение, перечисляющее отменяемые нормативные акты, закон № 5 о роспуске нацистской партии¹⁸. Таким образом, нацистская партия сейчас в ФРГ формально не запрещена, что имеет большое значение для ее сторонников в неонацистских организациях.

Наряду с профашистскими партиями в ФРГ существуют и множатся другие неонацистские и реваншистские организации, в значительной мере определяющие политическую атмосферу боннского государства. По неполным данным, приведенным демократической немецкой печатью, в начале 1960 г. в ФРГ насчитывалось 11 крупных фашистских и националистических объединений партийного типа, более 60 фашистских и милитаристских организаций молодежи, 20 реваншистских землячеств, многочисленные солдатские союзы, в том числе Союз германских солдат с 11 входящими в него земельными объединениями и 8 примыкающими союзами, а кроме него, 7 крупных фашистских военных объединений типа «Стального шлема», более 180 союзов бывших служащих кайзеровской армии, 15 традиционных союзов рейхсвера, около 900 объединений бывших служащих

¹⁷ «Parteien in der Bundesrepublik». Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 498.

¹⁸ «Bundesgesetzblatt», 1958, I, S. 540—542.

вермахта по родам войск, 33 союза войск СС, не менее 8 эмигрантских фашистских организаций, наконец, многочисленные агентурные и пропагандистские центры и организации профашистского и реваншистского характера¹⁹.

С другой стороны, закономерным для империалистического государства процессом является стремление господствующих сил исключить из политической жизни демократические партии и организации.

Демократические силы Федеративной Республики Германии создали многочисленные организации, стремящиеся предотвратить ремилитаризацию и фашизацию ФРГ, создать подлинно миролюбивый и демократический строй на ее территории, укреплять дружеские связи с народами других стран. Наиболее последовательная и сплоченная из этих организаций, Коммунистическая партия Германии, еще в июне 1945 г. выступила с развернутой программой переустройства всей жизни в Германии на демократической основе. Против этих организаций и прежде всего против запрещенной решением федерального Конституционного суда в августе 1956 г. КППГ, но далеко не только против нее, обращена вся мощь западногерманского империалистического государства с его законодательством, юстицией, полицейским аппаратом, а также весь пропагандистский аппарат государства, буржуазных партий и правой социал-демократии.

В настоящее время в ФРГ подготовлен и обсуждается в законодательных органах Закон о политических партиях²⁰. Цель закона — ограничить деятельность допущенных политических партий только выборами и участием в парламенте, исключить всякую внепарламентскую борьбу партий против боннского режима. Специальный раздел закона посвящен антиконституционным партиям и заменяющим их организациям. Он не только постфактум юридически закрепляет запрет КППГ, но и создает неограниченные возможности для преследования всех других демократических организаций под видом «заменяющих» КППГ.

Преследование Коммунистической партии Германии и других подлинно демократических организаций определило одну из характернейших черт западногерманской партийной системы — тенденцию к ликвидации подлинной оппозиции, выступающей с серьезной критикой внутренней и внешней политики правительства. В стране созданы такие условия, что всякая попытка организационно оформить истинную оппозицию сопряжена с опасностью запрета партии и тюремного заключения ее членов.

Правда, в ФРГ есть легальная оппозиционная партия, представленная в парламенте, — СДПГ. Но оппортунистическая политика правых лидеров германской социал-демократии толкнула

¹⁹ «Neues Deutschland», 8.I 1960.

²⁰ Подробное изложение законопроекта. см.: «Neue Juristische Wochenschrift» (в дальнейшем — NJW), 1959, N 29, S. 1249, u. f.

партию в объятия злейших врагов рабочего класса и всех трудящихся. Отказавшись в теории и на практике от революционной критики капиталистического общественного строя и государства, правые социал-демократы неизбежно скатились к сотрудничеству с господствующими в ФРГ реакционными силами и партиями, так что их оппозиция может рассматриваться в настоящее время лишь как формальная.

Но никакие преследования не в состоянии ликвидировать противоречия между господствующим монополистическим капиталом и всем остальным обществом, уничтожить силы, противостоящие господствующей верхушке. Вот почему, пока в ФРГ существуют хотя бы остатки конституционных свобод, там неизбежно будут, наряду с загнанными в подполье, возникать новые партии подлинной оппозиции, выступающие за мир и демократизацию общественного строя ФРГ. И это тоже существенная черта партийно-политической жизни Западной Германии.

Об этом, в частности, свидетельствует появление таких либерально-демократических организаций, как Общегерманская народная партия, основанная Густавом Хейнеманом и Еленой Весель, и партия Союз немцев, борющихся за единство, мир и свободу. Правда, столкнувшись с действием пятипроцентной оговорки, первая объявила о своем роспуске, рекомендовав своим членам переход в СДПГ, а вторая не выставила своих кандидатов на выборах в бундестаг в 1961 г. Однако появление в 1960 г. новой, еще более крупной оппозиционной партии — Немецкий союз мира — говорит о неодолимом стремлении к сплочению демократических сил в политические организации.

В политической и правовой литературе ФРГ, как и в литературе других стран, настойчиво обсуждается вопрос о тенденциях развития партийной системы ФРГ. Одни авторы категорически утверждают, что она развивается в направлении к двухпартийной системе англо-американского образца²¹; другие, ссылаясь на якобы глубокие идеологические различия между германскими партиями, считают, что «в германских условиях двухпартийная система, очевидно, невозможна»²²; третьи, наконец, полагают, что в ФРГ налицо многопартийность, но претензии на руководящую роль могут предъявлять только две партии (имеются в виду ХДС и СДПГ)²³.

Нам кажется, что для правильного ответа на подобный вопрос всегда следует различать расстановку и роль партий в общественной жизни вообще и положение партий в государственном механизме, в органах государства. Очевидно, многие авторы, рас-

²¹ H. Thorosian. Les partis politiques en Allemagne Fédérale. «Revue politique et parlementaire», Novembre 1960, p. 365.

²² F. R. A l l e m a n n. Bonn ist nicht Weimar, S. 316.

²³ «Parteien in der Bundesrepublik», S. 498.

суждая о тенденциях развития партийной системы, по традиции буржуазных государствоведов имеют в виду лишь второй аспект.

Существование в ФРГ разнообразных буржуазных партий, крупной социал-демократической организации, партий демократической оппозиции, нелегально действующей компартии свидетельствует о том, что в общественной жизни ФРГ сейчас существует многопартийная система. От этого обстоятельства не следует отвлекаться, оценивая характер партийной системы Западной Германии.

Что же касается парламентской практики, положения партий в государственном механизме, то приходится признать, что господствующему в ФРГ крупному капиталу удалось обеспечить почти монопольное положение своей партии Христианско-демократический союз, которая хотя и вступает в разнообразные блоки, но, несомненно, доминирует во всей политической жизни. Сложившаяся в парламентской и правительственной практике система скорее приближается к однопартийной. Подчиненное положение СДПГ, то обстоятельство, что она ни разу за все время существования ФРГ не занимала ведущего положения, не позволяет считать эту систему в ее нынешнем виде двухпартийной.

Существование нескольких буржуазных партий создает известное удобство для монополистической верхушки, облегчая маневрирование, обеспечивая влияние на различные слои через различные партийные группировки, создавая видимость демократического режима. Все это не исключает, в случае дальнейшего обострения классовых противоречий, полной «унификации» партийной системы по гитлеровскому образцу. Симптомами такой опасности служат привилегированное положение одной партии монополистического капитала, запрет и преследование подлинно демократических партий и организаций, подготовка мер на случай «чрезвычайного положения».

На основе изложенного мы можем представить определенную схему современной системы партий и организаций ФРГ. При этом не следует, конечно, забывать ленинское указание о том, что процесс образования партий в капиталистическом обществе никогда не может закончиться ²⁴.

В качестве ведущей партии монополистического капитала, концентрирующей в своих руках основные посты в государстве и определяющей политический курс ФРГ, выступает Христианско-демократический союз. Крупнейшая из остальных буржуазных партий — Свободная демократическая партия не может играть самостоятельной роли, она часто блокируется с ХДС в парламенте и правительстве.

Вторая по числу получаемых на выборах голосов партия, социал-демократическая, официально находится в оппозиции к пра-

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 21.

вающей партии. Однако оппортунистический курс ее правых лидеров привел партию на практике к сотрудничеству с ХДС по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики. Между этими тремя партиями, связанными с различными социальными слоями, распределяются голоса основной массы избирателей ФРГ.

К ведущей партии монополий фактически примыкают и поддерживают ее вне парламента крайне правые и неонацистские партии, реваншистские и милитаристские организации.

Существеннейшая часть системы партий и организаций, образующих оплот господства монополистического капитала,— союзы предпринимателей.

Все настойчивей становятся попытки монополистических кругов использовать в интересах сохранения господства финансового капитала наиболее массовую организацию рабочего класса, профсоюзы, с помощью их правых лидеров. В то время как руководящая верхушка профсоюзов объективно служит диктатуре монополий, масса членов профсоюзов все более решительно выступает за обеспечение насущных прав и нужд трудящихся.

Глава II

Крупнейшие политические партии Западной Германии

Христианско-демократический союз

Христианско-демократический союз занимает ключевые позиции в западногерманском государстве и образует стержень, вокруг которого группируются другие политические организации, проводящие в жизнь волю германских империалистов. Союз насчитывает около 300 тыс. членов. Говоря о ХДС, мы имеем в виду также баварский Христианско-социальный союз, который формально составляет самостоятельную в организационном отношении партию, но фактически неразрывно связан с ХДС, придерживается единой с ним политической линии, в частности в объединенной фракции бундестага, и служит по существу баварским филиалом Христианско-демократического союза.

Выдвижение после второй мировой войны ХДС на руководящие позиции есть результат поисков германским монополистическим капиталом новых форм господства после банкротства политики, проводившейся под маской «национал-социализма». Те же силы, которые в свое время обусловили господство гитлеровского фашизма, после его краха сделали ставку на политический клерикализм.

Следующие цифры дают представление о влиянии ХДС на массу избирателей и его позициях в западногерманском бундестаге¹.

Год выборов	Подано голосов за ХДС	% к общему числу голосов	Получено мандатов
1949	7 357 579	32,1	139
1953	12 443 981	45,2	243
1957	15 008 399	50,2	270
1961	14 298 372	45,4	242

¹ См.: «Statistisches Jahrbuch der BRD. 1960», S. 136—137; «Statistisches Jahrbuch der BRD. 1963», S. 133-134.

Причины влияния ХДС на широкие круги населения многообразны. Используя высокую послевоенную конъюнктуру и финансовую помощь США, западногерманские правящие круги имели возможность поддерживать в течение длительного времени относительно высокий уровень жизни значительной части населения. Партия Аденауэра спекулировала на пресловутом «экономическом чуде». Для завоевания популярности умело использовались влияние религии в массах и аппарат церкви. Одну часть избирателей привлекал консервативный характер ХДС, другую — социальная демагогия и мнимый антинацизм. Завоеванию некоторых слоев трудящихся содействовал раскол рабочего движения правыми социал-демократами. Наконец, немалую роль для привлечения массового избирателя имеет и то обстоятельство, что ХДС неизменно оставался правящей партией в государстве и имел возможность использовать для усиления своего влияния государственный аппарат, а также щедрое финансирование этой партии предпринимателями в период избирательных кампаний.

Обладая значительным, а длительное время даже абсолютным большинством в бундестаге, ХДС превратился в господствующую силу парламента. В его руках сосредоточены также такие важные государственные посты, как должность председателя бундестага, федерального президента, федерального канцлера и 16 министерских постов из 21.

В процессе становления ХДС на новую партию возлагали надежды довольно разнородные силы. Так, христианские профсоюзные лидеры намеревались создать христианскую рабочую партию, взяв за организационный образец английских лейбористов. В Берлине в первых переговорах о формировании ХДС приняли участие главным образом сторонники буржуазного антигитлеровского «заговора 20 июля». Представители левого крыла бывшего Католического центра надеялись отвести в «христианское» русло антифашистские и демократические настроения масс, создав неконфессиональную партию с программой «христианского социализма». Наконец, правые элементы бывшей партии «центра» хотели воссоздать точную копию организации Веймарского периода. Но все эти стремления были перекрыты инициативой рейнско-вестфальской промышленной группировки, Ватикана (этой «пятой оккупационной державы», как называли его немецкие публицисты) и других правых элементов. Германские монополисты угадали в ХДС ту силу, которая смогла средствами социальной демагогии воздействовать на сравнительно широкие круги населения, одновременно выражая интересы монополистического капитала. К 1950 г., когда состоялся первый федеральный съезд ХДС, лицо партии как реакционной, антисоциалистической организации клерикального толка, находящейся в руках наиболее агрессивных кругов западногер-

манского капитала, полностью определилось. А несколько позже даже один из основателей ХДС, западногерманский профессор В. Хагеман, исключенный из партии за критику аденауэровской политики, писал в мюнхенском еженедельнике: «...в течение десяти лет из партии центристской образовалась правая партия, в которой все больше брали верх националистские тенденции и соответствующие им личности»².

Выполняя одну из своих важнейших функций — политическую дезориентацию масс, отвлечение их от борьбы против империализма и милитаризма, использование их энергии в интересах, чуждых народу, ХДС стремится втянуть в сферу своего влияния возможно более широкие социальные слои. Она претендует даже на то, чтобы ее считали надклассовой «народной партией». Социальный состав партии, существенно колеблющийся в различных землях, довольно пестр, однако повсеместно среди членов партии преобладают представители мелкой и средней буржуазии города и деревни, а также высоко- и среднеоплачиваемые служащие. В Вестфалии они составляют 51,7%, а в Вюртемберг-Гогенцоллерне — даже 86,5%. Внутри этой группы в различных землях имеют перевес то крестьяне, то служащие и чиновники. Так, в аграрных по преимуществу областях первенство принадлежит крестьянам (Вюртемберг-Гогенцоллерн — 40%, Шлезвиг-Гольштейн — 32%), а в промышленных высок процент служащих (Вестфалия — 21,7%). ХДС удалось вовлечь в свои ряды и довольно много рабочих, находящихся под влиянием церкви. В различных землях они составляют от 1% (в Висбадене) до 25% (в индустриальной Вестфалии)³.

Христианско-демократический союз, собирающий под клерикальным знаменем все несоциалистические и антисоциалистические силы, не является строго конфессиональной организацией. Правда, католики пользуются относительно большим влиянием в руководстве ХДС; именно католическое духовенство особенно усердствует в клерикальной маскировке милитаристского режима, поставляя идеологическое оружие из арсенала католических социальных доктрин. Однако в ХДС входят и занимают ведущие посты весьма видные приверженцы протестантской церкви, в том числе ее недавний руководитель епископ Дибелиус, бывшие депутаты бундестага, ставленники крупнейших монополий Берендсен и Гельвиг, нынешний депутат и бывший министр финансов Этцель, министр иностранных дел Шредер, наконец протестантом был и умерший летом 1963 г. советник католика Аденауэра — Пфердменгес. В землях, где преобладает католическое население, ХДС получает больше голосов, однако

² «Die Kultur», I.V 1958.

³ «Parteien in der Bundesrepublik». Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 111; F. A. Heydte, K. Sacherl. Soziologie der deutschen Parteien. München, 1955, S. 288—289.

и в землях с очень значительным, даже преимущественно протестантским, населением процент поданных за него голосов в среднем достигает, а в отдельных случаях превосходит, процент голосов, получаемых в землях с католическим населением⁴. Противоречия внутри ХДС время от времени приобретают форму критических выступлений евангелических групп и элементов, но подлинная межа проходит между реакционным руководством партии и более демократично настроенными рядовыми членами, в особенности трудящимися различных вероисповеданий.

Подлинная сущность ХДС определяется не столько социальной и профессиональной принадлежностью массы ее членов, сколько характером руководящих и господствующих в ней сил. А силами этими, несомненно, являются сами монополисты или их прямые ставленники, занимающие руководящие посты в партии и государственных органах и определяющие ее политический курс.

Во фракции ХДС нынешнего бундестага 85 мандатов принадлежат непосредственно крупнейшим монополистам, директорам или членам наблюдательных советов монополистических объединений. Почти каждый концерн или предпринимательское объединение имеют своих депутатов от ХДС. Среди них один из самых богатых людей Западной Германии, член многих наблюдательных советов, банкир Герман Абс, представитель концерна Флика, в течение многих лет директор заводов Даймлер — Бенц Вальтер Гросман, член правления одного из крупнейших банковских домов Дюссельдорфа Франц Этцель, ставленник фабрикантов текстиля, президент бундестага Герстейнмайер, кельнский адвокат Густав Штейн, директор-распорядитель «Гражданского объединения», за вывеской которого скрывается организация по сбору и распределению между партиями средств, вносимых промышленниками на проведение избирательных кампаний, и др.⁵

Ставленники монополий с партийными билетами ХДС образуют и костяк федерального правительства. Таков бывший канцлер Аденауэр — миллионер, тесно связанный с германскими и американскими концернами; нынешний канцлер Эрхард, представляющий интересы радиопромышленников; «атомный» министр Бальке, выдвинутый концерном «ИГ Фарбен», и др.

Ярким свидетельством решающего влияния монополий на деятельность ХДС является, в частности, формулирование принципов экономической политики партии самими монополистами. На гамбургском съезде ХДС в 1953 г. с изложением экономической программы правительства выступал уже упоминавшийся

⁴ F. A. Heydte, K. Sacherl. Op. cit., S. 244—247.

⁵ «National-Zeitung», 21.IX 1961.

Ф. Этцель, тесно связанный через Германский промышленный институт с Федеральным союзом германской промышленности — крупнейшей организацией предпринимателей, а на следующем съезде основной доклад по вопросам экономической политики сделал один из наиболее влиятельных в ФРГ финансовых магнатов Герман Абс⁶.

Заменив в системе диктатуры монополий нацистскую партию, ХДС не только стал убежищем открыто реваншистских, милитаристских и фашистских сил, но и открыл им доступ к важным постам в государстве. ХДС вобрал в себя руководящие силы распавшейся профашистской Немецкой партии и реваншистского Общегерманского блока. Партия непосредственно поддерживает через своих лидеров и министров реваншистские организации. Она инициатор и проводник законов и правительственных решений, открывших двери государственного аппарата активным нацистам. Бывшие активисты гитлеровской партии играют активную роль в парламенте и правительстве через ХДС. В первом западногерманском бундестаге во фракцию ХДС входили 20 фашистских руководителей промышленности, сельского хозяйства, финансовой системы, высшей школы⁷, а в нынешнем бундестаге из 111 депутатов, в прошлом активно сотрудничавших с нацистским государством, 75 получили мандаты через ХДС⁸. Ряд министров нынешнего боннского правительства занимали в прошлом руководящие посты в гитлеровском государственном аппарате, выполняли ответственные функции в нацистской партии или служили в гитлеровском вермахте. Сам Аденауэр, который при каждом удобном случае заявлял о своем «антифашизме», в 1961 г., был документально уличен демократической немецкой печатью в поддержке нацистского режима⁹.

Существенная особенность западногерманской партийной системы (отличающая ее, например, от американской) состоит в том, что главные политические партии ФРГ не ограничиваются функциями машины по организации выборов, а выступают с идеино-политическими платформами, являются, как принято называть их в западной литературе, «мировоззренческими» партиями.

Официальная идеология Христианско-демократического союза, политический клерикализм, черпает свои аргументы прежде всего в католическом социальном учении, распространяемом не только учеными теологами типа Нель-Брейнинга, но и высшими авторитетами католической церкви в папских энцикликах. Злоупотребляя религиозными чувствами людей, реакционные клерикалы призывают трудящихся к отказу от классовой борьбы, к

⁶ «Parteien in der Bundesrepublik», S. 125—126.

⁷ O. Flechtheim. Die deutschen Parteien seit 1945. Quellen und Auszüge. Berlin — Köln, 1955, S. 66.

⁸ «Ausschuß für Deutsche Einheit. Information», 19.X 1961, S. 5.

⁹ «Dokumentation der Zeit» (DDZ), 1961, N 250, S. 28 u. f.

поддержке милитаристского клерикального режима и реваншистских устремлений финансовой олигархии.

За все время своего существования ХДС не удосужился выработать единой, хотя бы как-нибудь мотивированной программы — сдержанность, вполне объяснимая для партии, проводящей политику наиболее реакционных кругов монополистического капитала, но претендующей на авторитет и влияние среди широких масс избирателей, включая и трудящихся. Предав забвению не лишённые демократических идей программы партийных организаций, принятые в годы становления партии в отдельных землях Западной Германии, съезды ХДС ограничиваются ныне предвыборными программами, за прагматизмом которых кроется нежелание обнаруживать истинные политические намерения партии¹⁰.

Генеральный секретариат ХДС, публикуя в 1950 г. вместо программы документ, озаглавленный «Принципы и цели ХДС — ХСС», во вводной его части даже специально мотивировал отсутствие программ многообразием задач партии и заявил, что именно «принципы» наилучшим образом отвечают нуждам «немецкого народа»¹¹. Существующие документы ХДС программного характера отличаются крайней расплывчатостью. Западногерманский исследователь ХДС Герхард Шульц заметил по поводу так называемых «Дюссельдорфских принципов», принятых незадолго до выборов в бундестаг 1949 года: «Конечно, ни одна крупная партия не вступала в предвыборную кампанию с менее точно сформулированной и более поспешно скомпонованной программой, чем ХДС»¹².

Сквозь нарочитую завесу неопределённости все же различимы некоторые принципиальные установки партии. Прежде всего бросается в глаза решительный отказ от сформулированных в некоторых организациях партии в первые послевоенные годы требований о глубоких социально-экономических преобразованиях. Так, если «кёльнские принципы» 1946 года выдвигают идею ликвидации господства крупного капитала и социализации угольной промышленности и энергетики, а принятая в Алене в 1947 г. для британской оккупационной зоны программа социальных реформ провозглашает несоответствие капиталистической системы хозяйства интересам немецкого народа¹³, то уже «Принципы ХДС — ХСС» 1950 года подчеркивают, что основой экономической политики должно быть «социальное рыночное хозяйство», базирующееся на частной собственности и свободе конкуренции при «контроле» за монополиями на основе закона. Специальные положения посвящены в программных документах ХДС средним сло-

¹⁰ См., например, «Гамбургскую программу» для второго бундестага в сб.: W. Treue. Deutsche Parteiprogramme, Frankfurt — Berlin, 1954, S. 234 u. f.

¹¹ W. M o m s e n. Deutsche Parteiprogramme, München, 1951, S. 150.

¹² «Parteien in der Bundesrepublik», S. 102.

¹³ Ibid., S. 90—91.

ям, суля им развитие предприятий и финансовую поддержку. В области социальной политики партия выступает с программой преодоления противоречий между рабочими и предпринимателями и развития новых форм сотрудничества «в духе подлинного партнерства», т. е. проповедует примирение антагонистических классовых противоречий. Нравственной основой политической деятельности объявляется христианство, под эгидой которого должны объединиться верующие обоих вероисповеданий. В качестве задачи государства декларируется охрана интересов «человека» и отвергается на словах всякое проявление тоталитаризма в деятельности государственной власти. В области внешней политики программные документы ХДС от общих требований восстановления германской территории в границах 1937 г. с годами перешли к открытой клевете на Советский Союз и социалистический лагерь, подчеркивая свою приверженность НАТО и одновременно уверяя в том, что такая политика неагрессивна.

Политика Христианско-демократического союза — это политика боннского клерикально-милитаристского государства, в котором ХДС является правящей партией с момента его основания. В сфере экономики правление аденауэровского ХДС привело к невиданной даже в условиях гитлеровской Германии концентрации капитала. В политической жизни ФРГ господствуют те же силы, которые в свое время привели к власти гитлеровскую партию. Фашистской реставрацией охвачены почти все звенья западногерманского государственного аппарата. В ФРГ проявляют повышенную активность неонацистские и реваншистские организации, в то же время преследуются демократические организации и деятели. Одна из наиболее характерных черт боннского политического режима — бурный процесс ремилитаризации, сопровождающийся ростом бюджетных ассигнований на цели подготовки агрессивной войны, формированием бундесвера, возглавляемого гитлеровскими генералами, разработкой планов военного нападения на социалистические страны. В области внешней политики ФРГ, руководимая правительством, в котором верховодят христианские демократы, выступает как передовой бастион агрессивного Северо-атлантического блока в Европе, разжигая ненависть к СССР и странам народной демократии, всячески осложняя урегулирование острейших международных проблем, в особенности германской проблемы и берлинского вопроса.

Свободная демократическая партия

Среди партий и организаций, помимо ХДС — ХСС, образующих непосредственную опору монополий в политической жизни ФРГ, свободные демократы (СвДП) — единственная партия, которой удалось сохранить позиции в парламенте и место в правительственной коалиции. Образование и устойчивость этой партии — результат известных противоречий, существующих в лагере

крупной буржуазии, а также некоторого сопротивления буржуазных и мелкобуржуазных кругов политике правящей верхушки, действующей прежде всего через ХДС.

Инициаторы создания Свободной демократической партии, присвоившей себе это наименование в момент объединения различных земельных организаций трех западных оккупационных зон в ноябре 1948 г.¹⁴, надеялись собрать в рамках одной партии разобщенных немецких буржуазных либералов. Создание на этой основе внутренне единой партии само по себе представляло задачу почти невыполнимую, если иметь в виду идейный и организационный распад германского либерализма, начавшийся еще во времена Бисмарка. На исходе Веймарского периода как Немецкая демократическая партия, представлявшая леволиберальное крыло буржуазии, так и Немецкая народная, выступавшая на правом фланге, почти полностью утратили политическое влияние. После второй мировой войны часть либералов вошла в ХДС, другая — в СДПГ, остатки же либеральных партий составили первоначальный костяк будущей СвДП. Но ими дело не ограничилось. Как самая правая из партий, разрешенных в первые послевоенные годы западными оккупационными властями, СвДП вобрала в себя также элементы бывших крайне реакционных партий Веймарской республики и нацистской партии. В результате она приобрела характер разнородного в идейно-политическом отношении конгломерата с общим уклоном вправо от ХДС.

По своему социальному составу СвДП — чисто буржуазная партия. Рабочие составляют в ней ничтожный процент. Большинство членов партии — предприниматели, ремесленники, представители свободных профессий.

Как и во всякой буржуазной партии, в СвДП следует проводить различие между той социальной средой, в которой партия действует и вербует своих членов, и теми элементами, которые руководят партией и направляют ее деятельность. Подлинные хозяева СвДП — крупные предприниматели и их ставленники в партийных и государственных органах. Так, председателем партии с 1949 по 1954 г. был один из крупнейших западногерманских финансовых магнатов Франц Блюхер, тесно связанный с монополистами Рура и финансовым капиталом США. Деятельность партии, которая насчитывает около 80 тыс. членов и, конечно, не может рассчитывать на покрытие своих расходов за счет членских взносов, почти полностью финансируется предпринимательскими союзами через специальную организацию — Хозяйственно- и социально-политическое объединение, казначей которой (одновременно казначей партии) является прямым ставленником рейнско-рурских промышленников¹⁵. В бундестаге, куда

¹⁴ L. Bergsträsser. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland, Aufl. 8—9, 1955, S. 340.

¹⁵ «Parteien in der Bundesrepublik», S. 401.

партии стараются проводить прежде всего представителей своего штаба, предприниматели и руководители концернов вместе с крупными аграриями занимают 40 депутатских мест из 67, которыми располагает СвДП.

Свободной демократической партии также присущи расплывчатость программных положений. Определяя место СвДП среди других партий, один из ее лидеров заявил, что она является «антимарксистской, антиклерикальной, антиавторитарной». Но в пространном «Манифесте Свободной демократической партии», принятом в 1949 г.¹⁶ и последующих программных документах мы не находим таких положительных формулировок, которые позволили бы провести четкий водораздел между программными установками ХДС и СвДП. Та же откровенная антикоммунистическая направленность, клятвы в верности «правовому» государству и принципу разделения властей, признание частной собственности и свободного рыночного хозяйства основными устоями экономической жизни, требования о включении Германии, воссоединенной в границах 1937 г., в «европейское сообщество» — вот основные программные идеи СвДП. Отдавая дань немонополистическим элементам, буржуазная партия выдвигает такие положения, как, например, требование ограничить монополии, которое, конечно, не принимается всерьез руководителями партии, существующей только благодаря поддержке монополистического капитала.

Политический вес и влияние СвДП характеризуются следующими данными о получаемых ею на выборах голосах и числе мандатов в бундестаге¹⁷:

Год выборов	Подано голосов за СвДП	% к общему числу голосов	Получено мандатов
1949	2 788 653	11,9	52
1953	2 629 163	9,5	48
1957	2 307 135	7,7	41
1961	4 028 766	12,8	67

Политический курс СвДП, состоящей из разнородных элементов и действующей в неустойчивой по самой своей природе среде мелкой и средней буржуазии, подвержен значительным колебаниям, которые, однако, в настоящее время не выводят партию за рамки парламентской и правительственной коалиции с ХДС.

Разногласия внутри СвДП, принявшие в первые годы деятельности партии форму столкновения между леволиберальным крылом и группой, попытавшейся превратить партию в средото-

¹⁶ W. M o m m s e n. Op. cit., 1951, S. 166 u. f.

¹⁷ «Statistisches Jahrbuch der BRD. 1960», S. 136—137; «Statistisches Jahrbuch der BRD. 1963», S. 133-134.

чие правых, по существу фашистских элементов, по мере втягивания партии в политический механизм монополий в качестве составной его части уступили место практическим расхождениям по вопросу о том, быть свободным демократом относительно независимой партией или полностью подчиниться правящей ХДС, превратившись в ее либеральный филиал. Против полного приспособления политики СвДП к линии ХДС выступают крупные организации партии, например земельная организация Северного Рейна-Вестфалии, и такие видные деятели, как бывший председатель СвДП, нынешний вице-президент бундестага Томас Делер. Оппозиционно настроенные элементы СвДП требуют проводить более реалистическую и миролюбивую внешнюю политику, в частности отказаться от атомного вооружения бундесвера, нормализовать отношения с социалистическими странами, искать пути сближения с ГДР.

Разногласия внутри партии, а вместе с тем и между СвДП и ХДС, достигли кульминации в феврале 1956 г., когда из партийной фракции СвДП вышли 16 депутатов во главе с Эйлером, а большая часть партии и фракции во главе с Т. Делером перешла в «конструктивную» оппозицию. Верная политике ХДС часть бывших свободных демократов сформировала осколочную реакционную Свободную народную партию, которая слилась в 1957 г. с Немецкой партией. Характерно, что именно в конце пятилетнего периода пребывания в формальной оппозиции, даже не предложив подлинной альтернативы политике ХДС, но выступая с критикой Аденауэра, Свободная демократическая партия получила на выборах 1961 г. дополнительно около 1,7 млн. голосов. Однако оппозиция свободных демократов оказалась недолговечной. Под давлением крупных промышленников и финансистов, определяющих направление политики партии, СвДП сначала отошла на нейтральные позиции, а затем вновь вступила в коалицию с ХДС.

XII съезд партии во Франкфурте-на-Майне в марте 1961 г. показал, что противоречия внутри партии и оппозиционные настроения не изжиты, но верх взяла партийная верхушка, выступающая за коалицию с ХДС и поддержку политики христианских демократов по военным и основным внешнеполитическим вопросам. Последний шаг к сотрудничеству был сделан после выборов в бундестаг 1961 г., когда руководство СвДП, обещавшее в ходе избирательной кампании отклонить кандидатуру Аденауэра в бундесканцлеры, приняло министерские портфели в его правительстве и подписало коалиционное соглашение с ХДС, в котором безоговорочно признало политическую линию Аденауэра¹⁸.

¹⁸ «Die Welt», 6.XI 1961.

Единственная партия ФРГ, представленная в настоящее время в бундестаге и не входящая при этом в правительственную коалицию, а выступающая формально в качестве оппозиционной, является крупнейшей из партийных организаций Западной Германии,— это социал-демократическая партия, насчитывающая около 650 тыс. членов.

Официальная политика СДПГ в настоящее время полностью определяется ее правыми реакционными лидерами, подчиняющими деятельность партии интересам господствующего монополистического капитала.

В программном заявлении КППГ, принятом на съезде партии в 1963 г., говорится: «Годесбергская программа, последние съезды СДПГ, готовность вступить в коалицию с ХДС ради спасения аденауэровской политики означают отказ от самостоятельной социал-демократической политики и переход к прямой поддержке военной, внешней и внутренней политики ХДС — ХСС»¹⁹.

После 1945 г. западногерманская социал-демократия, вместо того чтобы учесть уроки истории, развивала и углубляла все худшие оппортунистические традиции, которые начали складываться в СДПГ еще до первой мировой войны и неуклонно развивались в период Веймарской республики. Хотя в 1946 г. съезд СДПГ в Ганновере провозгласил «социализм задачей дня», правая социал-демократия на практике сделала все, чтобы восстановить экономическое и политическое господство монополий. Без активной поддержки лидеров социал-демократии, оказывающей влияние на миллионы людей, без раскола пролетариата, за который СДПГ несет главную ответственность, не могла бы быть восстановлена власть западногерманских империалистов. Правое социал-демократическое руководство вело политику изоляции КППГ и устранения ее представителей из правительств земель, саботировало проведение экономических и политических преобразований, намеченных Потсдамским соглашением, приняло активное участие в создании западногерманского сепаратного государства и, в частности, в разработке его конституции.

В своих программных документах СДПГ открыто отрекается от марксизма, классовой борьбы, традиционных социалистических лозунгов, эклектически соединяя оппортунистические идеи с буржуазными теориями. Когда съезд СДПГ в Дортмунде принял в 1952 г. компромиссную Программу действий, даже буржуазные наблюдатели отмечали эклектический характер программных установок СДПГ. Полный и окончательный разрыв социал-демократии с марксизмом отражен в Принципиальной програм-

¹⁹ «Einheit», 1963, Beilage zu Heft 7.

ме СДПГ, принятой на чрезвычайном съезде партии в Бад-Годесберге в ноябре 1959 г.²⁰

В социально-экономическом разделе Годесбергской программы ее авторы не пошли в критике капиталистических производственных отношений, господствующих в Западной Германии, дальше протеста против «злоупотребления экономической властью». Лозунг «демократического социализма», составляющий стержень этой части программы, предполагает сохранение свободной конкуренции, капиталистического и частного предпринимательства. В новой программе отвергнута идея национализации земли, недр, источников энергии. Характер распределения национального дохода, в действительности целиком зависящий от способа производства, Годесбергская программа предлагает изменить путем «справедливой политики заработной платы». В целом экономический раздел программы весьма напоминает «неолиберальную» концепцию Эрхарда.

В крайне противоречивых положениях программы, касающихся государства и проблем демократии, социал-демократическое руководство подтверждает свою верность буржуазному государству. Правда, в программе отмечается, что крупные предприниматели, пользуясь своей экономической властью, узурпируют власть политическую и оказывают на государство влияние, несовместимое с демократическими принципами. Однако вместо логического вывода о необходимости устранить экономическое господство, а вместе с тем и политическое влияние этих сил провозглашается верность существующему «парламентарно-демократическому режиму» и Основному закону ФРГ, хотя конституционная действительность Западной Германии говорит о том, что в условиях клерикально-милитаристской диктатуры в корне нарушены принципы парламентаризма и демократии.

В Годесбергской программе содержится чрезвычайно ценное признание относительно роли оппозиции в боннском государстве, определяющее истинную ценность оппозиционного статуса СДПГ. «Правительство и оппозиция,— говорится здесь,— имеют различные задачи одного и того же ранга: оба несут ответственность за государство».

По данным на 1952 г., рабочие составляли в партии 45%, служащие и чиновники — 22, ремесленники и представители свободных профессий — 12, пенсионеры — 12, домашние хозяйки — 7, крестьяне — 2%²¹.

Таким образом, процент рабочих в СДПГ все еще самый высокий по сравнению с другими партиями, но политика социал-демократического руководства направлена на приобретение го-

²⁰ Текст программы см.: «SDPD. Parteitag Bad Godesberg 1959, Grundsatzprogramm».

²¹ F. A. Heydte, K. Sacherl. Op. cit., S. 290—291.

лосов средних слоев. Они даже хвастают тем, что СДПГ из партии рабочего класса стала-де партией всего народа.

Что же касается руководства СДПГ, то оно непосредственно и теснейшим образом связано с монополиями, причем подкуп социал-демократической верхушки в форме предоставления постов в руководстве концернов выдается за участие трудящихся в управлении экономикой. Сейчас 32 члена партийного правления СДПГ занимают 42 поста в наблюдательных советах монополистических объединений, в том числе 19 постов председателей и 5 постов заместителей председателей. 12 лидеров СДПГ, в том числе Венер и Олленхауэр, заседают в руководящих органах международных монополистических объединений, таких, как Европейское объединение угля и стали. А все ведущие функционеры партии и Объединения немецких профсоюзов занимают почти 1000 постов председателей и советников в руководстве преимущественно монополистическими объединениями²². За свои услуги они получают не только жалованье, но и доходы от акций. В настоящее время среди руководителей СДПГ семь миллионеров.

Вот эта партия, сделавшая антимакизм и антикоммунизм своей программой, и выступает в качестве «оппозиции», выполняя функцию дезориентации масс и удержания их от активных действий, направленных против господства монополий.

На выборах в бундестаг СДПГ получала следующее количество голосов и мандатов²³:

Год выборов	Подано голосов за СДПГ	% к общему числу голосов	Получено мандатов
1949	6 932 272	28,5	129
1953	7 944 943	28,8	151
1957	9 495 571	31,8	169
1961	11 427 355	36,2	190

Большое влияние СДПГ объясняется прежде всего тем, что трудящиеся массы по традиции, несмотря на горький опыт последних десятилетий, все еще рассматривают социал-демократию как социалистическую антикапиталистическую партию. Рабочий класс Западной Германии не извлек полностью уроков из краха демократии в период гитлеризма и из последствий мировых войн. В немалой мере развитие классового сознания западно-германского пролетариата задерживается в результате раскола рабочего движения по вине социал-демократических лидеров и травли коммунистов, проводимой ими совместно с партиями буржуазии, а также из-за непонимания рабочими истинных це-

²² «Einheit», 1962, N 3, S. 151; 1961, N 1, S. 39.

²³ «Statistisches Jahrbuch der BRD, 1960», S. 136—137; «Statistisches Jahrbuch der BRD, 1963», S. 133-134.

лей социал-демократического руководства и значения официальной линии СДПГ. Немаловажно и то обстоятельство, что социал-демократы оставались перманентно в оппозиции к федеральному правительству и, афишируя свою оппозиционность, еще не успели полностью дискредитировать себя в глазах современного поколения трудящихся.

В то же время СДПГ использует свои позиции в федеральных и земельных органах для укрепления своего влияния. В середине 1960 г. в пяти землях ФРГ существовали коалиционные правительства с участием социал-демократов. Два члена СДПГ стояли во главе правительств земель, 20 были министрами в землях, почти 45 тыс. функционеров партии состояли депутатами бундстага и местных представительных органов государства²⁴.

Уже весной 1960 г. партия под предлогом «изменившейся обстановки» отказалась от своего Плана по германскому вопросу, опубликованного в марте 1959 г. В этом документе содержались предложения о заключении мирного договора, создании в Центральной Европе безатомной зоны и сближении между двумя германскими государствами. На съезде в Ганновере в ноябре 1960 г. правое крыло в СДПГ добилось окончательной победы. В «Ганноверском обращении», принятом в связи с предстоящими в 1961 г. выборами в бундстаг, одобрялась политика поддержки Северо-атлантического блока и вооружения бундесвера атомным оружием. Съезд высказался также за введение всеобщей воинской повинности и принятие чрезвычайных законов. Весной 1961 г. заместитель председателя партии Венер заявил о готовности СДПГ принять участие в правительстве вместе с ХДС²⁵.

На состоявшемся в конце мая 1962 г. Кёльнском съезде СДПГ руководство партии по всем основным вопросам внутренней и внешней политики, а также по вопросам обороны представляло линию аденауэровского правительства. Председатель СДПГ откровенно похвалялся тем, что его партия спасла боннский режим от политического кризиса.

Естественно, что такой курс приводит к усилению противоречий между рядовыми членами и низовыми функционерами партии, с одной стороны, и правым руководством — с другой. Растет брожение и недовольство во многих низовых организациях. Многие из числа недовольных покинули ряды СДПГ. Если в 1948 г. партия насчитывала 900 тыс., то в 1961 г. — лишь 650 тыс. членов. Так СДПГ расплачивается за предательский курс ее правого руководства.

²⁴ «Einheit», 1960, N 8, S. 1230.

²⁵ «Die Welt», 24.IV 1961.

Глава III

Неонацистские и реваншистские организации

Система политических партий и организаций ФРГ, на которые опирается диктатура монополий, не может быть полностью охарактеризована и понята без учета разветвленной сети действующих в Западной Германии крайне правых партий, неонацистских и реваншистских организаций.

Из крайне правых партий в качестве примера рассмотрим буржуазно-помещичью Общегерманскую партию — не только потому, что это одна из немногих партий крайне правого толка, выступавших с притязанием на участие в парламенте на последних выборах в бундестаг, но и потому, что она возникла как преемница Немецкой партии и партии Общегерманский блок, игравших в течение ряда лет существенную роль в коалиции буржуазных партий и организаций, группирующихся вокруг ХДС.

Немецкая партия, созданная вскоре после окончания второй мировой войны в результате слияния разнообразных националистических, монархических и фашистских группировок, официально провозгласила себя последовательницей консервативных идей Немецко-ганноверской партии («партии Вельфов»), исторические корни которой уходят в середину XIX столетия. Однако не интересы почти забытой партии определили лицо и политику новой организации. «Так же, как в Свободную демократическую,— пишет Р. Алеман,— в Немецкую партию хлынули оставшиеся без политического убежища правые силы, затопив там либеральную, а здесь консервативно-федералистическую подпочву и изменив ее до неузнаваемости. Консерватизм должен был служить старым нацистам таким же прикрытием, как и либерализм»¹.

Не имея поддержки широких слоев населения, Немецкая партия, насчитывавшая 45 тыс. членов, не была в состоянии реализовать свои претензии на самостоятельное участие в большой политике и всегда была наиболее надежным спутником ХДС, получая по ее воле депутатские мандаты и министерские портфели. Поддерживая НП, христианские демократы использовали

¹ F. A. Allemann. Bonn ist nicht Weimar. Köln — Berlin, 1956, S. 286.

крайне правые элементы для сохранения господствующих позиций в парламенте, когда возникали осложнения внутри коалиции буржуазных партий. Никогда не получавшая на выборах более 4% голосов (1949 г.— 4%, 1953 г.— 3,3%, 1957 г.— 3,4%)², Немецкая партия в результате предвыборных соглашений с ХДС длительное время оставалась в парламенте (соответственно 17, 15 и 17 мандатов)³, а также имела своих министров в федеральном правительстве.

Процесс концентрации политических сил буржуазии положил конец существованию Немецкой партии. В предвидении сентябрьских выборов 1961 г. партия, не рассчитывавшая более на поддержку ХДС, решила объединиться с Общегерманским блоком.

Восемь миллионов беженцев и переселенцев с Востока — вот та чрезвычайно пестрая в социальном отношении группа населения ФРГ, от имени которой в 1950 г. выступила партия, принявшая позднее наименование «Общегерманский блок».

Поддержка миллионной армии переселенцев, надеявшихся, что новая партия принесет им избавление от лишений и бед, связанных с последствиями войны, обеспечила Общегерманскому блоку неожиданный и крупный успех на выборах в бундестаг в 1953 г. Партия, получив около 6% голосов, приобрела 27 депутатских мандатов и вошла в правительственную коалицию с двумя министерскими портфелями.

Однако успех партии был кратковременным. Противоречивость социальных интересов переселенцев, среди которых можно видеть представителей почти любых слоев, от рабочего до предпринимателя и от крестьянина до помещика, лишала ее монолитной социальной опоры. По мере ассимиляции переселенцев число сторонников партии сокращалось. В ходе углубления партийного кризиса нацистские и реваншистские элементы, с самого начала входившие в руководство партии, полностью овладели ею. Превращаясь в заурядную реваншистскую организацию, Общегерманский блок терял массового избирателя и на выборах в 1957 г., не сумев преодолеть пятипроцентную оговорку избирательного закона, остался за бортом бундестага.

Объединение остатков Немецкой партии и реваншистского Общегерманского блока с целью сохранить крупную политическую группировку, оказывающую на боннское правительство давление справа, протекало как естественное сближение родственных сил и вполне отвечало интересам некоторых монополистических кругов, обещавших новой реакционной партии финансовую поддержку.

Состоявшийся в апреле 1961 г. в Бонне съезд Общегерманской партии принял пропграмму, которая заявила о намерении

² «Statistisches Jahrbuch der BRD, 1960», S. 137.

³ Ibidem.

партии «служить обновлению рейха» и отстаивать «право на родину», причем «обновление» во внутренней политике трактуется как развитие консервативного социального и политического строя, а реализация «права на родину» — как вооруженное выступление за восстановление германской империи в границах 1937 г.

Эти и подобные им требования, в том числе призывы к тому, чтобы Запад занял непримиримую позицию по берлинскому вопросу, явились основой предвыборной программы Общегерманской партии, впервые испытывшей свои силы в федеральном масштабе на выборах в бундестаг 1961 года. Партия получила около 871 тыс. голосов (2,8%), т. е. больше, чем все другие из крайне правых организаций, выступивших на выборах, но значительно меньше голосов, чем приобрели в 1957 г. Немецкая партия и Общегерманский блок вместе (8%) или порознь (соответственно 3,4 и 4,6%)⁴. Попытка найти поддержку масс, отбросив даже намеки на защиту их насущных интересов и выдвигая лишь милитаристские и реваншистские требования, окончилась провалом.

Все большее влияние на политическую жизнь Западной Германии оказывают разномасштабные *неофашистские и реваншистские партии, объединения, союзы*, которых роднит ненависть к демократии и жажда реванша.

Даже по данным западногерманского Ведомства по охране конституции, летом 1962 г. в ФРГ существовало более 80 «праворадикальных» организаций. В большинстве своем они имеют лишь местное значение. Среди сравнительно крупных организаций, претендующих на серьезное влияние в рамках всей Западной Германии, выделяются Немецкая имперская партия, Немецкое сообщество, Немецкий блок, Немецкое социальное движение, Движение Людендорфа. Две первые из перечисленных партий выдвигали своих кандидатов на последних выборах в бундестаг в сентябре 1961 г.⁵

Наиболее крупная из откровенно фашистских организаций — Немецкая имперская партия (ДРП), насчитывающая 16 000 членов, из них примерно 25% — бывшие нацисты. Руководят партией представители нацистской верхушки. Председатель ее, профессор Генрих Кунстман — бывший генерал штурмовых отрядов, прежний председатель Мейнберг — бывший группенфюрер СС, прусский государственный советник, директор имперских заводов «Герман Геринг», заместитель председателя — бывший офицер танковых войск и управляющий имуществом в оккупированной Польше — Адольф фон Тадден. В руковод-

⁴ «Statistisches Jahrbuch der BRD, 1960», S. 137; DDZ, 1961, N 249, S. 1.

⁵ «Vorwärts», 24.XII 1960; «Wie sieht es drüben aus». Berlin, 1958, S. 67—69; DDZ, 1961, N 239, S. 33, N 249, S. 1; Э. Генри. Неофашизм. «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 6 и 10.

ство партии входят нацистский генерал Рёмер; военный преступник генерал Андрэ, уполномоченный Гиммлера и статс-секретарь Геббельса Науман. Последний, будучи советником ДРП по организационным и политическим вопросам, поддерживал постоянный контакт с руководством действующих в ФРГ эсэсовских объединений, реваншистских военных союзов и других экстремистских организаций. На съезде партии в июне 1960 г. ее председатель Г. Кунстман заявил, что в ее руках «находится ключ к будущей германской политике». О том, какой должна быть эта политика, говорит требование партии о создании «великой Германии под знаком свастики».

Когда зимой 1959/60 г. по Западной Германии прокатилась волна антисемитских и фашистских выступлений при активном участии членов ДРП и ряд газет потребовал запретить партию, правительство заявило, что для этого «недостаточно обвинительного материала». Участвуя на выборах в бундестаг второго, третьего и четвертого созывов, партия собирала соответственно 1,1%, 1,02% и 0,8% голосов и не получала ни одного мандата.

С критикой боннского правительства справа выступает созданное Августом Хауслейтером Немецкое сообщество, генеральный секретарь которого — бывшая руководительница гитлеровского Союза немецких девушек Рената Маллухе. Партия, насчитывающая 2500 членов, ратует за «националистический мятеж мирового масштаба» в тот момент, когда «поражение боннской политики станет очевидным». Эта партия также участвовала на выборах в бундестаг в 1957 и 1961 гг. и оба раза получила 0,1% голосов.

Воинствующей антикоммунистической группой является Немецкий блок, отвергающий участие в выборах, действующий зачастую нелегально. Его цель — создание сильной боевой группы «для проведения дня X».

Движение Людендорфа борется с «иудейством» и церковью. По свидетельству газеты людендорфовцев «Фольксварте», они понимают свою задачу как борьбу с «христианством и социализмом, Моисеем и Марксом».

В ФРГ существует союз активных нацистов, отстраненных после 1945 г. от общественно-политической деятельности. Начало его созданию было положено в феврале 1953 г. в Мюнхене, где был основан Союз лиц, пострадавших от денацификации. В апреле 1954 г. аналогичные союзы, созданные в землях Западной Германии, собравшись в столице, основали Федеральное объединение лиц, пострадавших от денацификации.

Забываясь о подготовке смены, нацисты создали 45 неофашистских молодежных организаций, объединенных в двух больших союзах⁶. В один из них, именуемый Национальным моло-

⁶ «Vorwärts», 24.XII 1959; DDZ, 1961, N 239, S. 33.

дежным движением Германии, входит, в частности, военизированная организация Национальная молодежь Германии, в которой принята униформа фашистской организации «гитлер-югенд». Входящую в тот же союз организацию «Дейч-социалистише югендштурм» создал Диль, занимавший высокий пост в нацистской партии. Бывший видный деятель организации гитлеровской молодежи и эсэсовец Гюнтер Хесслер основал организацию Молодых немцев-добровольцев, задачи которой сформулированы так: «Наш высший долг — верность, верность отечеству, простирающемуся от Рейна до Эльбы и включающему земли от Мааса до Мемеля».

Другая группа неофашистских молодежных организаций объединена в Рабочем содружестве отечественных союзов молодежи. В него входят организации Германский молодежный союз Кифхойзера, Молодежный корпус Шарнхорст, «Бисмарк-югенд» и другие. За редким исключением все эти организации тесно связаны с соответствующими объединениями взрослых, такими, как «Стальной шлем», Союз немецких солдат, «Кифхойзербунд» и им подобными.

Молодежные националистские и солдатские организации насчитывают 35 тыс. человек. Все они культивируют идеи реванша и более или менее откровенно призывают к восстановлению фашистских порядков.

Организационный стержень современного неофашизма — разветвленная международная организация бывших эсэсовцев, наиболее мощная ветвь которой легально существует в ФРГ⁷.

Несмотря на то, что в Нюрнберге СС была объявлена преступной организацией, уже к 1950 г. более 40 союзов эсэсовцев, таких, как «личная охрана Адольфа Гитлера», «Хорст Вессель», «Рейхсфюрер СС», действовали вновь и были объединены в Обществе взаимопомощи бывших эсэсовцев (ХИАГ).

В декабре 1957 г. в Дюссельдорфе эта организация и союзы «лиц, пострадавших от денацификации», образовали общий «комитет действия». На федеральном слете ХИАГ в апреле 1959 г. было принято решение отказаться от выдвинутого в целях некоторой маскировки наименования «общества взаимопомощи». С этого момента организация стала откровенно именоваться Федеральным объединением солдат бывших войск СС. В октябре того же года финансовый суд в Хагене признал объединенную организацию эсэсовцев «общественно полезной», освободив от обложения налогами взносы промышленных и финансовых кругов на восстановление СС.

В объединении эсэсовских организаций, естественно, задают тон военные преступники, в том числе бывший начальник брига-

⁷ Э. Генри. Неофашизм. «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 6, стр. 60; «Die Remilitarisierung in der Bundesrepublik im Jahre 1959. Eine Dokumentation», Berlin, 1960, S. 37.

ды СС генерал-майор войск СС Курт Майер. Бывшие эсэсовцы, входящие в это объединение, возглавляют все легальные и тайные неонацистские организации.

Чрезвычайно важную роль в процессе ремилитаризации Западной Германии, с которой неразрывно связан процесс реставрации фашизма, играют многочисленные солдатские союзы⁸. Непрерывный рост их числа характеризуется следующими данными:

1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1960 г.
159	468	681	901	1118	1176	более 1300

В целях концентрации милитаристских сил происходит объединение солдатских союзов в крупные формирования. Так, в ноябре 1957 г. в Бонне было провозглашено создание Объединения германских солдатских союзов, в которое вошли, в частности, Союз немецких солдат, Германский союз моряков, Союз бывших солдат германского африканского корпуса, «Кифхойзербунд», Объединение кавалеров рыцарского креста, традиционный союз «Великая Германия» и др.

Все эти солдатские союзы продолжают традиции германского империализма и милитаризма, в особенности гитлеровского вермахта и СС. Для целей реваншистской пропаганды западногерманские солдатские союзы располагают 50 газетами и журналами, демонстрируют кинофильмы, их представители выступают с докладами в школах. Запугивая население, солдатские союзы все чаще устраивают демонстрации на улицах городов и деревень, их отряды появляются на митингах прогрессивных организаций, угрожая демократическим деятелям.

Во главе милитаристских организаций стоят военные преступники. Так, например, федеральным президентом «Стального шлема» до самой своей смерти в 1960 г. был гитлеровский генерал-фельдмаршал Кессельринг, приговоренный в мае 1947 г. британским военным судом к смертной казни за уничтожение мирного населения и Италии. В Союзе моряков верховодят военные преступники Рэдер и Дениц.

Западногерманское правительство оказывает солдатским союзам прямую и открытую поддержку, в том числе материальную.

На крупнейшие «встречи» солдатских союзов правительство посылает своих представителей. Так, на пятом съезде солдат бывшего германского африканского корпуса, проходившем в 1956 г. в Дюссельдорфе, присутствовал боннский министр Шредер, а в качестве представителей от министерства обороны нацистский генерал Шпейдель, военный преступник Кессельринг

⁸ «Die Revanschepolitik Adenauers — Fortsetzung der Revanschepolitik Hitlers zur Vorbereitung des zweiten Weltkrieges». 1959, S. 42; «Die Remilitarisierung... 1959», S. 36; «Die Remilitarisierung... 1960», S. 41.

и другие. Бывший военный министр Штраус заявил на съезде Союза германских солдат: «Германские солдаты будущего должны продолжать традиции германских солдат второй мировой войны... Ответственному парламентскому правительству должно быть предоставлено право распоряжаться использованием военной силы как в катастрофических случаях во внутренней политике, так и в серьезных случаях вне страны...»⁹.

Именно правительство ФРГ активно поощряет концентрацию солдатских союзов. Так, в начале февраля 1960 г. боннское военное министерство пригласило представителей этих союзов на совещание, где обсуждался вопрос об их слиянии.

Когда в марте 1960 г. крупнейшее из милитаристских объединений, Союз немецких солдат, отмечал свое десятилетие, президент и бундесканцлер ФРГ, а также представители основных фракций бундестага приветствовали его «ценный вклад» в государственное строительство.

Солдатские союзы не только ведут идеологическую подготовку населения к новой агрессивной войне, но и оказывают давление на политические партии, требуя от них еще более решительной поддержки милитаристических устремлений. «Необходимо, — говорил на заседании правления Союза немецких солдат в конце 1960 г. его председатель генерал-полковник Залмут, — использовать любую возможность, чтобы показать общественности, что крупные солдатские союзы объединяются, поддерживают друг друга, сотрудничают и борются плечом к плечу, что мы противостоям политическим партиям как большой сомкнутый блок, пройти мимо которого не так-то легко»¹⁰.

В своей реваншистской политике западногерманское правительство опирается на так называемые землячества и другие шовинистические организации беженцев и переселенцев, аналогичные «союзам верности родине», сыгравшим важную роль в идеологической подготовке гитлеровской агрессии¹¹.

В настоящее время в ФРГ насчитывается более 50 таких организаций, которые, если верить их собственным заявлениям, объединяют 8 млн. человек. В декабре 1958 г. было завершено слияние землячеств и переселенческих организаций в мощную организацию Союз изгнанников.

Во главе землячеств стоят главным образом нацистские главари, представлявшие гитлеровское государство на тех территориях, названия которых присвоили себе землячества (например, «судетское», «померанское» землячества).

Эти организации занимаются пропагандой реванша среди переселенцев и перемещенных лиц, открыто выдвигают терри-

⁹ «Die Revanschepolitik Adenauers...», S. 48.

¹⁰ DDZ, 1961, N 247, S. 19.

¹¹ DDZ, 1961, N 250, S. 1, u. f.; «Die Revanschepolitik...», S. 26; «Neues Deutschland», 3.II 1960.

ториальные претензии к Польше, Чехословакии и другим европейским государствам, разжигают среди западногерманского населения антикоммунистические настроения. В ФРГ открыто издаются и распространяются землячествами 340 газет и журналов общим тиражом более чем 1,5 млн. экземпляров.

Реваншистские шовинистические организации действуют под непосредственным руководством боннского министерства по делам изгнанных, беженцев и пострадавших от войны, во главе которого ряд лет стоял военный преступник Теодор Оберлендер. Не случайно за последние годы бюджет этого министерства непрерывно растет.

Шовинистические выступления землячеств официально одобряются боннским правительством. Так, на слете 60 тыс. бывших жителей Померании в Касселе в 1958 г. выступил тогдашний министр по общегерманским вопросам Леммер, а на происходившем в тот же день слете 200 тыс. судетских немцев в Штуттгарте держал речь министр транспорта Зеебом. Одна из самых крупных и агрессивных организаций такого рода — землячество судетских немцев. В нем ясно различимы все наиболее характерные черты землячеств¹². Руководство землячества претендует на Судетскую область и другие территории, входившие в гитлеровский «рейх», и пропагандирует необходимость установления «нового порядка» в Европе. Руководящие функции в землячестве судетских немцев осуществляют фашисты, участвовавшие в порабощении Чехословакии. Среди них руководитель бывшей Германской партии в Словакии Франц Кармазин и другие. Для реализации своих реваншистских намерений землячество судетских немцев учредило специальную организацию (Акция судетских немцев), которая создает военные формирования и занимается подготовкой военных провокаций против Чехословацкой Республики. Эта организация действует по указаниям боннского правительства, финансируется им и служит его агрессивным планам. Известный своим фашистским прошлым министр боннского правительства Зеебом — президент федерального собрания землячества судетских немцев.

Уже сегодня беспрепятственно действующие под покровительством боннского кабинета неофашистские партии и молодежные организации, фашистские военные союзы и шовинистические землячества оказывают серьезное влияние на политическую жизнь ФРГ. Еще более велика их потенциальная опасность. При дальнейшем обострении внутренних противоречий в ФРГ и международной обстановки эти организации могут послужить монополистическому капиталу ФРГ в качестве опоры открытой террористической диктатуры.

¹² «Die Sudetendeutsche Landsmannschaft. Eine Analyse». Hrsg. Ausschuß für deutsche Einheit. Berlin, 1959.

Глава IV

Организационная структура буржуазных партий и СДПГ

Ведущие буржуазные партии ФРГ, равно как и СДПГ, не только обращаются к массовому избирателю, но и стремятся вовлечь в свои организации возможно более широкие круги населения. Для того чтобы обеспечить при этом партии возможность проводить антинародную политику в интересах диктатуры монополий, необходимо обеспечить независимость партийного руководства от рядовых членов партий и массового избирателя. Именно этой цели и служит организационная структура буржуазных и социал-демократической партий, покоящаяся на принципе бюрократического централизма.

Независимость реакционного партийного руководства от членской массы и его фактическая бесконтрольность обеспечиваются предельным ограничением прав коллегиальных партийных органов и сосредоточением важнейших функций в узком руководящем «штабе».

Вот что пишет о роли съезда ХДС, являющегося по уставу высшим органом партии, западногерманский социолог Хейдте: «...партийный съезд ХДС — это в первую очередь смотр боевых сил, их сосредоточение и демонстрация и лишь в очень ограниченной мере форум внутрипартийных дебатов, платформа для подлинной дискуссии»¹.

Согласно уставу Свободной демократической партии, принятому в 1954 г. в Висбадене², органами федеральной партийной организации являются съезд, центральный комитет и правление партии, причем, согласно уставу, съезд должен быть верховным органом партии. В действительности для «либеральной» СвДП в неменьшей, чем для ХДС, мере характерно сосредоточение важнейших полномочий в руках узкой группы партийных лидеров и чиновников, партийной элиты.

¹ F. A. Heydte, K. Sacherl. Soziologie der deutschen Parteien, Aufl. 2. München, 1955, S. 215.

² O. Flechtheim. Die deutschen Parteien seit 1945. Quellen und Auszüge. Berlin—Köln, 1955, S. 29 u. f.

Весьма ограниченную роль играет партийный съезд и в СДПГ. По свидетельству западногерманского исследователя К. Шутца, «многие политические проблемы решаются прежде, чем партийный съезд вообще сможет выразить к ним свое отношение. Поэтому органом, действительно принимающим решения, партийный съезд быть не может»³. О том, какими методами в СДПГ ведутся предсъездовские дискуссии по наиболее важным вопросам, свидетельствует хотя бы тот факт, что в период обсуждения новой программы партии, вызвавшей острую критику низовых партийных организаций, из СДПГ еженедельно исключалось по 30—50 оппозиционно настроенных членов партии⁴.

Сама процедура отбора делегатов на съезды окружными комитетами партии (которые в свою очередь формируются в итоге двухступенных выборов) приводит к тому, что делегаты съездов — это большей частью представители партийной бюрократии, выступающие заодно с верхушкой партии, что и делает возможным принятие таких документов, как Годесбергская программа или Ганноверское обращение. Вышедший из партии в 1961 г. один из старейших социал-демократов, депутат бундестага Арно Берш в открытом письме ко всем социал-демократам писал, что «в Ганновере аппарат одержал победу над партией, воля правления — над членской массой».

Значительно более реальная политическая сила в крупнейших партиях ФРГ — их центральные комитеты.

В ХДС в федеральный партийный комитет входят руководящие деятели партии и ее земельных организаций. Даже согласно уставу партийный комитет независим от федерального съезда партии, так как формируется не съездом, а составляется из делегатов земельных организаций, председателей фракций ХДС в парламентах земель, федеральных министров и других функционеров партии. Таким образом, рядом со съездом создается нечто вроде его филиала или второй палаты, с тем существенным отличием, что партийный комитет — орган значительно более компактный, чаще собирающийся и включающий в себя партийную бюрократию, непосредственно осуществляющую на местах и в центре руководство партией.

Значительно большим, чем съезд, влиянием пользуется центральный комитет и в Свободной демократической партии. ЦК, насчитывающий около 90 членов, состоит из лиц, избранных съездом, делегатов земельных организаций и партийных деятелей, входящих в него по должности согласно уставу, причем соотношение избранных и прочих членов составляет 3 : 5.

³ «Parteien in der Bundesrepublik», Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 180.

⁴ «Проблемы мира и социализма», 1960, № 1, стр. 15.

Но подлинно руководящими штабами партий являются партийные правления, внутри которых формируются еще более узкие по составу руководящие группы партийных лидеров. Партийное правление ХДС почти совершенно независимо от съезда партии, так как за исключением председателя и четырех его заместителей назначается федеральным партийным комитетом, в который это правление целиком входит. В то время как, согласно уставу, правление — всего лишь исполнительный орган съезда и партийного комитета, в действительности именно правление принимает важнейшие партийные решения, которые затем лишь санкционируются съездом и партийным комитетом. Из этого органа, и без того достаточно бесконтрольного, выделяется так называемое управление делами, состоящее из 12 человек, в том числе председателя, четырех его заместителей, трех управляющих делами членов, казначея, делопроизводителя, председателя фракции бундестага и его заместителя. Именно этот небольшой круг партийных боссов занимает ведущее положение в партийном руководстве. Чрезвычайное положение председателя партии и его заместителей обеспечено и уставным положением, согласно которому только эти лица из всего состава партийного комитета и правления избираются съездом партии и могут говорить от ее имени. Исключительные полномочия предоставлены председателю партии, который может объявить тот или иной круг политических проблем компетенцией правительства и тем самым изъять его из ведения партийных органов⁵.

В течение многих лет политическая линия ХДС определяется ее председателем и бывшим главой правительства Аденауэром и его сотрудниками. В июне 1962 г. съезд ХДС в Дортмунде учредил новую должность управляющего делами председателя партии. По мысли инициаторов этой меры, новое должностное лицо должно оживить организационное руководство партией, сдерживать интригующих и борющихся за личное влияние Штрауса, Шредера, Брентано и их клан и т. п. Этот шаг принят по соглашению между самим Аденауэром и руководителями западногерманских союзов предпринимателей, а новую должность занял Иозеф Духтус, бывший до лета 1962 г. министром внутренних дел Северного Рейна-Вестфалии, адвокат дурских стальных концернов, известный жестокими преследованиями коммунистов.

В Свободной демократической партии правление, состоящее примерно из 30—35 человек, не только «принимает решения по организационным и политическим вопросам в духе решений федерального съезда центрального комитета» (устав партии), но и оказывает решающее влияние на деятельность ЦК, частью ко-

⁵ R. Wildenmann. Partei und Fraktion, Aufl. 2. Mesenheim, 1955, S. 54.

того само является. Ведь около трех десятков делегатов земельных организаций, входящих в ЦК, зависят от председателей земельных организаций, являющихся членами правления. «Объединенное правление СвДП,— пишет западногерманский исследователь Р. Вильденман,— ... представляет собой не исполнительный комитет, а верховный *руководящий и координационный орган*. Остальные члены центрального комитета служат ему скорее как консультанты по специальным политическим вопросам. Они вряд ли обладают собственным весом в процессе формирования партийной воли»⁶.

Наконец, иерархическая пирамида СвДП увенчивается так называемым рабочим правлением, представляющим собой часть правления партии. В него входят председатель партии, его заместители, казначей, шесть членов, федеральные министры, премьеры земель, председатель фракции бундестага. Именно в этой узкой корпорации и принимаются практические решения по текущим вопросам деятельности партии.

В СДПГ подлинная власть внутри партии также принадлежит партийному правлению, насчитывающему около 30 членов, а внутри него — узкому «рабочему» правлению, в котором состоит менее десяти партийных боссов.

Исключительное положение партийного правления в СДПГ не только существует на практике, но и прямо закреплено уставом, согласно которому правление — не исполнительный, а *руководящий орган* партии. Параграф 17 устава СДПГ недвусмысленно определяет: «Руководство партией возлагается на партийное правление...»⁷.

Правление (иногда вместе с партийным комитетом, который в СДПГ образует нечто вроде расширенного правления) принимает важнейшие решения, которые в особенно важных случаях оформляются как решения съезда, а в действительности лишь подтверждаются им. «*Правление,— пишет Р. Вильденман,— обладает вообще монополией на принятие политических решений*»⁸. Правление ведет дела партии, контролирует принципиальные установкам партийных органов, руководит остальным партийным аппаратом, распоряжается материальными средствами партии.

Весьма характерно для буржуазных партий сосредоточение в руках немногих партийных чиновников большого количества функций в аппарате партии. В 1955 г. 223 партийных функционера ХДС занимали почти 500 руководящих должностей в партии⁹. В то же время в одних и тех же руках аккумулируются партийные и государственные должности: в руководящие органы

⁶ R. Wildenmann. Op. cit., S. 84.

⁷ O. Flechtheim. Op. cit., S. 43.

⁸ R. Wildenmann. Op. cit., S. 24.

⁹ F. A. Heydte, K. Sacherl. Op. cit., S. 355.

партии входят все министры ХДС, председатель партии в течение четырнадцати лет состоял бундесканцлером ФРГ, только с 1949 по 1953 г. процент депутатов бундестага, одновременно являющихся партийными функционерами, возрос с 8,9 почти до 50¹⁰.

Столь характерный для буржуазных партий процесс сосредоточения партийных должностей в руках ограниченного круга лиц происходит и в социал-демократической партии. Так, по данным 1955 г., 239 руководящих партийных должностей были заняты в СДПГ 169 руководителями. Таким образом, около трети лиц, входящих в руководящий штат партии, занимали более одной партийной должности¹¹.

¹⁰ «Zeitschrift für Politik», 1956, N 2, S. 163.

¹¹ F. A. Heydte, K. Sacherl. Op. cit., S. 212.

Глава V

Партии и государственный механизм

Отдавая известную дань реальности, Основной закон ФРГ уделил вопросу о роли политических партий в государстве значительно больше внимания, чем Веймарская конституция. Если последняя лишь упоминала о партиях в ст. 130, посвященной определению статуса чиновников, то конституция ФРГ отвела партиям специальную статью. «Партии, — говорится в ст. 21 Основного закона, — содействуют формированию политической воли народа». Определив таким образом *функцию политических партий в государстве*, буржуазный законодатель воздержался, однако, от использования в конституции терминологии теоретиков «партийного государства», утверждающих, что партии реализуют власть народа. Кричащее противоречие таких положений с политической действительностью слишком ярко демонстрировало бы иллюзорность некоторых важнейших конституционных принципов, в частности принципа народного суверенитета.

Благоразумная умеренность законодателя в определении политической функции партий с лихвой возмещается буржуазными идеологами, пропагандирующими достоинства «партийного государства». Вот что пишет, например, вслед за своими учителями западногерманский социолог нового поколения: «...партии — это такие организации, через которые все имеющиеся в народе социальные силы преобразуются в политические волевые течения. Это организации, которые, будучи средствами и посредниками демократического правления, устанавливают живую связь между социальными группами различного рода и населением, с одной стороны, и государством — с другой...»¹.

Единственная нить, связующая апологетов «демократии партий» с реальностью, — это лежащие на поверхности факты, относящиеся к участию партий в формировании парламентских учреждений, деятельности парламентов, создании и функционировании правительственных органов и т. п. Во всем же, что

¹ Bethusy-Huc. Die soziologische Struktur deutscher Parlamente. Bonn, 1958, S. 51.

касается *истолкования* этих фактов, они бесконечно далеки от действительности.

Начать с того, что отнюдь не все партии допускаются к «опосредствованию» воли народа. Более того, именно самые последовательные выразители его интересов, особенно КППГ, насильственно отстраняются от участия в политической деятельности и ставятся вне закона. Государство предпринимает меры для того, чтобы предельно затруднить и парализовать деятельность других демократических партий.

Немногочисленные партии, контролирующие деятельность государственной машины или имеющие своих ставленников на государственных постах, не являются, как мы видели, по существу партиями народа. Это или прямые проводники политики монополий, или их оппортунистическая агентура в рабочем движении.

Наконец, в парламенте и других государственных органах действуют не массы, а выступающие под флагом той или иной партии партийные лидеры, оторванные от масс, но зато тесно связанные или непосредственно сливающиеся с финансовой олигархией. Вот почему прав Курт Прицколейт, когда замечает по поводу ст. 21 Основного закона, что если она что-нибудь и значит, то ее значение состоит в открытом признании политического господства партийной бюрократии².

В итоге «опосредствование воли народа партиями» оказывается практически одним из важнейших средств осуществления и прикрытия политического господства финансовой олигархии в псевдодемократических формах.

Истинные намерения господствующих в ФРГ социально-политических сил, состоящие в том, чтобы оградить государственный механизм от влияния народа, сказываются не только в запрете наиболее последовательно критикующих правительственную политику партий, но и в стремлениях ограничить деятельность допущенных партий рамками парламента, т. е. исключить возможность массовых внепарламентских выступлений со стороны демократических партий и левых элементов партий, поддерживающих правительственную коалицию.

Полемизируя с оппортунистами из II Интернационала, В. И. Ленин подчеркивал выгодность для буржуазии ограничения борьбы классов парламентскими формами. «...Ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента,— писал он,— или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы, значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата»³.

Неудивительно, что сама господствующая буржуазия, разу-

² К. Pritzkoleit. Die neuen Herren. Die Mächtigen in Staat und Wirtschaft. München, 1955, S. 272.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 248.

меется, не отказываясь от внепарламентских действий вплоть до прямого политического насилия (не говоря уже об использовании всех средств идеологической обработки масс), пытается с помощью законодательства и решений судов ограничить деятельность партий парламентскими рамками.

На процессе против КПГ представители федерального правительства выступили с аргументацией, из которой следовало, что, согласно Основному закону, волеизъявление народа должно ограничиваться выборами депутатов, а любые непосредственные политические действия являются неконституционными. Разделяя эту точку зрения, Федеральный конституционный суд заявил в решении от 25 марта 1955 г., что «право на сопротивление совершенно исключено для кого бы то ни было, в том числе и для политических партий».

Подготовленный министерством внутренних дел ФРГ проект закона о партиях рассматривает в качестве главного признака партийной организации именно ее участие в парламентской деятельности. «В центре понятия партии,— пишет западногерманский юрист Шефер,— проект, в соответствии с мнением, господствующим в правовой доктрине и судебной практике, ставит участие в парламентских выборах и ответственное представительство народа в парламенте»⁴.

Таким образом «представительная демократия», реализуемая через посредство политических партий, должна свестись для граждан ФРГ к подаче избирательных бюллетеней.

Сохраняя демократический декорум, монополистический капитал не может обойтись без *парламентских выборов*. Но он может превратить и с помощью буржуазных и обуржуазившихся партий с успехом превращает выборы в парламент в первое и последнее прикосновение массового избирателя к рычагам государственного механизма. Прикосновение это оказывается не только безопасным, но и полезным для господствующих сил, так как санкционирует их антинародную политику.

Важная роль партий в формировании парламентских учреждений очевидна. Рядовой избиратель, как правило, голосует не за конкретного депутата, а за партию. По данным западногерманского журнала «Магнум», опубликованным в 1961 г., 72% граждан, имеющих право голоса, не знают имени своего депутата. Впрочем, сходство предвыборных программ, стирание идеологических граней между господствующей партией монополий и формально оппозиционной СДПГ при запрещении подлинной оппозиции снижает значение итогов голосования за ту или иную партию.

Кандидатов, которые должны в итоге выборов занять места в бундестаге, намечают не рядовые члены партии на своих

⁴ NJW, 1959, N 29, S. 1251.

собраниях, а руководящие штабы политических партий. При этом партийные правления не нуждаются в том, чтобы назвать всех кандидатов, баллотирующихся по округам или включаемых в партийные списки. Они определяют костяк будущей фракции, вырабатывают директивы относительно того, каким требованиям должен удовлетворять любой кандидат, «рекомендуют» или, наоборот, «не рекомендуют» выдвижение определенных лиц. В этих пределах допускается инициатива нижестоящих партийных органов и организаций. Однако их пожелания удовлетворяются только в том случае, если они по меньшей мере не противостоят намерениям партийного правления.

Существующая в ФРГ избирательная система, сочетающая элементы мажоритарной и пропорциональной, предоставляет основным партиям, в особенности ХДС, богатейшие возможности для проведения в парламент всех желательных кандидатов. В то же время определяющая роль партийного правления на выборах ставит депутатов в зависимость от партийной верхушки. «Смешанная избирательная система,— пишет Р. Вильденман,— это чудо точности, которое обеспечивает руководящим штабам влияние даже внутри партий, не говоря уже об избирателях»⁵.

Хорошо зная обстановку на местах, партии выдвигают в избирательных округах наиболее надежных кандидатов, чаще всего известных избирателям в качестве видных деятелей партии, но совершенно не связанных с данным округом. Менее перспективных, но желательных для руководства кандидатов, в том числе таких, которые могут натолкнуться на сопротивление избирателей или даже рядовых членов партии, партийный штаб рассеивает по партийным спискам земель, не выдвигая их на первые места, однако и не помещая в конце списка, так как в последнем случае они могли бы не пройти при распределении мандатов. Наконец, выдвинув кандидатуру в округе, партия может «застраховать» кандидата одновременным включением его в избирательный список.

Таким образом, выдвинув без всякого участия рядовых членов партии, а тем более массового избирателя, угодных партийному правлению кандидатов, руководство партии, используя избирательную систему, почти полностью может предвидеть, а в значительной мере и предопределить исход выборов. Вышедший из ХДС в начале 1962 г. крупный гамбургский издатель Буццриус писал незадолго до парламентских выборов 1957 года: «По меньшей мере 80% депутатов избраны уже сегодня, за два месяца до „выборов“». Крошечные группы, буквально какая-нибудь тысяча человек, избавили избирателя от трудностей выбо-

⁵ R. Wildenmann. Partei und Fraktion, Aufl. 2. Mesenheim, 1955, S. 142.

ра. В последние дни политические партии опубликовали свои „списки кандидатов“ к выборам в бундестаг, но в этих „списках“ рядовой избиратель ничего не может изменить. Он может отказать в своем голосе списку ХДС и отдать его списку СДПГ. В этом случае будут избраны кандидаты списка СДПГ, помещенные под номерами 8 и 9, а не 8 и 9 кандидаты из списка ХДС. Но кандидаты, включенные в оба списка под номерами с 1 по 7, определенно будут избраны. С ними избиратель должен безусловно смириться»⁶.

Избирательная кампания — не только сложное в организационном отношении, но и дорогостоящее предприятие. Ни одна из партий не в состоянии вести предвыборную борьбу только на средства, получаемые от сбора членских взносов.

Сумма средств, полученных ХДС в период предвыборной кампании 1961 года от концернов и предпринимателей, составила около 55 млн. марок. В кассу ХДС поступили, кроме того, огромные государственные средства, получаемые от налогоплательщиков и распределяемые через бюджет различных ведомств на цели пропаганды. Из 130 млн. марок всего фонда правительственных средств, расходуемых на эти нужды, 40—50 млн. марок ушло на предвыборную борьбу ХДС. Всего, по самым осторожным оценкам, Христианско-демократический союз располагал на выборах средствами в 100 млн. марок, а СвДП — около 20 млн.⁷

В борьбе за овладение парламентом партии монополий применяют разнообразные, часто весьма изощренные средства экономического, политического, морального давления. Так, например, накануне парламентских выборов правительство ХДС сосредотачивает внимание на поддержании стабильности цен и покупательной способности населения путем усиленного ввоза некоторых видов товаров широкого потребления и даже соглашения с промышленниками и торговцами относительно стабилизации цен до окончания выборов. Со стороны предпринимателей, поддерживающих ХДС, широко практикуются также дополнительные выплаты рабочим при условии, что они будут голосовать против СДПГ. Добиваясь популярности у масс, нынешний президент ФРГ Любке, бывший в период подготовки выборов в бундестаг 1957 года министром продовольствия, сельского и лесного хозяйства, опубликовал летом 1957 г. открытое письмо ко всем домохозяйкам, в котором восхвалял свою политику и приглашал их к себе на чашку кофе.

Одновременно господствующие силы ведут жестокую борьбу против демократических партий. Так, в ходе кампании по выборам бундестага в 1961 г. легальная демократическая партия Немецкий союз мира (НСМ) подвергалась непрерывным

⁶ «Die Zeit», 18.VII 1957.

⁷ «Ausschuß für deutsche Einheit. Information», 19.X 1961.

нападкам как «замаскированная коммунистическая организация». Кампания против НСМ, начатая официальными представителями Бонна, в том числе министром Шредером, была поддержана правыми лидерами социал-демократии, опасавшимися, что многие рядовые члены СДПГ отдадут свои голоса НСМ.

Острые полицейского и судебного террора было направлено против коммунистов, которые, пользуясь своим неоспоримым конституционным правом, выдвинули во всех землях ФРГ своих кандидатов в качестве независимых. По указанию министров внутренних дел земель 39 кандидатов были вычеркнуты из списков как «продолжающие деятельность запрещенной КПГ». Десять независимых кандидатов были немедленно арестованы полицией, причем им было предъявлено обвинение в деятельности, «угрожающей государству», так как они выступали против реваншизма и атомного вооружения бундесвера. Против всех независимых кандидатов было начато следствие. В то же время полиция проводила обыски в их квартирах, разгоняла собрания избирателей, на которых они предполагали выступить. Некоторым из них полиция вообще запретила какие бы то ни было выступления и деятельность.

В нынешнем бундстаге, сформированном усилиями государственного аппарата монополий, партийных штабов и предпринимательских союзов, представлены лишь три политические партии, располагающие следующим количеством мандатов: ХДС — 242, СДПГ — 190, СвДП — 67. Немецкий союз мира, который при условии действия строго пропорциональной избирательной системы мог бы рассчитывать на 10 мандатов, в результате пятипроцентной оговорки не получил ни одного места в парламенте.

Социальная принадлежность депутатов бундстага, отраженная в приводимых ниже данных⁸, красноречиво свидетельствует о том, что партии, вопреки заверениям сторонников теории «партийного государства», отнюдь не обеспечивают представительства интересов народа.

Социальное положение депутатов	Число мандатов
Директора, руководящие служащие и члены наблюдательных советов концернов и капиталистических предприятий	161
Крупные аграрии, помещики и кулаки	53
Чиновники (включая выборные должности министров и обербургомистров)	128
Сотрудники аппарата буржуазных партий и других организаций . . .	92
Представители свободных профессий (адвокаты, врачи, архитекторы и т. п.)	41
Собственники ремесленных предприятий	19
Рабочие	5
Всего	499

⁸ «Ausschuß für deutsche Einheit. Information», 19.X 1961.

Таким образом, 342 места в бундестаге заняты монополистами или их ставленниками в государственном и партийном аппарате, причем число чиновников в бундестаге возросло более чем вдвое по сравнению с предыдущей легислатурой. 111 депутатов бундестага — в прошлом активные нацисты, 49 — бывшие офицеры гитлеровского вермахта, 62 — члены реваншистских объединений. Так ведущие политические партии ФРГ «опосредствуют» народ в высшем парламентском учреждении.

Деятельность бундестага также опровергает утверждение о том, что партии формируют «политическую волю народа». Достаточно напомнить, что в обстановке подъема народного Движения против атомной смерти партийное большинство бундестага в марте 1958 г. одобрило мероприятия боннского правительства, подготавливающие оснащение бундесвера атомным оружием.

Внутри парламента депутаты группируются по партийной принадлежности во *фракции*, от имени которых в парламент разообразные предложения, интерпелляции, дается позитивная или критическая оценка государственных мероприятий, ведутся переговоры о формировании правительства и посылаются представители в комитеты бундестага. Регламент бундестага, определяющий фракцию как объединение депутатов, принадлежащих к одной партии, лишь очень поверхностно отражает действительное положение вещей. Состав и деятельность партийных фракций — очевидное доказательство, что парламент не только не является представительством народа, но не представляет и сами партии как массовые организации. В специальном западногерманском исследовании, посвященном партийным фракциям, говорится: «Фракция — это иерархически построенный орган партии»⁹.

Состав фракции практически определяется еще до выборов партийным руководством по согласованию с лидерами предпринимательских союзов. «Фракции, — свидетельствует Курт Притцколейт, — с их иерархическим подразделением на председателей, правление и членов различных рангов возникают как результат планирования в партийном аппарате, осуществляемого (независимо от народа, который, согласно теории конституции, является источником всей государственной власти) руководящими штабами партий в тесном сотрудничестве с главами концернов»¹⁰.

Между членами парламентских фракций и партийным руководством осуществляется личная уния. По данным Р. Вильденмана, в ХДС 43% функционеров, входящих в партийный штаб, являются одновременно депутатами бундестага. Они

⁹ R. Wildenmann. Op. cit., S. 158.

¹⁰ K. Pritzkolet. Die neuen Herren. Die Mächtigen in Staat und Wirtschaft. München, 1955, S. 279.

составляют 67% парламентской фракции. Что касается СвДП, то во фракцию входят 46% партийных руководителей, а 70% членов фракции принадлежат к партийному руководству. В СДПГ 27% всего партийного штаба являются депутатами бундестага и, наоборот, 44% членов фракции входят в партийный штаб¹¹.

Партийные фракции представляют собой весьма стабильные партийные образования внутри парламента, ядро которых, состоящее из профессиональных политиков, незначительно изменяется от одного легислационного периода к другому, причем существует явная тенденция к усилению такой стабильности. Если на вторых выборах в бундестаг (1953 г.) сменилось 227 депутатов, на третьих (1957 г.) — 170, то на четвертых — только 133. Изменения внутри фракционной иерархии происходят в зависимости не от хода парламентской деятельности, а прежде всего в результате изменений внутри партийных штабов.

Решения, выносимые парламентом (будь то бундестаг или парламент земли), как правило, предварительно формулируются и согласовываются партийными фракциями. А поскольку решающую роль во фракции играют представители партийных штабов, важные в политическом отношении решения диктуются фракциям партийной верхушкой и через фракцию реализуются в виде законов. Таким образом, парламент не является тем местом, где формируется «воля народа», а «становится учреждением, в котором представители, т. е. депутаты, *представляют не народ, а соответствующий руководящий штаб партии по отношению к другому партийному штабу*. Именно такова реальная ситуация»¹².

Деятельность депутатов бундестага опровергает традиционное конституционное положение о том, что *депутаты* — представители всего народа, не связаны наказами или указаниями и подчиняются лишь своей совести (ст. 38 Основного закона ФРГ). Если закрепленный в конституции отказ от «императивного мандата» что-нибудь и означает, то лишь действительную независимость депутатов от контроля избирателей. Но во всей своей деятельности депутат подчинен партийной и фракционной дисциплине. Вне партии профессиональный политик, — а именно таково большинство депутатов, — не может рассчитывать на успешную политическую карьеру. Партия выдвигает кандидатов и непосредственно организует их продвижение в парламент. С пребыванием в бундестаге по мандату, полученному через определенную партию, связано право на депутатское вознаграждение, которое с учетом средств на поездки, содержание

¹¹ R. Wildenmann. Op. cit., 159—160.

¹² Ibid., S. 93.

канцелярии и т. п. достигает, в соответствии с законом от 27 мая 1958 г., более 3 тыс. марок ежемесячно.

Депутат, выступающий независимо от какой бы то ни было партии,—фигура, почти немыслимая в конкретных условиях современного буржуазного государства и уж во всяком случае почти лишенная влияния. «Этот „независимый депутат“,—пишет Хейдте,—не только находится в худшем правовом положении, чем его коллеги, корнями связанные с партией: нормы регламента обрекают его на прозябание, так как он не может участвовать ни в одном комитете, поскольку комитет формируют из представителей фракций, а фракции посылают, по крайней мере во все важные комитеты, только лиц „надежных“ в партийном отношении. „Независимый депутат“, кроме того, лишается и своей социальной почвы; он „аутсайдер“, „человек вне касты“, парий в политике»¹³.

Выход депутатов из фракции имеет место, но он сопряжен, как правило, с переходом в другую фракцию. Так, в первом бундестаге сменили свою фракционную принадлежность 20, а во втором — 85 депутатов. Знаменательно, что крайне редки разрывы депутатов с господствующей реакционной партией. В большинстве случаев депутаты, пренебрегая волей избирателей, голосующих за определенную партию, переходили во фракцию ХДС. Переход большинства депутатов Немецкой партии в ХДС в 1960 г. явился даже прелюдией к ликвидации партии.

Фактическая зависимость депутатов от партии побудила ряд буржуазных теоретиков высказаться за конституционное или, по крайней мере, законодательное закрепление «партийно-императивного» мандата. Однако законодатель не торопится встать на этот путь, охраняя иллюзию «народного суверенитета». Впрочем, официальная концепция «свободного» мандата безжалостно отбрасывается, когда речь идет о депутатах КППГ. Из запрета компартии по мотивам ее неконституционности суды ФРГ немедленно сделали вывод об утрате парламентских мандатов депутатами партии, связав тем самым судьбу мандатов с партийной принадлежностью их владельцев.

Ортодоксальное западногерманское государствоведение постоянно подчеркивает наличие *парламентской оппозиции* как важнейшую черту буржуазной демократии. Но в западногерманском государстве подлинная оппозиция изгнана из парламентских учреждений. С последовательной критикой правительственной политики выступала в бундестаге лишь фракция КППГ, которая внесла в парламент 171 предложение, учитывающее действительные интересы масс, но именно поэтому идущее вразрез с официальным политическим курсом. Единственная фракция подлинной оппозиции была поставлена в парламенте

¹³ F. A. Heydte, K. Sacherl. Op. cit., S. 199.

в тяжелейшие условия. Путем изменения регламента она была лишена права представительства в комитетах бундестага, ее депутатам грозили лишением неприкосновенности, непримиримая позиция во время обсуждения «Общего договора» повлекла за собой отстранение Макса Реймана от участия в заседаниях бундестага на 30 дней, а четырех других депутатов КППГ — на 20 дней. Пятипроцентная оговорка и предвыборный террор позволили реакционным силам отстранить КППГ от участия в парламенте.

Но господствующая партия монополий не терпит даже непоследовательной оппозиции буржуазных партий. Переход в оппозицию Общегерманского блока, представленного в бундестаге второй и третьей легислатуры, явился началом конца этой партии, лишившейся поддержки монополий. Не удалось, как мы видели, стать «третьей силой» в парламенте и Свободной демократической партии.

В нынешнем боннском парламенте блоку двух партий (ХДС и СвДП) противостоит в качестве оппозиционной партии СДПГ. Однако именно правые социал-демократы с особой наглядностью демонстрируют всю иллюзорность легальной реформистской «оппозиции» в буржуазном парламенте.

Формирование *правительства* господствующей партией и ее сателлитами осуществляется таким образом, что в этой процедуре не удается обнаружить даже следов «опосредствования» партиями «народной воли». В этом акте, разумеется, никакого участия не принимают избиратели, а также партии, оставшиеся за бортом парламента, и членские массы партий, вошедших в парламент. Состав будущего правительства определяется в переговорах руководителей партийных штабов при самом непосредственном участии предпринимательских союзов. При этом партийные руководители беззастенчиво пренебрегают интересами своих избирателей и членской массы.

Весьма характерен в этом отношении ход формирования четвертого кабинета. В ходе двухмесячных закулисных переговоров, не контролировавшихся практически не только рядовыми членами партий или избирателями, но и большинством партийных фракций бундестага, руководители СДПГ — партии, за которую миллионы рабочих голосовали, выражая недоверие к политике аденауэровского правительства, — согласились участвовать в коалиции ХДС — СДПГ или в трехпартийном кабинете. Лидеры СвДП, выступившие до выборов за коалицию с ХДС в правительстве «без Аденауэра», без особого труда нашли общий язык с прежним бундесканцлером и вошли в двухпартийное правительство, им возглавляемое.

Сформированное руководящими партийными штабами, федеральное правительство очень мало зависит от парламентских фракций. В значительной мере этому способствуют конститу-

ционные принципы, в частности ст. 63 и принцип конструктивного ветоума, определяющие способ создания правительства и ограничивающие возможность вынесения ветоума недоверия ему.

Еще в парламентском совете при обсуждении проекта конституции раздавались трезвые голоса, предупреждавшие, что на основе таких положений председатель сильнейшей партии сможет сосредоточить в своих руках огромную власть. Так и произошло в действительности. В течение более десятилетия Аденауэр, сочетавший в одном лице лидера наиболее могущественной партии монополий и главу федерального правительства, правил так, как если бы не существовало никакого контроля со стороны партийных фракций бундестага. Характерен в этом отношении следующий факт: представив бундестагу 14 ноября 1961 г. новое правительство, Аденауэр не счел нужным выступить с программным заявлением, которое было опубликовано только 19 ноября, после возвращения бундесканцлера из США.

Для того чтобы обеспечить реализацию требований монополий без вмешательства партийных фракций бундестага, входивших в коалицию (не говоря уж об «оппозиционной» фракции), после выборов 1961 года в ФРГ был создан новый парламентский орган, так называемый коалиционный комитет. Этот комитет образуется фракциями правительственной коалиции в составе председателей фракций, их заместителей и секретарей. Ни партийные фракции, ни правительство не могут внести в бундестаг проект закона, пока его основные положения не будут одобрены этим чрезвычайно узким по составу органом, в котором заседают представители партийных штабов¹⁴.

Будучи независим от своей парламентской фракции, глава правительства и тесно связанные с ним партийными и правительственными узлами министры практически не подлежат контролю массы членов партии или хотя бы такого органа, как съезд партии. Более того, именно правительственная программа на деле является действительной программой партии, которая создается без всякого участия массы членов партии. Право главы партии объявлять те или иные вопросы исключительно компетенцией правительства делает его позицию совершенно неуязвимой по отношению к членской массе ХДС или хотя бы к более или менее представительным партийным органам.

В течение всего периода существования ФРГ ее правительство (за исключением сравнительно короткого отрезка времени с июля 1960 по ноябрь 1961 г.) действует как формально коалиционное. Однако *коалиция* эта весьма призрачна. Практически в правительстве господствует верхушка ХДС, что отражено как в распределении портфелей (пост бундесканцлера и 16 министерских

¹⁴ «Die Welt», 6.XI 1961.

должностей из 21), так и в полном подчинении министров, принадлежащих к коалиционной партии, политике, диктуемой главой правительства. Интересно, что количество партнеров по правительственной коалиции сейчас сократилось до минимума. Если в период первой легислатуры в правительство входили представители трех, а во второй легислатуре — длительное время даже четырех партий, то с 1957 г. оно никогда не формировалось более чем двумя партиями. В этом отражается тенденция к безраздельному политическому господству одной партии, обеспечивающей диктатуру монополий. О том, насколько условен коалиционный характер боннского кабинета, свидетельствует отказ министров, посланных в правительство в период второй легислатуры партиями СвДП и ОГБ, покинуть его в связи с выходом этих партий из парламентской коалиции с ХДС в 1956 г. Шесть министров, получивших портфели как представители этих партий, предпочли разрыв со своими партиями уходу из правительства.

Повседневную работу по практическому осуществлению диктатуры монополий в ФРГ, как и в других империалистических государствах, осуществляет огромный бюрократически централизованный административный, полицейский, судебный, военный аппарат, абсолютно не подлежащий никакому, даже формальному или чисто внешнему, контролю со стороны массы членов партий или хотя бы парламентских фракций.

Эта бесконтрольность характерна даже для высших звеньев *государственного аппарата*, которые ближе к парламенту, не говоря уже о разнообразных службах и ведомствах. Известно, например, что при Аденауэре многие важнейшие решения бундесканцлера готовились и принимались в обход соответствующих министров, с помощью «теневого кабинета», который состоял из трех руководящих чиновников канцелярии премьер-министра. Эту тройцу возглавлял военный преступник Глобке, бывший статс-секретарь Аденауэра, который ведал всеми делами канцелярии, распоряжался секретными денежными фондами, надзирал за «службой Гелена» и определял все важнейшие назначения в высшем административном аппарате. Его коллегами по «теневому кабинету» были Франц Бах, с которым канцлер обсуждал все внешнеполитические планы, и Карл Виалон, руководивший отделом экономики и финансов в канцелярии Аденауэра и выступавший в качестве консультанта премьера по экономическим вопросам. Разумеется, ни партийная фракция ХДС, ни членская масса не оказывали влияния на этот секретный орган. Лидер крупнейшей партии монополий и глава правительства бесконтрольно осуществлял с его помощью волю верхушки господствующего класса, к которой сам он принадлежит.

Действуя независимо от партийных фракций и членской массы, руководители партийных штабов, занимающие высшие посты в государственном аппарате, тем не менее подбирают ап-

парат своих ведомств с учетом партийной принадлежности чиновников. Партийный билет служит дополнительной гарантией верности чиновников своим хозяевам. При этом в процессе формирования административного аппарата на второй план отступают чисто деловые качества претендентов, а главным признаком становится политическая благонадежность, определяемая верностью партийной верхушке, одновременно образующей верхушку государственного аппарата. Аппарат министерства ФРГ насыщен ставленниками ХДС.

Следует иметь в виду, что в некоторых средних и низших звеньях государственного аппарата преобладают ставленники СДПГ, что связано с более прочным положением этой партии в представительных органах ряда земель. Так, в 136 западно-германских городах бургомистрами и их заместителями были в 1962 г. 122 члена СДПГ, 87 членов ХДС и 21 член СвДП¹⁵. Однако практическая деятельность этих государственных органов, полностью подчиненных политическому режиму западно-германского государства,— одно из наиболее красноречивых свидетельств того, что весь государственный механизм, независимо от партийной принадлежности его членов, является орудием диктатуры монополий. Подтверждением этого служит и деятельность членов СДПГ в высших судебных учреждениях ФРГ. Так, членом СДПГ был президент Федерального суда по трудовым делам Ганс Ниппердей, вынесший решение в пользу шлезвигских металлопромышленников в споре с профсоюзом металлистов, а член СДПГ Рудольф Кац участвовал в качестве вице-президента Федерального конституционного суда в вынесении решения о запрете КППГ.

Допуская к рычагам государственного механизма ставленников ограниченного круга партий, так или иначе подчиненных монополиям, и нивелируя их партийную принадлежность в ходе осуществления реакционной диктатуры, господствующие в ФРГ социально-политические силы решительно отстраняют от работы в государственном аппарате членов демократических партий и организаций. Основной закон ФРГ отказался формально гарантировать чиновникам свободу политических убеждений и свободу объединения, отступив от положений Веймарской конституции (раздел 2, ст. 130), а федеральный закон о чиновниках потребовал от них «приверженности свободным демократическим взглядам на государство» (§ 53 Основного закона), которая толкуется как верность клерикально-милитаристскому режиму. По решению правительства ФРГ от 19 сентября 1950 г. из государственного аппарата были удалены сторонники тринадцати различных организаций, среди которых только две представляют собой незначительные фашистские группы, а все остальные — прогрессивные массовые организации. Среди них КППГ, Союз

¹⁵ «Einheit», 1962, N 3, S. 151.

свободной немецкой молодежи, Национальный фронт, Культурбунд, Объединение лиц, преследовавшихся нацизмом, Комитет борцов за мир, Объединение друзей Советского Союза и др.¹⁶

В то же время государственный аппарат ФРГ насыщался бывшими активными нацистами. Они господствуют сейчас в министерстве внутренних дел, занимают 80% руководящих должностей в министерстве иностранных дел, возглавляют армию, царят в суде и прокуратуре. В соответствии со специальным законом, восстановившим в правах профессиональное чиновничество, пострадавшее от денацификации, около 30 тыс. бывших нацистских чиновников уже к 1960 г. обосновались в государственных учреждениях ФРГ.

Структура и деятельность государственного механизма ФРГ во всех его звеньях, от парламента до административного аппарата, свидетельствуют о том, что демократия «партийного государства» есть не что иное, как диктатура монополистического капитала, до некоторой степени прикрытая псевдодемократическими формами.

¹⁶ GMBI, 1950, S. 94.

Глава VI

Организации предпринимателей в политике

Представители западногерманского капитала отнюдь не делают тайны из вмешательства предпринимателей в политическую жизнь. Вышедшая в 1954 г. в Дюссельдорфе книга «Предприниматели в политике» не только констатирует этот факт, но в самых выпренных выражениях настаивает на возможном более активном участии предпринимательских кругов в формировании политических процессов. Мало того. Подводя идейную базу под политическое господство капитала, авторы книги стремятся представить его руководящую роль в государстве как единственное условие, гарантирующее демократию, порядок и свободу человека¹. Апология власти буржуазии, с которой выступают представители самой буржуазии, никого удивить не может. Удивительно и симптоматично в этой книге другое: читатель не найдет в ней ни слова о предпринимательских союзах и организациях, которые аккумулируют энергию и средства монополий, формулируют задачи и подготавливают мероприятия боннского государства, преследующие интересы монополистической верхушки. Афиширование этих действительных творцов политики не входит в круг задач авторов книги, изданной одним из руководителей крупнейшего в ФРГ предпринимательского объединения (БДИ).

Разумеется, предпринимательские организации — лишь одно из орудий, которым пользуются господствующие в ФРГ силы. Отнюдь не всегда возникает необходимость опосредствовать волю монополий через эти организации. Западногерманский парламент, правительство, бюрократический аппарат, буржуазные партии, реваншистские и неонацистские организации в высокой степени насыщены монополистами и их ставленниками, охраняющими интересы монополий. Но во множестве случаев решающее влияние на общественное мнение, политические партии и государственные органы оказывается именно через организации предпринимателей.

¹ Н. Groß. Unternehmer in der Politik. Düsseldorf, 1954, S. 5, 7, 11.

Организации предпринимателей и другие группы давления обладают специфическими чертами, отличающими их от политических партий. По своему социальному составу, идеологии и характеру деятельности они — прямые организации господствующего класса. Не вполне чуждые демагогии, они тем не менее откровенно преследуют цели монополистической буржуазии. Именно поэтому предпринимательские организации не выступают в парламентской сфере непосредственно, а вынуждены действовать через политические партии.

В ФРГ существует в настоящее время около 200 предпринимательских союзов. Их возглавляет Объединенный комитет немецкого предпринимательского хозяйства, в который входят ведущие союзы предпринимателей. Наиболее крупные: Федеральный союз германской промышленности (БДИ), Федеральное объединение немецких союзов работодателей (БДА), Федеральный союз частных банков (БПБ) и Немецкий конгресс промышленности и торговли (ДИХТ) ².

Наиболее влиятельный из них, Федеральный союз германской промышленности, — прямой наследник Имперского союза германской промышленности гитлеровских времен; он объединяет около 40 отраслевых промышленных союзов, которые в свою очередь направляют деятельность почти 600 подчиненных им организаций. Решающую роль в руководстве БДИ играют ставленники крупнейших западногерманских монополий, таких, как АЕГ, «ИГ Фарбен», концерны Флика, Тиссена и т. п. Важнейшее направление деятельности БДИ — проведение в жизнь хозяйственно-политических требований концернов через государственный аппарат. В книге, выпущенной к пятилетию БДИ, прямо говорится, что, создавая союз, его учредители хотели дать в руки предпринимателей аппарат, «который был бы в состоянии убедительно отстаивать перед общественностью, правительством и парламентом точку зрения промышленности по актуальным вопросам» ³.

Федеральное объединение немецких союзов работодателей охватывает все так называемые социально-политические объединения западногерманских предпринимателей. Оно, подобно БДИ, построено по отраслевому и территориальному признаку, однако охватывает не только промышленные, но и сельскохозяйственные, банковские и прочие союзы. Специальная задача БДА — борьба с профсоюзами. Разумеется, и в этой организации верховодят представители крупнейших монополий.

Федеральный союз частных банков, возглавлявшийся Р. Пффердменгесом, — специальное объединение представителей финансового капитала.

² «Deutsches Wirtschaftsinstitut» (в дальнейшем — DWI), 1956, N 20, S. 4, 17; 1961, N 5, S. 5.

³ DWI, 1956, N 1/2, S. 14.

Немецкий конгресс промышленности и торговли объединяет промышленные и торговые палаты. В его руководящих органах довольно широко представлены мелкие и средние предприниматели, что должно создавать иллюзию независимости палат от монополистического капитала. В действительности монополисты оказывают на них не только нажим с помощью финансов, но и прямое влияние через своих людей в президиуме ДИХТ.

Ведущие союзы предпринимателей тесно связаны между собой, так как члены и руководители одного союза сплошь и рядом являются членами и руководителями другого. Так, президент БДИ Фриц Берг и президент БДА Ганс Паульсен одновременно входят в президиум ДИХТ.

От предпринимательских союзов в решающей мере зависит политическая линия и даже существование буржуазных политических партий. Вот что говорят об этом западногерманские исследователи: «Партии и союзы заинтересованы во взаимной поддержке. Партии всегда нуждаются в деньгах, экспертах и избирателях; союзы могут достать деньги, предоставить экспертов, мобилизовать избирателей. Союзы, в свою очередь, нуждаются в том, чтобы их интересы были представлены в государстве и его органах; партии могут многого добиться как их поверенные в делах»⁴.

Руководители крупнейших предпринимательских союзов нередко являются одновременно партийными лидерами. Таким был, например, Р. Пфердменгес — глава Федерального союза частных банков и один из руководителей ХДС, таков Франц Этцель, тесно связанный с БДИ и в то же время возглавляющий Комитет экономической политики в ХДС — центр, где разрабатываются принципы и практические мероприятия партии. Виднейшие деятели предпринимательских организаций получают с помощью партий парламентские мандаты. Таковы депутаты нынешнего бундестага Бальке, Зеебом, Ханиель-Нитхаммер, Штейн, Этцель — от ХДС, Атценрот и Менне — от СвДП и многие другие⁵.

О характере взаимоотношений между партиями и предпринимательскими организациями свидетельствуют, в частности, следующие факты. Весной 1962 г. в квартире Пфердменгеса в пригороде Кёльна состоялась встреча видных представителей деловых кругов с казначеями ХДС, СвДП и НП. На этом совещании при активном участии Аденауэра обсуждался вопрос о более интенсивном финансировании партий правительственной коалиции и координации этого дела, причем специально подчеркивались задачи борьбы с коммунистами и подрыва влияния социал-демократии. Когда в СвДП серьезное влияние приобрели силы,

⁴ «Parteien in der Bundesrepublik». Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 509.

⁵ DDZ, 1961, N 249, S. 2—3.

выступавшие против единоличной диктатуры Аденауэра внутри ФРГ, против холодной войны с социалистическими странами, предпринимательские союзы отказались предоставить средства СвДП и вызвали раскол в партии. На съезде СвДП в Юрицбурге в апреле 1956 г. ее бывший председатель Томас Делер заявил: «Федеральный союз промышленности и экономические объединения применили тогда свою силу, чтобы взорвать нашу фракцию»⁶.

Для обработки общественного мнения в интересах монополистического капитала крупнейшие союзы предпринимателей создали специальные пропагандистские организации. Тесно связанные между собой и с правительственными пропагандистскими учреждениями, эти организации оказывают влияние на крупнейшие газеты, издательства, учебные заведения, политические партии, милитаристские союзы.

Одна из таких организаций, созданная Объединенным комитетом предпринимательского хозяйства, Хозяйственно-политическое общество 1947 года, в течение ряда лет была важнейшим учреждением по сбору материалов и пропаганде политических целей монополий в псевдонаучных формах. Через таких своих членов, как бывший вице-канцлер Блюхер или экс-президент Хойс, через министра Зеебома и других общество поддерживает тесные связи между государственным аппаратом и монополиями. Оно не только разрабатывает аргументацию, оправдывающую реакционную политику, но и объединяет вокруг себя людей, используемых монополиями в парламенте, государственных учреждениях, общественных организациях, в прессе.

Важный орган Федерального союза германской промышленности — Немецкий промышленный институт в Кёльне. В своих изданиях институт пропагандирует блага системы «свободного предпринимательства» среди различных слоев, от средних предпринимателей до рабочих и служащих. Через институт поступает значительная часть субсидий, предоставляемых монополиями для финансирования прессы.

Большим влиянием пользуется в ФРГ Общество содействия социальному равенству, больше известное общественности под именем союза «Весы». Основанное в 1952 г. личным другом Аденауэра, президентом промышленной и торговой палаты Кёльна Францем Грейсом вместе с шестью другими влиятельными представителями капитала, общество воздействует на население ФРГ при помощи огромных (вплоть до целой газетной полосы) рекламных объявлений в западногерманской прессе, в несколько завуалированной форме прославляющих экономическую политику правительства. Так, готовя выборы 1953 г. в бундестаг, обще-

⁶ DWI, 1956, N 20, S. 12—13.

ство поместило в 405 ежедневных газетах с общим тиражом в 11,5 млн. экземпляров более 20 объявлений, затратив только на эту кампанию более 30 млн. марок. Несомненно, что денежные средства, переданные газетам, обаяывали их к развернутой предвыборной пропаганде в пользу правящей верхушки⁷.

Предпринимательские союзы оказывают решающее влияние на формирование и деятельность всех звеньев государственного механизма.

Заинтересованные в проведении своих людей в бундестаг и располагающие необходимыми средствами для проведения избирательных кампаний, предпринимательские союзы диктуют свою волю политическим партиям уже при составлении списков кандидатов. Когда в ходе подготовки выборов в бундестаг 1961 года партийный комитет ХДС в земле Рейнланд-Пфальц вычеркнул из предварительных списков совершенно неизвестного в партии ставленника концерна Тиссена Дихганса, генеральный директор концерна Ганс-Золь «порекомендовал» руководителю земельной организации ХДС восстановить кандидатуру Дихганса под угрозой прекращения выдачи субсидий, поступающих от концерна. Собрание делегатов ХДС от земли Рейнланд-Пфальц вновь включило кандидатуру Дихганса в список партии, поместив его на такое место в списке, которое гарантировало избрание в бундестаг.

Обеспечивая победу своих ставленников на выборах, предпринимательские союзы щедро финансируют крупнейшие политические партии и прежде всего ведущую партию монополий — ХДС, создавая в ряде случаев для этого свои специализированные организации. Так, на секретном совещании руководителей крупнейших предпринимательских союзов и банков в Кёльне в феврале 1953 г. был основан так называемый Центральный кураториум содействия свободному рыночному хозяйству. Эта организация, в которой кроме монополистов, банкиров и крупных аграриев представлены доверенные лица партий правительственной коалиции, ставит своей целью руководство финансированием предвыборных мероприятий правых партий. Кураториуму подчинены созданные в каждой из земель ФРГ под различными наименованиями «общества содействия», которые собирают необходимые денежные средства и контролируют их распределение между партиями. Предприниматели, входящие в «общества содействия», уплачивают ежемесячные взносы в размере одной марки с каждого работающего у них на предприятии. Из таких взносов ежегодно собирается сумма около 100 млн. марок, причем эти средства не облагаются налогом. Собранные деньги распределяются следующим образом: около 60% получает ХДС, более

⁷ DWI, 1956, N 20, S. 6—7; P. Seckbacher. Monopolherren, Meinungskäufer, Militaristen. Berlin, 1954, S. 51, 64, 73.

30% — СвДП, остаток идет на нужды других партий, поддерживающих правительственную политику. Очевидный эффект, который дала деятельность «обществ содействия», созданных в предвидении выборов в бундестаг 1953 года, побудил руководство предпринимательских союзов принять после выборов решение о превращении «обществ содействия» в постоянно действующие организации. В 1954 г. их работа была несколько перестроена. Их деятельность свелась в основном к сбору средств от мелких и средних предпринимателей, а «пожертвования» от крупных концернов аккумулируются в особой организации — «Гражданское объединение 1954 года»⁸.

В ходе кампании 1961 г. по выборам в бундестаг партии монополий получили от специальных организаций, аккумулирующих средства на эти цели, следующие суммы: ХДС — 20 млн. марок, СвДП — 7,2 млн., Общегерманская партия — 1 млн. марок. ХДС получил, кроме того, около 12 млн. марок от продажи книг и журналов и публикации объявлений через союз «Весы». От 3 до 4 млн. марок было предоставлено этой партии монополиями в виде прямых «пожертвований» и еще не менее 15 млн. марок было внесено монополистами специально на проведение агитации за их собственные кандидатуры или за других кандидатов партии⁹.

В то время как партии выступают в парламенте в виде отдельных фракций, предпринимательские союзы распространяют свое влияние на весь парламент, невзирая на фракционные перегородки. Интересы монополий преобладают над партийными интересами. 161 мандат в нынешнем бундестаге, т. е. около трети всех мандатов, принадлежит непосредственно представителям крупного капитала. Большая часть этих депутатов, естественно, входит во фракцию ведущей партии монополий — ХДС (85 депутатов). Однако предприниматели, тесно связанные с концернами, занимают места и на скамьях СвДП (30 депутатов) и в рядах фракции СДПГ (46 депутатов). Среди депутатов мы видим, в частности, Густава Штейна — доверенное лицо Аденауэра в Федеральном союзе германской промышленности (входит во фракцию ХДС), Александра Менне — вице-президента БДИ (фракция СвДП), Генриха Дейста — члена наблюдательных советов ряда предприятий тяжелой индустрии (фракция СДПГ) и др.

Избранный под наблюдением и при содействии союзов предпринимателей боннский парламент действует под непрерывным давлением и по прямому указанию союзов предпринимателей. Известный профсоюзный деятель ФРГ Виктор Агартц заявил в докладе на федеральном конгрессе Объединения немецких профсоюзов: «Ни один законопроект, имеющий какое-нибудь значение, не поступает для принятия решения в правительство, пока

⁸ DWI, 1956, N 20, S. 12; P. Seckbacher. Op. cit., S. 68—73.

⁹ «Ausschuß für deutsche Einheit. Information», 19.X 1961.

не будет получено заключение палат и союзов предпринимателей».

Особое внимание предпринимательские союзы уделяют, естественно, законодательству, непосредственно закрепляющему господство монополий в ФРГ. Вот что говорится, например, в отчете Конгресса промышленности и торговли за 1951—1952 гг. по поводу Закона об инвестиционной помощи, принесшего огромные выгоды промышленникам: «Объединенный комитет немецкого предпринимательского хозяйства выработал на многочисленных совещаниях предложения о том, как немецкое предпринимательское хозяйство само может содействовать ликвидации узких мест в отраслях тяжелой промышленности. Эти предложения о предоставлении инвестиционной помощи в размере 1 млрд. марок, внесенные 11 июня 1951 г. в федеральное министерство финансов, послужили основой правительственных законопроектов от 22 июня и 7 июля 1951 г. ...».

Ввиду потока требований, исходящих от предпринимательских союзов, фракция ХДС — ХСС была вынуждена даже создать специальную Комиссию по рассмотрению и координации требований и пожеланий по вопросам экономической, финансовой и социальной политики¹⁰.

Представители концернов задают тон во всех основных комитетах бундестага, в том числе в экономическом, финансовом, правовом, иностранных дел, обороны, внешней торговли и др. В качестве примера можно привести финансовый комитет, который возглавлялся в бундестаге третьей легислатуры главой Федерального союза частных банков Робертом Пфердменгесом и был укомплектован представителями концернов Флика, Круппа, Ханиэля, Дрезденского банка, Федерального союза германской промышленности и т. п.

Для воздействия на парламент и его депутатов около 250 объединений предпринимателей содержат в Бонне постоянно действующие «бюро связи», «представительства», «управления». Лоббизм по американскому образцу стал обычным спутником парламентской деятельности в ФРГ.

Организации предпринимателей дают и общую оценку работе парламента, как это было сделано, например, в апреле 1955 г. на Конгрессе германской промышленности и торговли, когда руководитель этой организации выразил недовольство противоречиями между партиями коалиции в бундестаге.

Влияние союзов предпринимателей отнюдь не ограничивается парламентом, а в еще большей степени распространяется на государственный аппарат. Только Федеральный союз германской промышленности в период с 1 апреля 1950 г. по 30 апреля 1956 г. внес в правительственные учреждения 1166 предложений по

¹⁰ DWI, 1956. N 20, S. 15—17.

разнообразным вопросам экономической политики, в особенности связанных с процессом вооружения ФРГ¹¹.

Государственный аппарат ФРГ работает в теснейшем контакте с руководством монополистических концернов и предпринимательских союзов. Решения правительства принимаются после консультаций и совещаний с главами крупнейших концернов. Именно Абс стоял за спиной Глобке, а концерн Верхана и «Дейтче банк» говорили устами двух его соратников по «теневому кабинету». Годовые отчеты Федерального союза германской промышленности начинаются с оценки деятельности правительства. Здесь канцлер, неподвластный парламенту, получает единственно неоходимый для него вотум доверия. Так, председатель БДИ Фриц Берг в отчете за 1961 год заявил: «Учитывая трудные международные проблемы, которыми кабинету предстоит заниматься, мы считаем правильным, что бразды правления остаются в руках федерального канцлера». Справедливо рассматривая парламент как машину для голосования, предпринимательские союзы через свои многочисленные бюро в Бонне поддерживают прямые контакты с правительственными ведомствами, где готовятся будущие законы. На подкуп чиновников концерны ежегодно ассигнуют миллионные суммы. В одном из недавних судебных процессов выяснилось, например, что не менее 250 высших боннских чиновников бесплатно пользуются машинами западногерманских автомобильных концернов.

Для воздействия на правительственные учреждения предпринимательские союзы создают также специальные организации. Таково, например, Рабочее сообщество демократических кругов, основанное бывшим статс-секретарем Аденауэра Ленцем, в которое входят представители как монополий, так и боннской бюрократической верхушки. Выработкой и пропагандой принципов внешней политики германских империалистов занято созданное в марте 1955 г. Германское общество внешней политики, возглавляемое такими представителями монополий, как Г. Абс, Г. Хенле, Ф. Берг и др. Для осуществления контроля за распределением военных заказов боннским министерством обороны Федеральный союз германской промышленности еще в 1953 г. создал Рабочее сообщество по вопросам вооружений, переименованное в 1955 г. в Комитет по вопросам вооружений. Его возглавляет нацистский адмирал Мендсен-Болькен, а членами комитета являются в основном бывшие гитлеровские «фюреры» военной экономики. Без ведома комитета Мендсена-Болькена государственный орган ФРГ Федеральное ведомство военной техники и заготовок не имеет права распределять крупные военные заказы¹². Все это типичные группы давления.

¹¹ DWI, 1956, N 20, S. 17.

¹² DWI, 1956, N20, S.7—8; «Die Remilitarisierung in der BRD im Jahre 1960», S. 25.

Общественное мнение, деятельность партий, законодательство, исполнительная власть — в любой из этих сфер ощутимо воздействие предпринимательских организаций, одного из важнейших звеньев в системе диктатуры монополий. Почти со страхом пишет об этих организациях один из наиболее серьезных западногерманских исследователей экономического и политического строя ФРГ Курт Притцколейт: «По существу мы стоим растерянные и беспомощные перед государством в государстве, в которое превратилась олигархия союзов, представляющих экономические интересы... Исполненные глубокой тревоги, все мы ощущаем жуткую власть этого государства в государстве»¹³.

¹³ К. Pritzkoleit. Die neuen Herren. Die Mächtigen in Staat und Wirtschaft. München, 1955, S. 258.

Глава VII

Попытки подчинения профсоюзов

У господствующих в ФРГ социальных сил нет более грозного противника, чем организованный рабочий класс. В борьбе с ним монополисты не только используют средства подавления, доставляемые империалистическим государством, но и лелеют давнюю мечту подчинить этому государству классовую организацию трудящихся, превратить профсоюзы в «фактор порядка», служащий целям диктатуры монополий путем обуздания главного врага этой диктатуры.

Самая крупная и наиболее авторитетная из профсоюзных организаций ФРГ — Объединение немецких профсоюзов (ОНП). В него входят 16 отраслевых профсоюзов рабочих и служащих с общим числом членов около 6,4 млн. В ФРГ действуют также отколовшаяся от ОНП в 1955 г. организация Христианское профсоюзное движение и выделившийся из ОНП Немецкий профсоюз служащих. Кроме них, существуют Немецкий союз чиновников, Союз торговых служащих и некоторые другие. Большинство из них носит более или менее явно выраженный реакционный характер¹.

Объединение немецких профсоюзов, выросшее в ходе многолетней борьбы немецких трудящихся за свои социально-экономические и политические интересы, является сейчас единственной легальной широкой массовой организацией германского рабочего класса в Западной Германии. Сплоченные в нем беспартийные трудящиеся вместе с рабочими, поддерживающими КПГ, представляют собой могучую общественную силу, противостоящую господствующим монополиям и способную оказывать серьезное влияние на политическую жизнь ФРГ.

В уставе ОНП в числе первейших задач профсоюзов указана задача представительства и отстаивания их требований перед законодательными корпорациями и учреждениями. Правда, профсоюзы непосредственно не выдвигают своих представителей в парламент, однако они могут воздействовать на политические события через профсоюзную печать, выражать интересы трудящихся в парламенте через депутатов, баллотирующихся от поли-

¹ Подробнее см.: W. Abendroth. Die deutschen Gewerkschaften. Heidelberg, 1955, S. 40—41.

тических партий, но являющихся деятелями профсоюзного движения. Игнорировать существование профсоюзов как серьезной общественной силы не могут и правительственные учреждения, особенно при решении социально-политических вопросов. Профсоюзы, хотя и с большим трудом, могут проводить своих представителей на судейские должности в трудовых и социальных судах. Наконец, и это особенно важно, в их руках такое оружие, как разнообразные виды стачек, вплоть до всеобщей забастовки.

Парализовать эту боевую организацию рабочего класса, подчинить ее империалистическому государству, превратив в некое подобие «рабочего фронта», созданного Гитлером после роспуска профсоюзов в 1933 г., — такова цель антипрофсоюзного заговора монополий и боннского правительства. Таким образом, профсоюзам ФРГ угрожает опасность, которой не избежала СДПГ, превратиться из организации, порожденной рабочим движением, в сателлита монополистического государства, парализующего революционную силу рабочего класса.

Вопрос о направлении деятельности профсоюзов остро дебатруется внутри профсоюзных организаций Западной Германии. В связи с выработкой нового устава столкновения по этому вопросу вылились в форму дискуссии, в которой сторонники классового сотрудничества настаивали на «нейтральности» профсоюзов в политике, в то время как боевое крыло профсоюзного движения отстаивало принцип «независимости» профсоюзов. Характерно, что сторонники принципа «независимости» профсоюзов выступали в поддержку Движения против атомной смерти. Поборниками же «нейтральности» оказались элементы внутри и вне ОНП, тесно связанные с господствующей в ФРГ партией. Внутри ОНП — это направляемое христианскими демократами так называемое Христианско-социальное содружество, а вне профсоюзов с критикой концепции «независимости» выступали деятели самой ХДС, пригрозив, что партия «пересмотрит свое отношение» к ОНП.

Боннское правительство ведет массированное наступление на права профсоюзов, конечной целью которого должно быть их полное подчинение интересам буржуазии. С особой очевидностью об этом свидетельствуют ставшие известными в июле 1962 г. намерения правительства ФРГ провести ряд мероприятий в духе американского закона Тафта — Хартли. В частности, предполагается предоставить правительству право объявлять незаконной или откладывать на определенный срок любую стачку, а также серьезно ограничить «тарифную автономию» профсоюзов, т. е. их возможности выдвигать требования о повышении заработной платы. Новые мероприятия — естественное завершение линии, начатой в 1952 г. Законом о положении рабочих на предприятиях, истинная цель которого состояла в том, чтобы лишить профсоюзы их важнейших прав.

Крупную услугу государству в деле подчинения профсоюзов монополиям оказывают реакционные профсоюзные лидеры, подобно правым социал-демократам связанные с монополистическими объединениями.

Так, председатель ОНП Рихтер является заместителем председателя наблюдательного совета концерна Тиссена. Аналогичные посты в других монополистических объединениях занимают профсоюзные вожди Розенберг, Таке, Гутермут, Лебер и др.

Оппортунистическая деятельность правого профсоюзного руководства в ОНП облегчается тем, что в профсоюзах сильно влияние СДПГ, уже капитулировавшей перед клерикально-милитаристским государством. На гамбургском съезде СДПГ в 1950 г. 70% делегатов были членами профсоюзов и 17,5% — профсоюзными руководителями².

Большую опасность для ОНП представляет также внедрение в профсоюзное движение политического клерикализма, а вместе с тем и усиление влияния господствующей партии монополий — ХДС. В правление ОНП входит член ХДС Таке, действующий по прямому поручению партийного руководства ХДС, а внутри ОНП функционирует так называемое Христианско-социальное содружество, направляемое христианскими демократами. Почти во всех профсоюзных школах в качестве постоянных лекторов выступают католические профессора. Профсоюзы оказываются той платформой, на которой происходит сближение в области социальной политики между руководителями СДПГ и ХДС.

По инициативе и под нажимом правого руководства происходит постепенный отказ ОНП от боевых программных требований профсоюзов, сформулированных на учредительном мюнхенском конгрессе 1949 года. Если тогда ОНП критиковало капиталистические порядки и требовало передать ключевые отрасли промышленности в общественную собственность, то уже IV конгресс ОНП в 1956 г. указывал в своем решении по экономическим вопросам лишь на необходимость «демократического контроля» за этими отраслями. В проекте нового устава ОНП, который подготовлен группой Рихтера, нет ни слова принципиальной критики в адрес капиталистической системы хозяйства. Этот документ, родственник Годесбергской программе СДПГ, по мысли авторов полностью должен перевести ОНП на позиции классового сотрудничества.

Широко пропагандируя идеи «социального партнерства», оппортунистические лидеры ОНП на практике откровенно сотрудничают с монополиями в ущерб профсоюзной массе. Так, в середине 1961 г. состоялось два совещания руководителей ОНП во главе с Рихтером и верхушки Федерального объединения западногерманских союзов предпринимателей. На этих встречах обсуж-

² F. A. Heydte, K. Sacherl. Soziologie der deutschen Parteien. München, 1955, S. 301.

дался вопрос о создании постоянного специального органа, в котором профсоюзы и монополии могли бы «согласовывать» тарифные ставки и политику заработной платы, т. е. фактически подчинять интересы трудящихся требованиям предпринимателей.

Руководство ОНП выражает свое одобрение и поддержку клерикально-милитаристскому боннскому государству. Эту поддержку предусматривает подготовленный руководством проект устава, который должен привести к «профсоюзному Годесбергу». Еще на пятом конгрессе ОНП в 1959 г. Рихтер заявил: «...Признавая демократию, мы логически признаем Федеративную Республику. Многие из нас, выполняя ответственные задачи в различных корпорациях, принимали участие в восстановлении и формировании ФРГ. Мы одобряем основные черты демократического строя Федеративной Республики...»³. Демонстрируя «сближение» между профсоюзами и государством, организаторы конгресса пригласили на его заседания министров боннского правительства Штрауса, Эрхарда, Бланка и других. Выступая на конгрессе, бывший тогда министром экономики Эрхард выразил удовлетворение все более глубоким «взаимопониманием» между правительством и профсоюзным руководством.

Это «взаимопонимание» зашло так далеко, что лидеры ОНП поддерживают все основные направления политики боннского правительства. В январе 1961 г. министр внутренних дел ФРГ Хехерль в ходе подготовки серии чрезвычайных законов провел беседы с Рихтером, Розенбергом, Таке и получил заверения в готовности этой группы сотрудничать в деле ликвидации прав и свобод западногерманских трудящихся.

Вопреки требованиям сотен тысяч членов ОНП, выступающих во главе Движения против атомной смерти, лидеры профсоюзов одобряют формирование бундесвера и требования о его атомном вооружении.

Под лозунгом «самоопределения немцев» они поддерживают экспансионистскую внешнюю политику боннского правительства, преследующую цель присоединения территории ГДР к Федеративной Республике.

Профсоюзные вожди помогают германским империалистам проводить неоколониалистскую политику в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Боннский МИД финансирует поездки профсоюзных деятелей в молодые африканские национальные государства, где они пропагандируют идеи «свободного рыночного хозяйства», «социального партнерства» и т. п., осуществляя в интересах монополий идеологическую диверсию в рядах нарождающегося пролетариата этих стран.

Чтобы обеспечить успех своей политики, не отвечающей интересам профсоюзных масс, правые лидеры ОНП пытаются

³ DDZ, 1961, N 241, S. 20.

извратить не только задачи профсоюзов, но и их организационные принципы. Бюрократический централизм и здесь служит верным оружием сообщников монополий. В своем проекте устава лидеры ОНП предусмотрели меры, которые поставят в зависимость от кучки профсоюзных боссов как профсоюзные организации, из которых складывается ОНП, так и руководящие органы самого Объединения немецких профсоюзов.

Оппортунистическая политика правого профсоюзного руководства непрерывно углубляет пропасть, отделяющую его от массы членов профсоюзов. Рост забастовочного движения, выступления низовых организаций против милитаризации, а также против усиления эксплуатации и ограничения прав профсоюзов выражают истинное отношение массы трудящихся к официальной политике профсоюзного руководства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антиимпериалистические силы в ФРГ

Противоречащая интересам самых широких слоев населения антидемократическая агрессивная политика боннского правительства вызывает все более решительное сопротивление различных кругов. Внутри западногерманского общества вызревают и организуются антиимпериалистические силы, противостоящие организованной диктатуре монополий.

Наиболее последовательным борцом против клерикально-милитаристского государства, выразителем жизненных интересов трудящихся, а вместе с тем и насущных нужд нации, организатором сопротивления масс возрождающемуся германскому милитаризму, их руководителем в деле защиты демократических прав и свобод выступает *Коммунистическая партия Германии*.

Положение Коммунистической партии Германии в ФРГ — одно из самых очевидных доказательств антидемократичности и реакционности установившегося там политического режима. Антикоммунизм превращен в Западной Германии в официальную политическую доктрину, которой руководствуются все государственные органы, выступающие как выразители воли господствующей монополистической верхушки.

В одном из программных документов КПГ, решении февральской конференции 1960 года, дана следующая характеристика коммунистической партии: «КПГ родилась как партия рабочего класса и народа в огне первой мировой войны и в революционных боях за демократическую, миролюбивую Германию. Она продолжает лучшие традиции рабочего движения. С самого начала КПГ была партией решительной борьбы против империализма и милитаризма. Она последовательно боролась против фашистской опасности и предостерегала немецкий народ: Гитлер —

это война. После 1945 г. КПП также сделала основными задачами своей политики жизненные проблемы нации, обеспечение мира путем ликвидации империализма и милитаризма и создания мирного демократического государства»⁴.

Коммунистическая партия Германии оказала наиболее организованное и серьезное сопротивление германскому фашизму и была первой из германских партий, выступивших после окончания войны и разгрома гитлеризма с демократической программой. Уже 11 июня 1945 г. КПП обратилась к немецкому народу с историческим призывом начать борьбу за демократическое обновление Германии⁵. В качестве самых насущных проблем КПП выдвинула задачи полной ликвидации остатков гитлеровского режима и гитлеровской партии, борьбы с голодом, безработицей и нехваткой жилищ, обеспечения демократических прав и свобод народа, восстановления на демократических началах органов самоуправления, охраны трудящихся от произвола предпринимателей, экспроприации нацистских главарей и военных преступников, ликвидации помещичьего землевладения, передачи в руки органов самоуправления всех предприятий, служащих важнейшим жизненным потребностям общества, установления мирных и добрососедских отношений со всеми народами. В соответствии с конкретными историческими условиями развития Германии КПП призывала демократические силы вступить «на путь создания антифашистского, демократического строя, парламентарно-демократической республики со всеми демократическими правами и свободами для народа».

Известно, что в Западной Германии взяли верх силы, определившие диаметрально противоположное направление развития, и там было восстановлено господство германских империалистов. На всем протяжении существования Федеративной Республики КПП последовательно разоблачала их политику. В 1949 г., когда принимался Основной закон, КПП указывала, что создание ФРГ означает раскол Германии, и подчеркивала, что только устранение от власти военных преступников и милитаристов может гарантировать демократию. В «Программе национального воссоединения», опубликованной в 1952 г., партия выступила за конкретные меры по установлению контактов между двумя германскими государствами. На съездах 1954 и 1957 гг. КПП подвергла резкой критике милитаристский курс боннской правящей верхушки. На конференции делегатов в феврале 1960 г. КПП приняла развернутое постановление «Положение в Федеративной Республике и борьба за мир, демократию и социальное благосостояние», в котором проанализировала положение в ФРГ с учетом изменений, происшедших с 1949 г., и предложила всем демокра-

⁴ «Einheit», Beilage zu Heft 4, 1960.

⁵ W. Treue. Deutsche Parteiprogramme, 1861—1954. Göttingen, 1954, S. 155 u. f.

тически настроенным лицам и организациям обсудить конкретную программу действий, которая требует, в частности, немедленно прекратить гонку вооружений, запретить милитаристскую и шовинистическую пропаганду, распустить все милитаристские и фашистские организации, восстановить демократические функции бундестага, отменить все законы и постановления, ликвидирующие или ограничивающие основные демократические права, отстранить от власти монополии, обеспечить социальные нужды и благосостояние рабочих и служащих, добиться полного равноправия женщин и молодежи в экономической, политической и общественной жизни, проводить национальную аграрную политику, гарантирующую интересы трудящихся крестьян, развивать демократическую национальную культуру. «Мы, коммунисты,— говорится в этом документе,— хотим проводить такую политику путем борьбы народа за парламентарно-демократический строй и на его почве. В результате осуществления этих предложений в ФРГ будут созданы условия, которые позволят добиться мирного воссоединения Германии, потому что только демократический, мирный путь является реальным путем к воссоединению»⁶.

С первых же шагов Коммунистической партии Германии власти оккупирующих империалистических держав, а затем и восстановившие свое влияние силы немецкой реакции взяли курс на отстранение Компартии от дел, вытеснение ее из политической жизни вплоть до открытого преследования и запрещения в 1956 г. Во многих ландтагах западногерманских земель, в ряде земельных правительств и почти во всех общинных управлениях, сформированных после 1945 г., коммунисты играли самую активную роль при осуществлении мер по демократизации общественной жизни. В некоторых землях (например, в Гессене или Северном Рейне-Вестфалии) по их инициативе при сотрудничестве с социал-демократами требования о национализации тяжелой промышленности были включены в конституции или специальные законы о социализации. Однако еще до образования ФРГ министры-коммунисты, по требованию оккупационных властей, были исключены из земельных правительств. Так, например, в феврале 1948 г. были удалены из правительства земли Северный Рейн-Вестфалия министры Гейнц Реннер и Гуго Пауль, причем премьер-министр Карл Арнольд не мог не выразить им глубокой благодарности за плодотворную работу в интересах демократии. В то же время коммунисты повсеместно увольнялись с постов бургомистров и ландратов⁷.

На выборах в бундестаг первого созыва в 1949 г. коммунисты получили более 1300 тыс. голосов (5,6%) и получили 15 мандатов. Однако партии большинства боннского парламента любыми

⁶ «Einheit», 1960, Beilage zu Heft 4, S. 19.

⁷ W. Gerst. Bundesrepublik Deutschland. Weg und Wirklichkeit, S. 79—80, 95—96.

методами старались всячески ограничить деятельность депутатов-коммунистов вплоть до лишения их парламентской неприкосновенности. Против КПГ умело использовались разнообразные тонкости регламента. Так, например, когда компартия лишилась своего депутата Курта Мюллера и в ее фракции осталось 14 человек, был срочно изменен регламент и количество депутатов, необходимое для образования самостоятельной фракции, было повышено с 10 (по первому регламенту) до 15 человек. Ликвидация фракции означала невозможность входить в комитеты бундестага⁸.

Важным средством отстранения коммунистов от участия в парламентской деятельности стали сначала в землях, а затем и в ФРГ антидемократические избирательные законы. На выборах в бундестаг второго созыва, проходивших уже в обстановке откровенного преследования КПГ и ее сторонников, партия собрала около 608 тыс. голосов (2,2%) и в силу пресловутой пятипроцентной оговорки не получила мандатов в бундестаге. Изгоняя коммунистов из парламентов, правящая верхушка, не считаясь с конституционными нормами, конечно, легко пренебрегает и буржуазной политической доктриной, к которой она прислушивается в иных случаях. После запрета КПГ в 1956 г. депутаты-коммунисты были лишены парламентских мандатов в землях, хотя это противоречит как самому Основному закону, так и суждениям таких видных буржуазных толкователей его, как Мангольдт, Лейбхольц, Вернике, Гейгер и др.

Лишение компартии парламентского представительства было с ликованием встречено ее недоброжелателями. Кое-кто из них поспешил сообщить, что «коммунизм в Германии не имеет прочной опоры в народе»⁹. Однако процесс о запрещении КПГ, проведенный по настоянию боннского правительства, сам по себе показал, что силы, стоящие у власти в Западной Германии, рассматривают компартию как организацию, пользующуюся влиянием в самых широких слоях населения.

Раздел 2 ст. 21 Основного закона считает противоконституционными партии, угрожающие существованию «свободного демократического строя». Федеральный конституционный суд, рассматривавший дело о КПГ, прибег для ее запрета к примитивному приему, противоречащему требованиям логики и права. Он постулировал, что клерикально-милитаристский режим, противоречащий основным демократическим положениям конституции, и есть «свободный демократический строй». Исходя из такой заведомо ложной посылки, легко трактовать всякое выступление, критикующее политику правящих кругов, как посягательство на демократию.

⁸ W. Gerst. Op. cit. S. 219—220.

⁹ F. Allemann. Bonn ist nicht Weimar. Köln — Berlin, 1956, S. 239.

Не имея оснований квалифицировать как антиконституционные конкретные политические цели КППГ, Федеральный конституционный суд сосредоточил свои главные усилия на попытке дискредитировать марксистско-ленинское мировоззрение партии. Именно приверженность КППГ марксизму фигурировала на процессе как главное доказательство ее неконституционности. Но тем самым суд посягнул на свободу мировоззрения, гарантированную Основным законом в ст. 4 и 5, и лишил правовой силы собственное решение о запрете КППГ.

Какие политические тенденции защищал своим решением Федеральный конституционный суд, ясно из того обстоятельства, что в качестве одной из важнейших причин запрета КППГ суд указал на участие партии в народном опросе против ремилитаризации как на «тяжелейшее посягательство на существование Федеративной Республики»¹⁰.

Запрет Коммунистической партии Германии в значительной мере определил весь тонус политической жизни ФРГ и решающим образом сказался на деятельности демократических сил и их организаций в Западной Германии. Делегация западногерманских юристов на VII конгрессе МАЮД в Софии в октябре 1960 г. имела все основания заявить, что «запрет КППГ превратился в основную проблему демократии в Федеративной Республике».

Процесс против компартии положил начало широкому наступлению на демократические организации. Одновременно с требованием о запрете КППГ правительство ходатайствовало перед Федеральным конституционным судом о том, чтобы объявить вне закона еще 37 организаций¹¹. В действительности уже в 1960 г. было запрещено 400 демократических союзов и рабочих кружков. В этой связи некоторые западногерманские юристы подчеркивают ошибочность широко распространенного мнения о том, что политическая юстиция касается только коммунистов. Соответствующий круг становится все шире и охватывает лиц, которые никогда не принадлежали к КППГ и не были близки к ней¹².

После запрета компартии для борьбы с демократическими силами используется понятие «организации, заменяющей КППГ». Под такой организацией понимается любое сообщество людей, отстаивающих демократические принципы, в том числе группа лиц, выступающих с избирательным списком¹³. О том, что организацией, «заменяющей КППГ», может быть признано любое объединение, выступающее с критикой существующих в ФРГ порядков, свидетельствует решение третьего уголовного сената Феде-

¹⁰ «Weißbuch der KPD über die mündlichen Verhandlungen im Verbotprozess in Karlsruhe». Berlin, 1955, S. 13. u. f; S. 166.

¹¹ Ibid., S. 167.

¹² NJW, 1959, N 4, S. 127.

¹³ NJW, 1960, N 8, S. 325—326.

рального суда в Карлсруэ, который постановил: «Организацией, заменяющей КППГ, является объединение лиц, которое продолжает или собирается продолжить деятельность распушенной партии по достижению ее антиконституционных ближайших, временных или конечных целей, полностью или частично, длительное или короткое время, в местном или более широком масштабе, открыто или в завуалированной форме».

Несмотря на преследования, КППГ борется за интересы трудящихся ФРГ, выступая с лозунгами сохранения мира, национального воссоединения на демократической основе, установления подлинного парламентарно-демократического режима, проведения мирной экономической политики, отвечающей интересам народа. О размахе, с которым запрещенная и преследуемая компартия ведет работу в массах, свидетельствует хотя бы тот факт, что в 122 населенных пунктах и районах ФРГ в начале 1961 г. издавалось 300 коммунистических газет¹⁴. XX пленум ЦК КППГ, проходивший в декабре 1961 г., с целью усилить боеспособность партии, принял решение провести прием новых членов, укрепить низовые партийные организации, особенно партийные группы на предприятиях, наладить бесперебойный выпуск и создать 100 новых газет на предприятиях¹⁵.

Коммунистическая партия, разоблачая антиконституционный характер решения Федерального конституционного суда о ее запрете, требует восстановления легальности и права участвовать во всей политической жизни, в том числе и в парламентской деятельности. Но и сейчас она делает все возможное, чтобы довести свои идеи до избирателей, своим мужественным сопротивлением повлиять на ход событий. В связи с выборами в бундестаг четвертой легислатуры группа бывших депутатов от КППГ обратилась к бундестагу и правительству ФРГ с ходатайством о подтверждении конституционного права людей с коммунистическими убеждениями выдвигать свою кандидатуру на выборах в бундестаг¹⁶. Для осуществления законных прав Компартии в ФРГ создавались коммунистические «избирательные сообщества», представлявшие своих кандидатов. Однако правительство ФРГ ответило на эти попытки серией арестов и политических процессов против демократических сил. Работа КППГ в тяжелейших условиях, созданных властями ФРГ, говорит о ее жизненности, о невозможности уничтожить политическую партию рабочего класса, последовательно выражающую интересы народа.

Важнейший резерв антиимпериалистических сил — *профсоюзные* массы ФРГ, которые оказывают серьезное сопротивление как антинародной политике боннского правительства, так и попыткам подчинить профсоюзы интересам монополий. Шестой

¹⁴ «Süddeutsche Zeitung», 9.I 1961.

¹⁵ «Neues Deutschland», 20.XII 1961.

¹⁶ DDZ, 1961, N 235, S. 42—43.

конгресс профсоюза металлистов, в который входят 1,8 млн. членов, т. е. почти треть организованных рабочих ФРГ, был первым представительным собранием профсоюзов после Годесбергской конференции. Он решительно осудил попытку правых лидеров социал-демократии подчинить рабочий класс и его организации политике аденауэровского правительства. Основная масса членов профсоюзов все яснее осознает несовместимость интересов рабочего класса с признанием боннского антинародного государства¹⁷. Крупнейшие отраслевые профсоюзы, входящие в ОНП, в частности профсоюзы металлистов, химиков, деревообделочников, а также молодежные и женские профсоюзные объединения выступают против подготовки чрезвычайных законов, против ремилитаризации, за мир и международное сотрудничество.

Значительны антиимпериалистические силы внутри *Социал-демократической партии Германии*. Многие ее рядовые члены недовольны политикой правого руководства. Организационная раздробленность и отсутствие самостоятельной политической платформы не дают оппозиции внутри СДПГ возможности показать свою истинную силу. Однако ее антиимпериалистическая направленность и стремление противостоять политике правого руководства, подчиняющего партию интересам диктатуры монополий, очевидны. Известно, что в адрес съезда СДПГ в Бад-Годесберге поступило от местных организаций партии около 300 критических замечаний по проекту программы, подготовленной правым руководством. Несмотря на меры, принятые группой Венера — Брандта — Эрлера, в адрес Кёльнского съезда СДПГ, состоявшегося в мае 1962 г., поступило более 60 обращений от низовых партийных организаций, в которых, в частности, категорически осуждается боннская политика подготовки чрезвычайных законов и атомного вооружения бундесвера. Растущее недовольство предательской политикой правого руководства СДПГ, а вместе с тем и ширящееся сопротивление политике удушения демократии и ремилитаризации ФРГ продемонстрировал состоявшийся в ноябре 1960 г. конгресс западногерманских социал-демократов, вышедших и исключенных из СДПГ. Созданное на конгрессе Объединение независимых социалистов требует, в частности, восстановления конституционных прав и свобод, полной денацификации государственного аппарата, немедленного прекращения гонки вооружений, установления дружественных отношений со всеми странами¹⁸. Глубокое расхождение между правым руководством СДПГ и массой членов партии свидетельствует о том, что существуют большие возможности для совместной борьбы коммунистов и социал-демократов за

¹⁷ «Gewerkschaftliche Monatshefte», 1962, N 1, S. 15.

¹⁸ DDZ, 1960, N 228.

единство действий всех трудящихся и консолидацию всех миролюбивых сил.

Симптоматично, что с критикой клерикально-милитаристского режима выступают не только представители трудящихся классов и их организации, но даже наиболее трезвые и дальновидные представители буржуазных кругов.

В беседе с главными редакторами газет «Правда» и «Известия», состоявшейся в мае 1962 г., Вальтер Ульбрихт, подчеркивая рост сил мира в Западной Германии, заявил: «Хорошим признаком является то, что в настоящее время во всех буржуазных партиях Западной Германии, а также в СДПГ образовались течения. Это отражает стремление большинства населения Западной Германии к мирному урегулированию»¹⁹.

В начале 1962 г. из *Христианско-демократического союза* вышел один из его основателей, депутат бундестага с 1949 г., крупнейший гамбургский издатель Герд Буцериус. Как видный представитель буржуазии, он — сторонник буржуазной политики. Однако своим выходом из ХДС и сложением депутатских полномочий Буцериус заявил протест против антидемократических крайностей руководства ХДС и насаждения духа нетерпимости внутри партии.

С серьезной критикой политического курса ХДС выступило в феврале 1962 г. восемь видных представителей протестантской церкви Западной Германии. В своем меморандуме, обращенном к фракциям бундестага, они подвергли серьезной критике внутреннюю и внешнюю политику правительства, в частности высказали свою озабоченность стремлениями боннских правящих кругов получить атомное оружие, а также выступили за признание границы по Одере — Нейсе и за установление добрососедских отношений с социалистическими странами.

Один из виднейших деятелей *Свободной демократической партии*, вице-президент бундестага Томас Делер, выступая 12 марта 1962 г. по западногерманскому телевидению, дал уничтожающую характеристику политики Аденауэра. Он сказал в частности: «...мы не проводили никакой политики, никакой восточной политики, мы не действовали, а — если уж говорить откровенно — удовлетворялись примитивным антикоммунизмом. Но мало того... Мы даже не преодолели наследия Гитлера... у нас те же тирады»²⁰.

О том, что в ФРГ идет непрерывный процесс роста и активизации демократических сил, свидетельствует *возникновение новых партий* демократического направления, таких, как Общегерманская народная и Союз немцев, борющихся за единство, мир и свободу.

¹⁹ «Правда», 7 мая 1962 г.

²⁰ DDZ, 1962, N 260, S. 16.

В одном из своих выступлений руководитель Союза немцев, борющихся за мир и свободу, Вильгельм Эльфес сказал: «Немцев легче собрать под одним шлемом, чем под одной шляпой». Сплотить в рамках одной организации все оппозиционные группы, недовольные клерикально-милитаристской и реваншистской политикой правящей партии ХДС и капитулянтской линией правого социал-демократического руководства,— такую задачу поставила перед собой новая западногерманская партия *Немецкий союз мира*, основанная на учредительном съезде в Штутгарте 17 декабря 1960 г.

В создании Немецкого союза мира приняли участие такие организации, известные своими выступлениями за мир и разоружение, как Немецкий клуб 1954 года, возглавляемый прогрессивно настроенным буржуазным интеллигентом графом фон Вестфален; Франконский кружок — объединение ученых, художников и педагогов; Союз немцев во главе с В. Эльфесом; немецкая организация Интернационала противников военной службы; Объединение независимых социалистов, а также представители церковных «братств», поддержавших идею создания НСМ в воззвании своей Гейдельбергской конференции в октябре 1960 г.²¹

Кроме перечисленных организаций, которые могут считаться основателями НСМ, его поддерживают разнообразные нейтралистские и пацифистские союзы.

В обращении 158 западногерманских общественных деятелей, принятом 30 ноября 1960 г. в ходе подготовки к созданию НСМ, следующим образом определяется общественно-политическая принадлежность его членов: «Мы говорим немецкому народу, кто мы такие: христиане, которым их приверженность вере повелевает объявить атомное оружие грехом против бога и его творений; социалисты, которые, руководствуясь в политике разумом и этикой, в принципе отвергают применение военной силы в атомный век; либерально мыслящие люди, знающие, что свобода, демократия и благосостояние процветают только в условиях мира; консерваторы, которые не хотят вновь поставить под угрозу доброе наследие нашего германского прошлого»²².

Собравшийся в декабре 1960 г. Учредительный конгресс принял устав и программу НСМ, обратился с манифестом к общественности ФРГ и избрал правление партии, состоящее из 40 человек, представляющих разнообразные силы, объединенные в НСМ. Текущими делами партии руководит директорат из трех равноправных членов. Это инициаторы создания партии: западногерманский историк, педагог, близкая к демократическим протестантским кругам профессор Рената Римек; упоминавшийся выше граф фон Вестфален; вышедший из СДПГ ввиду несогла-

²¹ DDZ, 1961, N 231, S. 13 u. f.

²² Ibid., S. 16.

сия с ее правым руководством Лоренц Кнорр²³. Организации партии созданы в настоящее время во всех землях ФРГ. Накануне выборов в бундестаг НСМ насчитывал более 10 тысяч членов.

Программа НСМ провозглашает целями партии «мир, безопасность, воссоединение»²⁴.

Выдвигая на первый план антимилитаристские задачи, программа требует отказа от размещения атомного оружия в Германии и от атомного вооружения бундесвера, она настаивает на создании безатомной зоны в Европе, нейтрализации Германии и выходе обоих германских государств из противостоящих блоков.

В интересах разрядки напряженности и достижения взаимопонимания партия предлагает провести переговоры между ФРГ и ГДР о взаимном сокращении вооружений и отказе от применения силы в решении германской проблемы. Программа НСМ призывает предпринять шаги по улучшению отношений с Советским Союзом и восточными соседями ФРГ.

Определяя отношение к внутренним политическим проблемам, программа партии фиксирует: «НСМ является партией мира и демократии. Только реальное существование жизнеспособного демократического строя, опирающегося на весь народ и обеспеченного действием права, создает гарантии против любого рода тоталитаризма». Партия выступает за охрану неотъемлемых прав человека, обеспечение гражданских прав и свобод для всех немцев и политическое равенство всех граждан, за свободу мнений, печати, собраний, организаций, за независимость суда и доступ всех граждан к общественным должностям. В программе специально подчеркивается необходимость выполнения парламентом функций высшего политического органа, ответственность и подотчетность правительства, сохранение многопартийности и права на оппозицию, предоставление политическому меньшинству шансов «стать большинством», т. е. требуется отказ правительства от преследования вновь нарождающихся демократических организаций. НСМ категорически против любых мероприятий, ограничивающих или отменяющих гарантированные конституцией основные права и свободы.

В области социально-экономической и культурной программа партии исходит из необходимости отказаться от милитаризации и на этой основе развивать все социальные учреждения, содействовать развертыванию образования и науки, поощрять международный культурный обмен, планировать капитальные вложения в промышленность и сельское хозяйство с учетом интересов хозяйственного целого, помогать слаборазвитым странам.

²³ DDZ, 1961, N 238, S. 27 u. f.

²⁴ DDZ, 1961, N 232, S. 49—50.

На выборах в бундестаг четвертого созыва (1961 г.) НСМ выдвинул 395 кандидатов, в том числе 77 рабочих, во всех округах ФРГ. В своей борьбе за места в парламенте партия натолкнулась на два препятствия, угрожающие всякой новой демократической силе ФРГ: полицейское преследование и пятипроцентную оговорку избирательного закона. НСМ получила на выборах 17 сентября 1961 г. почти 610 тыс. голосов, т. е. около 2% ²⁵. В ноябре 1961 года в Гамбурге проходили первые после формирования нового бундестага местные выборы. На выборах городского управления, равнозначного ландтагу, НСМ, несмотря на травлю, организованную ХДС, СвДП и СДПГ, получил около 3% голосов ²⁶.

Появление Немецкого союза мира было встречено в штыки правящими кругами и капитулянтской верхушкой социал-демократии. Был пущен в ход миф о «коммунистическом» характере НСМ, и немедленно занявшееся новой партией Ведомство по охране конституции (боннское гестапо) насчитало около 200 членов «замаскированных организаций» запрещенной КППГ, работающих якобы в пользу Немецкого союза мира.

Не обескураженный клеветой и преследованиями, организованными врагами и недругами, Немецкий союз мира продолжает борьбу. Собравшись на свое заседание в Штутгарте вскоре после выборов в бундестаг четвертого созыва, партийное правление НСМ приняло решение об основных направлениях работы на ближайший период:

1) проведение по всей территории ФРГ выступлений, в которых населению разъяснялась бы альтернатива: нейтралитет на основе мирного договора или дальнейшие политические поражения, сопровождающиеся обострением напряженности; 2) участие в коммунальных выборах и выборах в ландтаги; 3) развертывание внепарламентской инициативы в сотрудничестве с другими группами и организациями; 4) создание парламентской комиссии НСМ, которая должна публично выступать по всем актуальным вопросам, возникающим в бундестаге; 5) укрепление и развитие союза на всех уровнях.

Образованная в соответствии с решением правления парламентская комиссия обратилась с рядом предложений к бундестагу. В частности, комиссия предложила провести переговоры с ГДР для выработки немецких предложений по мирному договору и приступить к обсуждению вопроса о создании безатомной зоны в Центральной Европе. В то же время парламентская комиссия НСМ предложила бундестагу потребовать от правительства прекратить все мероприятия по подготовке чрезвычайных законов.

²⁵ DDZ, 1961, N 249, S. 11.

²⁶ «Neues Deutschland», 14.XI 1961.

В конце 1961 г. в Эссене, по инициативе Немецкого союза мира, состоялся Западногерманский конгресс мира, выступивший против милитаризма, реваншизма, антикоммунистического психо-за, за разоружение и мирный договор.

Создание НСМ несомненно означает важный шаг в консолидации сил мира и демократии в Западной Германии, противостоящих коалиции реакционных партий и организаций.

Политические партии и организации, созданные или используемые буржуазией, образуют важную часть политического механизма диктатуры монополий. Однако в борьбе с антинародным клерикально-милитаристским режимом возникают, крепнут и отстаивают свои права организации антиимпериалистических сил, тех сил, которым принадлежит в Германии будущее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Раздел I	
Общая характеристика роли партий и предпринимательских организаций в системе диктатуры монополий	
Глава I. Буржуазные и реформистские партии в системе диктатуры монополий	6
Глава II. Приспособление партий к задачам диктатуры монополий	21
Глава III. Идеология, принципы, программы партий	51
Глава IV. Приспособление структуры партий к задачам монополий	59
Глава V. Приспособление партийной системы к задачам диктатуры монополистического капитала	66
Глава VI. Предпринимательские союзы и их роль в системе диктатуры монополий	77
Заключение. Объединение демократических сил в борьбе против всевластия монополий	86
Раздел II	
Партии и предпринимательские организации в Соединенных Штатах Америки	
Глава I. Положение буржуазных партий и групп давления в политической системе США в современный период	92
Глава II. Организация и механизм деятельности партий	116
Глава III. Структура и механизм деятельности монополистических союзов и предпринимательских организаций	141
Глава IV. Формы подчинения государственных органов монополистическому капиталу через монополистические союзы и политические партии	152
Заключение. Борьба народных масс против монополистической диктатуры	157
Раздел III	
Партии и предпринимательские организации в Великобритании	
Глава I. Английская двухпартийная система	166
Глава II. Политическая характеристика, структура и организационные принципы основных партий в современной Великобритании	187
Глава III. Либеральная и кооперативная партии	210
Глава IV. Монополистические объединения и предпринимательские союзы и их роль в системе диктатуры монополистического капитала	213
Глава V. Буржуазное государство и тред-юнионы	226
Заключение. Активизация антимонополистических сил в Англии и борьба за их объединение	234

Раздел IV

Партии и предпринимательские организации во Франции

Глава I. Создание, особенности и кризис механизма политического господства французских монополий	240
Глава II. Буржуазные политические партии и их место в системе диктатуры монополий	265
Глава III. Организации монополистов и предпринимательские союзы	296
Глава IV. Крестьянские ассоциации	306
Глава V. Реформистские профсоюзы	310
Заключение. Демократические силы в борьбе против власти монополий	317

Раздел V

Партии и предпринимательские организации в Федеративной Республике Германии

Глава I. Становление и эволюция партийной системы в ФРГ . .	326
Глава II. Крупнейшие политические партии Западной Германии .	343
Глава III. Неонацистские и реваншистские организации	357
Глава IV. Организационная структура буржуазных партий и СДПГ	365
Глава V. Партии и государственный механизм	370
Глава VI. Организации предпринимателей в политике	384
Глава VII. Попытки подчинения профсоюзов	393
Заключение. Антиимпериалистические силы в ФРГ	397

Партии в системе диктатуры монополий

*Утверждено к печати
Институтом государства и права Академии наук СССР
Редактор Л. А. Завелев*

Редактор Издательства *И. М. Вайль*
Художник *Н. Я. Липин*
Технические редакторы *О. М. Гуськова, Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 1/X 1963 г. Подписано к печати 26/XI 1963 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 25,75 Уч.-издат. л. 25,4. Тираж 2000 экз.
Т-14069 Изд. № 2250 Тип. зак. № 2756

Цена 1 р. 52 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Уважаемый товарищ!

Издательством «Наука» выпущены
и имеются в продаже следующие книги:

- Городские средние слои современного капиталистического общества. 1963, 1 р. 50 к.
Далин С. А. Военно-государственный монополистический капитализм в США. 1961, 1 р. 33 к.
Империалистическое государство и капиталистическое хозяйство. 1963, 1 р. 36 к.
Конституционное право социалистических стран. 1963, 1 р. 32 к.
Судостроительная промышленность капиталистических стран. 1963, 1 р. 93 к.
Трахтенберг И. А. Денежное обращение и кредит при капитализме. 1962, 3 р. 13 к.
Трахтенберг И. А. Денежные кризисы (1821—1938 гг.). 1962, 2 р. 90 к.
Хесин Е. С. Страховые монополии и их роль в экономике Англии. 1963, 1 р.
Шейнин Ю. М. Наука и милитаризм в США. 1963, 2 р. 13 к.
Шереметьев И. К. Государственный капитализм в Мексике. 1963, 43 к.
Экономические проблемы стран Латинской Америки. 1963, 2 р. 24 к.

Если Вы хотите приобрести эти книги, обращайтесь по адресу:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, «Академкнига» магазин «Книга — почтой», или в ближайший магазин «Академкниги»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 129
Баку, ул. Джапаридзе, 13
Киев, ул. Ленина, 42
Ленинград, Литейный проспект, 57
Москва, ул. Горького, 6

Москва, ул. Вавилова, 55/5
Новосибирск, Красный проспект, 51
Свердловск, ул. Белинского, 71-в
Ташкент, ул. К. Маркса, 29
Харьков, Уфимский пер., 4/6

Заказы на книги Издательства «Наука» принимаются также магазинами книготоргов.

Заказанные Вами книги будут направлены в Ваш адрес наложенным платежом.

1 р. 52 к.

ПАРТИИ В СИСТЕМЕ
ДИКТАТУРЫ МОНОПОЛИЙ